

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

—••—
АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

392.29
АСТА
ET
COMMENTATIONES
IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS
(OLIM DORPATENSIS).
№ 8.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912.

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 8.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 25 сентября 1912 г.

№ 2171.

Ректоръ **В. Алексѣевъ.**

СОДЕРЖАНИЕ.

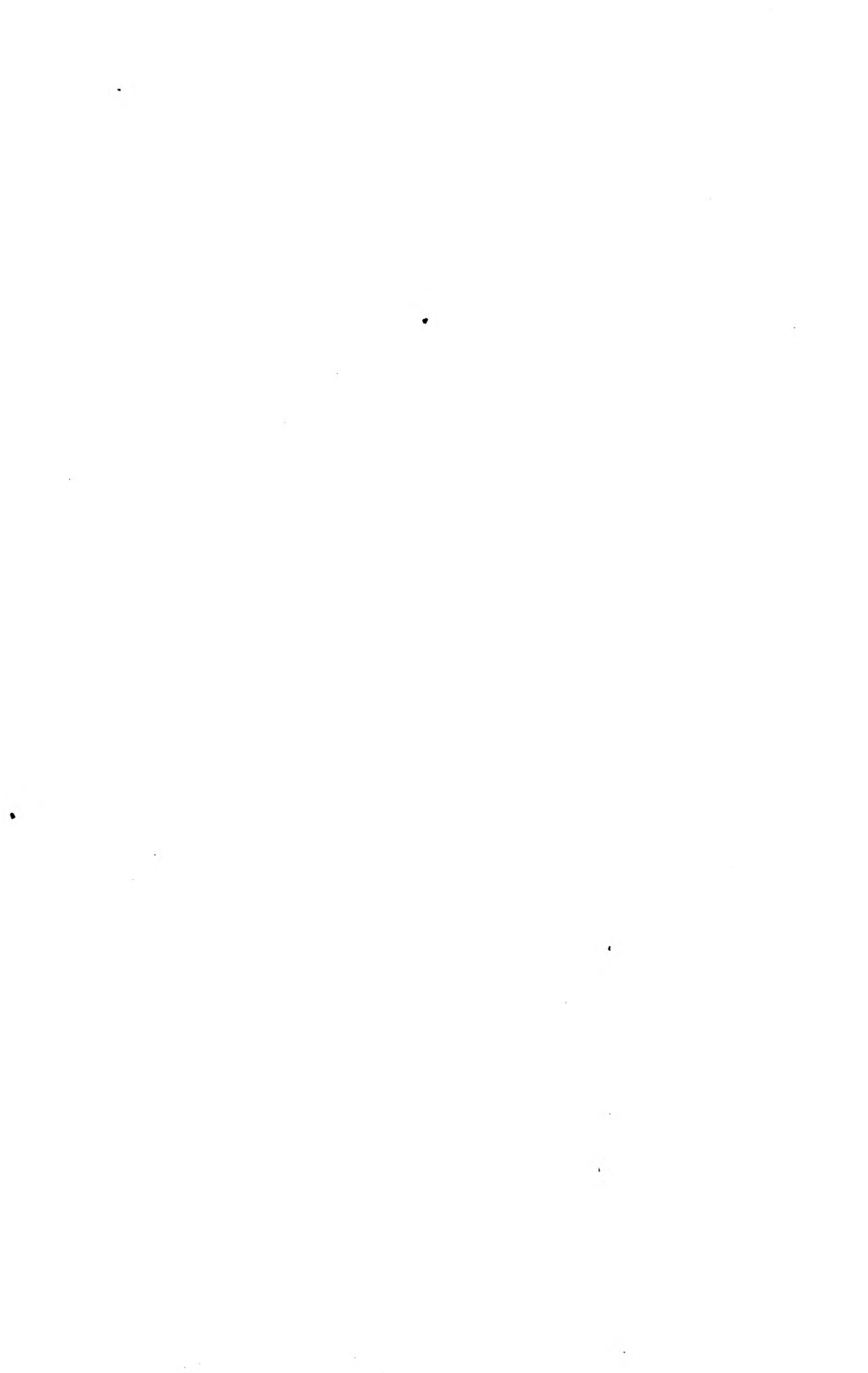
Официальный отдѣлъ.

Стр.

Рѣчь, произнесенная М. В. Бречкевичемъ 2 мая 1912 г. въ публичномъ засѣданіи Историко-филологическаго Факультета Императорскаго Юрьевскаго Университета предъ защитою магистерской диссертациі: „Введеніе въ социальную исторію княжества Славія, или Западнаго Поморья“, Юрьевъ, 1911	1— 8

Приложенія.

Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература, историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода	417—512
Проф. И. И. Лаппо. Великое княжество литовское во второй половинѣ XVI столѣтія	433—528
М. В. Бречкевичъ. Введеніе въ социальную исторію княжества Славія или Западнаго Поморья	161—192
Prof. A. Jagotzky. Zur Reform der Mittelschule . I—IV и	1— 52

РѢЧЬ,

произнесенная **М. В. Бречкевичемъ** 2 мая 1912 г. въ публичномъ засѣданіи Историко-филологическаго Факультета Императорскаго Юрьевскаго Университета предъ защитою магистерской диссертациі: „Введеніе въ социальную исторію княжества Славіи, или Западнаго Поморья“, Юрьевъ, 1911.

Изученіе социальной исторіи Западнаго Поморья встрѣчаетъ значительныя трудности. Онѣ зависятъ отъ состоянія исторической литературы и отъ качествъ источниковъ.

Литература по социальной исторіи — нѣмецкая, русская, польская — идетъ вразбродъ. Даже въ предѣлахъ одной только нѣмецкой литературы, самой богатой, каждое направленіе развивается особо, мало считаясь или совсѣмъ не считаясь съ возраженіями и доказательствами другого. Не говоря уже объ историкахъ прежняго поколѣнія, въ трудахъ извѣстныхъ современныхъ историковъ — напр., Прюмерса, ректора королевской познанской академіи, Зоммерфельда, профессора берлинскаго университета — имѣются неправильности, недоказанныя и не согласованныя мѣста, чтобы не сказать — противорѣчія. Труды историковъ не даютъ опредѣленнаго и доказаннаго отвѣта на вопросы о социальномъ строѣ древняго Поморья.

Важнѣйшій вопросъ — о свободѣ или несвободѣ народной массы — рѣшается литературою неудовлетворительно. Мнѣніе очень немногихъ историковъ о свободѣ населенія, хотя бы частичной, почти заглушено многочисленными представителями противоположнаго направленія и во всякомъ случаѣ оно не обставлено достаточными доказательствами. Громадное большинство историковъ держится того мнѣнія, что сельское населеніе Поморья (и, можетъ быть, городское) было несвободно.

Углубляясь въ чтеніе историческихъ источниковъ, я все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что въ нихъ не находить себѣ подтвержденія господствующее мнѣніе о социальномъ строѣ Поморья. И если это мнѣніе было и остается доминирующимъ въ исторической литературѣ, то это только потому, что имѣются особыя условія, которыя благопріятствовали его развитію и сохраненію. Условія эти слѣдующія.

Во-первыхъ, совершенно неизвѣстно прежнее состояніе поморскаго народа, до проникновенія туда христіанства. До XII вѣка исторія Поморья почти совершенно погружена во мракъ, который лишь изрѣдка и очень слабо прорѣзывается блескомъ польскихъ мечей и заревомъ пожаровъ, отмѣченныхъ польскими же хронистами.

Во-вторыхъ, когда въ Поморьѣ распространилось христіанство и совершилась германизация, прежнее, славянское населеніе очутилось въ очень неблагоприятномъ и вполнѣ зависимомъ положеніи. Потомъ славянство и совсѣмъ погибло, растворившись въ массѣ нахлынувшихъ изъ Германіи переселенцевъ, которые сообщили странѣ свою культуру. Гибель народа внушала историкамъ не безъ основанія сомнѣніе насчетъ нормальности культурнаго и общественнаго развитія погибшихъ.

Въ-третьихъ, въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ Поморьемъ странахъ около XII—XIII вѣковъ явственно обнаруживаются признаки зависимаго положенія въ значительной части сельскаго населенія. Естественно, что при нѣкоторыхъ

благопріятныхъ обстоятельствахъ историки готовы были провести аналогію и на общественную жизнь Поморья.

Въ-четвертыхъ, вѣмецкіе колонисты, бывшіе сначала вполнѣ свободными, попали, какъ и славяне, въ крѣпостное состояніе, которое казалось историкамъ возвратомъ къ прежнему некультурному состоянію страны.

Понятно, что всѣ эти обстоятельства располагали историковъ къ перенесенію признаковъ несвободнаго состоянія и на древнѣйшее время, тѣмъ болѣе, что — въ-пятыхъ, нѣкоторыя мѣста изъ источниковъ безъ особаго труда и безъ большой натяжки можно объяснять въ духѣ господствующаго мнѣнія; эти мѣста какъ будто говорятъ о зависимости сельскаго населенія.

Наиболѣе важную роль въ дѣлѣ укрѣпленія господствующаго мнѣнія сыграло качество источниковъ. Если бы источники были полны и ясны, если бы они вполнѣ опредѣленно и убѣдительно свидѣтельствовали о свободѣ или о несвободѣ поморянъ, то и въ исторической литературѣ не было бы мѣста разногласію или крупнымъ ошибкамъ въ этомъ существенномъ вопросѣ.

Но источники не даютъ отчетливой, внятной, членораздѣльной рѣчи; ихъ свидѣтельства по этому вопросу можно иногда уподобить нечленораздѣльному шуму, который, кажется, можетъ быть истолкованъ и такъ и иначе. Разумѣется, это можетъ случиться только при не особенно полномъ и глубокомъ проникновеніи въ источники. Естественны поэтому затрудненія историковъ. Лучшіе русскіе историки Балтійскаго Поморья — Гильфердингъ, Котляревскій, Павинскій — собирались-было дать картину общественнаго развитія балтійскихъ славянъ; но — они ея не дали, не смотря на прямыя заявленія ихъ въ этомъ смыслѣ; и причина этого невыполненія намѣченной-было задачи хоть отчасти, вѣроятно, заключалась въ недостаточности источниковъ.

Не взялся бы за эту трудную и отвѣтственную работу и я, если бы для меня не стало яснымъ несоотвѣтствіе

между показаніями источниковъ, хотя бы и недостаточными, и историческою литературою, которая со времени названныхъ историковъ сильно разрослась и именно — въ отрицательномъ направленіи.

Убѣдившись въ несостоятельности этого направленія, я рѣшилъ пересмотрѣть вопросъ о свободѣ поморянь. Тутъ прежде всего стали намѣчаться для меня три задачи: въ отношеніи источниковъ, метода изслѣдованія и порядка изслѣдованія.

Во-первыхъ, надо было выяснитъ, въ какой степени достовѣрны показанія источниковъ, и все ли въ нихъ использовано должнымъ образомъ. Я пришелъ къ заключенію, что показанія актовъ можно хоть отчасти расширить, что издатели грамотъ иногда снабжали акты неправильнымъ толкованіемъ и что въ житіяхъ Оттона Бамбергскаго, даже при наихудшей оцѣнкѣ ихъ, возможно отыскать точки опоры для сужденія о строѣ поморскаго общества.

Во-вторыхъ, для меня стало яснымъ, что писать новую социальную исторію на подобіе большинства вышедшихъ доселѣ статей и сочиненій въ этой области было бы безцѣльно. Подборъ текстовъ въ пользу свободы или несвободы населенія не разсѣялъ бы мысли объ его искусственности и тенденціозности. Можно было бы предполагать, что существуютъ другіе тексты изъ неприведенныхъ грамотъ, которые говорятъ противоположное. Поэтому мнѣ предстояло не иллюстрировать текстами уже готовую мысль, а собрать все, относящееся къ данному вопросу, подвергнуть тщательному анализу всѣ показанія, сопоставить ихъ и понять ихъ общее значеніе. Этимъ именно и объясняются мои подсчеты отчужденій деревень, анализъ показаній, группировки извѣстій и общіе выводы.

Въ-третьихъ, я убѣдился, что дать обзоръ развитія поморскаго общества или систематическій обзоръ классовъ этого общества крайне трудно, почти невозможно, если не будетъ произведенъ предварительный анализъ извѣстій объ

одномъ изъ замѣчательныхъ явленій въ жизни поморскаго общества. Я разумѣю массовыя отчужденія деревень. Въ пользу того, что эти отчужденія должны быть предварительно разсмотрѣны, говоритъ ихъ безспорная важность для социальнаго развитія: они должны были неизбѣжно отразиться на положеніи сельскаго населенія; пониманіе отчужденій можетъ дать историку ключъ и для пониманія положенія населенія. Въ пользу того же предварительнаго разсмотрѣнія отчужденій говоритъ и то, что отчужденія естественно разсматривались историками, какъ доказательство несвободы населенія; анализъ извѣстій объ отчужденіяхъ и долженъ или подтвердить или отвергнуть такое пониманіе. А такъ какъ извѣстій объ отчужденіяхъ сохранилось очень много, то предварительное изученіе ихъ и есть наилучшій, наименѣе трудный и наиболѣе надежный путь отъ извѣстнаго къ неизвѣстному въ исторіи развитія поморскаго общества.

Меньшая часть отчужденій совершалась при нѣкоторомъ участіи знати, ббльшая часть — княземъ единолично. Отчужденій, которыя совершались при участіи славянской знати, можно насчитать до 55. Эти всѣ случаи и приводились историками, какъ доказательство несвободы деревенскаго населенія.

Но, по моему мнѣнію, не всѣ 55 случаевъ годятся для характеристики поморскаго социальнаго строя. Одни случаи не годятся потому, что субъекты правъ занимали въ странѣ особое, исключительное положеніе; другіе — изъ-за мѣста осуществленія правъ; третьи — изъ-за содержанія правъ.

Въ сущности, всѣ эти случаи можно свести только къ двумъ, да и тѣ могутъ быть понимаемы различно.

Множество отчужденій, нѣсколько сотенъ, совершалось княземъ. Какія права осуществлялъ князь, совершая эти отчужденія? Князь, казалось, могъ совершать ихъ или какъ собственникъ, или какъ передаточная инстанція¹⁾.

1) Ср. приведенный О. О. Зигелемъ въ „Законникъ Стефана Душана“ текстъ изъ *Lib. foundationis claustris. M. V. in Heinrichow* (въ

Но первое предположеніе не можетъ быть оправдано: ни житія Оттона, ни характеръ отчужденій не соотвѣтствуютъ такому представленію о князѣ.

Для предположенія о томъ, что князь будто бы былъ только передаточной инстанціей, въ грамотахъ не имѣется данныхъ. Нѣтъ основаній предполагать, что князь сотни разъ принималъ отъ знатныхъ ихъ имѣнія, чтобы вслѣдъ затѣмъ передавать ихъ церкви; мы не въ правѣ навязывать такое толкованіе документамъ, если они не дають для этого никакого повода.

Остается допустить, что множество населенныхъ земель не составляли частной собственности ни князя ни кого-либо иного, но что князь, удовлетворяя желанія церкви, передавалъ ей эти земли, освящая своимъ возникавшимъ государственнымъ значеніемъ такую передачу. Для церкви князь былъ орудіемъ приобрѣтеній, орудіемъ правъ, она прибѣгала къ его авторитету, хотя вообще она не была заинтересована въ томъ, чтобы возвысить его авторитетъ и не стремилась къ такому возвышенію.

Трудно ожидать того, чтобы документы выразительно говорили о независимости сельскаго населенія отъ чьей-либо частновладѣльческой власти. Рѣчь о такой независимости въ деревняхъ, отдаваемыхъ въ распоряженіе церкви, никому изъ контрагентовъ не была нужна, не было поводовъ начинать такую рѣчь, она была бы даже вредна.

Но косвенныя данныя дають историку право заключать о такой независимости.

Во-первыхъ, князь не былъ похожъ на собственника массы деревень.

Силезіи): Hoc (meum verum patrimonium) si cuiquam vendidero, heredes mei habent potestatem jure nostro requirendi. Sed quamcumque possessionem mihi dom. dux pro meo servitio vel gratia donaverit, illam vendo, eiam invitis amicis meis, cuicumque voluero, quod in tali possessione non habent heredes mei jus requirendi.

Во-вторыхъ, слишкомъ ужъ благопріятны были условія для освоенія деревень. Пришлое духовенство было требовательно, стремилось къ пріобрѣтеніямъ, умѣло отстаивать ихъ; князь слушался церкви почти до самозабвенія. А жизнь народа, духовная и матеріальная, была въ то время такъ надломлена, что ни протестовать ни критически отнестись къ событіямъ поморяне были не въ состояніи.

И мелкія указанія, которыми сопровождаются извѣстія о переходѣ деревень во владѣніе церкви, вполне соотвѣтствуютъ теоріи освоенія. Болѣе важное указаніе, хотя и рѣдкое, свидѣтельствуетъ ясно, что отношеніе деревни къ князю, до ея перехода къ церкви, было отношеніемъ только государственнымъ. Князь прямо говоритъ, что его право по отношенію къ деревнѣ состояло во взиманіи и принятіи государственныхъ повинностей, и что это именно право онъ и передаетъ церковному учрежденію.

Особенно важны тѣ единичные случаи, въ которыхъ какая-нибудь населенная мѣстность — городъ или село — сначала обнаруживаетъ всѣ признаки независимости отъ власти какого-либо частнаго собственника, а потомъ — переходитъ въ частную собственность церковнаго учрежденія.

Такіе случаи есть, хотя извѣстія о нихъ, часто разбросанныя и затѣненные, не настолько выпуклы, не настолько бросаются въ глаза, чтобы остановить на себѣ вниманіе историковъ.

Такимъ образомъ, изученіе отчужденій деревень приводитъ къ заключенію, что эти отчужденія не доказываютъ предшествовавшей несвободы деревенскаго населенія; не доказываютъ они и существованія сильной аристократіи, потому что славяно-поморская знать принимала въ этихъ отчужденіяхъ самое незначительное участіе.

Эти выводы, вмѣстѣ съ выясненіемъ характера и значенія важнѣйшихъ факторовъ общественнаго развитія Поморья, и должны лечь въ основу послѣдующей соціальной

исторіи страны. Сразу писать соціальную исторію было бы преждевременно. Обзорніе источниковъ и литературы, затѣмъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи и характерѣ отчужденій деревень должны были бы расчистить мѣсто и заложить фундаментъ для соціальной исторіи Поморья. Таковъ смыслъ и цѣль моего „Введенія“.

хоти они и греческимъ языкомъ тиснуты, потому что греки живутъ нынѣ въ великихъ теснотахъ въ невѣрныхъ странахъ и печатати имъ по своему обычаю невозможно“ (стр. 44—45).

Не смотря на это недовѣріе и на дѣйствительную разность мнѣній между московскими и западно-русскими людьми по вопросамъ вѣры, общеніе той и другой стороны являлось исторической необходимостью: западно-русскіе люди нужны были въ Москвѣ, благодаря своимъ книжнымъ знаніямъ, для исправленія церковныхъ книгъ, для участія въ школьныхъ дѣлахъ, наконецъ — вообще какъ носители и представители образованія, важность котораго ясно сознавалась лучшими людьми московскаго общества. Не могло не содѣйствовать этому сближенію и политическое присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ въ 1654 году. Еще въ 1649 году появляется въ Москвѣ изъ Кіева Епифаній Славинецкій, вмѣстѣ съ кіевляниномъ Арсеніемъ Сатановскимъ; въ 1664 году является въ Москву и Симеонъ Полоцкій. Несмотря на крайнюю разницу въ характерѣ этихъ двухъ лицъ — съ одной стороны ловкій и свѣтскій, несомнѣнно увлеченный латинствомъ Симеонъ, а съ другой книжный труженикъ и строго православный аскетъ Епифаній¹⁾ —, оба они нашли въ Москвѣ приложеніе своимъ силамъ единственно благодаря образованію и способностямъ, получившимъ обработку въ западно-русскихъ и заграничныхъ школахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оба эти лица являются самими видными представителями двухъ направленій мысли, латинскаго и греческаго, которыя обусловили въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка наличность борьбы, съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, по вопросамъ вѣры и просвѣщенія. Здѣсь, конечно, не можетъ имѣть мѣста полное изложеніе исторіи этой борьбы, имѣю-

1) Прекрасную характеристику ихъ обоихъ можно найти въ статьѣ С. Любимова: Борьба между представителями великорусскаго и малорусскаго направленія въ Великороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ. Ж. М. Н. Пр. 1875 № 8, стр. 124—132.

щей однако же глубокой исторической интересъ и превосходно характеризующей то переходное состояніе, которое переживала Московская Русь наканунѣ крупныхъ перемѣнъ въ своей общественной и умственной жизни. Нѣкоторые моменты этой борьбы нашли себѣ и литературное выраженіе, на которомъ вкратцѣ приходится остановиться.

Въ извѣстномъ памятникѣ религиозно-полемиической литературы XVII вѣка, книгѣ „Остенъ“, составленной ученикомъ Епифанія Славинецкаго инокомъ Евѣиміемъ, о Симеонѣ и Епифаніи говорится: „Всегда и вездѣ бываше, егда они купно случаются, вопрошати оному Симеону мудрѣйшаго Епифанія о многихъ неудоборазумѣваемыхъ вещехъ“¹⁾. Однимъ изъ примѣровъ такого общенія этихъ двухъ лицъ на почвѣ интереса къ религиознымъ вопросамъ, чрезвычайно популярнымъ въ ту пору²⁾, является „разглагольствованіе“ Симеона съ Епифаніемъ по вопросу о времени пресуществленія Св. Даровъ, описанное въ „Остенѣ“. Оно происходило при патріархѣ Питиримѣ, въ московской крестовой палатѣ, въ 1673 году. Инициатива вопроса принадлежала, по обыкновенію, Симеону Полоцкому, который имѣлъ на него взглядъ, согласный съ ученіемъ католической церкви (именно — что временемъ пресуществленія должно признаваться произнесеніе словъ Спасителя на литургіи: „примите, ядите . . .“ и т. д.), между тѣмъ какъ отвѣчавшій ему Епифаній Славинецкій держался православной точки зрѣнія (при произнесеніи молитвы священнослужителя: „сотвори убо хлѣбъ сей“ . . . и т. д.). Оба участника собесѣдованія³⁾ остались,

1) Остенъ. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Казань 1865, стр. 71.

2) Патріархъ Іоакимъ замѣчаетъ о своихъ современникахъ, что „вездѣ съ другъ другомъ въ схожденіяхъ, собесѣдованіяхъ, на пиршествахъ, на торжищахъ“ „временно и безвременно у мужей и женъ то и слово о таинствахъ и о дѣйствѣхъ и совершеніи ихъ“, „свары и распри“: Остенъ, стр. 115—116.

3) Остенъ, стр. 70—74.

конечно, каждый при своемъ мнѣніи по поставленному вопросу, но въ дальнѣйшемъ, въ теченіе XVII и даже начала XVIII вѣка, этотъ вопросъ породилъ обширную литературу, въ которой приняли дѣятельное участіе сторонники и ученики какъ Симеона, такъ и Епифанія: Сильвестръ Медвѣдевъ, Гавріиль Домецкій, инокъ Евѣимій, іеродіаконъ Дамаскинъ, братья Лихуды и др. ¹⁾, при чемъ въ отдѣльные моменты этой борьбы полемика между двумя сторонами чрезвычайно расширялась въ сторону болѣе общихъ вопросовъ о разницѣ католичества и православія, о латинскомъ и греческомъ направленіи въ области вопросовъ вѣры и просвѣщенія.

Гораздо болѣе оригинальныхъ чертъ въ историческомъ и литературномъ отношеніяхъ представляетъ борьба по школьному вопросу, которая также, въ свою очередь, не была свободна отъ осложненія вопросами религіозными. Школьный вопросъ на Руси въ сколько-нибудь реальномъ смыслѣ поднять былъ сравнительно очень поздно: только въ XVI вѣкѣ, въ лицѣ Максима Грека, кн. А. М. Курбскаго отцовъ Стоглаваго собора и др., мы слышимъ сознательные голоса противъ невѣжества и убѣжденіе въ необходимости организованной школы. Однако въ дѣйствительности ничего въ пользу этой мысли сдѣлано не было вплоть до второй половины XVII вѣка. Причина этого лежала, главнымъ образомъ, въ томъ, что создать свое, національное просвѣщеніе московское правительство было не въ состояніи, не обладая необходимыми для этого учителями и книгами, а прибѣгать къ иноземному источнику въ этомъ дѣлѣ не хотѣло, такъ какъ иноземцы, не исключая и грековъ, были

1) Факты литературной борьбы по вопросу о времени пресуществленія Св. Даровъ изложены въ статьѣ И. А. Шляпкина: Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII вѣка. Ж. М. Н. Пр. 1885 № 10, стр. 210—252.

подозрительны по вѣрѣ; поэтому, напр., ни увѣщанія восточныхъ патріарховъ, и въ частности александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса въ 1593 году, ни предложенія руководимаго іезуитами польскаго короля Сигизмунда III въ 1600 г. завести въ главнѣйшихъ городахъ тогдашней Руси училища для русскихъ не имѣли успѣха. А между тѣмъ потребность въ просвѣщеніи въ Московской Руси росла и давала себя чувствовать не только въ силу естественнаго въ народѣ стремленія къ сближенію съ другими народами, но и въ виду необходимости защитить стародавніе устои своего религіознаго быта и міросозерцанія, для чего нужна была школьная наука и ученые люди. Ближе другихъ были все-таки греки, и въ теченіе 30—60-хъ годовъ XVII в. мы видимъ рядъ попытокъ со стороны московскаго правительства и греческихъ іерарховъ къ основанію школъ. Такъ, въ 1632 году царь и патріархъ Филаретъ просили, черезъ посредство греческаго архимандрита Амфілохія, Константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса о присылкѣ въ Москву православнаго учителя. Просьба эта не была исполнена, однако вскорѣ въ Москву явился протосинкель Александрійскаго патріарха Іосифъ и, по просьбѣ московскаго правительства, рѣшился остаться въ Москвѣ, чтобы „переводити ему греческія книги на славянскій языкъ и учити на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотъ“. Впрочемъ, Іосифъ вскорѣ умеръ, и дѣло его не имѣло продолженія. Въ 1646 году, съ согласія царя и патріарха, былъ присланъ въ Москву Константинопольскимъ патріархомъ ученый архимандритъ Венедиктъ, рекомендованный въ качествѣ „великаго учителя“, но по своимъ нравственнымъ качествамъ это лицо оказалось для предназначенной ему роли неподходящимъ. Далѣе, являются въ Москву съ тою же цѣлю учительства другіе посланцы съ греческаго востока, Арсеній Грекъ (1649), Гавріилъ Власій (1653) и др., однако о результатахъ ихъ дѣятельности въ этомъ напра-

вленіи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній¹⁾. Наконецъ, въ 1666 году, при взрывѣ раскола, восточные патріархи съ особой настоятельностью еще разъ выступили съ предложеніями своихъ услугъ и съ доказательствами необходимости для русскихъ позаботиться о заведеніи училищъ. Такъ, Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, въ своемъ разборѣ челобитной извѣстнаго расколоучителя попа Никиты, энергически доказываетъ, что расколъ произошелъ „отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ, такожде отъ скудости и недостаточества святаго книгохранилища“; онъ совѣтуетъ царю Алексѣю Михайловичу подражать Θεодосіямъ и Юстиніанамъ и заводить „училища ради остроумныхъ младенцевъ, ко изученію тріехъ языкъ коренныхъ, наипаче греческаго, латинскаго и словенскаго“, полагая, что безъ училищъ „самое гражданство падаетъ“, а отъ училищъ „аки отъ источниковъ, благополучіе народное не инако, аки отъ звѣздныхъ натеченій, тайное искапаетъ“; наряду съ училищами Паисій совѣтовалъ и устройство библиотекъ, ибо „поистинѣ въ книгохранилищахъ бесѣдуютъ усопшихъ души безсмертныя, и никакая книга толико зла нещевательна есть, во еже бы отъ нѣкоей части не имѣла читателя пользоваться“. Подобныя мысли о необходимости просвѣщенія и заведенія училищъ высказаны были и отъ лица патріарховъ Александрійскаго Паисія и Антіохійскаго Макарія, въ особомъ словѣ на Рождество Христово въ томъ же 1666 году въ Москвѣ Рязанскомъ архіепископомъ Иларіономъ²⁾. Однако всѣ эти пожеланія и попытки оставались безрезультатны не только по указанному уже подозрительному отношенію къ грекамъ, но и потому, что греки имѣли въ виду главнымъ образомъ заведеніе греческихъ училищъ; да и пригодныхъ людей

1) Каптеревъ, Н. Ѳ. Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку. М. 1885, стр. 482—495.

2) Н. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола. Т. IX, стр. 232—246. 280—284.

для этого дѣла, за отдаленностью связей съ греками, было недостаточно.

Болѣе успѣха имѣли обращенія за просвѣщеніемъ къ Юго-западной Руси. Съ одной стороны, обращается туда московское правительство, а съ другой — частныя лица; кромѣ того, въ Москву являются съ предложеніями своихъ услугъ и сами представители южно-русской учености. Въ 1640 году кievскій митрополитъ Петръ Могила просилъ царя Михаила Ѳеодоровича устроить въ Москвѣ монастырь, въ которомъ бы кievскіе ученые старцы могли „дѣтей боярскихъ и простого чину грамотѣ греческой и славянской учить“, при чемъ обѣщаль прислать, если понадобится, изъ Кіева такихъ „старцевъ со учителями“; просьба эта не получила осуществленія. Около этого же времени бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ основалъ при Андреевскомъ монастырѣ въ Москвѣ ученое братство изъ кievлянъ „ради въ ономъ монастырѣ російскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія“. Въ 1649 году, по просьбѣ царя Алексѣя Михайловича къ кievскому митрополиту Сильвестру Коссову прислать ученыхъ старцевъ „для переводу Библїи греческіе на словенскую рѣчь“ и „ради наученія славеноросійскаго народа дѣтей еллинскому наказанію“, въ Москву прибыли изъ Кіева Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій, а въ слѣдующемъ 1650 году Дамаскинъ Птицкій, при чемъ Епифанію приписывается основаніе греческой школы въ Чудовомъ монастырѣ и даже указывается на воспитанника этой школы, извѣстнаго книжнаго справщика Евѡимія. Въ 1664 году въ Москву является Симеонъ Полоцкій, который считается основателемъ латинской школы въ Спасскомъ монастырѣ. Хотя дѣйствительное существованіе школъ Андреевской, Чудовской и Спасской, какъ вполне организованныхъ учреждений, отвергается¹⁾, однако не подлежитъ

1) Н. Каптеревъ. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ

сомнѣнію, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ фактами тѣснаго соприкосновенія московскихъ людей съ кіевскими учеными на почвѣ школьнаго ученія: если упомянутые дѣятели и не могли, по разнымъ обстоятельствамъ, устроить вполне оборудованныя и снабженныя достаточнымъ количествомъ учителей и учениковъ школы, однако сами по себѣ единичныя попытки этого рода служатъ доказательствомъ не только нужды московскихъ людей въ просвѣщеніи, но и обращенія къ Юго-западной Руси, въ частности къ Кіеву, какъ самому естественному и ближайшему источнику этого просвѣщенія. Отношеніе московскихъ людей къ кіевскимъ ученымъ пришельцамъ было, какъ мы знаемъ уже, вообще сдержанное и недовѣрчивое, но если бы кіевскіе дѣятели представляли въ своей средѣ достаточное единообразіе религиозныхъ воззрѣній, то, вѣроятно, принятіе ихъ московскимъ обществомъ прошло бы безъ особыхъ осложненій, такъ какъ результатъ споровъ и несогласій той и другой стороны на книжной почвѣ въ концѣ концовъ легко было бы предвидѣть: московскіе люди, въ силу необходимости, должны были кое въ чемъ уступить. Однако въ средѣ самихъ кіевлянъ образовалось два противоположныхъ другъ другу теченія, греческое и латинское, во главѣ которыхъ стали съ одной стороны Епифаній Славинецкій, а съ другой — Симеонъ Полоцкій. Помимо религиозныхъ вопросовъ, напр. о времени пресуществленія Св. Даровъ, борьба этихъ направленій сказалась и въ вопросѣ школьномъ. Поводомъ къ ней послужила мысль московскаго правительства объ открытіи въ Москвѣ высшаго училища. Пользуясь своимъ вліяніемъ при дворѣ, Симеонъ Полоцкій взялъ это дѣло въ свои руки и, незадолго до своей смерти, въ 1680 году составилъ проектъ устава предполагаемой Академіи, принявъ за образецъ высшія западныя

XVII вѣкъ до открытія Славяно-греко-латинской Академіи. Годичный
Актъ въ М. Д. А. 1 октября 1889 (М. 1889), стр. 20—32.

школы и Кіевскій коллегіумъ; вопросъ о томъ, кто именно былъ авторомъ проекта — самъ ли Полоцкій, какъ кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, или ученикъ его Сильвестръ Медвѣдевъ¹⁾ — въ данномъ случаѣ не представляется важнымъ; гораздо важнѣе тотъ фактъ, что починъ этого дѣла вышелъ изъ среды представителей латинскаго направленія. Самый уставъ, или „привилегія“ Академіи, въ первоначальномъ проектѣ до насъ не дошелъ, и мы знаемъ его уже въ переработанномъ видѣ²⁾: сторонниками греческаго направленія были внесены въ проектъ Полоцкаго существенныя видоизмѣненія, согласно которымъ будущая высшая школа въ Москвѣ должна была явиться хранительницей чистоты греческой вѣры и источникомъ школьной науки, свободной отъ „еретическихъ“ заблужденій. Однако проектъ этотъ, поднесенный въ началѣ 1682 года царю Θεодору Алексѣевичу Сильвестромъ Медвѣдевымъ, не получилъ утвержденія, по причинамъ недостаточно яснымъ, а вмѣсто этого послѣдовала 15 января 1682 года указъ „построить въ Спасскомъ монастырѣ двѣ келіи для ученія“: это была школа Сильвестра Медвѣдева, просуществовавшая, повидимому, до конца 1687 года. Одновременно съ этимъ, сторонники греческаго направленія весной 1681 года открыли въ Москвѣ Типографическое училище, дѣятельность котораго также не была продолжительна. Оба эти училища имѣли вполне элементарный характеръ³⁾ и нисколько не рѣшали вопроса объ Академіи, который продолжалъ занимать вниманіе московскаго правительства и волновать сторонниковъ какъ греческаго, такъ и латинскаго направленія. Вопросъ о томъ,

1) М. Сменцовскій. Братья Лихуды. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи церковнаго просвѣщенія и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вѣковъ. Спб. 1899, стр. 26—27.

2) Древняя Россійская Вивлюэика. Ч. VI, изд. 2, стр. 397—420; Исторія Россійской Іерархіи. Ч. I (1807), 515—543.

3) М. Сменцовскій. Братья Лихуды, стр. 37—44.

какому именно изъ этихъ двухъ направленій должно быть отдано предпочтеніе при учрежденіи Академіи, породилъ особую литературу. По крайней мѣрѣ, со стороны представителей греческаго направленія дошло до насъ два трактата неизвѣстныхъ авторовъ, въ которыхъ доказывается преимущество для русскихъ греческаго ученія въ противовѣсъ латинскому: это — „Доводъ вкратцѣ, яко ученіе и языкъ еллиногреческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученія, и чѣмъ пользуется славенскому народу“¹⁾ и другое сочиненіе подъ длиннымъ заглавіемъ: „Учитися ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, філософіи и еологіи, и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественныя писанія, или, не учася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати, и что лучше російскимъ людямъ учитися греческаго языка, а не латинскаго“²⁾. Въ обоихъ трактатахъ, путемъ ссылокъ на историческіе факты, філологическими справками и теоретическими доводами, проводится мысль о необходимости поставить въ основу будущей высшей школы именно греческій языкъ. Отъ представителей латинскаго направленія до насъ не дошло подобныхъ трактатовъ или они еще не отысканы, но несомнѣнно, что и у нихъ не было недостатка въ доказательствахъ своей мысли³⁾. Въ концѣ концовъ, греческое направленіе въ вопросѣ о высшей школѣ одержало верхъ; толчокъ къ его рѣшенію данъ былъ прибытіемъ въ Москву въ 1685 году изъ Греціи, по рекомендаціи Константинопольскаго патріарха Досіея, ученыхъ братьевъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ, при ближайшемъ содѣйствіи которыхъ, въ

1) Напечатано у Н. Каптерева: О греко-латинскихъ школахъ, стр. 89—96.

2) М. Сменцовскій. Братья Лихуды, въ „приложеніяхъ“ стр. VI—XXVI. Содержаніе изложено у Каптерева, назв. соч., стр. 55—63.

3) Н. Каптеревъ, назв. соч., стр. 64—65.

качествѣ преподавателей, славяно-греко-латинская академія въ Москвѣ начала свою дѣятельность осенью 1687 года. Такъ разрѣшенъ былъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ московской жизни во второй половинѣ XVII вѣка.

2.

Симеонъ Полоцкій. — Его жизнь до появленія въ Москвѣ. — Придворная роль П. — Литературная дѣятельность: труды противъ раскола; проповѣди; стихотворство; драматическія пьесы.

Выше (стр. 417) было уже указано, что выдающимися дѣятелями въ Московской Руси, принадлежавшими по своему образованію къ юго-западной, въ частности кіевской, школѣ, были Симеонъ Полоцкій и Епифаній Славинецкій, различные между собою по своему умственному и нравственному складу, міровоззрѣнію и характеру. Главнѣйшимъ орудіемъ ихъ дѣятельности и вліянія была литература, и мы должны теперь обратиться къ обзорѣнію литературныхъ трудовъ этихъ писателей. Впослѣдствіи къ нимъ придется присоединить и еще одного замѣчательнаго питомца кіевской школы, дѣйствовавшаго въ предѣлахъ Московской Руси не только въ качествѣ писателя, но и на поприщѣ административно-іерархическомъ: это — св. Димитрій Ростовскій; его жизнь и дѣятельность протекала приблизительно на четверть вѣка позднѣе жизни Симеона и Епифанія и заходитъ уже въ эпоху Петра Великаго: поэтому, на его дѣятельности лежатъ уже нѣсколько иныя черты переходнаго времени; по основнымъ особенностямъ своего міровоззрѣнія, онъ можетъ быть поставленъ какъ бы посрединѣ между Симеономъ и Епифаніемъ, примиряя ихъ крайности, но склоняясь все-таки въ сторону послѣдняго.

Симеонъ Петровскій - Ситніановичъ, прозванный въ Москвѣ Полоцкимъ и удержавшій потомъ это прозваніе въ исторической литературѣ, родился въ 1629 году въ Бѣло-

руссіи, вѣроятно въ Полоцкѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Полоцкой области. Намъ неизвѣстно, ни изъ какой среды онъ вышелъ, ни гдѣ началъ учиться. Изъ позднѣйшихъ его собственныхъ сообщеній мы узнаемъ, что онъ рано былъ засаженъ по обычаю за букварь, потомъ за Часословъ и Псалтырь, и что ученіе продолжалось до 1650 года. Неизвѣстно и то, гдѣ онъ получилъ высшее образованіе, но изъ свидѣтельства Лазаря Барановича, называвшаго Симеона своимъ ученикомъ, можно заключить, что онъ обучался въ Кіево-Могилянской Коллегіи, гдѣ въ 40-хъ годахъ XVII ст. Барановичъ былъ наставникомъ и префектомъ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторое время послѣ этого Симеонъ посѣщалъ и польскія училища. Господствовавшая въ Кіевской Коллегіи схоластическая система образованія и практическое его назначеніе опредѣлили собою общій характеръ духовнаго развитія Симеона и, въ связи съ природными чертами его характера, дали особое направленіе его дѣятельности. Кромѣ фактическихъ свѣдѣній, научныхъ приемовъ и извѣстнаго взгляда на вещи, Симеонъ вынесъ изъ Кіевской Коллегіи и первыя свои общественныя связи: кромѣ Лазаря Барановича, здѣсь онъ могъ познакомиться съ Иннокентіемъ Гизелемъ и Іоанникіемъ Голятовскимъ. Оставивши по окончаніи ученья Кіевъ, Симеонъ, 27 лѣтъ отъ роду, принялъ монашество въ Полоцкомъ Богоявленскомъ Братскомъ монастырѣ и сдѣлался учителемъ въ тамошнемъ братскомъ училищѣ. Въ Полоцкѣ, между прочимъ, Симеону представился случай лично увидѣть и обратитъ на себя вниманіе царя Алексѣя Михайловича, который, отправляясь въ походъ и затѣмъ возвращаясь обратно, оба раза провелъ въ Полоцкѣ по нѣсколькимъ днямъ, и въ одно изъ этихъ посѣщеній Симеонъ поднесъ царю своего сочиненія привѣтственные „метры“. Взятіе царемъ изъ Полоцка чудотворной иконы Божіей Матери и затѣмъ возвращеніе ея въ 1659 году обратно, въ богатомъ украшеніи, подало Симеону поводъ сочинить но-

вые вирши, произнесенные при торжественной встрѣчѣ иконы учениками Богоявленской школы. Т. о., еще въ первомъ мѣстѣ своего служенія Симеонъ выступилъ публично со стихами, которымъ въ послѣдствіи посвятилъ такъ много досуга въ своей жизни. Въ 1660 году Полоцкій впервые побывалъ въ Москвѣ, въ свитѣ архимандрита Полоцкаго Богоявленскаго монастыря Игнатія Іевлевича, вызваннаго царемъ на соборъ по дѣлу патріарха Никона: и тутъ Симеонъ не упустилъ случая привѣтствовать царя панегирическими стихами. Хотя еще въ 1661 году Полоцкъ былъ занятъ поляками, и положеніе русскихъ жителей, оставшихся вѣрными московскому правительству, сдѣлалось очень тяжелымъ, однако окончательное переселеніе Симеона въ Москву послѣдовало лишь въ 1663 году. Здѣсь онъ, благодаря своему образованію и счастливому характеру, сразу сдѣлался человѣкомъ рѣдкимъ и нужнымъ; къ тому же онъ явился сюда съ хорошими рекомендаціями отъ Лазаря Барановича къ Газскому митрополиту Пансію Лигариду, находившемуся тогда въ Москвѣ и пользовавшемуся огромнымъ довѣріемъ царя. Симеонъ прибылъ въ Москву въ очень горячее время: враждебныя отношенія царя и патріарха достигли крайняго напряженія; надъ послѣднимъ готовился новый соборъ, и Симеонъ, какъ человѣкъ знающій, вскорѣ былъ употребленъ въ дѣло; между его бумагами найдена одна замѣтка, изъ которой видно, что въ критическіе дни внезапнаго возвращенія Никона на патріаршій престолъ Симеонъ былъ призываемъ для какого-то дѣла во дворецъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Симеонъ пользовался и своимъ стихотворческимъ искусствомъ, написавъ въ началѣ 1665 года привѣтствіе въ стихахъ царю по случаю рожденія царевича Симеона. „Такимъ образомъ — говоритъ по поводу этого факта Л. Н. Майковъ — впервые явился въ стѣнахъ царскаго дворца придворный стихотворецъ, и самая новость этого знаменательнаго и пріятнаго явленія не могла

не располагать въ его пользу“¹⁾. Въ то же время Симеонъ подвизался и на педагогическомъ поприщѣ, собравъ вокругъ себя, въ Спасскомъ монастырѣ, нѣсколькихъ учениковъ, среди которыхъ находился и весьма видный въ послѣдствіи общественный дѣятель, Симеонъ (позднѣе въ монашествѣ Сильвестръ) Медвѣдевъ; и къ этимъ трудамъ Симеона правительство относилось весьма сочувственно, всячески ихъ поддерживая.

Вскорѣ затѣмъ познанія и литературныя способности Симеона пригодились въ борьбѣ съ возникавшимъ расколомъ. На московскомъ соборѣ русскихъ іерарховъ 1666 года было рѣшено, кромѣ полного осужденія раскольниковыхъ мнѣній, составить письменное и подробное опроверженіе челобитныхъ двухъ виднѣйшихъ расколуучителей, Никиты и Лазаря, въ которыхъ съ особенной обстоятельностью были выражены ихъ религіозно-обрядовыя заблужденія. Дѣло это было возложено на Паисія Лигарида, но такъ какъ онъ не владѣлъ славянскимъ языкомъ, то переводъ (безъ сомнѣнія съ латинскаго, такъ какъ Симеонъ не зналъ погречески) на этотъ языкъ былъ совершенъ Симеономъ; этотъ трудъ остался ненапечатаннымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Симеону поручено было составить и особое опроверженіе раскольниковыхъ мнѣній: это былъ „Жезль правленія“, написанный Полоцкимъ въ 1666 году и напечатанный, вѣроятно, въ 1667 или началѣ 1668 года. Около этого же времени Симеонъ употребленъ былъ и для устнаго собесѣдованія и вразумленія ревностнаго руководителя первоначальнаго раскола, протопопа Аввакума, впрочемъ — безуспѣшно. Такимъ образомъ, Симеонъ стоялъ въ самомъ центрѣ важнѣйшихъ внутреннихъ событій тогдашней московской жизни.

„Жезль правленія“ былъ первымъ большимъ трудомъ

1) Л. Майковъ. Симеонъ Полоцкій, въ сборникѣ: Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій (Спб. 1889), стр. 17.

Симеона. Онъ заключаетъ въ себѣ общее предисловіе и затѣмъ частныя опроверженія челобитныхъ Никиты и Лазаря. Съ внѣшней стороны, „Жезлъ“ представляетъ собою ученое сочиненіе, написанное съ большою эрудиціей; авторъ ссылается не только на отцовъ церкви, но и на нѣкоторыя произведенія русской литературы, напр., сочиненія Максима Грека, Зиновія Отенскаго, житіе Евфросина Псковскаго, написанное клирикомъ Василиемъ; ему знакомы постановленія Стоглаваго собора; наконецъ, онъ ссылается на „харатейныя“ рукописи Патріаршей бібліотеки богослужебнаго содержанія, которыя онъ цѣнилъ по правильности ихъ текста. Способъ его аргументаціи совершенно иной, чѣмъ у Никиты и Лазаря — схоластическій, съ большою дозой риторическаго элемента. Есть случаи невѣрнаго толкованія или неправильнаго обобщенія указаній и соображеній противниковъ. Въ отношеніи содержанія, „Жезлъ правленія“ заключаетъ въ себѣ самое суровое осужденіе расколуучителей: Никита — по его словамъ — свинья, пошпрающая бисеръ, гнусный вепрь въ церковномъ вертоградѣ, а Лазарь, со своимъ богомерзкимъ полчищемъ, стремится узавить церковь, невѣсту жениха небснаго, клеветами, какъ стрѣлами, напоенными аспидовымъ ядомъ. Все сочиненіе проникнуто тономъ не столько возражающаго противника, сколько властнаго и авторитетнаго обличителя, что вполне объясняется данными Симеону официальными полномочіями. Весьма естественно, что при такихъ качествахъ книга Симеона заслужила полное одобреніе русскихъ іерарховъ, признавшихъ ее „изъ чистаго серебра слова Божія и отъ священныхъ писаній и правильныхъ винословіій сложенной“¹⁾.

Извѣстность и значеніе Симеона послѣ этого успѣха еще болѣе усилились; онъ вскорѣ получилъ ближайшій доступъ въ царскую семью, въ качествѣ учителя старшаго

1) Л. Майковъ, наз. соч., стр. 27—39.

царевича Алексѣя Алексѣевича; когда затѣмъ въ 1669 году царевичъ скончался, то Симеонъ сдѣлался наставникомъ его брата Теодора; онъ же наблюдалъ за обученіемъ царевны Софьи и царевича Петра. Кромѣ того, онъ часто выступалъ при дворѣ какъ проповѣдникъ и стихотворецъ; многія его поученія были произнесены въ присутствіи царя, иныя въ дни, памятные для царской семьи, иныя по желанію близкихъ ко двору лицъ; многія его стихотворенія также связаны были съ событіями придворной жизни. Вся послѣдующая жизнь Полоцкаго была посвящена энергическому служенію на пользу просвѣщенія и литературы.

Литературная дѣятельность его была обширна и разнообразна. Можно сказать, что въ лицѣ Симеона впервые явился въ Москвѣ писатель съ приемами новаго школьнаго образованія, талантливый, дѣятельный и вполне преданный своему призванію. Изъ литературныхъ трудовъ мы остановимся лишь на его проповѣдяхъ и стихотворствѣ.

Проповѣдническіе труды Симеона Полоцкаго начинаются съ 1666 года и продолжаются почти до самой его смерти. Главная масса ихъ была собрана къ 1676 году въ два большіе сборника, „Обѣдъ Душевный“ и „Вечеря Душевная“, и отпечатана въ 1682—83 годахъ, т. е. уже послѣ смерти автора, при дѣятельной помощи Сильвестра Медвѣдева. Проповѣди Симеона не изобилуютъ указаніями на живую современность. Правда, мы встрѣчаемъ тамъ обличеніе пьянства, несоблюденія постовъ, непосѣщенія церковной службы, указаніе на наличность въ народѣ языческихъ обычаевъ и суевѣрій, ворожбы и колдовства и т. п., но всѣ подобныя обличенія могли быть почерпнуты изъ литературныхъ источниковъ, изъ прошлыхъ фактовъ переводной или оригинальной русской проповѣди, безъ непосредственнаго наблюденія самой жизни; всѣ они такъ или иначе входили въ извѣстную обязательную для древнерусскаго проповѣдника схему, за предѣлы которой не было

принято переступать. Впрочемъ, есть у Симеона и немногіе слѣды живой дѣйствительности: напр., онъ указываетъ на то, что многіе необразованные люди берутся толковать св. Писаніе, разсуждаютъ вкривь и вкось о предметахъ религіи и тѣмъ порождаютъ расколы. Нравственные вопросы, въ ихъ общежитической обстановкѣ, мало привлекали къ себѣ вниманіе нашего проповѣдника, и онъ смотрѣлъ на нихъ исключительно съ аскетической точки зрѣнія. Семейной жизни онъ также касался очень мало и почти исключительно со стороны вопроса объ отношеніи родителей и дѣтей. Главнымъ недостаткомъ современнаго ему общества Симеонъ считалъ недостатокъ христіанскаго просвѣщенія: въ этомъ сказался челоуѣкъ новой эпохи и носитель новыхъ идеаловъ. Въ общемъ же проповѣди Симеона отличались преимущественно теоретическимъ и формальнымъ характеромъ и, конечно, не могли производить большого впечатлѣнія на современниковъ. Причину этого характера проповѣднической дѣятельности Симеона слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ указанной схемѣ, воспринятой также въ извѣстной степени и теоріей схоластической проповѣди, а съ другой — въ томъ, что Симеонъ встрѣчалъ внѣшнія препятствія въ своей проповѣднической свободѣ. На это послѣднее обстоятельство онъ самъ намекаетъ въ предисловіи къ „Обѣду Душевному“, гдѣ указываетъ, что проповѣдникъ, какъ „врачъ искусный и добрый“, долженъ дѣйствовать „не въ угоду больному, а какъ полезно его здравію“: „такъ и я — говоритъ онъ — обличаю не отъ дерзости, наставляю не въ укоръ . . . не въ досаду, но потому, что долгъ мой есть глаголати“¹⁾. Справедливость требуетъ однако же сказать, что въ этихъ словахъ Симеона скорѣе можно усмотрѣть чрезмѣрную его осторожность въ роли проповѣдника, не-

1) Л. Майковъ, назв. соч., стр. 92.

жели дѣйствительное указаніе на рѣзкія или слишкомъ смѣлыя мѣста его поученій: ихъ вообще не было ¹⁾).

Очень много труда посвятилъ въ своей жизни Симеонъ Полоцкій стихотворству. Это было его любимое занятіе, интересъ къ которому внушенъ былъ Симеону въ школѣ. Какъ уже было сказано, стихотворствомъ Симеонъ начинаетъ свою литературную дѣятельность, написавъ привѣтственные вирши царю Алексѣю Михайловичу въ Полоцкѣ; стихотворствомъ же ее и кончаетъ: за два дня передъ смертью имъ написано стихотвореніе „Философія“ ²⁾).

По вопросу о первомъ появленіи стихотворства въ Московской Руси имѣются различныя мнѣнія. Въ то время какъ, напр., А. И. Соболевскій полагалъ ³⁾, что московская литература всецѣло обязана этимъ появленію въ Москвѣ южно-русскихъ ученыхъ, Л. Н. Майковъ, наоборотъ, былъ того мнѣнія, что первые опыты рифмованныхъ стиховъ явились въ Москвѣ ранѣе прихода туда дѣятелей изъ Юго-западной Руси и что, напр., пробовали свои силы въ стихотворствѣ до этого времени такіе чисто великорусскіе люди, какъ Шаховской, Катыревъ и Насѣдка ⁴⁾; къ этимъ именамъ въ настоящее время можно прибавить и имя князя И. А. Хворостинина ⁵⁾. Имѣя въ виду эти фактическія данныя — вмѣстѣ съ указываемыми и Соболевскимъ, въ видѣ исключенія, анонимными стихотвореніями, вроде „Повѣсти о разореніи Московскаго Государства“ или „Посланія къ нѣкому“ — нужно признать, что до появленія южно-руссовъ въ Москвѣ, и въ частности Симеона Полоцкаго, эти

1) Подробнѣе о проповѣдяхъ Симеона трактуетъ трудъ В. П о п о в а : Симеонъ Полоцкій какъ проповѣдникъ. М. 1886.

2) Историческая Христоматія, Ѳ. Бусл а е в а (М. 1861), 1196—1197.

3) Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. „Библиографъ“ 1891 № 3—4.

4) О началѣ русскихъ виршъ. Ж. М. Н. Пр. 1891 № 6.

5) Вновь открытыя полемическія сочиненія XVII вѣка противъ еретиковъ. Спб. 1907, стр. 40—80.

попытки въ стихотворствѣ были лишь случайными и единичными явленіями, лишенными особой исторической цѣнности, и что дѣйствительнымъ родоначальникомъ стихотворства въ Московской Руси былъ именно Симеонъ Полоцкій: только съ него этотъ родъ литературныхъ занятій получилъ общественный характеръ и значеніе.

Подобно проповѣдническимъ трудамъ Симеона, въ послѣдніе годы его жизни были собраны, при ближайшемъ участіи Сильвестра Медвѣдева, и стихотворныя сочиненія Полоцкаго, въ видѣ двухъ обширныхъ сборниковъ, доселѣ не изданныхъ и хранящихся среди рукописей Московской Синодальной библіотеки: „Риѣмологіонъ“ и „Вертоградъ Многоцвѣтный“, составленіе которыхъ относится къ 1678—79 годамъ. Въ первомъ сборникѣ помѣщены стихотворенія, писанныя на разные случаи и по поводу различныхъ событій жизни царской семьи и приближенныхъ ко двору лицъ. Гораздо интереснѣе въ литературномъ отношеніи „Вертоградъ Многоцвѣтный“, заключающій въ себѣ множество стихотвореній самаго разнообразнаго содержанія: образы, подобія, присловья, толкованія, эпитафіи, повѣсти, лѣтописныя сказанія, молитвы, увѣщанія и т. п. Источниками Симеону служили при этомъ, съ одной стороны, литературныя произведенія: Прологъ, житія святыхъ, Великое Зерцало, Римскія Дѣянія и др., а съ другой — случаи и наблюденія изъ дѣйствительной жизни, ходячіе рассказы и народныя легенды. Цѣль сборника — назидательная. Для удобства пользованія имъ всѣ статьи расположены въ порядкѣ алфавита. Въ предисловіи къ „читателю благочестивому“, помѣщенномъ въ началѣ этого сборника, собиратель объясняетъ мотивы своего труда. Онъ воспоминаетъ съ благодарностью о своемъ посѣщеніи нѣкогда иностранныхъ школъ, гдѣ онъ пользовался ихъ „душеполезными цвѣтами“; ему хочется хоть часть этого драгоцѣннаго достоянія перенести „въ домашній языкъ словенскій“ и послужить укорененію

на Руси „риѣмотворнаго писанія“, которое, по его словамъ, „во инѣхъ языкахъ велію честь имать и ублаженіе и творцемъ его достойнаго не лишаетъ отъ Бога и отъ человѣкъ возмездія и славы“; онъ полагаетъ, что стихотворная форма его мыслей и наблюдений, сосредоточенныхъ въ „Вертоградѣ“, будетъ самой удобной и самой привлекательной для читателей, и ее легче удержать въ памяти.

Наиболѣе цѣнными являются тѣ стихотворенія „Вертограда“, которыя явились у автора результатомъ наблюденія имъ живой дѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, касаются этой послѣдней въ томъ или иномъ видѣ.

Вотъ, напр., краткое стихотвореніе „Жидь“, воспроизводящее впечатлѣнія Симеона, какъ уроженца Юго-западной Россіи:

Яже полза въ садъ дробныхъ рыбъ шуку пуцати,

Та между христіаны жиды водворяти:

Шука малыя рыбы несотно глощаетъ,

Жидь люди убогія лихвами снѣдаетъ¹⁾.

Съ такимъ же обличительномъ характеромъ имѣется у Симеона и рядъ стихотвореній, въ которыхъ онъ касается семейной жизни, напр. „Женитва“ или „Вдовство“. Въ первомъ авторъ относится вообще отрицательно къ супружеской жизни: особенно человѣку ученому — говоритъ онъ — не слѣдуетъ жениться:

Ибо не будетъ мощно съ книгами сѣдѣти:

Удалить отъ нихъ жена, удалять и дѣти...

Женатый человѣкъ подвергается всякаго рода женскимъ прихотямъ, которыя „оженивыйся совершенно знаетъ.“ Требованиямъ жены нѣтъ предѣла:

... утружденну мужу не дасть обнощъ спати,

Въ ложи обыче ему о нуждахъ стужати;

Ту жалостнѣ глаголетъ, мужа укоряетъ,

Аки о ней недобрѣ въ нуждахъ помышляетъ:

Иныхъ мужей во образъ супруги приводитъ:

„Се она краснѣи мене одѣянна ходитъ,

„Ову же вси людіе зѣло почитаютъ,

1) Л. Майковъ, назв. соч., стр. 101.

„А мене, за тобою суція, не знають.“
 Къ симъ ревнивая жена обыче сгужати:
 „Что ты на ону жену любиши смотриати,
 „И что съ рабынею ты глаголашь еси?
 „Гдѣ ты былъ еси въ гостинѣ, то ми да повѣси“.
 Изъ торжища грядуща гнѣвно вопрошаетъ:
 „Что принеслъ еси?“ Аще ни, то лють лаеть.
 Въ гости аще пустиши, то обыкнетъ пити,
 Аще же не пустиши, то не хочетъ и жити:
 „Увы ми“ возопіетъ „коль есмь неблаженна
 „За злымъ мужемъ, отъ добрыхъ другинь отлученна“ . . .

И въ дальнѣйшемъ авторъ касается вопроса о вліяніи матеріальнаго благосостоянія на счастье супружеской жизни, находя, что женатому на безприданницѣ приходится жить очень трудно, а женитьба на богатой влечетъ за собой подчиненіе ея власти¹⁾.

Въ стихотвореніи „Вдовство“ мы имѣемъ передъ собою не менѣе рельефную картинку жизни: очертивъ сочувственными чертами образъ „правой вдовы“, хранящей свое вдовство „въ цѣлости“, авторъ описываетъ затѣмъ другую вдову, не могущую примириться со своимъ положеніемъ:

Вредно есть вдовѣ много рабъ имѣти,
 Часто на тья весело смотрѣти,
 Нашпаче иже красно устроени,
 Брадъ не имуще, власы утрефлени.
 Лица ихъ стрѣлы въ сердце пуцають,
 Неопасну вдову уязвляють.
 И дѣвы красны, иже живутъ съ нею,
 Духъ красотою льстятъ ея своею;
 Елма бо оны жениховъ желаютъ,
 Между собою дерзостно играютъ —
 О тѣхъ ихъ цѣсни, о тѣхъ всяко слово,
 А вдовы сердце любити готово . . .

И въ результатъ получается то, что такая вдова

Славится токмо, да во чести будетъ,
 Но сей цвѣтъ славы не долго пребудеть:
 Егда бо женихъ лѣпый проявится,
 Абіе ему въ область поручится,
 Повержетъ вдовство, волитъ быти мати,
 Неже едина въ ложи почивати²⁾.

1) Л. Майковъ, назв. соч., стр. 103—104.

2) Л. Майковъ, назв. соч., стр. 105—106.

Въ „Вертоградъ“ есть нѣсколько стихотвореній, затрогивающихъ тѣ или иныя житейскія и общественныя отношенія, напр. „Начальникъ“ и „Милость господская“. Въ первомъ стихотвореніи авторъ даетъ наставленіе власти имущимъ людямъ, какъ слѣдуетъ относиться къ подчиненнымъ: не отказывать имъ въ своемъ законномъ покровительствѣ и не отговариваться ни трудностью заботы о другихъ, ни неумѣньемъ; каждый начальникъ долженъ быть примѣромъ для своихъ подчиненныхъ, и это есть лучшая форма его вліянія и наученія: такой способъ одинаково пригоденъ для епископа по отношенію къ своей паствѣ, богатаго — къ рабамъ, мужа — къ женѣ, судьи — къ подсудимымъ, царя — къ подданнымъ. Въ стихотвореніи „Милость господская“ дается наставленіе о томъ, съ какой осторожностью надо относиться къ покровительству знатныхъ и сильныхъ:

Аще у мужъ велможныхъ есть благодать тебѣ,
 Употребляти ея всеопасно требѣ.
 Яко со огнемъ, съ ними есть полезно жити,
 Ниже ся удаляти, ни вельми близъ быти:
 Огня удаляяся ознобленъ бываетъ,
 А близъ зѣло сущія самъ огонь опалаетъ.
 Тако иже о Господѣ себе удаляютъ,
 Презрѣнни и безчестни у онѣхъ бывають.
 Иже паки дерзають ближитися зѣло,
 Мало за дерзость свою до конца суть цѣло.
 Средство убо въ житіи семъ хранити требѣ,
 Иже хоцетъ безбѣдства и дружбы ихъ себѣ¹⁾.

Въ духѣ положительнаго назиданія написано также стихотвореніе „Пиръ“, къ которомъ дается наставленіе, какъ должны устраивать у себя пиры настоящіе христіане²⁾. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить рядъ стихотвореній, посвященныхъ обличенію пороковъ отдѣльныхъ сословій: таковы особенно стихотворенія „Купецтво“ и „Монахъ“, въ которыхъ

1) Л. Майковъ, назв. соч., стр. 108—109.

2) Стр. 113—114.

съ замѣчательной рельефностью выставлены авторомъ отрицательныя черты торговыхъ людей и чернецовъ, игравшихъ такую видную роль въ матеріальной и духовной жизни русскаго народа того времени¹⁾.

Въ „Риѣмологіонѣ“ есть два произведенія, написанныя въ драматической формѣ и отмѣчающія собою особую заслугу Симеона — внесенія въ кругъ московской придворной публики театральныхъ представлений: это — „Комедія о Новуходоносорѣ царѣ“ и „Комедія о блудномъ сынѣ“.

„Комедія о Новуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ въ печи не сожженныхъ“²⁾, по своему содержанию, представляетъ передачу извѣстнаго библейскаго разсказа о трехъ отрокахъ, вверженныхъ въ огненную печь, и о царѣ Новуходоносорѣ. Задолго до Симеона сюжетъ этотъ былъ предметомъ для духовной драмы подъ именемъ „Пещного дѣйства“. Литературный элементъ этой мистеріи, существовавшей еще въ Византіи³⁾, былъ весьма несложенъ (Др. Росс. Вивл., 2 изд. VI. 363—390). Дѣйствующія лица въ ней ограничивались тремя отроками и двумя „халдеями“, которые должны были растапливать печь и сажать туда отроковъ; мистерія исполнялась во время заутрени, въ субботу недѣли, предшествующей празднику Рождества, и сопровождалась пѣніемъ священныхъ пѣсенъ. Симеонъ Полоцкій, рѣшивъ перенести это представленіе изъ церкви въ обстановку придворной русской сцены, обратился къ западно-европейскимъ, вѣроятно іезуитскимъ, обработкамъ даннаго сюжета, въ которыя уже введена была лич-

1) Стр. 114—117.

2) Напечатана въ „Древней Россійской Вивлюионѣ“, 2 изд. VIII, стр. 158—169, и у Н. С. Тихонова: Русскія драматическія произведенія, I, стр. 324—336.

3) А. Дмитриевскій. Чинъ пещного дѣйства. Историко-археологическій этюдъ. Византійскій Временникъ. Т. I, в. 3—4 (1894), стр. 553—600.

ность Навуходоносора, какъ главная причина всего происходящаго въ пьесѣ. Впрочемъ, имѣя въ виду простоту обработки Полоцкаго, В. И. Рѣзановъ предполагаетъ, что онъ составилъ свою пьесу „по образцу того типа практиковавшихся въ іезуитскихъ учебныхъ заведеніяхъ представленій, на обработку которыхъ вліяла не теорія драматической поэзіи, а установившееся употребленіе въ классахъ діалоговъ, декламаций и небольшихъ пьесокъ, разыгрываніе которыхъ подготавливало учениковъ къ выступленію на большихъ спектакляхъ“¹⁾, а Н. И. Петровъ, опираясь на отсутствіе въ пьесѣ отвлеченности и символизма, совсѣмъ отрицаетъ пользованіе Полоцкаго іезуитскими источниками²⁾. Содержаніе „комедіи“ у Полоцкаго представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Пьеса открывается „предисловцемъ“, заключающимъ въ себѣ хвалебное и привѣтственное обращеніе къ царю. Тутъ изображается его сила, душевная доброта, благочестіе. Для отгнѣнія послѣдняго качества съ нимъ сопоставляется Навуходоносоръ, жестокій поступокъ котораго съ тремя еврейскими отроками долженъ явиться предметомъ послѣдующаго представленія:

То комидійно мы хошемъ явити
И аки само дѣло представити
Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящимъ,
Княземъ, бояромъ, вѣрно ти служащимъ,
Во утѣху сердцеъ, здрави убо зрите,
А насъ въ милости своей сохраните —

такъ оканчивается предисловіе. Затѣмъ выходитъ Навуходоносоръ съ боярами, слугами, вооруженными воинами и садится на приготовленномъ для него мѣстѣ. Онъ приказываетъ „казначею“ приготовить свой „образъ“ для испытанія вѣрности подданныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развести огонь и сжигать въ печи того, кто не пожелаетъ этому образу поклониться какъ Богу. Образъ поставленъ, музыка торже-

1) Изъ исторіи русской драмы, стр. 298.

2) Тр. К. Д. А. 1909 № 10, стр. 249—250.

ственно играет; народъ кланяется образу, за исключеніемъ трехъ отроковъ, которыхъ тотчасъ же и схватываютъ. Приведенные для отвѣта передъ царемъ, отроки смѣло исповѣдуютъ передъ нимъ своего Бога, и разгнѣванный царь приказываетъ ихъ бросить въ пещь:

Азъ и двѣ кожи готовъ есмь издрати
Съ одинаго хребта, а самъ не страдати —

говорить одинъ изъ воиновъ, бросаясь исполнять приказаніе царя.

Мнѣ еврейна столь сладко убити,
Яко же меда сладку чашу пити —

говорить другой.

Въ это время спускается къ отрокамъ въ пещь ангель, ободряетъ ихъ, и они, невредимые, поютъ хвалебную пѣснь Богу, а между тѣмъ огонь жестоко пожигаетъ стоящихъ вблизи „халдеевъ“. Бояре и Навуходносоръ, при видѣ этого, приходятъ въ изумленіе, и послѣдній тутъ же раскаивается:

Увы мнѣ, увы! азъ грѣшный прельстихся,
На рабы Бога живаго ярихся.
Они суть святы, азъ грѣшенъ зѣло,
Невинныхъ и огонь сохранилъ есть цѣло.
Что убо имамъ азъ, бѣдный, творити,
О прощеніи хошу ихъ молити —

и затѣмъ высказываетъ желаніе послужить ихъ Богу. Отроки выражаютъ радость, и одинъ за другимъ привѣтствуютъ обращеніе царя. Затѣмъ слѣдуетъ заканчивающій піесу эпилогъ, въ которомъ авторъ и актеры благодарятъ присутствующаго на представленіи царя за вниманіе и извиняются въ своемъ неискusstвѣ.

Болѣе обширной и сложной по содержанію является другая піеса Полоцкаго, „Комедія о блудномъ сынѣ“¹⁾. Она

1) Напечатана была вскорѣ послѣ смерти автора, въ 1685 году, съ иллюстраціями (воспроизведено у Д. А. Ровинскаго: Русскія народныя картинки, III, стр. 8—38), затѣмъ въ Др. Росс. Вивл., 2 изд. VIII, стр. 34—60, и у Н. С. Тихонравова: Русскія драм. произв. I, стр. 296—326.

состоить изъ шести „частей“, предваряемыхъ „прологомъ“ съ обращеніемъ къ зрителямъ о пользѣ театральныхъ представлений, и затѣмъ испрашивается благосклонное вниманіе къ пьесѣ, которая будетъ представлена. Въ I ч. представлена бесѣда отца съ двумя сыновьями, которымъ онъ даетъ разнаго рода совѣты относительно жизни. Тяготясь уже лѣтами и чувствуя приближеніе смерти, онъ предоставляетъ дѣтямъ въ самостоятельное владѣніе ихъ доли и право воспользоваться ими по собственному желанію. Старшій сынъ выражаетъ полную покорность отцу и желаетъ по прежнему остаться при немъ; но младшій жаждетъ увидѣть свѣтъ: его тянетъ куда-то вдаль, на свободную жизнь:

Богъ волю далъ есть; се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ вольно пребываютъ.
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати,
Разумну сущу весь міръ посѣщати.

Отецъ, конечно, отговариваетъ его, но безуспѣшно, и младшій сынъ покидаетъ домъ. Во II ч. мы видимъ не лишнее живости изображеніе роскошной жизни блуднаго сына. Онъ предается сладкому ощущенію полученной свободы: нанимаетъ себѣ великое множество слугъ, пируетъ съ ними, пьетъ, играетъ въ зернь; они его обыгрываютъ, и онъ уходитъ. Въ III ч. блудный сынъ выходитъ на сцену съ ощущеніемъ тяжелаго похмѣлья, которое ему еще не привычно:

Чуждуюся зѣло, вскую болить глава,
Постель бѣ мягка, не твердая лава.
Ктому не помню, како положихся,
Негли та вина, яко утрудихся,
Вчера играя, а крѣпко стужаетъ
Болѣзнь, даже міръ весь ся обращаетъ.

Слуга совѣтуетъ ему полѣчиться новой „скляницей“ вина. Но вскорѣ оказывается, что деньги всѣ истрачены, слуги одинъ за другимъ покидаютъ блуднаго сына, онъ повергается въ уныніе и плачетъ. Въ IV ч. онъ, продавъ свою послѣднюю одежду и надѣвъ рубище, томимый голодомъ, ищетъ работы; встрѣчный „купчикъ“ рекомендуетъ его од-

ному господину въ слуги; тотъ посылаетъ его пасти свиней, но блудный сынъ съѣдаетъ назначенную имъ пищу и за это подвергается побоямъ. Тутъ ему приходитъ на мысль вернуться домой. V ч. изображаетъ его встрѣчу съ отцомъ и пиръ по случаю его возвращенія, а въ VI ч. блудный сынъ, въ длинномъ монологѣ, выражаетъ свое раскаяніе. Пьеса оканчивается эпилогомъ, въ которомъ высказывается слѣдующая мораль:

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
 На младый разумъ свой не уповати.
 Старымъ — да юныхъ добрѣ наставляють,
 Ничто на волю младыхъ не спускають.

Притча о блудномъ сынѣ была весьма популярнымъ литературнымъ сюжетомъ на западѣ и, между прочимъ, въ XVI в. получила латинскую обработку въ комедіи Вильгельма Фуллонія „*Acolastus, hoc est de filio prodigo comoedia*“; но установить отношеніе труда Полоцкаго къ какому-либо опредѣленному литературному источнику не менѣе трудно, чѣмъ и относительно его первой пьесы. Въ отношеніи структуры, эта вторая пьеса отличается еще большей простотой, чѣмъ комедія о Навуходоносорѣ: въ противоположность школьнымъ требованіямъ, здѣсь соблюдено единство дѣйствія, которое группируется вокругъ одного лица; подобно первой пьесѣ, тутъ также нѣтъ ни одной аллегорической фигуры, что было въ большой модѣ въ школьной драмѣ. Въ „Комедіи о блудномъ сынѣ“ намѣчено было авторомъ пять интермедій, которыя, впрочемъ, до насъ не дошли въ составѣ самаго текста пьесы Полоцкаго. Общественный смыслъ этой „комедіи“ заключается въ сопоставленіи двухъ поколѣній, стараго и новаго, изъ которыхъ второе стремится куда-то вдаль, а первое является въ роли сдерживающей мудрости; характеръ морали Симеона совершенно ясенъ изъ самаго сюжета: авторъ стоитъ на сторонѣ стараго поколѣнія. Можно догадываться, что и эта пьеса Полоцкаго была представлена на сценѣ, подобно первой, но положительныхъ указаній на это мы не имѣемъ.

Страсть Полоцкаго къ стихотворству нашла себѣ выраженіе и еще въ одномъ произведеніи — переводѣ или переложеніи Псалтыри, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1680 году. Враги Симеона находили, что въ этомъ своемъ трудѣ авторъ-стихотворецъ допустилъ „многи прилоги и отъятія“ противъ древняго славянскаго текста (Остенъ, стр. 137); однако это мнѣніе, которое въ общемъ нельзя оспаривать, не помѣшало Симеоновой Псалтыри сдѣлаться не только въ XVII, но и въ перв. пол. XVIII в. очень популярной книгой. Псалмы его были положены на музыку еще въ XVII в. государевымъ дьякомъ Василиемъ Титовымъ и вообще усердно пѣлись¹⁾; книга эта была также одною изъ первыхъ, прочитанныхъ Ломоносовымъ. Полоцкій скончался въ Москвѣ 25 августа 1680 года.

Такимъ образомъ, литературная дѣятельность Полоцкаго выражалась въ формахъ догматико-полемиической, проповѣднической и стихотворной, въ частности драматической. Каждая изъ нихъ была въ своемъ родѣ отвѣтомъ на живые запросы времени, но особенное развитіе получило стихотворство. Какъ писатель, Симеонъ, не смотря на свой монашескій санъ, былъ очень чутокъ къ текущимъ вопросамъ жизни, къ потребностямъ времени; онъ весь жилъ въ своемъ настоящемъ, чѣмъ и объясняется, между прочимъ, почти полное отсутствіе въ его сочиненіяхъ историческаго элемента.

3.

Епифаній Славинецкій. — Его жизнь. — Роль С. въ дѣлѣ исправленія книгъ. — Литературные труды; ихъ общій характеръ.

Другимъ важнѣйшимъ дѣятелемъ въ Московской Руси второй половины XVII вѣка является Епифаній Славинецкій.

1) В. П е р е т ц ъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. I. 1, стр. 202—204.

Свѣдѣнія о жизни Епифанія до появленія его въ Москвѣ весьма скудны. Уроженецъ, по всей вѣроятности, Юго-западной Руси (б. м., города Пинска), Епифаній принадлежалъ къ зажиточной семьѣ; время его рожденія съ точностью неизвѣстно, равно какъ нѣтъ свѣдѣній о первоначальномъ воспитаніи и обученіи Епифанія и о его домашней обстановкѣ. Дальнѣйшее свое образованіе онъ получилъ въ Кіевской братской школѣ до преобразованія ея Петромъ Могиллой, когда тамъ преобладало еще греко-славянское направленіе и общій характеръ преподаванія былъ въ значительной степени свободенъ отъ увлеченій латинопольской схоластики; благодаря этому обстоятельству, Епифаній вынесъ изъ Кіевской школы не только знакомство съ разными отраслями тогдашней науки, но и превосходное знаніе греческаго и славянскаго языковъ. Вѣроятно, Епифаній оставилъ братскую школу до 1631 года, или вообще около этого времени, и отправился для продолженія образованія за границу, но какіе посѣтилъ онъ города и школы — мы опять съ достовѣрностью сказать не можемъ, ограничиваясь лишь предположеніемъ, что это были школы латинскія и католическія. Возвратившись на родину, Епифаній принялъ монашество въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и около 1642 года перешелъ въ Братскій монастырь, въ школѣ котораго учительствовалъ до 1649 года. Къ этому промежутку времени, именно къ 1643 году, относится и первый ученый трудъ Епифанія — передѣлка имъ, въ интересахъ славянскаго языка, знаменитаго словаря Амвросія Калепина, изданнаго въ Базелѣ въ 1577 году. Появленіе Епифанія въ Москвѣ, по вызову московскаго правительства, относится къ іюлю 1649 года, куда онъ прибылъ вмѣстѣ съ Арсеніемъ Сатановскимъ и старцемъ Θεодосіемъ. Такъ какъ цѣлью приглашенія въ Москву Епифанія Славинецкаго было желаніе воспользоваться его ученостью и такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ по своей натурѣ не обнаруживалъ склонности

къ какому-либо иному роду дѣятельности, то вполнѣ естественно, что вся послѣдующая жизнь Епифанія на Москвѣ представляет собою лишь рядъ книжныхъ трудовъ, вызванныхъ тогдашнимъ состояніемъ русскаго просвѣщенія.

Работы Епифанія начались переводомъ на славянскій языкъ греческаго текста литургіи Іоанна Златоустаго; переводъ былъ оконченъ уже въ августѣ 1649 года. Животрепещущимъ вопросомъ той эпохи въ Москвѣ было отношеніе къ грекамъ и греческимъ книгамъ, и въ вліятельныхъ слояхъ московскаго общества окончательно установился высказанный еще по поводу Катехизиса Лаврентія Зизанія (см. выше, стр. 416—417) взглядъ, что прежнее традиціонное довѣріе къ грекамъ и ихъ книгамъ должно быть оставлено — въ виду того, что греки, будучи подъ властью турокъ, потеряли прежнюю чистоту вѣры. Въ этомъ, почти безотчетномъ, движеніи, построенномъ главнымъ образомъ на вѣроисповѣдно-націоналистическихъ основахъ, очень мало принимались въ соображеніе фактическія данныя, незнакомыя или мало знакомыя большей части московскихъ богословствующихъ людей. Помощи въ этомъ дѣлѣ можно было ожидать лишь отъ людей ученыхъ, и въ качествѣ такого человѣка Славинецкій, при своемъ прекрасномъ знаніи греческаго языка, былъ въ Москвѣ какъ нельзя болѣе кстати. На его долю выпало разъяснить, что недовѣріе къ греческимъ книгамъ было неосновательно, и такимъ образомъ содѣйствовать ослабленію тѣхъ тенденцій, которыя, стоя за старину въ области книжной, чуждались возможности полезныхъ исправленій и приводили къ расколу. Однимъ изъ лицъ, проникшихся ранѣе другихъ просвѣщенной точкой зрѣнія Славинецкаго, былъ, повидимому, царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, принимавшій участіе въ исправленіи богослужебныхъ книгъ въ Москвѣ еще до появленія тамъ Никона. Самому Епифанію Славинецкому принадлежитъ въ этомъ важномъ общественномъ дѣлѣ тогдашняго времени весьма

выдающаяся роль. Официальное положеніе Епифанія при московскомъ печатномъ дворѣ не совсѣмъ ясно; очень вѣроятнымъ представляется мнѣніе, что онъ не былъ простымъ корректоромъ или даже справщикомъ, какъ говорятъ объ этомъ современныя извѣстія, но, въ качествѣ ученаго знатока дѣла, былъ однимъ изъ высшихъ наблюдателей за печатаніемъ и въ особенности сличеніемъ печатаемыхъ книгъ съ греческими подлинниками, занимая въ этомъ отношеніи такое же положеніе, какое въ 60-хъ годахъ XVII в. разновременно занимали тобольскій архіепископъ Симеонъ и митрополитъ сарскій и подонскій Павелъ¹⁾.

Значеніе Епифанія еще болѣе усилилось со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона (1652), и новый патріархъ, недостаточно знавшій греческій языкъ, нашелъ въ кievскомъ ученомъ инокѣ чрезвычайно полезнаго себѣ помощника. Одна любопытная современная записъ, рассказывающая вкратцѣ о предпріятомъ Никономъ исправленіи священныхъ и богослужебныхъ книгъ, характеризуетъ Епифанія какъ „мужа многоученаго“, „не токмо грамматики и риторики, но и философіи и самыя ѳеологіи испытателя и искуснѣйшаго разсудителя и опаснаго претолковника еллинскаго, словенскаго и польскаго діалектовъ“, при чемъ объ участіи его въ дѣлѣ исправленія книгъ прямо говоритъ, что „святѣйшій Никонъ патріархъ нача съ греческихъ правити книги словенскія по тогожде мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія разсмотрѣнію и возвѣщанію, яко книга Литургіарій (т. е. Службеникъ) премного не согласоваше въ самомъ священнодѣйствіи къ греческимъ святыя литургіи“; вмѣстѣ съ этимъ, записъ свидѣтельствуетъ, что „словеса Епифанія“ о томъ, что „въ словенской Библии премногая суть погрѣшенія въ реченіихъ и разумѣніи, не отъ хитрости, но отъ простоты и невѣдѣнія“,

1) Ив. Ротаръ. Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII вѣка. Кіевская Старина 1900 № 10, стр. 35—37.

„доидоша во слухи“ самого царя¹⁾. Нѣтъ основанія не до-
вѣрять этому свидѣтельству о выдающейся роли Епифанія
въ рѣшеніи на Москвѣ приняться систематически за великое
дѣло книжнаго исправленія, хотя въ извѣстномъ предисловіи
къ Службнику 1655 года на первое мѣсто выдвинута была
личность самого Никона²⁾.

Въ послѣдующіе годы жизни Епифанія въ Москвѣ
имъ или при его ближайшемъ участіи былъ совершенъ
рядъ литературныхъ работъ большой важности. Въ 1663
году была напечатана Библия, и хотя отмѣны, произведенныя
въ текстъ этого изданія, не были особенно велики сравни-
тельно съ предшествовавшими острожскимъ (1581) и мос-
ковскимъ (1653) изданіями этой книги, тѣмъ не менѣе въ
общемъ это была весьма значительная работа, произведен-
ная Епифаніемъ. Недостатки ея и причины допущенія ихъ
были объяснены самимъ Епифаніемъ въ одномъ изъ пре-
дисловій: неимѣніе подъ руками древнихъ греческихъ
текстовъ, недостатокъ знающихъ греческій языкъ помощни-
ковъ, тяжелыя внѣшнія обстоятельства („неудобоносимое
время, сіе есть настоятельство браней“), мѣшавшія болѣе
широкой постановкѣ всего этого дѣла, наконецъ — господ-
ствующій предразсудокъ, что греческое благочестіе повре-
ждено и что правильный текстъ заключается въ старыхъ
славянскихъ переводахъ; не смотря на все это, нужда въ
печатныхъ экземплярахъ Библии была такъ велика, что
болѣе основательная работа отложена была на „прочее время“,
и изданіе выпущено было спѣшно („вскорѣ“) съ готоваго
уже Острожскаго изданія 1581 года³⁾. Дѣйствительно, болѣе
благопріятное время для подобнаго труда наступило, пови-

1) Митр. Евгеній. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи
писателяхъ духовнаго чина. Т. I (1827), стр. 178—179.

2) Ив. Ротаръ, назв. соч., „Кіевская Старина“ 1900 № 11, стр.
191—199.

3) Тамъ же, стр. 208—212.

димому, въ 1674 году, когда по вопросу о новомъ переводѣ Библии былъ созванъ въ Москвѣ соборъ, и на немъ было поручено, какъ говоритъ уже упомянутая современная записъ, „преводить Библию всю вново, Ветхій и Новый Завѣтъ, іеромонаху Епифанію Славинецкому съ книгъ греческихъ самыхъ седмдесятыхъ преведенія, въ Франкфортѣ печатныхъ въ дестъ лѣта 1597, и съ другихъ въ Лондиніи печатанныхъ лѣта 1600 и инья изданія лѣта 1587“. Однако это дѣло не было доведено до конца, вслѣдствіе послѣдовавшей черезъ полтора года смерти Епифанія: Ветхій Завѣтъ не былъ и начатъ, а Новый хотя и переведенъ, но „начисто не прочтется и не исправися“ ¹⁾. Изъ другихъ работъ Епифанія можно указать здѣсь: „Скрижалъ“ (1655) — переводный сборникъ, въ самостоятельныхъ приложеніяхъ къ которому Епифаній, путемъ ученыхъ историко-богословскихъ разсужденій, защищалъ предпринятое Никономъ дѣло исправленія книгъ ²⁾; затѣмъ — творенія Григорія Богослова, Аѳанасія Александрійскаго, Василия Великаго и Іоанна Дамаскина, работа надъ переводомъ которыхъ была начата Епифаніемъ еще въ 1656 году, а въ печати вышла она, въ одной книгѣ, въ 1665 ³⁾; кромѣ того, подъ его просмотромъ изданы были многія богослужебныя книги, напр. Минея (1660), Каноникъ (1662) и др.

Помимо своихъ книжныхъ занятій, имѣвшихъ по тому времени большое общественное значеніе, Епифаній выступилъ также и въ роли школьнаго наставника — именно въ т. наз. Чудовской школѣ, хотя самое существованіе этой школы, въ настоящемъ смыслѣ слова, и отрицается, напр., проф. Н. Ѳ. Каптеревымъ ⁴⁾. Наконецъ, общественныя

1) Словарь историческій, I, стр. 180. 182.

2) П. в. Ротаръ, назв. соч., „Кіевская Старина“ 1900 № 11, стр. 199—206.

3) Тамъ же, стр. 213—216.

4) Ср. у П. в. Ротара, назв. соч., „Кіевская Старина“ 1900 № 12, стр. 383—387.

стремленія Славинецкаго выразились и въ его проповѣд-
 нической дѣятельности. Къ сожалѣнію, размѣры этой сто-
 роны дѣятельности кievскаго ученаго инока до сихъ поръ
 недостаточно разслѣдованы ученой критикой, и напр. „Слово
 о милости“, усвоенное Епифанію, какъ одно изъ лучшихъ
 проявленій его проповѣднической мысли, по новизнѣ идей,
 наблюдательности автора и его глубокому интересу къ обще-
 ственнымъ вопросамъ ¹⁾, оспаривается относительно автор-
 ства Епифанія и приписывается ученику его, иноку Евѣи-
 мію ²⁾. Впрочемъ, проповѣдническіе труды Епифанія въ
 цѣломъ носятъ на себѣ отвлеченный характеръ и, будучи
 изложены съ большой эрудиціей, слѣдуютъ традиціонной
 византійской проповѣднической схемѣ; проповѣдника зани-
 маютъ главнымъ образомъ общіе вопросы вѣры и нравствен-
 ности, а дѣйствительная жизнь московскаго люда XVII вѣка
 почти не находитъ въ ней себѣ отраженія; въ этомъ отно-
 шеніи Епифаній сходится со своимъ антагонистомъ Симеономъ
 Полоцкимъ, съ которымъ онъ также дѣлилъ и борьбу про-
 тивъ современнаго ему раскола ³⁾. Умеръ Славинецкій 19
 ноября 1675 года.

Общее историческое значеніе Епифанія Славинецкаго
 заключается въ томъ, что онъ явился въ Москву какъ но-
 ситель и безспорно выдающійся представитель кievской уче-
 ности. Будучи знатокомъ греческаго языка и литературы
 и сторонникомъ греческаго направленія въ вопросахъ вѣры
 и просвѣщенія, Епифаній много содѣйствовалъ въ Москвѣ

1) В. П ѣ в н и ц к і й. Епифаній Славинецкій, одинъ изъ главныхъ
 дѣятелей русской духовной литературы въ XVII вѣкѣ. Труды Кіевской
 Духовной Академіи 1861 № 10, стр. 163—171.

2) С. Н. Б р а й л о в с к і й. Слово чудовскаго инока Евѣимія о
 милости. (П. Др. П. № СІ). Спб. 1894.

3) В. П ѣ в н и ц к і й, назв. соч., Тр. К. Д. А. 1861 № 10, стр. 135—154.
 154—163. Проповѣди Епифанія доселѣ не напечатаны въ цѣломъ ихъ
 объемѣ; одна изъ нихъ помѣщена въ соч. С. Н. Б р а й л о в с к а г о :
 Одинъ изъ пестрыхъ XVII столѣтія. Спб. 1902, стр. 410—414.

своими трудами и личностью тому, чтобы ничѣмъ неоправдываемое недовѣріе къ грекамъ было разсѣяно по крайней мѣрѣ въ тѣхъ кругахъ московскаго общества, отъ которыхъ зависѣла судьба дальнѣйшаго русскаго просвѣщенія. Направленіе трудовъ Епифанія было по преимуществу филологическое и историко-богословское. Истиннаго научнаго критицизма въ его работахъ, конечно, было немного, но онъ и не былъ еще тогда въ Россіи въ духѣ времени; ученость Епифанія была лишь на уровнѣ той школьной мудрости, которую онъ могъ почерпнуть въ Кіевѣ и за границей, въ кругу интересовъ по преимуществу духовныхъ, среди книгъ почти исключительно богословскаго и филологическаго содержанія.

4.

Димитрій, митрополитъ Ростовскій. — Его жизнь. — Проповѣди. — Четьи-Минеи. — Розыскъ о брынской вѣрѣ. — Драмы.

Димитрій, будущій Ростовскій митрополитъ, родился въ семьѣ казака Саввы Григорьевича Туптала, въ мѣстечкѣ Макаровѣ, верстахъ въ 40 отъ Кіева по Житомирской дорогѣ, въ декабрѣ 1651 года¹⁾. Окрещенъ онъ былъ Даниломъ. О дѣтствѣ будущаго святителя мы ничего не знаемъ. Вскорѣ послѣ рожденія сына, отецъ Данила переселился съ семействомъ въ Кіевъ; въ это время онъ уже носилъ званіе сотника. Первоначальное обученіе мальчика было домашнее, въ религіозномъ духѣ; потомъ его отдали въ кіевскую братскую школу, которая въ эту пору много страдала отъ политическихъ перемѣнъ въ судьбѣ самого Кіева, переходившаго то подъ русскую, то подъ польскую державу. Въ 1665 году училище

1) Этотъ годъ своего рожденія называетъ самъ Димитрій въ своемъ „Діаріи“; однако новѣйшій изслѣдователь жизни Д. Ростовскаго склоненъ усматривать тутъ неточность и считаетъ годомъ рожденія Димитрія — 1650: М. С. Поповъ. Святитель Димитрій Ростовскій и его труды. Спб. 1910, стр. 4. 13.

было даже совершенно разрушено и возобновилось лишь через четыре года, такъ что Даніиль не могъ окончить въ немъ полного курса, дошедши лишь до риторическаго класса. Въ 1668 году Даніиль, съ раннихъ лѣтъ чувствовавшій склонность къ созерцательной жизни и ученымъ занятіямъ, поступилъ въ иноки Кіево-Кирилловскаго монастыря, и въ томъ же году 9 іюля принялъ монашеское постриженіе съ именемъ Димитрія, не имѣя еще и полныхъ 17-ти лѣтъ отъ роду. Въ слѣдующемъ 1669 году онъ получилъ посвященіе въ іеродьяконы, и затѣмъ вплоть до 1775 года мы о его жизни ничего не знаемъ. Въ названномъ году мы видимъ его въ Густынскомъ монастырѣ, близъ города Прилукъ, гдѣ 23 мая онъ посвященъ былъ Черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ въ іеромонахи. Выдающіяся умственныя дарованія Димитрія не могли не получить высокой оцѣнки со стороны Барановича; онъ взялъ его въ Черниговъ въ качествѣ архіепископскаго проповѣдника, и здѣсь Димитрій оставался два года слишкомъ, до 31 іюля 1677 года; къ этому же времени относится и первое его литературное произведеніе, „Руно орошенное“, представляющее собою описаніе чудесъ отъ образа Богородицы въ Черниговскомъ Троицко-Ильинскомъ монастырѣ; оно напечатано было въ 1683 году; указаніе Сопикова на изданіе 1680 года до сихъ поръ не нашло себѣ фактическаго подтвержденія¹⁾. Съ этого времени слава Димитрія, какъ проповѣдника, стала быстро расти; онъ пользуется обрацаемыми къ нему съ разныхъ сторонъ приглашеніями проповѣдничества и игуменства; живетъ въ Вильнѣ, Слуцкѣ, Батуринѣ, оставаясь вездѣ недолго. Въ 1684 году, вызванный новымъ (послѣ Иннокентія Гизеля) намѣстникомъ Кіево-Печерской лавры Варлаамомъ Ясинскимъ, Димитрій переселился въ Кіево-Печерскую лавру.

1) И. А. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Спб. 1891, стр. 19.

Сюда влекла его въ особенности возможность отдаться ученымъ трудамъ, и здѣсь онъ полагаетъ основаніе своимъ Четымъ-Минямъ, первоначальная мысль о которыхъ принадлежала еще Петру Могилѣ, занимала потомъ Гизеля и наконецъ Ясинскаго, которому и посчастливилось найти въ лицѣ Димитрія вполнѣ подходящую для этой цѣли силу. Онъ принялся за работу въ самый же годъ переселенія своего въ лавру и повелѣ дѣло настолько энергично, что уже въ 1689 году лавра могла приступить къ печатанію первой четверти этого колоссальнаго труда (за сентябрь — ноябрь). вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ въ лаврѣ официальнымъ проповѣдникомъ, и въ томъ же 1689 году самъ намѣстникъ отдаетъ ему въ этомъ отношеніи полную честь. Работая надъ второй четвертью Четыхъ-Миней, Димитрій получилъ приглашеніе отъ новаго Черниговскаго архіепископа Θεодосія Углицкаго управлять монастыремъ Петра и Павла, на что онъ и согласился, но вскорѣ затѣмъ, въ 1697 году, избранъ былъ игуменомъ Кіево-Кирилловскаго монастыря, мѣста своего постриженія, откуда переведенъ былъ архимандритомъ сначала Елецкаго и далѣе Спасскаго Новгородъ-Сѣверскаго монастыря. Всѣ эти перемѣны однако же не отрывали Димитрія ни отъ его проповѣдничества, ни отъ труда надъ Минями. Начало новаго столѣтія совпало съ важнымъ поворотомъ въ жизни Димитрія, не оставившаго до сихъ поръ своего родного юга и знакомой обстановки: въ мартѣ 1701 года онъ былъ назначенъ Сибирскимъ митрополитомъ и первоначально отправился въ Москву, но тутъ захворалъ и, боясь вреднаго вліянія суроваго сибирскаго климата на свое слабое здоровье, не поѣхалъ на мѣсто назначенія; въ 1702 году онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ Ростовскимъ, и прибылъ въ Ростовъ 1 марта этого года. Ростовское служеніе было послѣднимъ этапомъ въ жизни Димитрія и вмѣстѣ съ тѣмъ поприщемъ чрезвычайно усиленной и разносторонней его дѣятельности, какъ проповѣд-

ника, писателя и администратора. По церковнымъ дѣламъ своей епархіи Дмитрію не разъ приходилось бывать въ Москвѣ, и эти поѣздки, приводившія его въ соприкосновеніе съ старомосковской политической партіей, недовольной Петромъ, немало содѣйствовали опредѣленію и собственныхъ политическихъ симпатій Дмитрія въ консервативномъ духѣ; затѣмъ, много времени посвятилъ Дмитрій ознакомленію и борьбѣ съ расколомъ, получившимъ въ Ростовской землѣ значительное распространеніе. Глубоко преданный идеѣ просвѣщенія, Дмитрій ревностно содѣйствовалъ въ Ростовѣ заведенію училищъ, проповѣдывалъ и занимался учеными трудами. Здѣсь онъ и скончался 28 октября 1709 года, 58 лѣтъ отъ роду.

Литературная дѣятельность Дмитрія Ростовскаго была весьма разнообразна; она выразилась въ проповѣдничествѣ, историческихъ трудахъ, церковной полемикѣ и въ области собственно-литературной.

На проповѣдничество самъ Дмитрій смотрѣлъ какъ на свою главную обязанность. Въ письмѣ къ Ѳ. Поликарпову, отъ 8 ноября 1708 года, онъ писалъ: „моему сану надлежитъ слово Божіе проповѣдати не только языкомъ, но и пиноющею рукою: то мое званіе, то моя должность“¹⁾; и въ болѣе ранніе годы онъ съ большимъ усердіемъ занимался проповѣдничествомъ. Самой ранней изъ дошедшихъ до насъ проповѣдей Дмитрія является слово, произнесенное 24 февраля 1685 года въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ годовичную память погребенія Иннокентія Гизеля; оно цѣликомъ построено по схоластическому образцу, въ духѣ проповѣдническихъ трудовъ Голятовскаго и Радивиловскаго²⁾. И въ дальнѣйшіе годы своей жизни, на югѣ, Дмитрій держался той же проповѣднической манеры. Мало касаясь реальныхъ

1) Св. Дмитрій, митрополитъ Ростовскій. М. 1849, стр. 63.

2) Шляпкинъ, назв. соч., стр. 43—45.

вопросовъ жизни, онъ развивалъ въ своихъ ученыхъ проповѣдяхъ главнымъ образомъ общее наставленіе — стремиться къ осуществленію въ возможной полнотѣ христіанскаго идеала, который онъ понималъ хотя и отвлеченно, но далеко не аскетически; мысль о покаяніи является излюбленной проповѣднической идеей Димитрія. Съ переселеніемъ на сѣверо-востокъ, Димитрій поддается ближайшему воздѣйствію внѣшней жизни, и эта перемѣна получаетъ немедленно свое выраженіе въ его проповѣдяхъ, сказанныхъ въ Москвѣ и въ Ростовѣ, хотя и тутъ указанія на дѣйствительность облечены большею частію въ общую форму. Во время Шведской войны, въ 1701 году онъ произноситъ, будучи въ Москвѣ, рядъ проповѣдей, въ которыхъ указываетъ на необходимость испытаній, трудовъ и на силу молитвы; военныя неудачи приписываетъ грѣхамъ народнымъ и рекомендуетъ царю высоту въ смиреніи и обладаніе своими страстіями. Въ послѣдніе годы жизни святителя его критическое отношеніе къ царю растетъ: въ одной изъ проповѣдей, говоря о царѣ вообще, онъ — очевидно, имѣя въ виду Петра — указываетъ на гнѣвъ и любострастіе, какъ главные его пороки; въ другой весьма прозрачно жалуется на опасность пострадать отъ него всякому, кто пожелалъ бы говорить „праведную истину и истинную правду“; въ третьей проповѣдникъ, съ явнымъ намекомъ на современность и по поводу разрѣшенія въ войскахъ отъ поста (1708), изображаетъ пиръ царя Ирода, на которомъ первыя мѣста занимаютъ Венусъ, Бахусъ и Арей, т. е. „прелюбодѣйство, пьянство и безчеловѣчіе или человѣкоубійство“¹⁾. Кромѣ царя, обличенія проповѣдника подвергнуты боярская гордость и немилосердіе къ низшимъ, обманы среди купцовъ, небреженіе къ своимъ обязанностямъ духовенства и разнаго рода грубые обычаи среди простого народа: кулачные бои, святочныя игрища, хороводы и болтовня. Нельзя

1) Ш л я п к и н ъ, назв. соч., стр. 284—289. 393—394.

сказать, чтобы въ цѣломъ проповѣди Димитрія, обильно снабженныя схоластическимъ багажомъ, отличались доступною для всѣхъ простотою. Это сознавалъ и самъ проповѣдникъ, и въ послѣдніе годы своей дѣятельности нерѣдко вспоминалъ о необходимости сдѣлать ихъ болѣе близкими пониманію народной массы. Такъ, въ словѣ о Богородицѣ (5 апрѣля 1701) онъ говоритъ: „Кончу убо слово мое. Мню же, яко не всякъ памятовати будетъ реченнаго мною, развѣ кто книжный: простые же и безкнижные челоуѣцы безъ пользы отыдутъ. Скажу убо и тѣмъ нѣчто памяти достойное . . .“, и далѣе дѣйствительно говоритъ болѣе простыми словами, резюмируя уже сказанное ранѣе; то же самое можно видѣть и въ проповѣди 19 августа 1701 года, произнесенной въ Донскомъ монастырѣ ¹⁾. Какъ на цѣльный примѣръ, сравнительно рѣдкой впрочемъ, естественности Димитрія въ области проповѣди, можно указать на его поученіе въ память великомученика Евстаѳія Плакиды. Здѣсь проповѣдникъ выясняетъ евангельскую притчу о „царствіи небесномъ“ и изображаетъ, какимъ образомъ „сокровище“ этого царствія, побывавъ въ разныхъ слояхъ жизни, остановилось въ концѣ концовъ „на селѣ“ ²⁾: передъ слушателемъ проходятъ тутъ яркія картины современнаго проповѣднику русскаго быта.

Къ области церковной полемики долженъ быть причисленъ знаменитый трактатъ Димитрія „Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ“, написанный въ 1708—1709 годахъ, но напечатанный лишь гораздо познѣе (М. 1745), а до того времени обращавшійся среди читателей въ рукописныхъ спискахъ. Сочиненіе это направлено противъ раскольниковъ, и содержаніе его видно изъ самаго заглавія: „Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ, о ученіи ихъ, о дѣлахъ ихъ

1) Шляпкинъ, назв. соч., стр. 290—291.

2) Сочиненія Димитрія Ростовскаго. Ч. IV. М. 1786, л. 31 об. — 33.

и изъявленіе, яко вѣра ихъ неправа, ученіе ихъ душевредно и дѣла ихъ не богоугодна“. Источниками автору служили многія произведенія переводной и оригинальной древнерусской литературы: раскольничьи сочиненія (напр., прот. Аввакума и его ученика Ерофея), обличенія ихъ со стороны православныхъ (Юрія Крижанича, сибирскаго митрополита Игнатія и др.), сочиненія Максима Грека, Требникъ, Служебникъ, Книга о вѣрѣ. М. 1648, Стоглавъ и т. п., наконецъ — устныя донесенія и собственныя наблюденія Димитрія. „Розыскъ“ очень богатъ фактическимъ матеріаломъ о раскольникахъ и въ этомъ отношеніи далеко оставляетъ за собою какъ „Жезль правленія“ Симеона Полоцкаго (М. 1668), такъ и „Увѣтъ Духовный“ патріарха Пителима (М. 1682); тутъ впервые ясно разграничены разнообразныя раскольничьи секты, поповщинскія и безпоповщинскія. Авторъ смотритъ на расколъ исключительно какъ на плодъ невѣжества, не усматривая въ немъ никакихъ психологическихъ или соціальныхъ элементовъ. Какъ видно изъ обращенія „къ благоразумному читателю“ въ началѣ книги, она предназначалась авторомъ для широкаго круга читателей, „самыхъ преепростыхъ людей, силы писанія святаго не вѣдущихъ, имъ же и простая бесѣда едва внятна бываетъ“. Сообразно съ этимъ, изложеніе отличается значительной простотой. Напр., въ характерной статьѣ „Разсмотрѣніе, въ небрадобритіи есть ли спасеніе“ (Ч. II, гл. 19) авторъ въ такихъ выраженіяхъ вооружается противъ этого обычая раскольниковъ, возведеннаго ими тогда почти въ догматъ: „Душу потерять беззаконіемъ ничто же есть, браду же потерять грѣхъ великъ есть. Браду многими рублями окупити, душу же за денежку во адъ продати готовы, и тако стала у нихъ борода выше души“. Затѣмъ, онъ продолжаетъ иронизировать такимъ образомъ: „Поистинѣ таковымъ подобаетъ нарицатися бородіане паче, неже христіане. Ни душа бо, ни Христось у нихъ въ толикомъ почитаніи, во еликомъ брада

ихъ. Идетъ воръ на воровство, на татбу, на разбой, забывъ Христа, забывъ и душу свою, и не радить о томъ, а о брадѣ ему радѣніе велико . . . Та спасеть, та въ царство небесное введеть, та предъ Богомъ оправдить, а безъ нея невозможно спастися. О, крайняго безумія безумныхъ!“ Въ общемъ книга отличается спокойнымъ тономъ и даже значительнымъ безпристрастіемъ въ сужденіяхъ о раскольникахъ (см., напр., 1 гл. III части).

Самымъ обширнымъ изъ литературныхъ трудовъ Дмитрія являются его Четьи-Минеи. Онъ посвятилъ имъ болѣе 20 лѣтъ своей жизни. Какъ уже упомянуто (стр. 452), начало работъ надъ Четьи-Минейми относится къ 1684 году, а въ 1689 году была напечатана въ Кіевѣ первая ихъ четверть; вторая четверть (декабрь — февраль) вышла въ 1695, третья (мартъ — май) въ 1700 и четвертая (іюнь — августъ) въ 1705. Многія послѣдовавшія затѣмъ изданія этого труда въ XVIII и XIX вв. указываютъ на то, что сочиненіе это было отвѣтомъ на дѣйствительную потребность читателей и въ значительной степени ей удовлетворяло. Содержаніе Четьихъ-Миней Дмитрія составляютъ расположенныя по порядку мѣсяцеслова житія святыхъ, къ которымъ присоединены соотвѣтственныя поучительныя слова и отдѣльныя историческія разсужденія при началѣ и концѣ каждой четверти года (напр., на тему „о календарѣ эллино-римскомъ древнѣйшемъ“). При составленіи своего труда Дмитрій пользовался многими церковно-историческими сочиненіями на греческомъ и латинскомъ языкахъ, имѣлъ въ рукахъ „Vitae Sanctorum“ Сурія (Surius), а съ 1693 года и „Acta Sanctorum“ Болландистовъ; главнѣйшее же значеніе имѣли для него Четьи-Минеи митр. Макарія, пользованіе которыми сопряжено было для Дмитрія съ большими затрудненіями: ихъ приходилось доставать изъ Москвы, причемъ московскій патріархъ Іоакимъ, въ силу общаго нерасположенія московской духовной власти къ малороссамъ, чинилъ въ этомъ

дѣлѣ Димитрію существенныя препятствія ¹⁾. Переѣзды съ мѣста на мѣсто, административныя обязанности и другіе труды Димитрія также создавали по временамъ неблагопріятную обстановку для совершенія этого труда, окончаніе котораго потребовало со стороны автора особенной настойчивости и энергіи. Неудивительно поэтому, что, съ радостью окончивъ свой трудъ, Димитрій отмѣтилъ его молитвой Симеона-Богопріимца: „нынѣ отпускаени раба Твоего, Владыко . . .“ ²⁾. На значеніе этого труда для современниковъ Димитрія указываетъ, между прочимъ, то, что свѣдѣнія объ его выходѣ въ свѣтъ заносились въ лѣтопись, напр. Велички ³⁾. Желая еще далѣе пойти на встрѣчу народной потребности, вызвавшей Четы-Минеи, Димитрій предпринялъ сокращенное изложеніе того же матеріала. Это былъ „Мартирологъ или мученикословіе, житія святыхъ по мѣсяцехъ и числахъ вкратцѣ собранныя въ себѣ содержащее“. Какъ объясняетъ авторъ, онъ хотѣлъ этимъ трудомъ прійти на помощь тѣмъ людямъ, которые, нуждаясь въ благочестивомъ и назидательномъ чтеніи, не могутъ пріобрѣсти дорогое изданіе пространныхъ Четыхъ-Миней или не имѣютъ времени, по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, читать подробныя жизнеописанія, или, наконецъ, желаютъ имѣть возможность хотя бы краткаго молитвеннаго обращенія ко всѣмъ святымъ, чего нѣтъ въ обширныхъ Четыхъ-Минейхъ. Однако трудъ этотъ, начатый Димитріемъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ въ 1700 году, вѣроятно по недостатку времени, не былъ имъ доведенъ до конца.

Наконецъ, Димитрію Ростовскому приписывается и сочиненіе нѣсколькихъ драматическихъ произведеній. Вопросъ этотъ и до настоящаго времени не поддается точному разрѣшенію. Еще Н. И. Новиковъ въ своемъ „Опытѣ исто-

1) Шляпкинь, назв. соч., стр. 180—182.

2) Тамъ же, стр. 374.

3) Тамъ же, стр. 265.

рическаго словаря“ (1772) отмѣтилъ четыре „комедіи стихами“, принадлежащія перу Димитрія: „Рождество Христово“, „Грѣшникъ кающійся“, „Успенская“ и „Дмитріевская“¹⁾. Затѣмъ, митр. Евгеній въ „Словарѣ историческомъ духовныхъ писателей“ называетъ шесть такихъ „драмъ въ стихахъ“: „Грѣшникъ кающійся“, „Успенская драма“, „Дмитріевская драма“, „Есѣиръ и Агасферъ“, „Рождество Христово“ и „Воскресеніе Христово“, при чемъ прибавляетъ, что драмы эти писаны Димитріемъ „еще въ Малороссіи, гдѣ драматическія представленія въ его время были въ частомъ употребленіи и въ уваженіи какъ у духовныхъ, такъ и у свѣтскихъ; но потомъ онѣ играны бывали у него и въ Ростовѣ“²⁾. Н. С. Тихонравовъ въ перечнѣ театральнаго репертуара 1672—1725 годовъ внесъ, подъ рубрикой „конца XVII вѣка“, названія всѣхъ шести пьесъ съ именемъ Димитрія, согласно указанію митр. Евгенія, отнесшись съ недоувѣріемъ лишь къ одной изъ нихъ — „Есѣиръ и Агасферъ“³⁾. Долгое время не было извѣстно текста ни одной изъ названныхъ пьесъ, и лишь въ 1862 году впервые Тихонравовъ напечаталъ въ IV т. „Лѣтописей русской литературы и древности“ „Рождественскую драму“ (перепечатано потомъ въ „Русскихъ драм. произведеніяхъ“ I, 339—399); затѣмъ, въ самое послѣднее время М. Н. Сперанскій опубликовалъ текстъ „Успенской драмы“ въ „Чтеніяхъ Общ. Истории и древностей Росс. при М. У-тѣ“ 1907, кн. 3, отд. 2. Остальныя пьесы и до сихъ поръ извѣстны лишь по названію. Что касается „Рождественской драмы“, то П. О. Морозовъ въ своей „Исторіи русскаго театра“⁴⁾ не отвергаетъ связи ея съ именемъ

1) П. А. Ефремовъ. Матеріалы для исторіи русской литературы. Спб. 1867, стр. 32.

2) Т. I, изд. 2, стр. 133—134.

3) Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. Т. I, стр. XLIV.

4) Т. I, стр. 94—95.

Димитрія, но весьма рѣшительно ограничиваетъ въ этомъ случаѣ его авторскую самостоятельность: онъ считаетъ эту пьесу передѣлкой или, б. м., переводомъ польскаго школьнаго дѣйства, текстъ котораго намъ неизвѣстенъ, при чемъ полагаетъ весьма вѣроятнымъ, что она обработана была Димитріемъ въ Ростовѣ и назначалась для представленія въ школѣ, устроенной святителемъ при мѣстномъ архіерейскомъ домѣ, наконецъ — что пьеса была представлена въ присутствіи самого автора. Другой изслѣдователь, И. А. Шляпкинъ¹⁾, совершенно отвергаетъ авторство Димитрія относительно этого произведенія, ссылаясь на заключительныя слова пролога, въ которыхъ дѣйствующія лица призываютъ на себя благословеніе „архіерея“, т. е. самого Димитрія. Конечно, этотъ доводъ, хотя его принимаетъ и Н. И. Петровъ²⁾, самъ по себѣ не имѣетъ большой убѣдительной силы, и вопросъ о принадлежности, въ томъ или другомъ видѣ, „Рождественской драмы“ перу Димитрія остается открытымъ, за недостаткомъ положительныхъ указаній въ текстѣ и другихъ свидѣтельствъ. То же самое въ сущности приходится сказать и объ „Успенской драмѣ“, хотя проф. Сперанскій и считаетъ принадлежность ея Димитрію Ростовскому несомнѣнной и даже полагаетъ возможнымъ допустить, что найденный имъ, единственный доселѣ извѣстный, списокъ этой драмы представляетъ собою автографъ Димитрія³⁾.

Вотъ содержаніе этихъ пьесъ, связь которыхъ съ именемъ Димитрія Ростовскаго во всякомъ случаѣ не лишена извѣстной доли вѣроятности.

„Рождественская драма“ состоитъ изъ 18 „явленій“, которымъ предшествуетъ антипрологъ, затѣмъ прологъ, а

1) Назв. соч., стр. 343.

2) Тр. К. Д. А. 1909 № 10, стр. 265—266.

3) Назв. соч., стр. III—VI.

за послѣднимъ явленіемъ — эпилогъ. Въ „антипрологѣ“ выводится на сцену „натура людская“, мрачно настроенная. Ее утѣшаютъ своими рѣчами другія аллегорическія фигуры — „Омыльная надежда“, „Вѣкъ златый“, „Покой“, „Любовь“, „Кротость“, „Незлобіе“ и др., слова которыхъ отчасти достигаютъ своей цѣли; но затѣмъ на сцену являются „Разсужденіе“, „Желѣзный вѣкъ“, „Брань“, „Ненависть“, „Ярость“, „Злоба“, и своими рѣчами приводятъ „Натуру“ во прежнее пессимистическое состояніе. Далѣе начинается самое дѣйствіе. Въ 1 явл. бесѣдуютъ между собою Земля и Небо, при чемъ опять первая жалуется на свое мрачное существованіе, а второе ее утѣшаетъ. Во 2 явл. представлена ночь передъ Рождествомъ и пастухи въ полѣ. Это едва ли не самая живая сцена во всей пьесѣ:

Пастырь Борисъ. Государи мои свѣты! Здорово ли живете?

Вы на семь мѣстѣ собраны подавно сидите.

Не видѣли моихъ товарищъ, идущихъ

Въ городъ или зъ города кошели несущихъ?

Одинъ уже и пристаръ, маленько горбатый,

Кривъ на глазъ, имя ему Аврамъ сторожатый;

Другой молодецъ, именемъ Аеоня названный,

Въ старомъ шубіонку, что намъ въ подпасочки данный.

Пошли въ городъ для хлѣба на ужину купити,

А мене оставили овечекъ хранить.

Замѣшкали; а уже ночь темна приходитъ,

А на мене одного страхъ великъ находить.

Я, бросивъ и овечки, пошелъ ихъ искати.

Въ городъ далеко, страшно; здѣ ихъ буду ждати.

Ой, Аврамъ, Аврамъ! То же зайшошь на кружало!

Когда ему какое тамъ лихо не стало.

Пастырь Аврамъ. Борисе, чего ты здѣсь, а овцы покинулъ?

Борисъ. А ты для чего, въ городъ пошедши, загинулъ?

Пришелъ вечеръ, я овцы загналъ во ограду,

А самъ уже пошелъ былъ васъ искать ко граду.

Кое васъ тамъ такъ долго лихо удержало?

Аврамъ. Не покручинься, братецъ: зайшошь на кружало,

За алтынецъ винишка и съ парнишкомъ испивъ.

Борисъ. Отъ вѣдь я догадался! А мнѣ то не купитьъ?

Аврамъ. Никакъ, купилъ и тебѣ: какъ вѣдь не купитьъ?

Малецъ, вынь ми съ кошеля. Не зволишь ли испить?

Борисъ. Нутко сядьте жъ и сами по разу напьемся.

Хлѣба купилъ ли?

Аео́ня. Есть.

Борисъ. Гораздо подкрѣпѣмся.

Аео́ня. Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ тебѣ соль, вотъ и калачи!
Кушай, старичокъ, здоровъ, а на насъ не ворчи.

Аврамъ. Да кушаймо же поскорая, пора идти къ стаду.
Чтобъ нюгда какой волкъ не влѣзъ во ограду.

Въ это время слышится пѣніе ангеловъ:

Аврамъ. Што, братъ? Гдѣ же такъ етакъ поютъ хорошонько?
Еще я такъ не слыхалъ; ты слышишь, Афонько?

Аео́ня. Я вже слышу и вижу, ей, птичка, высоко.
Смотрите. Едбакъ ваше не досмотрить око:
Ты старъ, ты на глазъ хромъ. Вотъ въ гору смотрите!

Борисъ и Аврамъ. Е! е! е! видимъ, видимъ.

Аео́ня. А что, правда птичка?

Аврамъ. Братъ! кажется, робятка стоять не величка?

Аео́ня. Судари, и кто видалъ ребята съ крылами?

Птицы то залетѣли межи облаками:
Етакъ бы хорошонько робята не пѣли.
Смотри, смотри: не видно, вотъ и полетѣли.

Борисъ. Летѣте же здоровеньки, а мы поседѣмо;
Маленько покушавши, къ овечкамъ идѣмо.

Аврамъ. Когда бъ же такъ надъ стадомъ нашимъ всю ночь пѣли,
То бы мы, ихъ слушаючи, спати не хотѣли.
Афоня! ты учися на дудки играти,
Чтобы мы не хотѣли да и ты дремати.

Въ 3 и 4 явл. изображается поклоненіе пастуховъ родившемуся Спасителю, при чемъ каждый изъ нихъ говоритъ привѣтственную рѣчь. Въ 5 явл. представлено „любопытство звѣздочетское“, удивляющееся появленію новой звѣзды. Слѣдующія явленія, съ 6 по 16, передаютъ исторію отношенія царя Ирода къ новорожденному Христу, его безпокойство, избіеніе младенцевъ, плачь Рахили, страшную болѣзнь Ирода и его мучительную смерть. Въ двухъ послѣднихъ явленіяхъ, 17 и 18, выведены аллегорическія фигуры „смерти“, „жизни“, „натуры“ и „божіей крѣпости“, завершающія своими діалогами религіозно-моральную тенденцію драмы объ окончательномъ преобладаніи жизни надъ смертью ¹⁾.

1) В. И. Рѣзановъ, разсматривая эту драму въ связи съ подобными же явленіями западно-европейской и польской литературы, приходитъ къ тому выводу, что произведеніе Димитрія Ростовскаго,

„Успенская драма“ состоитъ изъ двухъ „дѣйствъ“, каждое изъ которыхъ заключаетъ въ себѣ по пяти „явленій“. Въ первомъ дѣйствіи читатель или зритель узнаетъ о смерти Богородицы изъ рассказовъ множества лицъ, между которыми много аллегорическихъ, вродѣ „вѣсти“, „плача“, „утѣшенія“ и т. п.; во второмъ дѣйствіи разработанъ сюжетъ о „грѣшномъ человѣкѣ“, раскаявшемся и, благодаря заступничеству Богородицы передъ своимъ Сыномъ, спасенномъ для вѣчной жизни. Весьма вѣроятно, что это второе дѣйствіе „Успенской драмы“ и есть та предполагаемая, но до сихъ поръ не отысканная особая пьеса „Грѣшникъ кающійся“, которая ставится въ число драматическихъ произведеній Димитрія и содержаніе которой передано было кн. А. А. Шаховскимъ¹⁾. Если „Рождественская драма“, не смотря на обиліе аллегорическихъ фигуръ, заключаетъ въ себѣ все-таки извѣстное конкретное содержаніе, то въ „Успенской драмѣ“ послѣдняго чрезвычайно мало: причиной этого былъ самый сюжетъ, представлявшій исключительныя трудности для драматическаго изображенія; немногія историческія лица (Іакова, апостола Ѳомы) не могли дать достаточно матеріала для большого произведенія, и авторъ поневолѣ долженъ былъ прибѣгать главнѣйшимъ образомъ къ аллегоріи и отвлеченностямъ: вотъ почему это произведеніе должно быть въ литературномъ отношеніи поставлено ниже перваго; по своей внѣшней обработкѣ, оба они являются весьма типическими продуктами тогдашней школьной драматической

вполнѣ примыкая къ существовавшей уже традиціи, отступаетъ отъ нея „только въ частностяхъ обработки матеріала“ и является отраженіемъ двухъ западно-европейскихъ литературныхъ теченій — средневѣковой рождественской мистеріи и театра іезуитовъ: Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ. М. 1910, стр. 99. 114.

1) Лѣтопись русскаго театра, въ „Репертуарѣ русскаго театра“ изд. Песочкаго, I (1840), стр. 1: ср. у М. Н. Сперанскаго, назв. соч., стр. VII.

теоріи. Дѣйствительность, конечно, не могла найти себѣ мѣста въ этихъ произведеніяхъ пера Дмитрія, но все же и тутъ замѣтно его общее гуманистическое настроеніе, милосердіе къ кающемуся грѣшнику и сочувственное отношеніе къ простому люду ¹⁾).

5.

Порча священныхъ и богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. — Первая попытка ихъ исправленія. — Дѣятельность патріарха Никона. — Возникновеніе раскола.

Литературная и общественная дѣятельность представителей юго-западнаго просвѣщенія была лишь одной стороной того сложнаго историческаго процесса, который переживала московская Русь въ XVII вѣкѣ. Мы уже видѣли, съ какимъ трудомъ проникали въ Москву отдѣльныя проявленія западно-русской науки и просвѣщенія, вродѣ Катехизиса Лаврентія Зизанія, и съ какой подозрительностью встрѣчались вообще эти дѣятели относительно ихъ религіозныхъ воззрѣній; не случайнымъ является и тотъ фактъ, что значительная часть литературной дѣятельности Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго и Дмитрія Ростовскаго была посвящена прямой или косвенной борьбѣ съ расколомъ, выросшимъ на той самой почвѣ закоренѣлаго невѣжества и религіозной нетерпимости, которая порождала недовѣріе и вражду къ кіевскимъ пришельцамъ. Намъ уже не разъ приходилось упоминать объ отдѣльныхъ фактахъ изъ области этого то скрытаго, то явнаго противодѣйствія просвѣтительнымъ теченіямъ съ запада, и теперь мы должны обратить свое вниманіе на это теченіе, какъ на самостоятельный факторъ культурной и литературной исторіи Московской Руси, и собрать воедино главнѣйшія относящіяся сюда явленія.

1) Тр. К. Д. А. 1909 № 10, стр. 268—269.

При той исключительной роли, которую играло въ древнее время на Руси религиозное благочестіе и общее церковно-религиозное направленіе жизни, было совершенно естественно, что богослужебныя книги и церковный обрядъ издавна явились важнѣйшей хранительницей самыхъ существенныхъ основъ жизни. Неизмѣнность того и другого представлялась единственнымъ надежнымъ ручательствомъ ихъ вѣрности. Такъ какъ книги и обряды, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, были взяты изъ Греціи и отъ южныхъ славянъ, то первоначальная охрана ихъ была дѣломъ и обязанностью первыхъ представителей духовенства на Руси изъ грековъ и южнаго славянства. Постепенно однако же то и другое неизбѣжно должно было подвергаться измѣненіямъ и отклоненіямъ отъ первоначальныхъ образцовъ. Книги съ теченіемъ времени ветшали, а новыя возникали лишь путемъ снятія рукописныхъ копій; при отсутствіи школьнаго образованія и невѣжествѣ переписчиковъ, не смотря на всю ихъ тщательность при своей работѣ, въ богослужебныя книги проникло при перепискѣ много несправностей и ошибокъ, порождавшихъ, въ свою очередь, новые поводы къ порчѣ книжнаго текста. Первые попытки исправленія богослужебныхъ книгъ были сдѣланы въ XIV вѣкѣ трудами митрополитовъ Алексѣя (1354—1378) и Кипріана (1378—1406). Однако въ XV вѣкѣ это дѣло не имѣло продолженія, и, напротивъ, явились на лицо два обстоятельства, обезцѣнившія въ глазахъ русскихъ людей самый источникъ подобныхъ справокъ и исправленій — греческія книги: это были Ферраро-Флорентійскій соборъ (1438—1439) и паденіе Царьграда (1451); то и другое приведено было въ связь съ потерей греками исконной чистоты ихъ православной вѣры. Съ этого времени единственной хранительницей православія является для русскихъ Москва и вообще восточная Русь; такая точка зрѣнія находила себѣ поддержку и въ общемъ подъемѣ духа на почвѣ политическихъ успѣховъ

Москвы къ половинѣ XVI вѣка. Въ виду этого, попытка исправленія богослужебныхъ книгъ, предпринятая, по приглашенію московскаго правительства, Максимомъ Грекомъ въ первой половинѣ XVI вѣка, не имѣла успѣха и навлекла на него рядъ незаслуженныхъ гоненій. Можно сказать, что трагическая судьба этого ученаго челоувѣка, явившагося на Русь въ качествѣ борца за интересы просвѣщенія, является наилучшей иллюстраціей того невозможнаго положенія вещей, къ которому пришла Московская Русь въ XVI вѣкѣ, потерявшая единственный источникъ просвѣщенія въ лицѣ грековъ, отвернувшаяся въ то же время отъ другого источника на западѣ и замкнувшаяся въ кругу собственнаго невѣжества, самоиѣнія и національной исключительности. Но сила вещей дѣлала свое дѣло; при всемъ своемъ консерватизмѣ, лучшіе люди сознавали необходимость просвѣщенія и въ частности исправленія богослужебныхъ книгъ. Во второй половинѣ XVI вѣка, вскорѣ послѣ осужденія, произнесеннаго надъ древне-русскими церковными порядками Стоглавымъ соборомъ 1551 года, въ Москвѣ была основана типографія, имѣвшая прежде всего цѣлію пріостановить дальнѣйшую порчу богослужебно-книжныхъ текстовъ. Однако на первыхъ порахъ это дѣло потерпѣло неудачу: едва успѣвъ выпустить нѣсколько книгъ, типографія вызвала противъ себя вражду невѣжественныхъ людей и была уничтожена путемъ поджога; немногіе дѣятели этого важнаго предпріятія должны были спастись изъ Москвы бѣгствомъ. Неудивительно поэтому, что, возобновивъ вскорѣ свою дѣятельность, московская типографія работала въ послѣдующіе годы очень нерѣшительно, не имѣя при себѣ людей, достаточно образованныхъ и способныхъ подвинуть впередъ дѣло книжнаго исправленія: печатники изъ фамиліи Невѣжиныхъ, въ теченіе сорока лѣтъ заправлявшіе типографіей (1568—1609), выпускали изъ типографіи книги безъ всякихъ исправленій и даже съ новыми ошибками и измѣненіями

сомнительнаго характера, вслѣдствіе полнаго отсутствія критическаго отношенія къ текстамъ, служившимъ оригиналами для печати.

Первый опытъ систематическаго исправленія книгъ, обставленный болѣе или менѣе тщательно, относится ко второму десятилѣтію XVII вѣка, послѣ смутнаго времени, когда по смерти патріарха Гермогена (1612) ему еще не было выбрано преемника. Въ Москвѣ задумали напечатать въ исправленномъ видѣ Требникъ, книгу весьма важную въ церковно-богослужебномъ отношеніи. Дѣло это поручено было архимандриту Троице-Сергіева монастыря Діонисію, въ сотрудики которому даны были старцы Арсеній Глухой, Антоній Крыловъ и священникъ Иванъ Насѣдка. Лица эти выбраны были весьма удачно: они имѣли подъ руками прекрасную монастырскую бібліотеку, знали свое дѣло и — главное — очень хорошо понимали необходимость исправленій; однако, считаясь съ установившимся мнѣніемъ объ уклоненіи грековъ отъ истиннаго православія, они опирались почти исключительно на славянскіе тексты, древность которыхъ восходила на „полтора ста лѣтъ и больше“. Кромѣ Требника, справщики пересмотрѣли Общую и Мѣсячную Минеи, Трїодь, Октоихъ, Псалтырь и Каноникъ. Главнѣйшія ихъ измѣненія касались текста нѣкоторыхъ молитвъ; при этомъ, особенную судьбу имѣло устраненіе ими въ молитвѣ Требника на водосвятіе въ день Богоявленія прибавленныхъ произвольно къ выраженію „Духомъ Твоимъ Святымъ“ словъ: „и огнемъ“. Когда въ 1618 году созванный для разсмотрѣнія этихъ трудовъ соборъ въ Москвѣ увидѣлъ внесенныя въ исправленныя книги измѣненія, то не только не одобрилъ просвѣщенной дѣятельности троицкихъ справщиковъ, но осудилъ ихъ какъ еретиковъ — между прочимъ и за то, что они „Духа святого не исповѣдуютъ, яко огонь есть“. Особеннымъ униженіямъ подвергся глава этого дѣла архимандритъ Діонисій, котораго съ „позоромъ“ и побоями при-

водили на патриаршіи дворъ для допросовъ, подвергали пыткамъ и, наконецъ, сослали въ Новоспасскій монастырь для дальнѣйшихъ испытаній; грубая чернь имѣла полную свободу ругаться надъ нимъ и кидать въ него грязью, въ то время какъ Діонисій клалъ подъ открытымъ небомъ на патриаршемъ дворѣ вынужденные земные поклоны. Дѣло это такъ волновало общество, что, по выраженію современника, въ Москвѣ „возста зельная буря, возгорѣлся великъ пламень“, и только съ пріѣздомъ въ Москву, въ апрѣлѣ 1619 года, іерусалимскаго патриарха Теофана, дѣло Діонисія и его сотрудниковъ было пересмотрѣно, и справщики были оправданы. Впрочемъ, злополучная прибавка „и огнемъ“ по прежнему держалась въ печатномъ Требникѣ, пока въ 1625 году не послѣдовалъ со стороны патриарха Филарета указъ объ ея уничтоженіи, согласно грамотамъ объ этомъ со стороны восточныхъ патриарховъ. При Филаретѣ были приняты нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы имѣть при печатаніи богослужебныхъ книгъ образованныхъ справщиковъ и особыхъ наблюдателей за этимъ дѣломъ изъ среды столичнаго духовенства: въ числѣ первыхъ были нѣкоторое время оправданные отъ взведенныхъ на нихъ обвиненій Арсеній Глухой и Антоній Крыловъ, а изъ вторыхъ мы знаемъ игумена Богоявленскаго монастыря Илью и Ивана Насѣдку. При послѣдующихъ патриархахъ Іоасафѣ I (1634—1640) и Іосифѣ (1642—1652) дѣло исправленія книгъ велось съ большими колебаніями и, не имѣя подъ собою настоящей научной почвы, продолжало снабжать русскую церковную практику книгами, подвергавшимися лишь частичнымъ и случайнымъ исправленіямъ. Коренную реформу въ это дѣло суждено было внести патриарху Никону (1652—1666).

Рядомъ съ порчей книгъ шло и искаженіе церковныхъ обрядовъ, имѣвшее подъ собою ту же почву невѣжества и вѣры въ формальную святость преданія, которое въ дѣйствительности вытекало лишь изъ вѣками наслоившихся

случаевъ непониманія истиннаго смысла церковной обрядности. Церковные обряды, полученные изъ Греціи, съ теченіемъ времени такъ видоизмѣнились, что ко второй половинѣ XVI вѣка, когда они занесены были въ церковно-богослужебныя книги московской печати, на нихъ также обращено было вниманіе въ смыслѣ ихъ уклоненія отъ древнихъ обрядовъ греческой церкви. Такъ получилось хожденіе въ церковныхъ кругохожденіяхъ по солнцу, или т. наз. „посолоніе“, тогда какъ первоначальный обычай указывалъ на хожденіе противъ солнца: въ Требникѣ 1602 года этотъ обрядъ хожденія „пѣсолонь“ былъ закрѣпленъ относительно чина вѣнчанія, а въ изданіи той же книги 1623 года относительно чина освященія церкви; затѣмъ — „сугубая аллилуія“, т. е. двоеніе этого возгласа вмѣсто древняго греческаго троенія, „двоперстіе“, т. е. обычай творить крестное знаменіе поднятіемъ двухъ перстовъ вверхъ, тогда какъ древнее преданіе указывало на три, и т. п. Особенное значеніе получило это послѣднее отклоненіе, сдѣлавшееся важнѣйшимъ символомъ раскольниковъ въ ихъ фанатической борьбѣ за церковно-обрядовую старину; всей остротой своей этотъ вопросъ также всталъ при патріархѣ Никонѣ.

Никонъ (род. 1605), представляющій собою одну изъ самыхъ крупныхъ фигуръ на фонѣ московской жизни и просвѣщенія въ XVII вѣкѣ, еще до своего патріаршества успѣлъ пріобрѣсти у самого царя и среди московскаго боярства и духовенства значительное вліяніе. Онъ былъ однимъ изъ членовъ кружка, во главѣ котораго стоялъ царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ и который имѣлъ цѣлю внести въ запутанные церковные вопросы того времени извѣстный порядокъ путемъ работы надъ исправленіемъ книгъ и обрядовъ; однако добрыя намѣренія кружка нашли осуществленіе лишь въ дѣятельности одного Никона; другіе же дѣятели этого сообщества или отошли въ сторону отъ предпринятой реформы или даже перешли въ лагерь

противниковъ, какъ напр. знаменитый протопопъ Аввакумъ и Иванъ Нероновъ. Непосредственнымъ толчкомъ дѣлу реформы въ области церковныхъ книгъ и обрядовъ послужилъ прїѣздъ въ началѣ 1649 года въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія, который много бесѣдовалъ съ Никономъ, бывшимъ тогда архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, и „зазиралъ“ ему о московскихъ церковныхъ не порядкахъ. Никонъ не только не пошелъ по обычному тогда у московскихъ людей пути недо вѣрія къ грекамъ, но заинтересовалъ въ этихъ бесѣдахъ царя и близкихъ къ нему лицъ. Такъ какъ главнѣйшимъ источникомъ сомнѣній были книги и обряды греческой церкви, то нужно было окончательно удостовѣриться, что представляли собою греки въ этомъ отношеніи, и для этого посланъ былъ въ іюнѣ 1649 года на востокъ Арсеній Сухановъ, который потомъ не одинъ разъ посѣщалъ восточныя земли, бесѣдовалъ съ греками о вѣрѣ („Проскинитарій“) и вывезъ значительное количество греческихъ и славянскихъ книгъ, послужившихъ матеріаломъ для книжнаго исправленія; въ то же время, какъ уже было указано, являются въ Москву, съ Епифаніемъ Славинецкимъ во главѣ, кіевскіе ученые, сближеніе съ которыми, при всемъ къ нимъ недо вѣрїи въ Москвѣ на первое время, несомнѣнно со дѣйствовало ревнителямъ церковной реформы въ намѣченной ими цѣли. Избраніе и посвященіе Никона, послѣ кратковременнаго его пребыванія въ санѣ Новгородскаго митрополита, въ патріархи (въ іюлѣ 1652 года) было послѣднимъ звѣномъ въ цѣпи подготовительныхъ шаговъ къ дѣлу церковнаго устроенія. Никонъ, опираясь на сочувствіе царя и близкихъ ему лицъ и руководясь непоколебимой увѣренностью въ правильности намѣченной имъ цѣли, сталъ дѣйствовать весьма энергично. Уже въ Псалтыри, оконченной печатаніемъ въ московской типографіи въ февралѣ 1653 года, были выпущены статьи о двоеперстїи и о поклонахъ, при чемъ въ томъ же году патріархъ разослалъ по московскимъ церквамъ „память“,

въ которой требовалъ, чтобы число поклоновъ при чтеніи молитвы Ефрема Сирина было сокращено, съ замѣною земныхъ поясными, и чтобы крестились тремя перстами вмѣсто двухъ. Это распоряженіе вызвало взрывъ противодѣйствія, и въ рядахъ противниковъ новшества Никона выступили прежде другихъ протопопы Иванъ Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логгинъ, коломенскій епископъ Павелъ и нѣкоторые другіе. Такъ началась открытая борьба двухъ теченій, стараго съ новымъ. Факты этой борьбы, составляющіе достояніе исторіи русской церкви, не могутъ найти мѣста въ нашемъ изложеніи. Достаточно здѣсь лишь припомнить, что личная неудача Никона и вынужденное оставленіе имъ патріаршаго престола, вслѣдствіе несогласія съ царемъ, насколько не повліяли на исходъ предпринятой имъ церковной реформы: въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ при Никонѣ и затѣмъ послѣ него печатный дворъ усердно работалъ въ никоновскомъ направленіи, стремясь внести необходимыя исправленія въ церковныя книги, согласно указаніямъ греческихъ и древнихъ славянскихъ рукописныхъ текстовъ; то же самое касалось и церковныхъ обрядовъ; московскіе соборы 1666—1667 годовъ не только одобрили въ общемъ нововведенія патріарха Никона, но и произнесли свой строгій судъ надъ его противниками, первыми расколоучителями и защитниками явно несостоятельной старины ¹⁾).

Однако протестъ расколоучителей, дѣйствовавшихъ со всей искренностью увлеченія, имѣеть также свой глубокой историческій интересъ: являясь отраженіемъ цѣлаго міровоззрѣнія, вытекавшаго изъ вѣковыхъ устоевъ и условій русской жизни, этотъ протестъ, въ ходѣ борьбы, съ почвы церковной обрядности переходитъ въ область вопросовъ нравственныхъ и общественныхъ. Конечно, такое расширеніе

1) П. С. Смирновъ. Исторія русскаго раскола старообрядства. Изд. 2. Спб. 1895, стр. 20—73.

круга интересовъ въ данной борьбѣ не было со стороны расколоучителей дѣломъ сознательнымъ и намѣреннымъ, но отъ этого самая борьба нисколько не утрачиваетъ въ своемъ историческомъ значеніи. Порожденная ею „раскольничья литература“ не ограничилась только хронологическими рамками среднихъ десятилѣтій XVII вѣка; она имѣла очень длинное продолженіе почти вплоть до нашего времени, но въ то время, какъ памятники этой литературы въ XVIII и XIX вв. представляютъ лишь весьма ограниченный интересъ упорнаго отстаиванія явныхъ заблужденій въ церковно-обрядовой области или отзыва стороннихъ политическихъ теченій, дѣятельность первыхъ расколоучителей, поскольку она выразилась въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ, является органической частью въ сложномъ процессѣ русской жизни переходной эпохи: съ невѣжествомъ и фанатизмомъ противниковъ Никона уходила въ историческое прошлое наша старина, характерныя особенности которой дошли до апогея своего развитія еще въ XVI вѣкѣ и затѣмъ, встрѣтившись въ слѣдующемъ столѣтіи съ новымъ теченіемъ жизни, вступили съ нимъ въ безнадежный бой и, конечно, должны были отступить.

6.

Литературная дѣятельность первыхъ расколоучителей. — Протопопъ Аввакумъ. — Никита Пустосвятъ; попъ Лазарь; Федоръ Ивановъ. — Легендарныя сказанія о патріархѣ Никонѣ.

Въ лицѣ юрьевецкаго протопопа Аввакума расколъ, въ самой начальной стадіи своего существованія, выдвинулъ одну изъ характернѣйшихъ фигуръ русской жизни XVII вѣка — этого „Петра Великаго, только въ обратную сторону“, какъ говоритъ о немъ Тихонравовъ, или „священномученика“ по признанію раскольниковъ, во всякомъ же случаѣ чловѣка огромныхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, выдающейся энергіи воли.

Жизнь Аввакума сложилась далеко не обычно. Родился онъ въ 1620 или 1621 году въ селѣ Григоровѣ (нынѣшней Нижегородской губерніи), гдѣ отецъ его Петръ былъ священникомъ; мать отличалась большой религіозностью. Аввакумъ рано лишился отца, о которомъ сообщаетъ въ своемъ „Житіи“¹⁾, что онъ „прилежаше питія хмельнаго“. Женившись 19 лѣтъ отъ роду на обѣднѣвшей купеческой дочери Анастасіи, которая играла въ послѣдующей трудной жизни Аввакума очень видную роль, являясь для него великой нравственной поддержкой, онъ вскорѣ посвященъ былъ въ дьяконы, а черезъ два года и въ священники села Лопатицъ той же Нижегородской области; это было въ самомъ началѣ 40-годовъ XVII вѣка. Уже здѣсь обнаружились главнѣйшія черты суровой природы и непреклоннаго характера будущаго борца и страдальца. У какой-то вдовы „начальникъ“ отнялъ дочь; Аввакумъ заступился и велѣлъ возвратить дочь матери, за что навлекъ на себя ненависть этого сильнаго человѣка: по наущенію дьявола, начальникъ пришелъ въ церковь, „билъ и волочилъ“ Аввакума „за ноги по земли въ ризахъ“; другой „начальникъ“, разсвирѣпѣвъ на Аввакума, отгрызъ у него „у руки персты, яко песь, зубами“ и „егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустилъ изъ зубовъ своихъ и, покиня меня, пошелъ въ домъ свой“, но потомъ, въ тотъ же день, снова наскочилъ на него „съ двѣми малыми пищальми“, желая застрѣлить Аввакума, однако „пищаль не стрѣлила“; въ концѣ концовъ, этотъ начальникъ отнялъ у Аввакума дворъ и „выбилъ“ его „всего ограбя, и на дорогу

1) Это „Житіе“, являющееся самымъ важнымъ источникомъ для біографіи Аввакума, напечатано нѣсколько разъ: Н. С. Тихонравовымъ въ „Лѣт. русск. лит. и др.“ Т. III (1861), отд. 2, стр. 117—173; Н. Н. Субботинимъ въ „Матеріалахъ для исторіи раскола“. Т. V (М. 1879), стр. 1—113; А. К. Бороздинимъ въ книгѣ „Протопопъ Аввакумъ“, изд. 2 (1900), прилож. стр. 71—116.

хлѣба не далъ“. Такихъ столкновеній было у Аввакума, повидимому, немало: объ одномъ изъ нихъ, съ воеводой В. П. Шереметевымъ, онъ сообщаетъ характерную подробность, что Аввакумъ не хотѣлъ благословить сына воеводы, „бригобрядца“, за что бояринъ, „гораздо осердясь“, велѣлъ его бросить въ Волгу, однако Аввакумъ былъ спасенъ. Изъ Лопатиць Аввакумъ былъ назначенъ протопопомъ въ Юрьевецъ-Поволжскій, но и тамъ его непомѣрная строгость вызвала къ нему вражду паствы въ такой степени, что уже черезъ восемь недѣль попы, мужики и бабы напали на протопопа и „среди улицы били батожемъ и топтали“ его, наконецъ „замертво убили и бросили подъ избной уголь“.

Послѣ этихъ приключеній Аввакуму пришлось бѣжать въ Москву, куда онъ уже не разъ спасался и изъ Лопатиць. Это было въ 1651—52 году. Здѣсь Аввакумъ вошелъ въ кружокъ царскаго духовника Стефана Вонифатьева, принималъ участіе въ „книжномъ исправленіи“ при патріархѣ Іосифѣ, но со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона былъ отъ этого дѣла отстраненъ. Каковы бы ни были причины этого отстраненія, достовѣрно одно, что Аввакумъ сталъ немедленно въ первые ряды враговъ реформаторской дѣятельности новаго патріарха и фанатическихъ защитниковъ старины; за одно съ Аввакумомъ стали противъ Никона Иванъ Нероновъ, Логгинъ, костромской протопопъ Даніилъ. Начались пытки; о себѣ Аввакумъ говоритъ: „посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря, и тутъ на чѣпи кинули въ темную полатку — ушла въ землю: и сидѣлъ три дни, ни ѣлъ, ни пилъ, во тьмѣ сидя, кланяся на чѣпи, не знаю на востокъ, не знаю -- на западъ“; на утро, говоритъ онъ, „журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ Писанія его браню да лаю“. Не было недостатка и въ чудесахъ. Къ Аввакуму въ темницѣ являлся нѣкто „не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человекъ“; далъ ему „хлѣбца немножко и штецѣ

похлебать“. Съ другими были дѣла еще удивительнѣе: „Логгинъ, разжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и чрезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясаяся, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопоряся рубашка, и покрыла на престолѣ дискосъ, быдто воздухъ“. Наконецъ, Аввакума сослали въ Сибирь съ женою и дѣтьми. Первоначально изгнанникъ поселился въ Тобольскѣ и пользовался сначала расположеніемъ архіепископа, но вскорѣ и тутъ онъ обнаружилъ свой дикій нравъ и фанатическую суровость: нѣкоего дьяка Ивана Струну онъ „постегалъ ремнемъ нарочито“, а тѣло боярскаго сына Бекетова, обругавшаго его и архіепископа, велѣлъ „среди улицы собакамъ бросить“. Въ Тобольскѣ Аввакумъ оставался недолго; пришелъ указъ ѣхать ему на Лену, а по дорогѣ, въ Енисейскѣ, велѣно было ему отправиться въ Даурію, подѣ начальствомъ воеводы Афанасія Пашкова, которому было поручено завладѣть этимъ дикимъ краемъ. Тутъ начались новыя мученія Аввакума — то отъ лишеній среди суровой природы и походнаго быта, то лично отъ Пашкова, который былъ, по отзыву самого Аввакума, „суровъ человѣкъ“ и которому будто „съ Москвы отъ Никона приказано было“ мучить Аввакума. Трудно было бы перечислить всѣ приключенія Аввакума въ этомъ походѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ нимъ терпѣла невѣроятныя, по теперешнимъ понятіямъ, лишенія и его семья; конечно, многое разукрасила тутъ и фантазія экзальтированнаго протопопа. Жизнь съ Пашковымъ продолжалась шесть лѣтъ; „онъ меня мучилъ или я его, — не знаю — говоритъ Аввакумъ — Богъ разберетъ въ день вѣка“. Аввакуму велѣно было вернуться въ Москву, куда онъ и пріѣхалъ въ 1663 году.

Здѣсь, повидимому, настало для Аввакума счастливое время: Никонъ былъ у царя въ немилости, и тайные противники его нововведеній всячески ласкали страдальца за

старину; самъ царь высказывалъ къ нему расположеніе. „Яко ангела Божія пріяша мя — рассказываетъ объ этомъ времени самъ Аввакумъ: — Государь и бояра всѣ мнѣ рады. Къ Ѳедору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ мене и учили говорить съ нимъ много; три дни и три нощи домой меня не отпустилъ и потомъ государю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставилъ велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: здорово ли де, протопопъ, живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ. И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: живъ Господь, жива душа моя, царь-государь, а впредь — что изволить Богъ. Онъ же, миленькой, вздохнулъ да и пошелъ куды надобѣ ему. И иное кое-что было, да что много говорить?“ (Мат. V. 59). Однако Аввакумъ сразу же могъ увидѣть, что въ этой ласкавшей его вліятельной средѣ нѣтъ настоящаго сочувствія его воззрѣніямъ; напротивъ, его самого стремились склонить къ принятію „никоніанскихъ новшествъ“ и соблазняли даже сдѣлать царскимъ духовникомъ или „посадить на печатномъ дворѣ книги править“; однако протопопъ не пошелъ на это, и въ немъ вновь загорѣлся огонь ревности по старинѣ. Сначала онъ молчалъ, но потомъ „паки заворчалъ, написалъ царю многононько таки, чтобы онъ старое благочестье взыскалъ“; царю это не понравилось, и Аввакума снова отправили въ ссылку въ Мезень. Здѣсь протопопъ пробылъ полтора года и въ 1666 году снова былъ привезенъ въ Москву, гдѣ собранъ былъ соборъ для разбора и обличенія раскольничьихъ заблужденій. На обращенныя къ нему увѣщанія отъ „никоніанъ“ Аввакумъ „отрицался что отъ бѣсовъ“ и „написалъ имъ сказку съ бранью большою“; дѣло кончилось тѣмъ, что Аввакума разстригли и отвезли въ Пафнутьевъ монастырь, гдѣ „заперши въ темную палатку, скованна держали годъ безъ мала“; послѣ новыхъ бесполезныхъ увѣщаній, въ которыхъ со стороны церковныхъ властей принимали

участіе и прибывшіе въ Москву вселенскіе патріархи, и на которомъ Аввакумъ велъ себя съ обычной рѣзкостью, его отправили, вмѣстѣ съ сообщниками его, попомъ Лазаремъ и дьякомъ Ѳеодоромъ, въ 1667 году въ Пустозерскій острогъ на Печорѣ. Здѣсь Лазарю и Ѳеодору вырѣзали языки и искалѣчили руки, относительно же Аввакума ограничились заточеніемъ въ земляномъ „срубѣ“ на хлѣбъ и на воду. Тутъ пробылъ Аввакумъ цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ, продолжая, сколько это было возможно, уговаривать всѣхъ окружающихъ стоять за старину, а въ 1681 году написалъ письмо царю Ѳеодору Алексѣевичу, въ которомъ, между прочимъ, писалъ, о „никоніанахъ“: „А что, царь-государь, какъ бы ты мнѣ волю далъ, я бы ихъ, что Илья пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но освятилъ чаю. . .“ и далѣе поносилъ память царя Алѣксѣя Михайловича, указывая на бывшее ему, Аввакуму, видѣніе: „въ мукахъ онъ (царь) сидитъ . . . слышалъ я отъ Спаса: то ему за свою правду“. Далѣе правительство уже не могло терпѣть, и 1 апрѣля 1681 года Аввакумъ былъ сожженъ въ Пустозерскѣ на кострѣ, вмѣстѣ со своими сподвижниками Лазаремъ, Епифаніемъ и Никифоромъ¹⁾. Такова была жизнь и судьба этого человѣка, вызывающая неподдѣльное удивленіе грубой стойкостью своего характера и сожалѣніе о томъ, что такая огромная сила духа пошла на защиту темнаго невѣжества и на фанатическую злобу.

Какъ писатель, Аввакумъ является въ ряду первыхъ расколоучителей, безспорно, самымъ замѣчательнымъ. Ему принадлежитъ болѣе сорока сочиненій²⁾. Важнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ признать его „Житіе“; остальные сочиненія облечены въ форму посланій къ разнымъ лицамъ и челобитныхъ, богословско-полемиическихъ и истолковательныхъ

1) А. К. Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ, стр. 317—318.

2) Объ изданіяхъ ихъ см. у Бороздина, стр. VIII—IX, и у С. А. Венгерова: Критико-біограф. словарь, т. I, стр. 32—33.

трактатовъ. Что касается „Житія“, то, помимо своего высокаго біографическаго значенія, оно имѣетъ большой интересъ и какъ памятникъ литературный; можно сказать даже болѣе: безъ выдѣленія собственно литературнаго элемента невозможно дать правильную оцѣнку этому произведенію и въ смыслѣ біографическаго матеріала, и было бы большой неосторожностью считать фактически достовѣрными всѣ сообщенія Аввакума о немъ самомъ и другихъ лицахъ и событіяхъ.

Самъ Аввакумъ въ началѣ своего „житія“ сообщаетъ, что рѣшился написать его по „понуженію“ своего духовнаго отца, инока Епифанія, чтобы „дѣло божіе“, т. е. борьба за старину въ вопросахъ вѣры, не была предана забвенію. Написанное въ поздніе годы жизни Аввакума, „житіе“ представляетъ собою рассказъ о всей этой жизни, кромѣ послѣднихъ событій въ Пустозерскѣ, повлекшихъ за собою казнь Аввакума и его товарищей. Съ внѣшней стороны „житіе“ представляетъ произведеніе, законченность котораго признавалъ самъ авторъ: оно имѣетъ довольно пространное введеніе, со ссылками на сочиненія разныхъ отцовъ церкви и св. Писаніе, и оканчивается краткимъ заключеніемъ, въ которомъ высказано пожеланіе, чтобы читатели извлекли себѣ изъ этого труда Аввакума душевную пользу. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Аввакумъ смотрѣлъ на свое сочиненіе именно какъ на „житіе“ невиннаго страдальца за вѣру, и эта точка зрѣнія обусловила сходство его произведенія съ житіями святыхъ предшествующаго времени русской письменности не только по формѣ, но и по содержанію. Въ „житіи“ Аввакума немало фантастическаго элемента: истинность изображаемаго имъ „дѣла божія“ подкрѣпляется многочисленными видѣніями и чудесами, которыя во всякомъ случаѣ способны поставить читателя въ сомнѣніе относительно правдивости сообщаемыхъ тутъ фактовъ. Къ Аввакуму не разъ является въ трудныя минуты на помощь

ангелъ; въ него не стрѣляетъ пицаль; за нападеніе на него виновный наказывается внезапной болѣзнью; онъ исцѣляетъ отъ недуговъ, изгоняетъ бѣсовъ; по его молитвѣ разступается покрытое льдомъ озеро. Владѣя, подобно другимъ святымъ подвижникамъ, великой духовной силой, Аввакумъ въ то же время подверженъ и явнымъ искушеніямъ дьявола: однажды на исповѣди, видя передъ собой блудницу, онъ самъ почувствовалъ соблазнъ, „внутри жегомъ огнемъ блуднымъ“, и тогда Аввакумъ возложилъ свою руку на пламя трехъ свѣчей, держа ее въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока „угасло злое разженіе“. Полная искренность разсказа Аввакума не можетъ вызывать никакихъ подозрѣній, и остается предполагать, что экзальтированный авторъ самъ вѣрилъ въ дѣйствительность сообщаемыхъ ими чудесныхъ фактовъ, которые на самомъ дѣлѣ могли быть плодомъ его пылкой фантазіи, нервнаго подъема и вѣры въ свою исключительную миссію. Въ самомъ дѣлѣ, Аввакумъ представленъ въ „житіи“ властнымъ пропагаторомъ безусловной истины, которой все должно быть принесено въ жертву; онъ не знаетъ никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью или съ условіями дѣйствительной жизни, его нельзя убѣдить или запугать. Этимъ настроеніемъ опредѣляется и все поведеніе Аввакума въ разныхъ случаяхъ жизни: онъ — защитникъ угнетенныхъ и слабыхъ противъ несправедливости и жестокости сильныхъ (возвращаетъ отнятую начальникомъ у вдовы дочь; заступаетъ за старухъ, которыхъ самодурствующій воевода хочетъ выдать замужъ; стоитъ на сторонѣ казаковъ, терпящихъ въ походѣ нужду, и т. п.), но онъ же обнаруживаетъ евангельскую кротость и снисхожденіе, вызывая этимъ своихъ гонителей на раскаяніе, и даже самъ Пашковъ говорилъ ему: „спаси Богъ! отечески творишь, нашего зла не помнишь“; съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ поступкахъ своихъ Аввакумъ дѣйствуетъ сурово и даже жестоко: онъ бьетъ преданную ему

жену и домочадицу, отказываетъ въ помощи ребенку снохи Пашкова, ломаетъ домы у скомороховъ и прогоняетъ ихъ. Главная же энергія Аввакума уходитъ на его борьбу съ „никоніанствомъ“, для обличенія котораго онъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій.

Таковымъ представляется намъ Аввакумъ въ его „житіи“ по своему міровоззрѣнію, по цѣли и по основному характеру его дѣятельности. Но, кромѣ личности автора, въ этомъ произведеніи выступаетъ и цѣлый рядъ другихъ лицъ и вообще картина русской жизни въ моментъ ожесточенной борьбы стараго порядка съ новымъ въ вопросахъ вѣры и церковнаго просвѣщенія: передъ нами проходятъ и царь Алексѣй Михайловичъ, и бояринъ Ртищевъ, и воевода Пашковъ, много дѣятелей изъ духовенства, страдальцы-расколоучители, боярыни Морозова, Урусова и Данилова и цѣлый рядъ другихъ лицъ то враждебныхъ Аввакуму, то ему дружественныхъ. Все это изображено чертами живыми и яркими, выражено необыкновенно сильнымъ и образнымъ языкомъ. По мѣстамъ повѣствованіе Аввакума прерывается полемическими или иными отступленіями въ сторону, въ не меньшей степени обрисовывающими передъ читателемъ выдающуюся оригинальность и непосредственность его авторскаго дарованія ¹⁾.

Другія сочиненія Аввакума ²⁾ представляютъ собою важныя дополнительныя черты для характеристики міровоззрѣнія этого расколоучителя и его сужденій по разнымъ вопросамъ вѣры и благочестія. Во всѣхъ ихъ рѣчь идетъ о преимуществахъ „старой вѣры“ надъ новшествами Никона и его послѣдователей, при чемъ по разнымъ поводамъ разсмотрѣно множество крупныхъ и мелкихъ вопросовъ догматическаго и обрядоваго свойства, объ организациі новообразо-

1) А. К. Бороздинъ, назв. соч., стр. 300—309.

2) См. о нихъ у Бороздина, назв. соч., стр. 108—113. 121—126. 128—129. 133—134. 147—155. 158—163. 175—188. 196—294. 310—317.

вавшейся раскольничьей общины и ея отношеній къ церковной и гражданской власти. Изъ отдѣльныхъ теоретическихъ вопросовъ наиболѣе опредѣленно выражено Аввакумомъ ученіе объ „антихристѣ“, — въ томъ смыслѣ, что онъ еще не явился на землю, но есть его предтечи, и одного изъ таковыхъ онъ прямо видѣлъ въ лицѣ патріарха Никона; изъ области практическихъ наставленій ему принадлежатъ важныя указанія касательно безпоповства; самоожженіе Аввакумъ одобрялъ, но лишь въ качествѣ единственнаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ способа избѣжать рукъ противниковъ. Преобладающій характеръ всѣхъ вообще сочиненій Аввакума — полемическій, наиболѣе соответствовавшій его боевой и агитаторской натурѣ. Аввакуму нельзя отказать въ широкомъ знакомствѣ съ переводной и оригинальной русской богословской литературой, но во многихъ случаяхъ онъ пользуется ею крайне неосторожно, безъ всякой критики и съ явными натяжками. Приводя тексты своихъ источниковъ (Маргаритъ, Палея, Хронографъ, Толковая Псалтырь, Азбуковникъ и т. п.), онъ цитуетъ ихъ большею частью на память и въ такомъ случаѣ передѣлываетъ цитуемый текстъ посвоему, сокращая его или пополняя реальными подробностями изъ своихъ личныхъ домысловъ и наблюденій; отсутствіе критическаго отношенія Аввакума къ своимъ литературнымъ источникамъ было причиною и того, что среди нихъ имѣются нѣкоторыя произведенія явно апокрифическаго характера, напр. „о крестномъ древѣ“. Въ исторіи развитія раскольничьяго вѣроученія сочиненія Аввакума представляютъ весьма важную отправную точку; какъ личность этого расколоучителя, такъ и его сочиненія пользовались въ раскольничьей средѣ большой популярностью не только у современниковъ, но и въ послѣдующее время конца XVII и начала XVIII вѣка. Самъ Аввакумъ придавалъ своимъ литературнымъ трудамъ немалое значеніе; многіе изъ нихъ подверглись его собственной переработкѣ; ко многимъ мыс-

лямъ онъ возвращался въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, и, между прочимъ, въ „Житіи“ разбросано, въ окончательномъ видѣ, немало указаній, которыя до этого находили себѣ мѣсто въ другихъ его трудахъ. Иныя изъ сочиненій Аввакума, получившія особенную извѣстность, подверглись передѣлкѣ его послѣдователей. Значительная доля силы и вліянія сочиненій Аввакума на читателей объясняется ихъ въ высшей степени оригинальнымъ стилемъ, образностью языка, необыкновенной, иногда очень грубой, энергіей выраженія¹⁾.

Что сочиненія протопопа Аввакума не были лишь выраженіемъ его богатой индивидуальности, а отражали собою общій характеръ событій и настроеній, созданныхъ появленіемъ раскола, это можно легко усмотрѣть изъ сочиненій другихъ расколуучителей второй половины XVII вѣка, дѣйствовавшихъ одновременно и заодно съ Аввакумомъ. Мы ограничимся тутъ лишь краткими замѣчаніями и выдержками въ виду того, что сочиненія эти довольно однородны не только по содержанію и духу, но и по формѣ. Это — большею частію „челобитныя“ и „росписи“: первыя обращены къ царю и заключаютъ въ себѣ обличеніе Никона и призывъ къ болѣе тщательному разбору всего его дѣла, а вторыя представляютъ перечни „грѣховныхъ“ нововведеній Никона и его послѣдователей. Суздальскій соборный попъ Никита Добрынинъ, прозванный Пустосвятомъ, написалъ обширную челобитную, въ которой обличалъ изданную по повелѣнію патріарха Никона книгу „Скрижаль“ (1656). Начатая вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ этой книги, челобитная писалась довольно долго и только въ 1665 году получила свой, впрочемъ не вполне законченный, видъ: въ 1666 году эта челобитная, вмѣстѣ съ относящимися къ

1) А. К. Бороздинъ, назв. соч., стр. 294. 318—319. Кромѣ „Житія“, ср. выразительныя мѣста въ „Книгѣ всемъ горемыкамъ миленькимъ“: Н. Субботинъ, Матеріалы. Т. V. 231—239, и въ „Посланіи къ игумену Сергію“: тамъ же, Т. VIII. 107—112.

ней черновыми матеріалами, была отобраана у Никиты въ Суздалѣ и представлена въ Москву ко властямъ. О книгѣ „Скрижалъ“ Никита говоритъ, что она не согласуется ни съ апостольскими правилами, ни съ постановленіями вселенскихъ соборовъ, что въ ней напечатаны „многіе еретическіе и богохульные слова“ и что, будучи разослана по церквамъ и монастырямъ, она произвела повсюду „расколъ и смятеніе“: „Во всемъ, великій государь — пишетъ Никита — въ христоименитой вѣрѣ благочестиваго твоего государства расколъ и непостоянство. И отъ того, великій государь, много христіанскихъ душъ, простой чади, малодушныхъ людей погибаетъ, еже во отчаяніе впали и къ церквамъ божіимъ пооскуду учили ходить, а иніи и не ходятъ и отцовъ духовныхъ не учили имѣть . . .“ Авторъ челобитной, становясь на точку зрѣнія преемственности власти московскаго царя отъ Рима и Византіи, указываетъ ему на тѣ надежды, которыя возлагаются на него православными людьми относительно защиты вѣры: „И вѣдомо тебѣ, великому государю, яко ветхій Римъ падеся аполлинаріевою ересью, вторый же Римъ, еже есть Константинополь, агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ; твое же государство, російское великое царство, третій Римъ, и отъсюду все христіанское благочестіе въ него едино собрася и отъ тебе благочестиваго царя превеликій Господь господствующихъ и Царь царствующихъ Христосъ Богъ нашъ свой талантъ съ прикупомъ возьметъ“. Авторъ вообще очень охотно прибѣгаетъ къ историческимъ воспоминаніямъ и, совѣтуя царю принять суровыя мѣры противъ Никона, приводитъ рядъ примѣровъ изъ византійской исторіи, когда цари въ извѣстныхъ случаяхъ рѣшительно дѣйствовали, ради спасенія вѣры, противъ самыхъ высокихъ носителей церковной власти¹⁾. Челобитная Никиты, представлявшая

1) Н. С у б б о т н ы ъ. Матеріалы для исторіи раскола, т. IV (М. 1886), стр. 2. 157. 159. 162.

собою весьма полное выраженіе раскольничьихъ мнѣній о церковныхъ дѣлахъ того времени, обратила на себя особое вниманіе правительства. Разсмотрѣніе и опроверженіе ея, какъ и челобитной попа Лазаря, было поручено Паисію Лигариду и Симеону Полоцкому; первая часть труда послѣдняго „Жезль правленія“ была именно посвящена челобитной Никиты Пустосвята (см. выше, стр. 429—430); отвѣтъ Паисія остался въ рукописи¹⁾.

Челобитная упомянутаго романо-борисоглѣбскаго попа Лазаря, обличенію которой посвящена вторая часть труда Симеона Полоцкаго, также представляется небезынтереснымъ явленіемъ раскольничьей литературы. Въ седьмой главѣ своего труда Лазарь даетъ слѣдующую характерную „роспись вкратцѣ“ новшествъ, внесенныхъ „никоніанами“ въ богослужебные обряды и церковный бытъ: „первое — святыи престолю, второе — антимины, третіе — анбонъ, четвертое — посохъ, пятое — крестъ на просвирахъ, шестое — шапку . . . , седьмое — камилавку, осмое — клобукъ, девятое — понагію другую накладываютъ, десятое — благославляютъ обѣма рукама, первоенадесять — у мантией сдѣланы колокольцы; у святыхъ отецъ отначала и до днесъ колокольцовъ не бывало, были таковы жъ колокольцы у плясовыхъ кобылокъ да у сучекъ, а не въ церквѣ . . . ; второе на десять — попы скуѳей не носятъ и подьяки и пѣвчіе власовъ не постригаютъ, и се нечестиво есть.“ Однимъ изъ средствъ разрѣшить трудность положенія, въ которое встала русская церковь вслѣдствіе новшествъ Никона, Лазарь рекомендуетъ обѣимъ сторонамъ выйти „на общую правду, на божію судьбу“, т. е. „на огонь“ — „во извѣщеніе истины и да явлено будетъ благочестіе отецъ твоихъ и отыметъ всяко сомнѣніе отъ душъ благочестивыхъ“²⁾.

1) Н. С у б б о т н ѣ в ѣ . Матеріалы, т. IV, предисл. стр. XIII—XIV.

2) Тамъ же, т. IV, стр. 233—236.

Наконецъ, изъ первыхъ расколоучителей заслуживаетъ упоминанія, какъ писатель, также и дьяконъ Благовѣщенскаго собора Ѳеодоръ Ивановъ. Ему принадлежитъ немало сочиненій: „Письмо собору російскихъ архипастырей“ (на допросѣ 11 мая 1666 года), „Челобитная царю“ (1666), „Сказаніе объ Аввакумѣ, Лазарѣ и Епифаніи“, „Посланіе ко всѣмъ православнымъ о антихристѣ“ и др. Характерной чертой этого расколоучителя является нѣкоторое критическое отношеніе къ тому буквоѣдству, которому въ толкованіи разныхъ вопросовъ вѣры были подвержены даже самые даровитые изъ раскольниковъ той эпохи, „много приплетавшіе“ къ истинѣ „по неразумію ложное мудрованіе“: съ этой точки зрѣнія Ивановъ выражаетъ свое несогласіе даже съ Аввакумомъ, которому онъ „заиралъ много“ въ его „неправорасудіи“. Также въ противоположность Аввакуму, Ивановъ стоитъ за болѣе мирные способы разрѣшенія возникшаго спора между сторонниками новизны и старины¹⁾. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Ивановъ сообщаетъ легендарный разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни царя Алексѣя Михайловича: во время похода противъ Соловецкаго монастыря царь вдругъ началъ молиться соловецкимъ преподобномученикамъ и на вопросы окружающимъ отвѣтилъ: „приходятъ ко мнѣ старцы соловецкаго монастыря и растираютъ вся кости моя и составы тѣла моего пилами намелко и не быти мнѣ живу отъ нихъ“; по ихъ требованію онъ послалъ гонца прекратить осаду, но было уже поздно, и царскій посланный встрѣтился на пути съ вѣстникомъ конечнаго разоренія обители: „царь потомъ скоро скончался недобрѣ; и по смерти его той же часъ гной злосмраднѣйшій изыде изъ него всѣми тѣлесными чувствами, и затыкающе хлопчатую бумагою и едва возмогоша погребсти его въ землю“²⁾.

1) Тамъ же, т. VI (М. 1881), стр. 127—128. 131.

2) Тамъ же, т. VI, стр. 219—220.

Раскольничья литература далеко не ограничивается указанными и другими однородными съ ними проявленіями авторства болѣе или менѣе извѣстныхъ дѣятелей и участниковъ борьбы съ нововведеніями патріарха Никона. Рядомъ съ ними возникаютъ, на той же почвѣ вражды къ Никону и религіознаго недомыслія, разнаго рода фантастическіе рассказы о самомъ Никонѣ, имѣющіе цѣлію представить его какъ служителя дьявола и предтечу самого антихриста. Таковы, напр., рассказы, написанные въ извѣстномъ „житіи“ инока Корнилія и въ раскольничьей „Повѣсти о рожденіи и воспитаніи и о житіи и кончинѣ Никона, бывшаго патріарха Московскаго и всея Россіи“; имъ придана форма достовѣрныхъ сообщеній разныхъ старцевъ и иноковъ, имѣвшихъ возможность близко наблюдать Никона. Такъ, старецъ Елеазаръ Анзерскій, въ скиту котораго нѣкогда жилъ Никонъ, рассказывалъ братіи, что онъ видѣлъ около шен Никона, совершавшаго литургію, „змія черна и зѣло велика оплетшася“; другой старецъ, Чудова монастыря, по имени Симеонъ, видѣлъ однажды ночью пестраго и страшнаго змія, который, „обогнувъ около Грановитыя палаты, яже въ Кремлѣ, и ужасную свою лютымъ ядомъ дышущую главу и грозно пригибающійся ошибъ вложивъ на краѣ тоя палаты, лежаше“: потомъ оказалось, что именно въ это время въ Грановитой палатѣ Никонъ, еще будучи митрополитомъ, бесѣдовалъ съ царемъ, а „о чемъ разглагольство ихъ было, о томъ молчаніемъ покрыся“¹⁾. Въ одной статьѣ послѣдовательно передаются, одинъ за другимъ, три рассказа (нѣкоего „христіанина Дмитрія, жительствовавшаго съ Волги“, келаря старца Кирика и старца Андреяна) о томъ, какъ авторы ихъ то видѣли Никона „отъ множества бѣсовъ почитаема и любезно лобзаема,“ то нашли въ бархатныхъ туфляхъ патріарха вышитый или вылитый изъ тонкаго серебра образъ Богородицы

1) Бороздинъ, назв. соч., стр. 104—105.

и „крестъ тричастный“, которые этотъ „врагъ Божій“, „волкъ, хищникъ и богоотметникъ“, „змій лукавый на патріаршествѣ“, „предотеча антихристовъ“ топталъ своей ногою¹⁾; въ другой подобной статьѣ разсказывается о томъ, какъ душа Никона послѣ его смерти бесѣдовала съ сатаной, который называлъ Никона сыномъ своимъ возлюбленнымъ²⁾.

7.

Историческія сказанія о смутномъ времени. — Труды Федора Грибоѣдова.

Особое мѣсто въ кругу литературныхъ явленій XVII вѣка занимаютъ многочисленныя сказанія о событіяхъ смутнаго времени. Хотя главный интересъ этихъ произведеній заключается въ оцѣнкѣ ихъ какъ историческаго источника, однако и въ собственно литературномъ отношеніи они не должны быть оставлены безъ вниманія по личностямъ авторовъ, по литературнымъ приѣмамъ и по общему настроенію, проникающему эти опыты историческаго повѣствованія переходной эпохи. Заслуга обстоятельнаго изслѣдованія этихъ памятниковъ съ исторіографической точки зрѣнія и самаго опубликованія многихъ изъ нихъ, до того времени находившихся въ рукописяхъ, принадлежитъ проф. С. Θ. Платонову³⁾. Сочиненія эти, написанныя то во время самой смуты, закончившейся восшествіемъ на престолъ царя Ми-

1) Перетцъ, В. Н. Изъ исторіи старинной русской повѣсти. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1908 № 8, прибавл. стр. 2--7. Ср. того же автора: Слухи и толки о патріархѣ Никонѣ въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII вв. Изв. II. Отд. Ак. Н. 1900 № 1, стр. 123—190.

2) Отчеты о засѣданіяхъ И. Общ. Люб. Др. Письм. въ 1898—99 году. Спб. 1900, стр. 21--22.

3) Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Спб. 1888. — Памятники древней русской письменности, относящіяся къ смутному времени. (Русская Историческая Библіотека, издаваемая Археографическою Комиссіей. Т. XIII). Спб. 1891.

хаила Теодоровича, то по живымъ слѣдамъ этихъ событій, то, наконецъ, въ значительномъ отдаленіи отъ нихъ, относятся главнымъ образомъ къ первой и лишь отчасти ко второй половинѣ XVII вѣка. Изъ первой категоріи, выдающееся положеніе занимаютъ: т. наз. „Иное сказаніе“, начатое въ 1606 году и затѣмъ подвергнувшееся переработкѣ и дополненіямъ вплоть до половины XVII вѣка; написанная патриархомъ Іовомъ „Повѣсть о честнѣмъ житіи царя Теодора Ивановича“; „Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ“, составленная какимъ-то москвичомъ около 1610—1611 годовъ; „Плачь о плѣненіи и конечномъ разореніи преевысокаго и пресвѣтлѣйшаго московскаго государства“ (1612); два сказанія о чудесныхъ видѣніяхъ 1611 года, нижегородскомъ и владимірскомъ. Къ нѣскольکو болѣе позднимъ произведеніямъ относятся: Временникъ дьяка Ивана Тимофеева (1616—1617); Сказаніе келаря Авраамія Палицына, оконченное имъ въ 1620 году; труды князей И. А. Хворостинина, И. М. Катырева-Ростовскаго и С. И. Шаховскаго, написанные въ 20-годахъ XVII вѣка; т. наз. рукопись патриарха Филарета, составленная въ 1626—1633 годахъ, и др. Наконецъ, къ третьей категоріи принадлежатъ многочисленныя произведенія то въ формѣ біографій, то компилятивные рассказы на основаніи болѣе раннихъ сочиненій, вродѣ „Исторіи о первомъ Іовѣ, патриархѣ Московскомъ“ (не ранѣе 1652) или извѣстной „Повѣсти о разореніи Московскаго государства и всея Россійскія земли“ (1654).

Въ качествѣ историческаго источника для изученія смутнаго времени названный изслѣдователь ставитъ эти произведенія очень не высоко. „Изъ произведеній раннихъ ни одно не можетъ быть названо трудомъ историческимъ или лѣтописнымъ; ни въ одномъ современная наука не можетъ найти безхитростнаго изображенія фактовъ на память грядущимъ поколѣніямъ; если же и находится въ какомъ-нибудь памятникѣ подобное изображеніе, то оно

далеко не всегда построено на личныхъ наблюденіяхъ автора“. Удовлетворительнѣе въ смыслѣ объективнаго изложенія событій болѣе позднія произведенія, но и въ нихъ „объективность изложенія не всегда можетъ быть ручательствомъ точности и искренности ихъ показаній“ : мѣсто „публицистическихъ выходокъ“ заняло тутъ стремленіе авторовъ „придать своимъ трудамъ форму цѣльнаго повѣствованія со всѣми условностями литературныхъ приемовъ своего времени“ ¹⁾. Тѣмъ болѣе интересными представляются эти произведенія въ историко-литературномъ отношеніи. Основнымъ стремленіемъ большинства авторовъ этихъ произведеній была красота изложенія, понимавшаяся ими въ смыслѣ витіеватости и риторизма, „добрословія“ и „плетенія словесъ“ агіографической литературы XIV—XV вѣковъ. Подъ перомъ этихъ авторовъ безслѣдно исчезали живыя черты интереснѣйшей современности и замѣнялись тщательно отдѣланными общими фразами, изъ которыхъ извлечь почти ничего нельзя кромѣ знакомства съ литературными навыками самихъ писателей. „Преобладаніе литературныхъ требованій надъ собственно историческими задачами объясняетъ странную на первый взглядъ привычку писателей-очевидцевъ смуты опираться въ своихъ трудахъ не на личную память, а на источники“, хотя пользованіе этими „источниками“ обыкновенно сводилось лишь на буквальную ихъ передачу, не только безъ всякой критики, но и безъ какихъ-либо фактическихъ дополненій ²⁾. Рядомъ съ этимъ собственно литературнымъ элементомъ, въ названныхъ произведеніяхъ наблюдаются и агіографическія тенденціи : о царевичѣ Димитріи, о патриархѣ Іовѣ пишется въ формѣ житійной ; даже преданіе о подвигѣ Минина записано Симеономъ Азарынымъ въ его „Книгѣ о чудесахъ преподобнаго Сергія“ среди именно чудесъ этого святого подвиж-

1) С. Платоновъ. Древнерусскія сказанія и повѣсти, стр. 345—346.

2) Тамъ же, стр. 346—347.

ника. Однако можно думать, что въ извѣстныхъ случаяхъ эти агіографическіе приемы могутъ быть сведены на тѣ же чисто литературныя стремленія. Наконецъ, въ высокой степени интереснымъ для историка литературы является присутствіе въ этихъ произведеніяхъ элементовъ народно-поэтического творчества. Именно къ XVII вѣку относится поворотъ народно-поэтическихъ интересовъ отъ міаа къ исторіи, предметомъ народнаго пѣснотворчества являются современныя событія: какъ разъ къ эпохѣ смутнаго времени относятся записи народныхъ пѣсень, сдѣланныя въ 1618—1620 годахъ въ Москвѣ англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ. Особенно характернымъ въ этомъ отношеніи представляется „Сказаніе о роженіи князя М. В. Скопина“, насквозь проникнутое народно-поэтическими элементами: оно состоитъ въ сущности изъ записанной авторомъ народной былины о смерти Скопина и присоединеннаго къ ней собственнаго разсказа объ его погребеніи. Явные слѣды вліянія народно-поэтического творчества носятъ на себѣ и „Повѣсть“ князя И. М. Катырева-Ростовскаго, составленная въ 1626 году: на это указываютъ „внѣшній строй изложенія съ обиліемъ эпитетовъ, съ повтореніемъ излюбленныхъ фразъ и съ склонностью къ рѣмѣ; картины природы, къ которымъ авторъ такъ же внимателенъ, какъ и къ былевымъ подробностямъ; длинныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ; чисто эпическая объективность отношенія и къ друзьямъ и къ врагамъ“¹⁾. Эти же самыя тенденціи литературнаго, агіографическаго и народно-поэтическаго происхожденія оказали свое вліяніе не только на фактическое содержаніе произведеній, посвященныхъ смутѣ, но и на выраженное въ нихъ общее настроеніе и взгляды; смута вообще объяснялась исключительно съ религіозной точки зрѣнія: „ее считали наказаніемъ русскихъ людей за грѣхи, а въ счастливомъ

1) Тамъ же, стр. 347—348.

ея исходѣ видѣли Божью милость, бывшую наградой за раскаяніе и обращеніе къ Богу и правдѣ“¹⁾).

Указанныя особенности сказаній о смутномъ времени XVII вѣка дѣлають очевиднымъ то обстоятельство, что авторы ихъ въ своихъ литературныхъ приѣмахъ чужды были какихъ-либо вліяній юго-западной схоластической школы, хотя болѣе позднія изъ этихъ произведеній, судя по времени ихъ возникновенія, имѣли уже возможность испытать на себѣ такое вліяніе; напротивъ, въ нихъ ясна связь съ преданіями литературы XV—XVI столѣтій, что дѣлаеть особенно цѣнными эти произведенія, какъ свидѣтельство совершенно самостоятельной струи въ ходѣ московской письменности XVII вѣка, рядомъ съ другимъ теченіемъ, шедшимъ, какъ мы уже видѣли, изъ Кіева. На нѣкоторыхъ повѣстяхъ смутнаго времени можно наблюдать даже ясныя слѣды вліянія извѣстныхъ литературныхъ образцовъ XV—XVI вв., напр. Повѣсти о Царьградѣ, Казанской Исторіи, лѣтописей²⁾).

Для характеристики литературныхъ приѣмовъ этихъ произведеній можно указать, въ качествѣ примѣровъ, на витѣватое начало „Плача о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства“ : „Откуда начнемъ плакати, увы, толикаго паденія преславныя яносіяющія превеликія Россіи? которымъ началомъ воздвигнемъ пучину слезъ рыданія нашего и стонанія? О, коликихъ бѣдъ и горестей сподобилося видѣти око наше!..“ и т. д.³⁾. Въ томъ же смыслѣ представляетъ интересъ и обширное вступленіе къ своему „Временнику“ дьяка Ивана Тимофеева⁴⁾. Очень многія детали интересны въ „Повѣсти“ князя И. М. Каты-

1) Тамъ же, стр. 350.

2) А. С. Орловъ. О нѣкоторыхъ особенностяхъ стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII в. Изв. II Отд. Ак. Н., XIII 1908, кн. 4, стр. 368—375.

3) Памятники, стр. 219—221.

4) Тамъ же, стр. 261—266.

рева-Ростовскаго: „укоры и поносы“ самозванцу, вмѣстѣ съ похвалою царевнѣ Ксеніи, затѣмъ укоры царю Борису Годунову ¹⁾); портреты царей Ивана Грознаго, Θεодора, Бориса Годунова, его сына Θεодора и дочери Ксеніи, Самозванца и Василя Шуйскаго ²⁾); описаніе природы и пробуждающей весны передъ приходомъ самозванца ³⁾); наконецъ — стихи, которыми заканчивается повѣствованіе: „Начало виршемъ, мятежнымъ вѣщемъ, ихъ же разумно прочитаемъ и слагателя книги сей потомъ уразумѣваемъ. Изложена бысть сія лѣтописная книга о похожденіи Чудовскаго мниха . . .“ и т. д. ⁴⁾).

Ко второй половинѣ XVII вѣка относится и „Исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ земли русской“, составленная московскимъ дьякомъ Θεодоромъ Грибоѣдовымъ. Трудъ этотъ извѣстенъ по многимъ спискамъ XVII и XVIII вв., но изданъ былъ лишь въ недавнее время ⁵⁾. Грибоѣдовъ написалъ свое произведеніе въ концѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка и уже въ февралѣ 1669 года получилъ за свой трудъ награду отъ царя Алексѣя Михайловича. „Исторія“ представляетъ собою краткое изложеніе событій русской истеріи начиная съ Рюрика, причемъ главное вниманіе автора было сосредоточено на историко-генеологическихъ данныхъ: это была преимущественно исторія государей въ ихъ династическомъ преемствѣ вплоть до царя Θεодора Алексѣевича, что, очевидно, уже было прибавлено однимъ изъ редакторовъ труда Грибоѣдова, послѣ смерти послѣдняго, случившейся лѣтомъ 1673 года. Независимо отъ этого чисто хроно-

1) Тамъ же, стр. 579—580.

2) Тамъ же, стр. 619—622.

3) Тамъ же, стр. 588—589.

4) Тамъ же, стр. 622—624.

5) Θεодора Грибоѣдова Исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ земли русской. По списку С.-Петербургской Духовной Академіи № 306. Сообщеніе С. Θ. Платонова и В. В. Майкова. (Пам. Др. Письм. СХХI). Спб. 1896.

логическаго дополненія, первоначальная редакція „Исторіи“, вышедшая пзъ-подъ пера автора, была пополнена и въ другихъ отношеніяхъ: получилъ бѣльшее развитіе разсказъ о происхожденіи Рюриковой династіи отъ Августа; рядомъ съ именами старшихъ и великихъ князей введены имена младшихъ и удѣльныхъ; распространенъ разсказъ о смутномъ времени и о возникновеніи новой династіи. Разсказъ „Исторіи“ Грибоѣдова отличается краткостью. Источниками его были Степенная Книга, Хронографъ т. наз. 2-ой редакціи, Сказаніе Авраамія Палицына о смутномъ времени и нѣкоторые официальные документы, напр. „Соборное изложеніе“ патріарха Ѳеодана, найденное авторомъ въ Кормчей 1653 года. Отъ себя Грибоѣдовъ почти ничего не вноситъ, предпочитая оставаться компиляторомъ избранныхъ имъ пособій. По мнѣнію проф. Платонова, запасъ историческихъ свѣдѣній въ „Исторіи“ Грибоѣдова, по своей незначительности, „не могъ выдерживать сравненія не только съ лѣтописями, но и съ краткими «лѣтописицами», пошедшими въ ходъ въ XVII вѣкѣ“, „для историческаго чтенія и справокъ трудъ Грибоѣдова не годился и могъ служить лишь для первоначальнаго, элементарнаго ознакомленія съ судьбами великаго княженія Русскаго и царства Московскаго“; это обстоятельство заставляетъ названнаго изслѣдователя предположить, что „Исторія“ Грибоѣдова была составлена „для руководства государевыхъ дѣтей въ ихъ первомъ знакомствѣ съ исторіей родины и ихъ царской семьи“¹⁾. Для исторіи литературы трудъ Грибоѣдова интересенъ не столько своимъ фактическимъ содержаніемъ, сколько общимъ отношеніемъ автора къ своей задачѣ. „Живя во второй половинѣ XVII вѣка, авторъ смотритъ на дѣйствительность съ высоты тѣхъ фикцій, которыя еще въ XVII вѣкѣ образовали теорію о „третьемъ Римѣ“ и ко времени Грибоѣдова уже

1) Предисловіе къ назв. изд., стр. XI.

усиѣли значительно обветшать послѣ вѣкового употребленія. И однако за ними еще остается официальная позиція: на канунѣ своего паденія эти фикціи объ Августѣ и Прусѣ, о царскихъ утваряхъ и царскомъ вѣнчаніи Мономаха ложатся въ основу книжки Грибоѣдова, составленной для государя и взятой во дворець для назиданія государевыхъ дѣтей“²⁾. Въ трудѣ Ѳедора Грибоѣдова мы видимъ опять фактъ независимаго теченія въ московской литературѣ XVII вѣка, продолжающаго традиціи старой эпохи въ выборѣ источниковъ, въ пользованіи ими и въ основной политической тенденціи, получившей свое окончательное развитіе еще въ первой половинѣ XVI вѣка. Но эти тенденціи уже дожили свой вѣкъ; на другой годъ послѣ смерти Грибоѣдова вышелъ изъ печати (К. 1674) „Синописисъ“ Иннокентія Гизеля, составленнаго въ духѣ новыхъ требованій, шедшихъ съ юго-запада, и, какъ уже было указано (стр. 394—395), именно этой книгѣ суждено было получить самое широкое распространеніе среди русскихъ читателей вплоть до самаго конца переходнаго періода нашей литературы.

8.

Г. К. Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ.

Особое положеніе среди литературныхъ явленій XVII вѣка занимаетъ знаменитый трудъ Котошихина. Это сочиненіе, посвященное описанію Московскаго государства и быта въ половинѣ XVII вѣка, скорѣе всего можетъ быть отнесено къ области мемуаровъ, съ преобладаніемъ въ нихъ описательнаго характера надъ повѣствовательнымъ. Небольшіе экскурсы Котошихина въ недалекое прошлое, изложенные главнымъ образомъ на начальныхъ страницахъ его труда,

2) Тамъ же, стр. XV.

дали поводъ спеціальному изслѣдователю¹⁾ признать въ немъ „плохого историка“; однако тотъ же критикъ очень высоко ставитъ его какъ мемуариста, котораго „показанія о современности представляютъ огромную историческую цѣнность“²⁾. Впрочемъ, значеніе труда Котошихина, какъ историческаго источника, уже давно оцѣнено по достоинству; но онъ является далеко не безынтереснымъ и въ собственно литературномъ отношеніи, принадлежа такому писателю, кореннаго московскаго происхожденія второй половины XVII вѣка, который, не примыкая къ западнымъ теченіямъ русской литературы своей эпохи, усвоилъ однако же на современную ему московскую дѣйствительность довольно отрицательный взглядъ и выразилъ этотъ взглядъ въ своемъ сочиненіи. Судьба самого Котошихина, какъ и его сочиненія, были довольно необычны.

Григорій Карповичъ Котошихинъ родился около 1630 года, въ семьѣ незначительнаго служилага человѣка. Съ юныхъ лѣтъ онъ отданъ былъ на службу въ Посольскій приказъ, сначала будучи писцомъ, а потомъ повышенный въ подъячіе. Служба эта была вмѣстѣ съ тѣмъ и единственной школой даровитаго отъ природы мальчика, получившаго дома лишь весьма скудные запасы грамотности. Около 1658 года опытность Котошихина, какъ подъячаго, настолько оцѣнена была московскимъ правительствомъ, что онъ назначенъ былъ состоять при русскомъ посольствѣ во время переговоровъ о мирѣ послѣ оконченной со шведами войны: онъ присутствовалъ при переговорахъ со шведскими уполномоченными въ деревнѣ Валлисари (близъ Нарвы), гдѣ заключено было 20 декабря 1658 года перемиріе, и затѣмъ участвовалъ въ дальнѣйшихъ переговорахъ о „вѣчномъ мирѣ“.

1) Маркевичъ, А. И. Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка. Одесса 1895, стр. 102.

2) Тамъ же, стр. 104.

вплоть до заключенія между Швеціей и Россіей Кардисскаго мира 21 іюня 1661 года. Послѣ этого Котошихинъ вернулся въ Москву. Въ сентябрѣ 1661 года Котошихинъ ѣздилъ, по дипломатическому порученію, связанному съ ратификаціей мира, въ Стокгольмъ, гдѣ встрѣтилъ очень хорошей пріемъ и могъ ознакомиться со шведскими порядками и жизнью, которыхъ впослѣдствіи онъ былъ большимъ поклонникомъ. Къ 1663 году относится позорный для Котошихина фактъ его измѣны родинѣ: за хорошее денежное вознагражденіе онъ, оставаясь на службѣ въ приказѣ, согласился быть шведскимъ шпиономъ и имѣлъ тѣсныя сношенія съ шведскимъ агентомъ Эберсомъ при переговорахъ о денежныхъ претензіяхъ между обоими государствами послѣ заключенія мира. Дѣло это было сдѣлано столь незамѣтно, что Котошихинъ не только могъ оставаться на службѣ, но и получалъ новыя и важныя порученія отъ московскаго правительства, напр. для переговоровъ подъ Смоленскомъ во время военныхъ дѣйствій съ Польшей. Изъ этой посылки Котошихинъ уже болѣе не вернулся въ Москву, а убѣжалъ въ Польшу и затѣмъ въ Пруссію. Прошеніе къ шведскому королю о покровительствѣ было лишь естественнымъ послѣдствіемъ этихъ сдѣланныхъ Котошихинымъ опасныхъ шаговъ; просьба была уважена, и Котошихинъ, въ сопровожденіи шведскаго курьера, былъ доставленъ въ Стокгольмъ 5 февраля 1666 года. Однако въ Швеціи ему пришлось жить недолго. Первое время онъ посвятилъ на составленіе своего труда о московскомъ государствѣ, задуманнаго, вѣроятно, еще въ Россіи и если не заказаннаго шведскимъ правительствомъ, какъ это предполагаетъ А. И. Маркевичъ¹⁾, то во всякомъ случаѣ предназначеннаго именно для шведскихъ читателей. Поселившись въ домѣ нѣкоего Даніила Анастасіуса, служившаго въ шведскомъ государ-

1) Назв. соч., стр. 39.

ственномъ архивѣ, Котошихинъ 25 августа 1667 года, во время происшедшей ссоры, смертельно ранилъ своего хозяина; наказаніемъ Котошихину была смертная казнь, приведенная въ исполненіе въ Стокгольмѣ, въ ноябрѣ того же 1667 года. Не задолго передъ смертью, уже сидя въ тюрьмѣ, Котошихинъ принялъ лютеранскую вѣру.

Сочиненіе свое написалъ Котошихинъ въ 1666—1667 годахъ, и вскорѣ же, въ 1669 году, съ него сдѣланъ былъ въ Стокгольмѣ шведскій переводъ, переданный въ стокгольмскій государственный архивъ. Подлинникъ труда Котошихина попалъ въ частныя руки и оказался затѣмъ у извѣстнаго шведскаго ученаго конца XVII вѣка Спарвенфельдта, послѣ котораго эта рукопись, со всѣми другими книгами и рукописями этого ученаго, перешла въ бібліотеку Упсальскаго университета, гдѣ она находится и въ настоящее время. Первое время послѣ написанія, трудъ Котошихина пользовался въ шведскихъ ученыхъ кругахъ нѣкоторой извѣстностью: о немъ, напр., упоминается въ сочиненіи Николая Бергиуса „De statu ecclesiae et religionis moscoviticae“ (Stokh. 1704), но затѣмъ о Котошихинѣ и его сочиненіи въ Швеціи забыли, и лишь болѣе чѣмъ чрезъ сто лѣтъ память его была воскрешена научными интересами, шедшими изъ Россіи. Незадолго до 1837 года А. И. Тургеневъ видѣлъ въ Упсалѣ подлинную рукопись Котошихина; въ 1838 году профессоръ Гельсингфорскаго университета С. В. Соловьевъ, командированный въ Швецію для обозрѣнія бібліотекъ и архивовъ, сообщилъ Археографической Комиссіи въ Петербургѣ о находящемся въ Стокгольмѣ шведскомъ переводѣ труда Котошихина (или, какъ онъ иначе назывался, Александра Селицкаго, принявъ этотъ псевдонимъ во время своихъ странствій по оставленіи родины), а вскорѣ затѣмъ и объ отысканной имъ въ Упсалѣ подлинной рукописи Котошихина. На эту важную находку немедленно обращено было должное вниманіе, и уже въ 1840 году вышло первое изданіе труда Котоши-

хина (впрочемъ, съ неправильно прочитанной Соловьевымъ его фамиліей: Котошихинъ), подъ редакціей Я. Беренникова, который и придумалъ для него заглавіе: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Въ послѣдующіе годы вышло въ свѣтъ три новыхъ изданія этого труда (1859. 1884. 1906), а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и научная литература о Котошихинѣ и его сочиненіи¹⁾.

Трудъ Котошихина не лишень извѣстнаго плана и изложенъ въ тринадцати главахъ: въ I гл. говорится о царской семьѣ, при чемъ авторъ отчасти оглядывается и на прошлое, говоря объ Иванѣ Грозномъ, Ѳедорѣ Ивановичѣ, Борисѣ Годуновѣ, самозванцахъ и о царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ; II гл. посвящена служилому сословію разныхъ степеней; затѣмъ слѣдующія три главы (III, IV и V) имѣютъ въ виду дипломатическія отношенія Россіи (дипломатическіе акты и посольства къ иностраннымъ государямъ и отъ нихъ къ московскому царю); дальнѣйшія три главы (VI, VII и VIII) даютъ свѣдѣнія о московскомъ управленіи — дворцовомъ, центральномъ и областномъ; еще три главы (IX, X и XI) говорятъ о разныхъ классахъ населенія, кромѣ служилаго: военномъ, торговомъ и крестьянскомъ; небольшая XII глава, какъ бы нарушая принятый порядокъ, даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о торговлѣ, и, наконецъ, въ XIII-ой мы находимъ обширныя данныя о московскомъ бытѣ и нравахъ.

Здѣсь нѣтъ необходимости говорить о цѣнности труда Котошихина какъ историческаго источника; критическая разработка этого вопроса не вполне закончена²⁾. Литературное же значеніе этого сочиненія основывается главнымъ образомъ на тѣхъ его чертахъ, въ которыхъ авторъ даетъ очеркъ быта царской семьи въ частности и московскаго люда вообще, т. е. въ I и XIII главахъ³⁾. Однако и тутъ Котошихинъ явля-

1) См. о ней въ трудѣ А. И. Маркевича: стр. 65—69.

2) Маркевичъ, А. И., назв. соч., стр. 181.

3) По 4 изд. (1906), стр. 8—22. 147—158.

ется передъ нами лишь простымъ наблюдателемъ, далекимъ отъ какихъ-либо обобщеній. Сдѣлать эти обобщенія онъ предоставляетъ читателю и даетъ для нихъ вполнѣ достаточный матеріалъ, способный раскрыть господствующее настроеніе Котошихина и его общій взглядъ на государственную и бытовую стороны московской жизни. Это настроеніе, проникающее сочиненіе Котошихина и составляющее его основную идею, явно неблагопріятно для окружавшей его московской обстановки. Въ разныхъ мѣстахъ сочиненія Котошихина не трудно найти этому доказательства. Онъ упоминаетъ, что „московскихъ людей натура не богобоязливая“¹⁾; „Россійскаго государства люди породю своею спѣсивы и необычайныя ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спѣсивства и безстыдства и ненависти и неправды; и ненаученіемъ своимъ говорятъ многіе рѣчи къ противности, или скоростію своею къ подвижности, а потомъ въ тѣхъ своихъ словахъ времянемъ запрутся и превращаютъ на иныя мысли“; къ этому авторъ прибавляетъ, что московскіе люди „для науки и обычая въ иные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи и вольность благу, начали бѣ свою вѣру отмѣнять, а приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домоу своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили“²⁾. Цѣнность этихъ замѣчаній немало теряетъ, конечно, отъ того, что самъ авторъ ихъ не обнаружилъ достаточной привязанности ни къ своей родинѣ, ни къ отцовской вѣрѣ. О женщинахъ говорится у него такъ: „Московскаго государства женской поль грамотѣ неучены, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры не

1) Стр. 21.

2) Стр. 52—53.

смышлены и стыдливы, понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственниковъ, чужіе люди никто ихъ и они людей видѣти не могутъ — и потому мочно дознаться, отъ чего бы имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ“¹⁾). Извѣстный рассказъ о свадебныхъ московскихъ обычаяхъ, въ которомъ отмѣчено много отрицательнаго и заслуживающаго порицанія, авторъ оканчиваетъ такимъ обращеніемъ къ „благоразумному читателю“: „Не удивляйся сему; истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такова на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ“²⁾). Нельзя не согласиться съ высказаннымъ уже мнѣніемъ, что „всѣ подобныя мѣста не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Котошихинъ писалъ свое сочиненіе проникнутый убѣжденіемъ въ превосходствѣ западно-европейской культуры предъ московской“³⁾).

Языкъ, которымъ написано сочиненіе Котошихина, сравнительно правильный и чистый, безъ большого количества иностранныхъ словъ; его стиль можетъ быть признанъ типическимъ образцомъ офиціальнаго стиля XVII вѣка, господствовавшаго въ московскихъ приказахъ и разнаго рода дѣловыхъ сочиненіяхъ той эпохи: онъ отличается своеобразной выразительностью и точностью.

9.

Литературныя теченія съ запада. — Посредничество Сербіи и Далмаціи. — Роль Чехіи и Польши. — Польское литературное вліяніе и его характеръ.

Политическія невзгоды и религіозная борьба не поглотили собою ни всей писательской энергіи русскихъ XVII вѣка, ни любознательности читателей. При всѣхъ несовершенствахъ школьнаго дѣла, число грамотныхъ людей воз-

1) Стр. 57.

2) Стр. 157.

3) Маркевичъ, назв. соч., стр. 85—86.

растало, потребность въ чтеніи увеличивалась. Между тѣмъ литературныя произведенія прежняго времени, не исключая и колоссальныхъ предпріятій въ этой области въ XVI вѣкѣ, не могли удовлетворить этимъ запросамъ въ полной мѣрѣ. Сношенія съ западомъ — то черезъ Южную Русь, то отчасти и непосредственно — росли и укрѣплялись; ихъ сопровождали и новые литературные факты западнаго происхожденія. Мы уже видѣли, что при Симеонѣ Полоцкомъ въ царскій дворецъ въ Москвѣ проникаетъ школьная драма; отчасти до него, но главнымъ образомъ при немъ и его усиліями въ московскихъ кругахъ распространяется мода на стихи въ видѣ лирическихъ, эпиграмматическихъ и разнаго рода другихъ подобныхъ произведеній, писанныхъ „виршами“ того же школьнаго происхожденія. Для значительной части русскихъ читателей такія произведенія, лишеныя назидательности и занимательнаго содержанія, были, конечно, мало доступны и неинтересны; чувствовалась нужда въ такихъ произведеніяхъ, которыя бы могли удовлетворить привычнымъ потребностямъ средняго читателя въ назидательномъ чтеніи и въ то же время давали бы нѣчто новое, шедшее по преимуществу съ запада. Такія литературныя произведенія не замедлили появиться: это были разнаго рода повѣсти и рассказы, большею частію въ видѣ сборниковъ, соединявшіе въ себѣ нравственно-религіозную назидательность съ занимательностью повѣствовательной формы, давно уже привычной и самой доступной для невысокаго литературнаго уровня тогдашнихъ читателей. Весьма естественно, что литература эта была сначала лишь переводной. Въ настоящее время научными изслѣдованіями намѣчено два основныхъ источника, изъ которыхъ переходила въ Московскую Русь повѣствовательная литература Запада. Одинъ путь, обнаруживающійся еще въ XVI вѣкѣ — „сербскія книги“, вѣроятно изъ Босніи и съ Далматинскаго побережья, черпавшихъ свой литературный матеріалъ изъ

Италии: на это указываетъ извѣстный сборникъ повѣстей Познанской Библіотеки, писанный бѣлорусскимъ языкомъ въ XVI вѣкѣ и обратившій на себя вниманіе акад. А. Н. Веселовскаго; онъ заключаетъ въ себѣ повѣсти о Тристанѣ и о Бовѣ; къ нимъ присоединена тутъ же и переведенная съ польскаго повѣсть объ Атилѣ. Указаніе на „сербскія книги“, сдѣланное въ самомъ сборникѣ, до сихъ поръ не нашло себѣ фактическаго подтвержденія, и сербскихъ пересказовъ названныхъ повѣстей еще не найдено, но сомнѣваться въ достовѣрности такого указанія нѣтъ основаній: быть можетъ, сербскіе пѣвцы героическихъ пѣсенъ, заходившіе въ Польшу въ XVI—XVII вв., приносили съ собою и подобныя познанскому сборнику книги, съ которыхъ въ предѣлахъ Юго-западной Руси могли дѣлаться копіи. Полонизмы двухъ первыхъ повѣстей сборника должны быть объяснены литературной и общественной средой, въ которой жилъ переводчикъ. Не смотря на глубокий интересъ познанской рукописи, указывающей на фактъ столь ранняго заимствованія русской литературой романтико-повѣствовательныхъ элементовъ съ Запада, мы не можемъ обобщать этотъ фактъ слишкомъ широко: помѣщенная въ этой рукописи повѣсть о Тристанѣ не имѣла въ русской литературной средѣ другихъ отраженій и, вѣроятно, осталась одинокой, а повѣсть о Бовѣ, хотя и имѣется во многихъ спискахъ восточно-русскаго происхожденія, однако совсѣмъ въ другой редакціи, чѣмъ бѣлорусская, представляемая познанскимъ сборникомъ, и потому для нея надо предполагать другой переводъ, болѣе поздній ¹⁾. Т. о., бѣлорусскія повѣсти познанскаго сборника, будучи явленіемъ единичнымъ, лишь ставятъ крайне интересный вопросъ о раннихъ литературныхъ воздѣйствіяхъ на русскую письменность далекаго славянскаго запада и примы-

1) Веселовскій, А. Н. Изъ исторіи романа и повѣсти. Вып. II. Славяно-романскій отдѣлъ. Спб. 1888, стр. 126—129.

каютъ къ сдѣланнымъ выше (стр. 170) указаніямъ на предполагаемое еще болѣе раннее вліяніе этого литературнаго источника на сѣверо-восточную русскую письменность въ XIII—XIV вв.

Гораздо большее историческое значеніе имѣетъ другое указаніе того же познанскаго сборника: въ немъ помѣщена повѣсть объ Аттилѣ, переведенная на русскій языкъ съ польскаго. Польская литература была именно тѣмъ вторымъ путемъ, которымъ въ переходную эпоху русской письменности шли къ намъ литературныя произведенія Запада; по своему значительному вліянію на ходъ русской литературы въ XVII в. и по большому количеству переданныхъ на Русь западно-европейскихъ литературныхъ фактовъ, это польское посредничество было несравненно могущественнѣе сербскаго. Однако, говоря о польскомъ вліяніи, не слѣдуетъ упускать изъ виду и еще одного литературнаго осложненія, имѣвшаго мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно — вліянія чешскаго. Въ этомъ отношеніи, особенный интересъ имѣютъ двѣ повѣсти: „О Василии Златовласомъ, королевичѣ Чешской земли“ и „О славномъ королѣ Брунцвикѣ“. Въ первой ¹⁾ рассказывается о томъ, какъ чешскій королевичъ Василій Златовласый посватался за французскую королевну Полиместру и сначала получилъ отказъ по причинѣ своей незнатности, однако потомъ сумѣлъ достигъ намѣченной цѣли благодаря отвагѣ и хитрости. Повѣсть имѣетъ несомнѣнную связь съ извѣстнымъ сказочнымъ сюжетомъ о „разборчивой невѣстѣ“. Предполагаемый на основаніи сюжета чешскій оригиналъ этой повѣсти до сихъ поръ не найденъ, а русскій текстъ не даетъ достаточно опредѣленныхъ указаній относительно источника перевода; поэтому приходится довольствоваться предположеніемъ, вы-

1) Издава И. А. Шляпкинымъ въ „Пам. Др. Письменности и Искусства“: Спб. 1882.

сказаннымъ акад. А. Н. Веселовскимъ ¹⁾, о томъ, что тутъ, вѣроятно, имѣло мѣсто литературное посредничество Польши. Повѣсть о королѣ Брунцвикѣ ²⁾ обнаруживаетъ чешскій источникъ съ гораздо большей вѣроятностью. Разсказъ представляетъ исторію необычайныхъ приключеній чешскаго королевича Брунцвика, который странствовалъ по разнымъ землямъ, сражался съ чудовищами и благополучно вернулся на родину; повѣсть имѣла цѣлю объяснить, между прочимъ, происхожденіе чешскаго герба, въ которомъ имѣется левъ, будто бы приведенный Брунцвикомъ съ мѣста своихъ приключеній въ отечество. Хотя на происхожденіе русскаго перевода этой повѣсти и нѣтъ совершенно опредѣленныхъ указаній, однако съ одной стороны наличность чешскаго текста (онъ былъ напечатанъ въ 1565 году) и отсутствіе текста польскаго, а съ другой слѣды чешскаго языка въ текстѣ русскаго перевода въ достаточной степени оправдываютъ мысль о непосредственной связи русскаго перевода именно съ чешскимъ подлинникомъ ³⁾. Чешскій же оригиналъ предполагалъ Н. С. Тихонравовъ и для одного изъ переводовъ извѣстной повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ ⁴⁾.

Что касается польскаго вліянія на русскую литературу XVII вѣка, то мы должны прежде всего имѣть въ виду лишь посредническій характеръ этого вліянія, такъ какъ собственно польскихъ литературныхъ произведеній въ русскіхъ переводахъ мы знаемъ очень мало. Въ этомъ смыслѣ польское вліяніе имѣетъ большое сходство съ южно-славянскимъ вліяніемъ первыхъ вѣковъ нашей письменности. Какъ тогда, черезъ посредство южно-славянской письмен-

1) Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Спб. 1883, стр. 62.

2) Изд. М. Петровскимъ въ „Памятникахъ Древней Письменности“ (№ LXXV): Спб. 1888.

3) Предисловіе къ изд. г. Петровскаго, стр. 24.

4) Соч. I, стр. 322.

ности, переходили къ намъ очень многія явленія литературы византійской, такъ теперь польская литература является посредницей въ переходѣ на русскую литературную почву произведеній литературы западно-европейской, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ корни послѣдней приходится искать въ литературѣ древне-классической и даже на востокѣ. Однако разница въ отношеніяхъ русской литературы къ византійской и западно-европейской была весьма значительна. Съ Византіей древняя Русь связана была узами вѣроисповѣднаго единства, и этотъ авторитетъ Византіи освящалъ свободный и широкій переходъ множества греческихъ произведеній литературнаго характера въ видѣ памятниковъ не только духовной, но и свѣтской письменности: повѣстей и сказаній, историческихъ сочиненій, трудовъ изъ области естествознанія, законодательства и т. п.; южно-славянское посредничество, будучи православнымъ, также не внушало никакихъ опасеній и находило вполнѣ свободный доступъ въ русскую литературную среду. Съ западнымъ вліаніемъ дѣло обстояло совсѣмъ иначе. Будучи латинскимъ по господствовавшему языку образованія и католическимъ по вѣрѣ, Западъ въ глазахъ русскаго читателя былъ еретическимъ. Посредничество Польши также представлялось не менѣе опаснымъ, чѣмъ и самый источникъ, который къ тому же далеко не всѣмъ былъ виденъ вслѣдствіе крайняго недостатка образованія въ Московской Руси и большею частію случайныхъ условій возникновенія того или иного литературнаго предпріятія. Что касается характера литературныхъ произведеній, переходившихъ съ Запада черезъ посредство Польши, то это были не тѣ произведенія западно-европейскихъ литературъ XVI—XVII вв., которыми ознаменованы были новыя духовныя стремленія западнаго общества и пробужденіе интереса къ національнымъ задачамъ и къ вопросамъ науки, а тѣ, уже въ достаточной степени устарѣлыя на западѣ, средневѣковыя произведенія

народно-повѣствовательной литературы, которыя могли подойти къ уровню понятій и потребностей русскаго общества второй половины XVII вѣка. Эти произведенія имѣли характеръ прежде всего назидательнаго или легкаго чтенія; затѣмъ, было переведено нѣскольکو сочиненій по географіи, исторіи, медицинѣ и разнымъ практическимъ и научнымъ вопросамъ; въ польскую литературу они попадали изъ французскихъ, голландскихъ, нѣмецкихъ или латинскихъ источниковъ. Почему именно Польша явилась проводникомъ западно-европейскихъ литературныхъ произведеній, это вполне понятно. Указанныя выше (стр. 368—373) условія религіозно-политической и культурной зависимости Юго-западной Руси отъ Польши и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсныя связи Московской Руси съ Южной Россіей дѣлали этотъ путь литературныхъ заимствованій самымъ естественнымъ; знаніе польскаго языка распространялось благодаря школѣ и личнымъ общеніямъ; еще въ XVI вѣкѣ были люди, вродѣ князя А. М. Курбскаго и его сотрудниковъ, которые хорошо знали по-польски, но пока пользовались этимъ знаніемъ для литературныхъ и общественныхъ цѣлей другого характера. Многія произведенія, имѣвшіяся въ польскихъ текстахъ или обработкахъ, переводились сначала гдѣ-нибудь въ Южной Руси на западно-русскій литературный языкъ, и потомъ этотъ переводъ, съ большой легкостью, путемъ незначительныхъ поправокъ и сглаживаній, усваивался въ Москвѣ или вообще на востокъ; бывали, конечно, и случаи прямого перевода съ польскаго. Въ большинствѣ случаевъ переводчики не оставили намъ своихъ именъ, но это могли быть или чиновники Посольскаго приказа, гдѣ знаніе польскаго языка было дѣломъ обыкновеннымъ, или выходцы изъ Южной Руси, являвшіеся или приглашаемые въ Москву для просвѣтительныхъ и книжныхъ цѣлей, или наконецъ случайные дѣятели въ области литературныхъ занятій и интересовъ, которыхъ выдвигали съ разныхъ сторонъ по-

требности времени. Качество этихъ переводовъ было очень невысоко, языкъ крайне неупорядоченный и пестрый, съ явными слѣдами польскаго вліянія въ грамматикѣ и словарѣ ¹⁾).

Переходя къ литературнымъ фактамъ этой переводной литературы, отмѣтимъ лишь наиболѣе существенныя явленія въ этой области, имѣвшія то или иное вліяніе на оригинальную русскую литературу XVII и первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка.

10.

Повѣсти духовнаго содержанія. — Великое Зерцало; латинскій оригиналь этого памятника; русскій переводъ. — Составъ Великаго Зерцала.

Первое мѣсто среди заимствованій изъ польскаго источника занимаютъ повѣсти духовнаго содержанія. Это было вполне естественно, потому что такія произведенія наиболѣе отвѣчали общему характеру литературныхъ вкусовъ читателей и главному направленію уже существовавшей литературы. Стремленіе къ нравственно-религіозному назиданію находило себѣ наилучшее выраженіе въ повѣстяхъ, такъ какъ именно повѣствовательный характеръ изложенія былъ не только самой любимой, но и наиболѣе доступной формой литературныхъ произведеній въ тогдашней русской читающей средѣ. Самымъ выдающимся сборникомъ этого рода является во второй половинѣ XVII в. „Великое Зерцало“. Книга эта ведетъ свое начало отъ средневѣковаго латинскаго сборника, печатный прототипъ котораго усматривается въ „*Speculum exemplorum ex diversis libris in unum laboriose collectum*“ (1481). Обходя невыясненный вопросъ объ имени составителя этого сборника, здѣсь достаточно указать, что сборникъ явился въ эпоху переходную для западно-европейскаго про-

1) Цѣнныя фактическія указанія по этому вопросу имѣются у А. И. Соболевскаго: Переводная литература Московской Руси, стр. 42—51.

свѣщенія; мѣсто его появленія — Нидерланды, одинъ изъ центровъ гуманизма и занятій классическими литературами. Не смотря на такую обстановку, *Speculum exemplorum*, по своему содержанию, примыкаетъ однако къ старому средне-вѣковому направленію: это видно не только изъ источниковъ, на основаніи которыхъ онъ составленъ, но и изъ самаго его назначенія — служить для проповѣдниковъ сборникомъ „примѣровъ“, составлявшихъ необходимую принадлежность средне-вѣковой схоластической проповѣди. „Примѣры“ эти представлены тутъ въ видѣ рассказовъ, число которыхъ доходитъ въ сборникѣ до 1266. „*Speculum exemplorum*“ имѣлъ громадное распространеніе въ многочисленныхъ печатныхъ изданіяхъ XV и XVI вв., пока не былъ смѣненъ новымъ сборникомъ „*Speculum Magnum*“, первое изданіе котораго относится къ 1605 году. Какъ видно изъ пространнаго заглавія этого сборника¹⁾, онъ составленъ былъ „*per quendam patrem e Societate Jesu*“, а изъ позднѣйшихъ изданій мы узнаемъ, что это былъ нѣкто „*Joannes Major*“. Т. о., эта новая работа вышла изъ іезуитской среды; она составляетъ лишь передѣлку „*Speculum exemplorum*“, который былъ дополненъ 160-ю новыми рассказами, при чемъ содержаніе всего сборника было расположено по рубрикамъ религіозно-правственныхъ понятій, указаны источники „примѣровъ“ и присоединены примѣчанія. Не только возникновеніе, но и дальнѣйшее распространеніе этого сборника обязано іезуитамъ, при чемъ на содержаніи нѣкоторыхъ рассказовъ отразился острый антагонизмъ католичества къ протестантамъ. Характеръ источниковъ „*Speculum Magnum*“ очень разнообразенъ: сюда вошли многочисленные житія святыхъ и чудеса какъ западнаго, такъ и византійскаго происхожденія, разнаго рода повѣсти и рассказы и огром-

1) Владиміровъ, П. В. Великое Зерцало. Изъ исторіи русской переводной литературы XVII вѣка. М. 1884, стр. 6.

ныя масса народно-легедарнаго матеріала, перешедшая въ эту книгу главнымъ образомъ черезъ посредство средне-вѣковыхъ сборниковъ и энциклопедій, вродѣ „Legenda aurea“ Якова де-Ворагине, „Dialogus miraculorum“ Цезарія Гейстербахскаго и т. п. Латинское „Speculum Magnum“ вскорѣ послѣ своего появленія было переведено и на польскій языкъ — повидимому въ 1621 году, а въ 1633 году появилось уже третье польское изданіе „Великаго Зерцала“, въ которомъ число „примѣровъ“ доходитъ до 2309. Это послѣднее изданіе и послужило оригиналомъ для русскаго перевода, сдѣланнаго, какъ видно изъ заглавія рукописнаго экземпляра этого памятника въ Московской Синодальной Библіотекѣ № 100, „тщаніемъ“ самого царя Алексѣя Михайловича, въ 1677 году. Кто трудился въ качествѣ переводчика надъ этимъ произведеніемъ, въ точности неизвѣстно, но едва ли можно допустить, чтобы эти обширныя работы были выполнены безъ участія Симеона Полоцкаго, которымъ была переведена въ 1679 году съ латинскаго „Книга Петра Алфонса“ и, вѣроятно, около того же времени „Сказаніе о МахOMETѢ и о его беззаконномъ законѣ, взятое изъ книги именуемая Зерцалю Историческое Викентія Бургундія“¹⁾. Переводъ „Великаго Зерцала“ — московскаго происхожденія; южно-русскаго перевода, повидимому, не существовало, хотя у южно-русскихъ писателей XVII в., напр. Голятовскаго и Радивиловскаго, и можно найти слѣды знакомства съ этимъ сборникомъ въ польскомъ переводѣ. Научнаго изданія русскаго перевода „Великаго Зерцала“ до сихъ поръ не имѣется; многочисленныя его списки не одинаковы по своему составу, и остается еще открытымъ вопросъ о томъ, ограничилась ли московская письменность только однимъ указаннымъ

1) Владиміровъ, П. В. Къ изслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ. Ученыя Записки Казанскаго Университета по историко-филологическому факультету. К. 1884, стр. 352.

переводомъ 1677 года и его дальнѣйшей передѣлкой или былъ сдѣланъ также и другой переводъ этого обширнаго сборника.

При переходѣ на русскую почву польскій текстъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Прежде всего, онъ былъ значительно сокращенъ; нѣкоторыя статьи были совершенно опущены, какъ опущенъ былъ и ученый аппаратъ, составлявшій отличительную особенность латинскаго оригинала и польскаго перевода; отдѣльныя статьи также въ нѣкоторыхъ случаяхъ были сокращены, опущены указанія на лица и мѣста дѣйствія разсказанныхъ событій. Съ другой стороны, нѣкоторыя повѣсти сличены русскимъ переводчикомъ съ Прологомъ и другими подобными произведеніями древней русской литературы, при чемъ результаты этого сличенія внесены то въ текстъ перевода, то въ отмѣтки на поляхъ. Нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ явились результатомъ вѣроисповѣдной точки зрѣнія на „Великое Зерцало“, что было совершенно естественно въ виду католическаго и даже іезуитскаго происхожденія этого сборника: такъ, вмѣсто „*Reverentia erga Romanum Pontificem — Biscopowi Rzymskiemu*“ стоитъ „о чести Вселенскому Патріарху“; въ наставленіи быть послушнымъ „*Romanae ecclesiae — Kościłowi Rzymskiemu*“ поставлено вмѣсто этого „святѣй соборнѣй восточной и апостольской церкви“; есть даже цѣлый прибавочный разсказъ „Церковь Восточная“, въ которомъ воздается послѣдней прочувствованная похвала. Языкъ перевода — обычный церковно-славянскій языкъ XVII вѣка, съ большимъ количествомъ латинскихъ и польскихъ слѣдовъ въ словарѣ; впрочемъ, нѣкоторые списки заключаютъ въ языкѣ элементы болѣе народнаго происхожденія¹⁾.

Приспособляя до извѣстной степени свой трудъ къ интересамъ русскихъ читателей, переводчикъ „Великаго

1) Владиміровъ. Великое Зерцало, стр. 66.

Зерцала“ имѣлъ въ виду, конечно, прежде всего назидательный характеръ этого памятника; именно въ этомъ отношеніи „Великое Зерцало“ примыкало ко многимъ другимъ памятникамъ древней русской литературы, возникшимъ на основѣ византійскихъ литературныхъ преданій, какъ Прологи, Минеи, Патерики; сходствомъ нѣкоторыхъ рассказовъ „Великаго Зерцала“ съ упомянутыми памятниками и слѣдуетъ объяснять соотвѣтствующія отмѣтки на поляхъ, сдѣланныя переводчикомъ и, б. м., читателями. Можно отмѣтить нѣсколько такихъ сюжетовъ, которые, будучи свойственны древней русской литературѣ, нашли себѣ выраженіе также и въ „Великомъ Зерцалѣ“. Такъ, въ немъ господствуетъ аскетическій взглядъ на женщину, которая осуждается преимущественно за четыре грѣха: невѣрность своимъ мужьямъ, слабость къ внѣшнимъ украшениямъ, склонность къ суевѣрной ворожбѣ и исповѣданіе своихъ грѣховъ „стыда ради“; въ соотвѣтствующихъ рассказахъ дьяволъ является въ роли исполнителя наказанія, посылаемаго за эти грѣхи женщинамъ. Но есть и такіе рассказы, въ которыхъ изображаются женскія добродѣтели: напр., въ одномъ „примѣрѣ“ передается, какъ во время нашествія готовъ на Римъ одинъ изъ воиновъ хотѣлъ осквернить замужнюю женщину, но она готова была перенести раны и даже смерть, лишь бы сохранить свое цѣломудріе; нанеши ей нѣсколько ранъ въ шею, готвинъ отпустилъ ее къ мужу. Въ другомъ рассказѣ мы читаемъ о томъ, какъ жены вынесли на плечахъ изъ города своихъ мужей, когда осаждавшій его императоръ предложилъ женщинамъ выйти изъ города, взявъ свои драгоценности¹⁾. Затѣмъ, въ „Великомъ Зерцалѣ“ есть немало рассказовъ, въ которыхъ выражено осужденіе народныхъ увеселеній, пѣсенъ, игръ, плясокъ, охоты и пьянства. Такъ, въ одномъ „примѣрѣ“ рассказывается, какъ во время Рудольфа I

1) Владиміровъ. Вел. Зерц., стр. 73.

въ одномъ городѣ юноши и дѣвицы танцовали на каменномъ мосту; въ это время по мосту проходилъ священникъ со св. Дарами, и никто изъ танцующихъ не воздалъ чести св. чапѣ, но только что священникъ прошелъ мостъ, какъ мостъ обрушился и двѣсти человѣкъ погибло. Въ другомъ разсказѣ передается „видѣніе“ богобоязненнаго мужа, который видѣлъ своего знакомаго, также весьма благочестиваго человѣка, въ мукахъ адскихъ за излишнюю страсть къ охотѣ: на рукѣ мучившагося сидѣли птицы и терзали его тѣло, а песь, прибѣгая къ нему, грызъ его; мучившійся просилъ помолиться за него и предостеречь другихъ¹⁾. Далѣе, въ „Великомъ Зерцалѣ“ есть группа разсказовъ, посвященныхъ темѣ о загробной жизни въ связи съ необходимостью поминовенія усопшихъ; таковъ, напр., разсказъ о священникѣ, который мучился въ аду за небреженіе о своихъ умершихъ духовныхъ дѣтяхъ²⁾ и т. п.; эти разсказы находятъ себѣ соотвѣтствіе съ общимъ характеромъ популярной научной книги XVII вѣка, Синодика, для котораго „Великое Зерцало“ послужило однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ. Кромѣ разсказовъ духовнаго содержанія, въ „Великомъ Зерцалѣ“ имѣются и свѣтскіе. Напр., на тему о тщетѣ всего земнаго и о всемогуществѣ смерти разсказывается о Саладинѣ, царѣ Египетскомъ, покорившемъ себѣ востокъ, западъ и всю Азію, что когда онъ почувствовалъ приближеніе своей смерти, то велѣлъ положить на копье свой хитонъ, приготовленный для погребенія, и, нося его по городу, возглашать: Саладинъ, бичъ востока, обладатель Азіи, страхъ всѣхъ народовъ, послѣ всѣхъ своихъ побѣдъ, наконецъ самъ побѣжденъ смертью; онъ ничего съ собой не беретъ въ могилу, кромѣ этого хитона“¹⁾. Въ „Великомъ Зерцалѣ“ есть, наконецъ, разсказы прямо шутиватаго характера, перенесенные сюда

1) Владиміровъ. Вел. Зерц., стр. 74.

2) Тамъ же, стр. 90.

на лѣсничества Вилкейское, Юрборское и Скерстомонское, говорить, что эти лѣсничества жалуются Белевичу за его службы, „которые онъ королю его милости“ Сигизмунду Августу „и речи посполитой отъ часу немалого, такъ роты ку службамъ земскимъ выводячы, яко и на частые соймы вальные въ справахъ речи посполитое ездечи, завжды верне, цнотливе и зъ немалыми утратами маетности своее зъ себе показоваль и до сего часу показывати не переставаетъ“¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, если взглянуть на поѣздку повѣтоваго посла на сеймъ съ точки зрѣнія хозяйственныхъ интересовъ шляхтича, то она несомнѣнно соединялась для него со значительными потерями. Посоль отрывался на довольно продолжительное время отъ своего „господарства“—хозяйства²⁾, иногда въ самое горячее время земледѣльческихъ работъ. Кроме того, до окончательнаго разрѣшенія вопроса о такъ называемыхъ „стравныхъ“ деньгахъ, т. е. о прогонахъ повѣтовымъ посламъ на вальные сеймы³⁾, сеймовыя поѣздки этихъ пословъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и, по

1) „Листъ, пану Станькевичу на лесницства Вилкейское, Юрборское и Скерстомонское данный“. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. л. 76 об. — 77 об. (дата: Краковъ, 10 мая 1574 года). То же самое признаніе присутствія на сеймахъ заслугою встрѣчаемъ и въ другихъ документахъ. См., нпр., И. И. Лапио, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 526—527, прим. 3. — выписка изъ привилея пану Николаю Дорогостайскому, стольнику Княжества, на Шерешовскую державу („Листъ пана стольниковъ на Шерешовъ“, данный Генрихомъ въ Краковѣ 28 марта 1574 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. л. 4 об. — 6). Указаніе на присутствіе Дорогостайскаго на сеймахъ, какъ на его заслугу, находимъ и въ другихъ документахъ, выданныхъ королемъ Генрихомъ по поводу пожалованія Дорогостайскому Шерешовской державы — см. „Листъ пану Николаю Дорогостайскому и до Яроша Кречевьскаго о державу Шерешовскую“ (Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. л. 115 об. — 116 об.; дата: Краковъ, 28 марта 1574 года) и „О томъ же листъ, писанный до пана подскарбега земьскаго“ (ibidem, л. л. 116 об. — 117 об.; дата та же). Ср. выше стр. 300—301.

2) Обычная продолжительность вальныхъ сеймовъ въ эпоху польнаго съ Поляками сеймованья была опредѣлена закономъ въ шесть недѣль. Къ этому нужно прибавить время, которое тратилъ посоль на путешествие на сеймъ и обратно.

3) Мы считаемъ обмолвкой выраженіе „жалованье“, которое употребляетъ О. И. Леонтовичъ, обозначая имъ „стравныя“ деньги. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 271 (О. И. Леонтовичъ. Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ).

крайней мѣрѣ, отчасти должны были требовать отъ нихъ и собственныхъ расходовъ.

Путешествіе на сеймъ было несомнѣнно дѣломъ недешевымъ и въ то время, когда послы повѣтовыхъ сеймиковъ отправлялись на свои Литовско-Русскіе вальные сеймы, собиравшіеся до Уніи въ предѣлахъ Княжества. Оно сдѣлалось еще болѣе дорогимъ, когда на сеймы приходилось ѣздить послѣ заключенія Уніи въ Польшу. Понятно, что вопросъ о средствахъ для содержанія сеймовыхъ представителей повѣтовъ долженъ былъ явиться предметомъ серьезнаго вниманія шляхты. Въ эпоху до учрежденія повѣтоваго предсеймоваго сеймика обязательными представителями шляхты на вальныхъ сеймахъ были ея хоружіе. Они должны были совершать свои сеймовыя поѣздки по своему уряду, въ число обязанностей котораго входило и сеймованье. Надо думать, что никакихъ пособій на эти поѣздки они не получали или, по крайней мѣрѣ, не имѣли на нихъ признаннаго права. На это указываетъ просьба хоружихъ Подляшскихъ повѣтовъ, представленная на Виленскомъ сеймѣ 1547 года, въ которой они хлопотали о назначеніи имъ „опатренья“ по ихъ уряду, такъ какъ они, вызываемые на сеймы господарскими листами, несутъ много расходовъ по сеймовымъ поѣздкамъ. Тогда же Подляшскіе повѣты просили господаря объ указаніи источника для „стравныхъ“ денегъ ихъ сеймовымъ посламъ, которые по господарскому приказанію высылаются повѣтами Подляшья на вальные сеймы. Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ на эти просьбы предложеніемъ шляхтѣ самой складываться на „страву“ хоружію и посламъ, которые ею посылаются на сеймы¹⁾, прибавивъ, что такъ должно быть въ силу обычая²⁾. Въ этомъ отвѣтѣ несомнѣнно чувствуется взглядъ на участіе въ сеймахъ, какъ на „повинность“, которой исполненія можетъ требовать господарь отъ „стана, сойму належачаго“. Содержаніе участниковъ сеймовыхъ собраній не входило въ

1) При этомъ Сигизмундъ Августъ предложилъ, надо думать для экономіи, посылать на вальные сеймы при хоружихъ лишь по одному послу отъ повѣта, не закрывая этимъ, однако, возможности и увеличенія ихъ числа — „a chca li dwu, maią tez obrac“.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 532.

обязанности господаря и казны. Собиравшіеся на сеймы должны были являться на нихъ и ихъ отбывать такъ же по своей „повинности“, какъ они должны были собираться въ военные сборы и совершать походы, не получая никакихъ пособій на нихъ отъ государства. Какъ земскій воинъ самъ везъ съ собою въ походъ съѣстные припасы, такъ ихъ везли съ собою на сеймы и участники послѣднихъ¹⁾. Только раздачею „господъ“, т. е. квартиръ, во время сеймовъ центральная власть приходила на помощь участникамъ сеймовъ, прибывавшимъ въ тотъ или другой городъ для сеймованья²⁾.

Съ учрежденіемъ предсеймоваго повѣтоваго сеймика вопросъ объ обезпеченіи сеймовыхъ пословъ шляхты получалъ уже нѣсколько иное освѣщеніе. Теперь создавалось обязательное и выборное представительство повѣтовой шляхты на вальныхъ сеймахъ вмѣсто представительства ея хоружими по ихъ урядамъ съ добавленіемъ одного или нѣсколькихъ пословъ, которые отправлялись для принесенія просьбъ шляхты или по требованію господаря, замѣняя собою на вальныхъ сеймахъ всю шляхту „viritim“. Хоружіе даже перестали быть вовсе непремѣнными представителями повѣтовой шляхты на сеймахъ; они могли со времени учрежденія предсеймоваго повѣтоваго сеймика бывать послами шляхетскихъ повѣтовъ лишь въ томъ случаѣ, если сеймики этихъ повѣтовъ выбирали ихъ своими послами, какъ простыхъ членовъ повѣтовыхъ шляхетскихъ корпорацій, совершенно такъ же, какъ они выбирали и другихъ своихъ пословъ, всего по два отъ каждаго повѣта. Такимъ образомъ, всякій намекъ на соединеніе сеймованья съ какимъ-либо шляхетскимъ урядомъ исчезъ со времени учрежденія предсеймоваго сеймика, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалась и всякая гарантія того, что сеймовое посольство будетъ поручено повѣтомъ лицу сколько-нибудь достаточному, а стало быть имѣющему возможность на собственныя средства совершить поѣздку на сеймъ, такъ какъ занятіе уряда хоружія вообще было доступно только болѣе или менѣе обезпеченному шляхтичу. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе своего значенія въ госу-

1) Ср. примѣръ Виленскаго сейма 1525 года, приводимый Н. А. Максимейкомъ (Сеймы Л.-Р. государства, стр. 156).

2) Ср. Н. А. Максимейко, *op. cit.*, стр. 156. См. ниже, въ главѣ X.

дарствѣ давало шляхтѣ основаніе болѣе энергично выступить съ требованіемъ разрѣшенія вопроса о „стравныхъ“ деньгахъ въ направленіи, болѣе соответствующемъ интересамъ и ея пословъ, и ея самой.

Уже на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ, во время котораго и былъ учрежденъ предсеймовый повѣтовый сеймикъ, станы сейма просили Сигизмунда Августа, „жебы посломъ поветовымъ, на съемъ вальный едучи, опатренье на страву зъ скарбу земского было давано“. Отвѣтомъ господаря на эту просьбу было слѣдующее: „ижь которого часу поплаты съ подданныхъ своихъ на потребу речи посполитое земское даете, тогда подъ такимъ часомъ поступенья податку и посломъ земскимъ на съемъ вальный отправу на страву“ господарь распорядился выдать. При этомъ Сигизмундомъ Августомъ было прибавлено, что такой же порядокъ существуетъ и въ Польшѣ¹⁾. Это было, конечно, разрѣшеніемъ вопроса лишь временнымъ. Самый текстъ отвѣта Сигизмунда Августа указываетъ на это. На Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 годовъ станы вновь представили господарю просьбу, чтобы онъ „з ласки своее господарьское, прикладомъ обычаю въ панстве его милости господареккомъ Корунномъ, на страву зъ скарбу его королевское милост[и] опатривати росказати рачиль“. На эту просьбу Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ: „въ Полци на то ся всѣ складають до скарбу господарского, а господаръ его милость зъ скарбу за ся съ того посломъ на страву давати рачиль; по тому жъ и вы, коли на то ся складати будете, господаръ его милость посломъ на страву давати кажеть“²⁾. Надо думать, что станы Великаго Княжества Литовскаго имѣли достаточное основаніе, чтобы указывать въ своемъ требованіи выдачи „стравныхъ“ денегъ повѣтовымъ посламъ отъ господаря на примѣръ Польши и не довольствоваться этимъ отвѣтомъ Сигизмунда Августа, такъ какъ въ Польшѣ дѣйствительно сеймовые послы въ эпоху послѣднихъ двухъ Ягеллоновъ получали „на страву“ изъ дворнаго королевскаго скарба³⁾.

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 174.

2) Н. А. Максмейко. Опр. cit. Приложение. Стр. 176.

3) Adolf Pawiński. Rządy Sejmikowe w Polsce. Str. 67.

Вопросъ о „стравныхъ“ деньгахъ не получилъ своего окончательнаго разрѣшенія въ годы до Уніи 1569 года, и Великое Княжество Литовское должно было заниматься имъ и въ эпоху уже спольнаго Польско-Литовскаго сеймованья. Въ эту эпоху онъ становился особенно серьезнымъ въ виду того, что на сеймы повѣтовымъ посламъ Княжества нужно было ѣздить уже за границу своего „панства“, что увеличивало и ихъ дорогу, и ихъ расходы, связанные съ путешествіемъ¹⁾. Начиная съ самаго Люблинскаго сейма, установившаго Унію, дѣло „опатренья на страву“ для повѣтовыхъ пословъ привлекало вниманіе и шляхты, и верховной власти. Въ 1569 году, съ Люблинскаго сейма, въ Литовско-Русскіе повѣты были выданы Сигизмундомъ Августомъ листы²⁾, въ которыхъ отъ имени его говорится о томъ, что „многіе съ пословъ зѣ земель и поветовъ того панства“, Великаго Княжества Литовскаго, „упоминалися и просили“ у него „опатреня“ изъ его скарба „на сътраву, за чымъ бы въ потребахъ речы посполитое на томъ сойме травити могли“. Ясно, что повѣтовые сеймики, пославшіе пословъ на сеймъ, или вовсе не снабдили ихъ деньгами „на страву“, или выдали ихъ въ недостаточномъ количествѣ. Сигизмундъ Августъ на этотъ разъ приказалъ „осмотрети“ содержаніе посламъ многихъ земель и повѣтовъ Княжества

1) Кромѣ естественнаго увеличенія расходовъ отъ поѣздокъ въ Польшу, какъ „заграничное панство“, Литовско-Русскіе послы теряли и на монетѣ, что признавалось оффиціально господарскими листами. См. Приложенія, стр. 9—10.

2) Въ IX-ую книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики (Лит. Метр. $\frac{III A}{9}$ л. л. 185 об. — 186 об.) внесенъ „Листъ до обывателей повету Мозырского о даванье п[е]н[е]зей посломъ на сеймы“, выданный 15 февраля 1569 года въ Люблинѣ (изданъ М. К. Любавскимъ — Л.-Р. сеймъ, Приложенія, № 74). Но сряду за текстомъ этого листа въ этой книгѣ Литовской Метрики находится перечень воеводствъ и повѣтовъ Княжества (онъ напечатанъ нами выше, стр. 74, прим. 2), что указываетъ на посылку такихъ же листовъ и въ другіе повѣты. Этотъ перечень опускаетъ воеводства Волынское, Полоцкое, Подляшское, Браславля Подольскаго и землю Жомойтскую. Быть можетъ, въ этомъ нужно видѣть указаніе на то, что повѣты этихъ воеводствъ именно и были тѣми, которые обезпечили своихъ пословъ прогонными деньгами, постановивъ для этой цѣли особый податокъ, какъ говорить пересказываемый нами въ текстѣ документъ.

изъ средствъ своего „властнаго“ скарба. Надо думать, что это распоряженіе его было вызвано желаніемъ не осложнять своихъ отношеній къ посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ на сеймѣ для заключенія Уніи Княжества съ Польшею, вызывавшаго такія большія затрудненія. Но господарь заявляетъ, что повѣтовымъ посламъ „немало пенезей“ его „роздано“ и что эти деньги отпущены имъ съ тѣмъ, чтобы повѣтовые обыватели, сложившись, вернули ихъ въ господарскій скарбъ, такъ какъ это „власная потреба земьская“, а потому и не можетъ на этотъ скарбъ „складано быти“. Во многихъ повѣтахъ, сообщаетъ Сигизмундъ Августъ, „на страву“ посламъ постановленъ особый податокъ по добровольному согласію обывателей, и этимъ податкомъ послы были „отъправленные“. Поэтому и въ остальныхъ повѣтахъ долженъ быть установленъ податокъ же для возвращенія въ господарскій скарбъ выданныхъ изъ него посламъ денегъ. Настоящій листъ приказываетъ повѣтовымъ обывателямъ съѣхаться для постановленія податка „подълугъ воли своее, яко се“ имъ „видети будетъ“, и передать деньги въ скарбъ черезъ земскихъ пословъ, которые были повѣтомъ отправлены на настоящій сеймъ. Что касается пановъ-рады и урядниковъ господарскихъ земскихъ, которые лично присутствуютъ на этомъ сеймѣ, то они не должны отказываться отъ своего участія въ уплатѣ этого податка, такъ какъ по своимъ осѣлостямъ они принимаютъ участіе въ повѣтовыхъ сеймикахъ и вмѣстѣ съ остальными обывателями „пословъ обирають и выправують“. Въ заключеніе, высказавъ требованіе, чтобы предписанное имъ было исполнено безъ всякаго „омешкканя и сплошенства“, господарь прибавляетъ, что послѣ возвращенія въ его скарбъ выданныхъ изъ него посламъ денегъ „се тому таковойъ обычай вынайдовати мусить, яко бы скарбъ“ его „тое шкоды незвыклое не поносиль“.

Итакъ, вопросъ о томъ, откуда и какъ должны добываться „стравныя“ деньги повѣтовымъ посламъ на сеймы, оставался открытымъ въ моментъ соединенія Княжества съ Короною Люблинскою Уніею 1569 года. Повѣтовые предсеймовые сеймики 1570 года собирались, не имѣя еще законодательнаго разрѣшенія этого вопроса. Передъ ними были разосланы господарскіе листы въ Литовско-Русскіе

повѣты съ разрѣшеніемъ его только на одинъ данный случай. Сохранившійся въ Литовской Метрицѣ листъ Сигизмунда Августа въ Виленскій повѣтъ передъ этими сеймиками ¹⁾ заключаетъ въ себѣ скорѣе просьбу, чѣмъ приказаніе

1) „Жикгимонтъ etc. Князю Валерыяну — бискупу Виленьскому, воеводе Виленьскому, канцлеру нашему Великому Князства Литовского, старосте Мозырскому и Лидьскому, державцы Борнеговскому — пану Николаю Юревичу Радивилу, пану Виленьскому, гетьману нашему навъшшому Великому Князства Литовского, старосте Городеньскому и Могилевскому — пану Григорью Александровича Ходзькевича и инымъ княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталюномъ, старостамъ, державцамъ, подькоморому, войскому, судьи, подьсудку, писару и всимъ врадникомъ земскимъ земли воеводства Виленьского, земляномъ и двораномъ нашимъ, которые именья поселости свои мають въ земли Виленьской. Ведомо есть вамъ о зложенъи черезъ насъ г[о]с[по]д[а]ра сойму вального всимъ обывателемъ панѣствъ нашихъ, такъ Коруны Польское, яко и Великому Князства Литовского, у Варшаве по святе Великоденномъ въ року нынешнемъ семдесятомъ пришломъ, въ трохъ неделяхъ передъ которимъ и соймники поветовые ижъ дойти мають, вступивши въ постъ пришлый великій м[е]с[е]ца февраля двадцатого дня. Про то мы г[о]с[по]д[а]ръ, постерегаючи того, абы въ обираню и посланью пословъ земскихъ на съемъ омешканье не деяло се и вымова въ людехъ на соймникахъ не была въ складанью посломъ на страву, тогда съ повинности наше г[о]с[по]д[а]ръское видело ся намъ васъ въ томъ листомъ нашимъ напоменути, якожъ напоминаемъ съ пожеданьемъ нашимъ г[о]с[по]д[а]ръскимъ, абы есте на день, соймникомъ зложеный водлугъ першыхъ листовъ нашихъ соймовыхъ, зѣхавшися до Вильни на соймикъ поветовый, о всихъ тыхъ потребахъ земскихъ, которые вамъ черезъ посла нашего, водле инъструкцыи, ему отъ насъ даное, ознаймены будутъ, намовляли и, пословъ з воеводства Виленьского обравши, з милости своее ку намъ г[о]с[по]д[а]ру и ку речи посполитой на страву имъ зложили, не беручы передъ себе и не вымовляючи ся тымъ, же сте того вделати не повинни, абысь послы на рокъ, сойму зложеный, на съемъ приѣхати не омешкали а яко бы, для незложенья на страву, потребамъ речи посполитое ничого не перешкажало. И ачъ то бывало передъ тымъ, же на съемъ посломъ на страву складано въ поветехъ, ведъже тотъ звычай давный вамъ въ пошлину не поидеть, але на томъ то пришломъ сойме около того найдеть ся обычай такій слушный з намовы спольное всихъ становъ, отколь посломъ поветовымъ напотомъ на съемъ на страву маеть быти давано, чога мнунти и занехати будетъ трудно, абы ся то не мело на теперешнемъ пришломъ сойме осмотрети, кгдажъ бы потомъ жадень посломъ на съемъ ехати о своемъ грошу не поднялъ ся“. Лит. Метр. $\frac{II A}{56}$ л. л. 1 об. — 2 об. Дата: Варшава, 24 января 1570 года. Заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Листъ, писанный до пановъ радъ и врадниковъ земскихъ, на соймiku Виленскомъ, передъ соймомъ вальнымъ зложенымъ, будущихъ, о складане на страву посломъ земскимъ“.

господаря о томъ, чтобы повѣтовые обыватели сложились только на этотъ разъ „на страву“ своимъ посламъ, гарантируя при этомъ, что старый, уже извѣстный намъ способъ обезпеченія пословъ шляхты на сеймы до-реформеннаго времени, когда она сама выдавала своимъ сеймовымъ посламъ содержаніе, какъ и это возобновленіе его, не пойдутъ ей „въ пошлину“. Сеймъ 1570 года долженъ найти источникъ для „стравныхъ“ денегъ повѣтовымъ посламъ на сеймы, ибо въ противномъ случаѣ, „о своемъ грошу“, ни одинъ шляхтичъ не станетъ принимать на себя посольства на сеймы отъ сеймиковъ. Такого же содержанія листы, конечно, были посланы и въ остальные повѣты Княжества — листъ въ Виленскій повѣтъ несомнѣнно вписанъ въ книгу Литовской Метрики въ значеніи ихъ образца.

Вопроса о „стравъ“ посламъ касались и господарскіе листы къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ повѣтовой администраціи, разосланные передъ тѣми же сеймиками¹⁾. Эти

1) Какъ образецъ этихъ листовъ въ ту же книгу Литовской Метрики внесенъ листъ къ Браславскому старостѣ. — „Жикгимонтъ Августъ etc. Воеводе Мстиславскому, старосте Браславскому, пану Юрю Остику, а въ небытности его милости самого у Браславлю, ино подьстаростему его милости тамошнему. Посылаемъ въ семь фастыкуле листы наши отворонны, писаные до князей, пановъ и всихъ становъ народу шляхетского у повете Браславскомъ — одинъ о помкненье року сойму вальному всемъ обывателемъ панствъ нашихъ, такъ Корупы Польское, яко и Великого Князства Литовского, сезде у Варшаве черезъ насъ г[о]с[по]д[ар]а зложоного, однимъ тыднемъ далей, то есть по Великодню, святе теперъ прышломъ, въ трехъ неделяхъ, а другій о зложенье на страву посломъ тымъ, которые на тотъ соймъ съ повету Браславского будутъ посланы — яко то все съ тыхъ листовъ нашихъ шпрей и достаточней твоя милость вырозумеешь. Про то, штобы твоя милость, пане воевода, а, въ небытности его милости самого у Браславлю, тебе, подьстаростій его милости тамошній, приказуемъ, ажъ бы еси оный нашъ листъ о помкнене сойму вального того жъ часу, скоро тебе данъ будетъ, въ месте въ Браславліи и вьныхъ местечкахъ того повету, пры костелехъ и на торьгохъ обьволати велель, а потомъ яко тотъ листъ, такъ и другій, о зложенье на страву посломъ писаный, на соймику тамошнемъ поветовымъ всемъ станомъ, которые ся на тотъ соймикъ зьедутъ, оказати велель и самъ до того, з стороны своее, ся причинилъ, яко бы, пословъ на съемъ до Варшавы выправившы, на страву имъ зложили, а то будетъ на сойме з намовъ спольныхъ осмотрено, отьколь потомъ посломъ земьскимъ на съемъ маеть быти опатривано. А къ тому пры тыхъ же листехъ посылаемъ особливый листъ нашъ, писаный такъ же

листы предписывали старостинским урядам повѣтовъ опубликованіе господарскихъ универсаловъ объ отсрочкѣ вальнаго сейма и о сложеніи повѣтовыхъ обывателей „на страву“ ихъ посламъ на этотъ сеймъ, а также и объ отсрочкѣ разбора судебныхъ дѣлъ судомъ господаря. Въмѣстѣ съ тѣмъ главѣ повѣтовой администраціи Сигизмундомъ Августомъ предписывается оказать свое вліяніе на повѣтовый сеймикъ, чтобы онъ согласился сложиться „на страву“ своимъ посламъ сеймовымъ, причемъ и въ этомъ листѣ, какъ и въ листѣ къ повѣту, прибавлено о предстоящемъ постановленіи сейма касательно опредѣленія источника для обезпеченія сеймовыхъ пословъ повѣтовъ.

Итакъ, Варшавскій сеймъ 1570 года долженъ былъ законодательнымъ путемъ разрѣшить вопросъ объ источникахъ для „стравныхъ“ денегъ посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ на вальные сеймы. Но онъ не выполнилъ того, что отъ него ожидалось, ни въ этомъ дѣлѣ, ни въ другихъ. На сеймѣ 1570 года Сигизмундъ Августъ отказался признать извѣстное Сандомирское соглашеніе лютеранъ, кальвинистовъ и моравскихъ братьевъ Польши, и этотъ отказъ короля помѣшалъ осуществленію предполагавшихся серьезныхъ реформъ и постановленій сейма¹⁾. По внутреннимъ дѣламъ сейму 1570 года пришлось ограничиться лишь рессесомъ, отлагавшимъ эти дѣла до созыва слѣдующаго сейма. Утвердить ему удалось лишь „constitutiones“ для Гданска²⁾. Не разрѣшенный законодательнымъ путемъ вопросъ о деньгахъ „на страву“ поэтому долженъ былъ вновь подняться на ближайшихъ повѣтовыхъ предсеймовыхъ сей-

до вснхъ становъ того повету около отроченья вснхъ справъ, суду п выроку нашому г[о]с[по]д[ар]ьскому належачнхъ, на часъ певный, то есть по Великодню у трохъ неделяхъ, яко то вырозумеешъ достаточне съ того листу нашего, который тежъ абы еси того жъ часу, кромъ всякого продлуженья, въ ономъ повете ку ведомости вснмъ станомъ обыволати и ознаймити велель и на соймнику поветовомъ его имъ оказалъ“. Лит. Метр. $\frac{II A}{56}$ л. л. 2 об. — 3. Дата: Варшава, 24 января 1570 года. Заголовокъ въ книгѣ Метрики: „До повету Браславского о помквене року, сойму назначоного, далей, о зложене посломъ на страву и отрочаючи вси sprawy судовые на пный часъ“.

1) Ср. М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши (переводъ подъ редакціей проф. Н. И. Каръева), томъ II, стр. 101.

2) Volumina Legum. Tom II (Petersburg 1859). Str. 108—123.

микахъ. Слѣдующій сеймъ созывался на 6 января 1572 года. Господарскіе универсалы въ повѣты о сеймикахъ, предвѣряющихъ этотъ сеймъ¹⁾, молчатъ о „стравныхъ“ деньгахъ. Не говоритъ о нихъ прямо и „наука“ господарскимъ посламъ на эти сеймики. Но послѣдняя все-таки дѣлаетъ намекъ на возможный путь для разрѣшенія вопроса о деньгахъ „на страву“ сеймовымъ посламъ. Въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію предстоящаго сейма, она называетъ дѣло „о заложенью тежъ скарбу посполитого“²⁾. Естественно, что, приводя въ бѣльшіе систему и порядокъ государственное хозяйство и его кассу, этотъ „посполитый скарбъ“ могъ бы создать возможность и разрѣшенія вопроса о „стравныхъ“ деньгахъ, измѣняя существующій временно порядокъ въ этомъ дѣлѣ, противъ котораго возставала повѣтовая шляхта Княжества. Можно думать, что съ точки зрѣнія Сигизмунда Августа и его совѣтниковъ это упоминаніе господарскими послами на сеймикахъ о „посполитомъ скарбѣ“ представлялось способнымъ отвлечь Литовско-Русскую шляхту отъ протестовъ противъ существующаго порядка изысканія средствъ на сеймовыя поѣздки пословъ повѣтовыхъ. Если такой расчетъ дѣйствительно былъ, то онъ долженъ быть признанъ неудавшимся, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ части повѣтовыхъ сеймиковъ этого созыва, если не по отношенію къ нимъ всѣмъ. Часть Литовско-Русскихъ сеймиковъ этого созыва, весьма возможно, въ виду свирѣпствовавшего въ то время повѣтрія спѣша покончить съ сеймикованьемъ скорѣе, и не занялась этимъ вопросомъ обстоятельно³⁾. Но на то, что вопросъ о „стравѣ“ посламъ повѣтовымъ все-таки поднимался въ это время на сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго, мы имѣемъ прямое указаніе источниковъ. Это указаніе касается сеймика Жомойтскаго. „Отпись“ Сигизмунда Августа Жомойтскому старостѣ, пану Яну Ходкевичу, отъ 13 января 1572 года⁴⁾, являющийся отвѣтомъ короля на листъ, полученный

1) Приложенія. Стр. 13—14.

2) Ibidem. Стр. 11.

3) Повѣты нѣкоторыхъ воеводствъ, въ виду повѣтрія, даже отбывали свои сеймики этого созыва не порознь, т. е. повѣтами, а вмѣстѣ — цѣлыми воеводствами.

4) Сеймъ былъ отсроченъ до 2 февраля.

отъ него, говоритъ о томъ, что Жомойтскій сеймикъ, прошедшій при маломъ съѣздѣ шляхты, съ большими трудностями и опасностями отъ повѣтрія, все-таки не хотѣлъ „посломъ на страву складатися“. Основаніемъ для отказа отъ выдачи „стравныхъ“ денегъ Жомойтская шляхта представляла листы Сигизмунда Августа, писанные къ ней¹⁾ передъ сеймомъ 1570 года, въ которыхъ король просилъ ее только на тотъ разъ сложиться „на страву“ посламъ, обѣщая изысканіе источниковъ для этихъ денегъ на будущее время постановленіемъ этого сейма. Отвѣчая на сообщеніе объ этомъ Яну Ходкевичу, Сигизмундъ Августъ напоминаетъ ему о безрезультатности Варшавскаго сейма 1570 года и проситъ Жомойтскаго старосту убѣдить всѣ станы и шляхту земли Жомойтской, „писаньемъ своимъ то преложивши“, чтобы они сложились „на страву“ своимъ посламъ и черезъ этихъ уже пословъ „домовлялися“ на сеймѣ установленія источниковъ для „стравныхъ“ денегъ. Со своей стороны король обѣщаетъ имъ въ этомъ дѣлѣ поддержку²⁾.

1) Какъ и въ другіе повѣты. См. выше, стр. 438—441.

2) „Отписъ до пана старосты Жомойтского въ речи таковой же о соймаку Жомойтскомъ и о новинахъ з Ыфлянтъ з стороны Рижанъ. Жикгимонтъ Августъ, Божю милостію король Польскій etc. Старосте Жомойтскому. Данъ есть намъ листъ твоее милости, въ которомъ твоя милость до насъ пишешъ, ознаймуючи, же соймкъ поветовый въ земли Жомойтской за щильнымъ стараньемъ твоее милости, ачъ з великою трудностію и небезъпечною поветрея, вжо дошолъ а посълы на съемъ для несобранья всее шляхты тамошнее только тры обраны, яко есмо з листу твоее милости достаточне зрозумели, и ради то слышимъ а отъ твое милости вдячне з ласкою нашою господарською пріймемъ, же стараньемъ своимъ, яко великая и верная рада наша, до того ся причинилъ. А што пишешъ твоя милость, нжь шляхта посломъ на страву складатися не хотели, вымову делаючи листы нашими, передъ першымъ соймомъ тутощнимъ въ року семдесятомъ до нихъ о зложенье посломъ на страву писаными, абы только на онъ часъ то учинили, а на сойме мело ся то опатрити и постановити, отколъ бы потомъ посломъ на страву давано, ино, яко твоей милости, такъ же и имъ самымъ есть то ведомо, же на ономъ прошломъ сойме не только то, але и болшіе великоважные речи земскіе водле потреби постановитися не могли и на пришлый съемъ преложоны. Про то, абы твоя милость, всімъ станомъ и рицержству шляхте оное земли Жомойтское писаньемъ своимъ то преложивши, до того ихъ привелъ, жебы ся и теперь пословъ (sic) безъ жадного затрудненья на страву зложили, а черезъ тыхъ же пословъ своихъ на сойме того домовлялися, абы на пришлый часъ вжо ся то слушне опа-

Мы не можемъ указать, въ какихъ повѣтахъ вопросъ о складчинѣ шляхты посламъ ея „на страву“ прошелъ въ 1571 году безъ протестовъ и въ какихъ онъ ихъ вызвалъ, какъ это было несомнѣнно на сеймикѣ Жомонтскомъ. Предсеймовые сеймики не вели протоколовъ своихъ занятій и преній, а вырабатывали свои инструкціи посламъ, какъ результатъ этихъ преній. Притомъ и самыя инструкціи этого времени намъ не встрѣтились въ актахъ, изученныхъ нами. Но устройству складчины „на страву“ посламъ въ нѣкоторыхъ повѣтахъ и воеводствахъ должна была мѣшать самая обстановка занятій сеймиковъ 1571 года. По причинѣ повѣтрія, свирѣпствовавшего въ это время въ Княжествѣ, многіе сеймики собирались тогда по воеводствамъ, по нѣскольку повѣтовыхъ сеймиковъ вмѣстѣ, притомъ въ малочисленномъ собраніи шляхты. Это должно было мѣшать установленію соглашенія о сборѣ „стравныхъ“ денегъ, такъ какъ малому числу собравшихся шляхтичей приходилось рѣшать вопросъ о раскладкѣ ихъ не только на себя,

трило и постановило, отколь бы послы на страву мелц, до которого постановенія и выналязку мы господар[ъ] причинитися не занехаемъ, только абы ся тымъ приханьемъ пословъ на съемъ ку затрудненю якому потребъ земскихъ не омешкало. Къ тому особливе въ томъ же листе своемъ писаль твоя милость до насъ господара, ознаймуючи о умысле мешанъ Рижскихъ, яко твоей милости отъ некоторыхъ зычливыхъ з Риги знати дано, ижь, ачъ они до насъ господара листъ свой, которій твоя милость пры листе своемъ съ копеею листу ихъ, до цесара его милости писаного, послалъ, писали, даючи о собе справу, же до цесара его милости, хотечи быти отъ повинности его милости вольными, послали, ведьже, звонтивши о Макгнусе и королю Дуньскомъ, хотять отъ цесара его милости ведомость взяти, если бы имъ отколь з Рещи Немецькое якая надея въ помочи могла быти ку вызволеню своему съ подданства нашего господарского. Якосмо тежъ то съ писанья твое милости достаточне зрозумели, вдячне отъ твоее милости приймаючи, ижь съ преложенства своего не занехиваешъ о таковыхъ речахъ дбалого выведованья чинити. И впередъ, звлаща кгда послы ихъ отъ цесара вернуть ся, досегай твоя милость, водле баченья своего, певное ведомости, што за отказъ на писанье свое, альбо и въ чомъ иншомъ якое порозуменье отъ цесара его милости и отъ кого иного з Рещи Немецькое мети будуть, абы ся то все на сойме пришломъ слушне опатрило и предсявзяты ихъ, если бы ся иначе, нижли намъ о собе справу дають, указовало, ускромилло“. Дата: Варшава, 13 января 1572 года. Лит. Метр. ^{I A}₅₆ л. л. 9 об. — 10.

но и на большее, чѣмъ они, число шляхтичей, на сеймикѣ не пріѣхавшихъ. Въ виду добровольнаго характера настоящаго денежнаго сбора, рѣшать при такой обстановкѣ вопросъ объ обложеніи имъ шляхетскаго повѣта не могло не быть затруднительнымъ. Прямое указаніе на это источниковъ мы имѣемъ по отношенію къ Ковенскому повѣту. 31 декабря 1571 года въ Варшавѣ Сигизмундомъ Августомъ былъ выданъ листъ къ обывателямъ этого повѣта, въ которомъ онъ говоритъ о доведенномъ до него Троцкими воеводою и каштеляномъ отказѣ Ковенской шляхты вручить посламъ выработанную на общемъ сеймикѣ всѣхъ повѣтовъ Троцкаго воеводства „моць“, имъ „написаную“, и сложиться для нихъ „на страву“ безъ остальныхъ Ковенскихъ обывателей, на сеймикѣ не прибывшихъ. „Про то“, говоритъ господарскій листъ, „тую моць до поветовъ, кождый до своего, для запечетованья и зложенья посломъ на страву взяли“. Эта послѣдняя фраза документа указываетъ на то, что шляхта не только Ковенскаго, но и остальныхъ повѣтовъ Троцкаго воеводства, собранная на общій сеймикъ въ Сомилишки, поступила такъ же. По просьбѣ воеводы и каштеляна Троцкихъ, представленной господарю именемъ всѣхъ обывателей Ковенскаго повѣта, Сигизмундъ Августъ назначилъ время для собранія повѣтовой шляхты „на мѣсто звывклое“ для приложенія печатей къ „моцѣ“ тѣми, кто не былъ на сеймикѣ въ Сомилишкахъ, и для складчины „на страву посломъ“¹⁾.

Сейму 1572 года, отъ котораго ожидалось разрѣшеніе вопроса о „странныхъ“ деньгахъ, не пришлось оправдать этого ожиданія Литовско-Русской шляхты, какъ и сейму 1570 года. Ему не удалось оставить послѣ себя ни конституціи, ни даже рессеса. Самъ Сигизмундъ Августъ, приближавшійся уже къ смерти, не имѣлъ силъ оказать достаточнаго содѣйствія разрѣшенію вопроса о „странныхъ“ деньгахъ, обѣщаннаго имъ Литовско-Русской повѣтовой

1) Приложенія. Стр. 36—37. Приведенныя нами въ текстѣ слова этого листа о томъ, чтобы въ каждый повѣтъ Троцкаго воеводства была взята „моць“, выработанная въ Сомилишкахъ, показываютъ, что такіе же господарскіе листы были посланы и въ повѣты Троцкій, Городенскій и Унитскій.

шляхтѣ¹⁾. 7 іюля 1572 года, со смертью послѣдняго Ягеллона, Великое Княжество Литовское вступило вмѣстѣ съ Польшею въ первое безкорольеве соединеннаго государства, которое, прервавшись кратковременнымъ царствованіемъ Генриха Вalezія²⁾, смѣнилось новымъ безкорольевемъ 1575—1576 годовъ. Серьезность задачъ, которыя стояли въ эти годы передъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, обеспечивавшимъ и охранявшимъ свое государственное значеніе въ Польско-Литовской Речи Посполитой, и тревожность времени отодвигали на второй планъ дѣло о „стравѣ“ повѣтовымъ посламъ, заслоняемое гораздо болѣе крупными дѣлами и вопросами государственной жизни Княжества въ эту эпоху³⁾. Первая половина царствованія Стефана Баторія прошла при крайнемъ обостреніи военныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ Москвою, когда, напрягая всѣ свои силы для этой борьбы, Великое Княжество Литовское не имѣло возможности удѣлять достаточно вниманія вопросамъ внутренней организациі своего „панства“⁴⁾. Но послѣ окончанія Московской войны вопросъ о „стравныхъ“ деньгахъ былъ поднятъ вновь и былъ поставленъ твердо на путь, который долженъ былъ наконецъ привести къ его разрѣшенію. Этимъ путемъ было внесеніе постановленія о „стравѣ“ Литовско-Русскимъ повѣтовымъ посламъ въ проектъ III-го статута, который изготавлялся депутатами Великаго Княжества Литовскаго⁵⁾. Въ „артыкулахъ“ этого проекта, которые Виленскій сѣздъ 1584 года представилъ Стефану Баторію для сообщенія ихъ черезъ господарскихъ пословъ на сеймики Княжества передъ вальнымъ сеймомъ, находимъ и проектъ разрѣшенія вопроса о „стравныхъ“ деньгахъ. Депутатскій проектъ III-го статута въ 7-мъ и 29-мъ артикулахъ III-го

1) Евлашевскій самый неуспѣхъ Варшавскаго сейма 1572 года объясняетъ болѣзнью Сигизмунда Августа: „король его милость Августъ южъ былъ хорый, про то жъ се ничего не постановило“. Мемуары, отн. къ исторіи Южной Руси. Вып. II. Стр. 11.

2) Король Генрихъ пробылъ въ Польшѣ только съ середины февраля по конецъ іюня 1574 года.

3) См. И. И. Лапко, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 91—153.

4) См. *ibidem*, стр. 170—181.

5) Ср. выше, стр. 72 (и прим. 4) и стр. 103.

раздѣла предположилъ „податокъ по два грошы з волоки на страву посломъ, которые на съеймъ вальный выправовани бывають, на будованье домовъ для зложенья книгъ земскихъ и на иншыя потребы, яко шырей то есть описано“. Но Виленскій съѣздъ 1584 года не нашель возможнымъ согласиться съ этимъ предположеніемъ депутатскаго проекта, такъ какъ предки пановъ-рады и шляхты Великаго Княжества Литовскаго „варовали се того, абы вечный платъ николи не былъ вношонъ“ на ихъ имѣнія и подданныхъ. Къ этому радные паны прибавили, что они не могутъ согласиться на такой податокъ и потому, что каждый изъ нихъ, обязанный по своему положенію сенатора лично ѣздить на сеймы, уже обременяеть ради этихъ поѣздокъ своихъ подданныхъ „подводами и иными потребами“. Въ виду всего этого Виленскій съѣздъ 1584 года предложилъ отнести расходъ „на страву“ повѣтовымъ посламъ на счетъ „скарба речы посполитое“, который онъ предполагалъ учредить съ передачею ему чеканки монеты для Великаго Княжества Литовскаго. Этотъ же „скарбъ посполитый“, по проекту Виленскаго съѣзда 1584 года, долженъ былъ давать средства и на покрытіе другихъ расходовъ государственнаго и повѣтоваго значенія въ Княжествѣ, а въ то же время и явиться кредитнымъ учрежденіемъ для нуждающихся въ ссудахъ Литовско-Русскихъ обывателей. Ожидая скорога разрѣшенія вопроса объ источникахъ для „стравныхъ“ денегъ отъ ближайшаго сейма послѣ обсужденія его на Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймикахъ, которые соберутся передъ этимъ сеймомъ, свѣтскіе паны-рада на Виленскомъ съѣздѣ 1584 года согласились только для повѣтовыхъ пословъ на этотъ сеймъ выдать „на страву“ со своихъ подданныхъ въ размѣрахъ, „яко се панове рыцертво въ поветехъ на соймикахъ змовятъ для выправы паномъ посломъ на съеймъ“. Но отъ этой выдачи денегъ свободны должны быть всѣ сенаторы Княжества, которые на сеймъ поѣдутъ; ей подлежатъ лишь паны-рада, на сеймъ не ѣдущіе¹⁾. Послѣднія

1) Приложенія. Стр. 135—137. Сообщение этихъ „артыкуловъ“ Виленскаго съѣзда 1584 года на предсеймовые сеймики повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго, а также утвержденіе III-го статута были гарантированы Стефаномъ Баторіемъ 25 марта 1584 года — A. N. R. G. P. ill., tomus XI, № CLVII и Вил. Арх. Сб. III, № 32.

слова указываютъ на тотъ способъ, которымъ собирались „стравныя“ деньги до этого времени. Очевидно, что онѣ выдавались повѣтовыми обывателями, которые, выбирая на сеймикѣ своихъ сеймовыхъ пословъ, дѣлали постановленіе и о сборѣ для нихъ съ повѣта „на страву“, хотя и возста-вали противъ такого способа собиранія „стравныхъ“ денегъ, какъ мы это видѣли выше.

Статутъ 1588 года объ источникахъ „стравныхъ“ денегъ отъ имени господаря говоритъ такъ: „а отъкуль тымъ по-сломъ на страву маеть быти давано, то вжо особливою уфа-лю соймовою естъ варовано, што за мощно держано быти маеть, одно не подъядучы подѣ тое добръ нашихъ госпо-дарскихъ и костельныхъ“¹⁾. Эти слова III-го статута ясно намекаютъ на податокъ, налагаемый для „стравныхъ“ денегъ на имѣнія повѣтовыхъ обывателей. Они показываютъ въ то же время, что духовные паны-рада, твердо защищая имѣ-нія своихъ кафедръ отъ этого податка и не соглашаясь на него и на Виленскомъ сѣздѣ 1584 года, сумѣли настоять на своемъ и при выработкѣ окончательной редакціи Литов-ско-Русскаго кодекса. Что касается пановъ-рады свѣт-скихъ, то они должны были подчиниться общему для повѣ-товыхъ обывателей обложенію „на страву“ посламя, хотя, какъ сейчасъ увидимъ, имъ удалось сохранить ту ого-ворку о свободѣ отъ этого обложенія радныхъ пановъ, не пропускающихъ даннаго сейма, которую они сдѣлали и въ 1584 году.

Указаніе III-го статута на „уфалу соймовую“, кото-рою уже сдѣлано постановленіе объ источникахъ для „страв-ныхъ“ денегъ, не можетъ быть, однако, признано вполне со-отвѣтствующимъ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что это постановленіе внесено лишь въ конституцію Варшавскаго сейма 1598 года, т. е. сейма, собравшагося черезъ десять лѣтъ послѣ утвержденія III-го статута. Въ этой конституціи читаемъ, что деньги для пословъ, устанавливаемыя на повѣ-товыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго, каждый долженъ выдавать въ назначенный срокъ подѣ страхомъ привлеченія къ гродскому суду повѣта со штрафомъ въ де-сять копъ литовскихъ грошей; отъ уплаты установленнаго

1) III ст., III, 7.

сеймикомъ сбора освобождаются лишь столовые господарскія земли и имѣнія тѣхъ сенаторовъ, которые поѣдутъ на сеймъ¹⁾.

Настоящее постановленіе, такимъ образомъ, сдѣлано послѣ утвержденія статута 1588 года, хотя онъ и говоритъ о немъ какъ о дѣйствующемъ. Можно предположить, что оно дѣйствительно состоялось на Варшавскомъ сеймѣ 1585 года, не бывъ только оформленнымъ внесеніемъ въ сеймовую конституцію, которой не выработалъ этотъ бурный сеймъ²⁾. Но и при этомъ предположеніи необходимо отмѣтить тенденцію къ перенесенію расходовъ на прогоны посламъ съ плечъ шляхты на доходы господарскихъ столовыхъ земель, которую обнаруживаетъ ноябрьскій Виленскій съѣздъ 1587 года, хотя, правда, лишь для посольства къ кандидатамъ на Польско-Литовскій престолъ, а не для повѣтовыхъ пословъ сеймовыхъ³⁾. Постановленіе Варшавскаго сейма 1598 года не совсѣмъ совпадаетъ съ постановленіемъ III-го статута и въ его молчаніи объ освобожденіи „добрь костельныхъ“ отъ уплаты сборовъ на прогоны сеймовымъ посламъ повѣтовъ. Быть можетъ, это неосвобожденіе церковныхъ земельныхъ имуществъ отъ несенія общей съ имѣніями шляхты тяжести сборовъ на „стравныя“ деньги было отчасти вызвано желаніемъ поставить духовныхъ сенаторовъ въ равныя условія съ сенаторами свѣтскими по уплатѣ этихъ сборовъ въ случаѣ неисполненія ими своей обязанности присутствованія на сеймахъ. Литовско-Русская шляхта была недовольна этими манкировками своихъ радныхъ пановъ, и требованіе того, чтобы паны-рада ѣздили на сеймы, не отговариваясь никакими „*prywatami*“, находимъ, напримѣръ, внесеннымъ въ инструкцію, данную 31 декабря 1596 года Берестейскимъ сеймикомъ своимъ посламъ на Варшавскій сеймъ 1597 года⁴⁾. Возможно, что эти требованія шляхты отчасти и отразились на изложенномъ сеймовомъ постановленіи 1598 года⁵⁾.

1) *Volumina Legum*. Tom II (Petersburg 1859). Str. 372 (апрікуль 30 — „O Poselskie pieniądze W. X. Lit.“).

2) Объ этомъ сеймѣ см. J. Szujski, *op. cit.*, str. 96—101.

3) Приложенія. Стр. 153.

4) А. Вид. II. Стр. 154.

5) Варшавскій сеймъ 1597 года конституціи не оставилъ. Тѣмъ вѣроятнѣе отраженіе на постановленіи сейма 1598 года „O Poselskie pie-

Статутъ 1588 года опредѣлилъ и размѣры „стравныхъ“ денегъ для сеймовыхъ пословъ каждаго изъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Имъ назначено¹⁾ Жомойтскимъ посламъ 200 копъ грошей, Виленскимъ²⁾, Ошменскимъ, Лидскимъ, Вилькомирскимъ, Троицкимъ, Унитскимъ, Полоцкимъ, Новгородскимъ, Волковийскимъ, Витебскимъ, Оршанскимъ, Мстиславскимъ и Минскимъ — по 160 копъ грошей, Браславскимъ, Городенскимъ, Ковенскимъ, Слонимскимъ, Берестейскимъ, Пинскимъ, Мозырскимъ и Рѣчицкимъ — по 120 копъ грошей. Но, въ случаѣ вздорожанія „збожья и иное живности“, сумма, выдаваемая посламъ „на страву“, должна быть увеличена „водлугъ уваженья часу и далекости дороги, естлибы се коли трафило, съ потребы речы посполитое, гдѣ далей надъ звыклое мѣстѣце сеймъ мети“. Иными словами, не только вздорожаніе припасовъ, но и назначеніе мѣстомъ вальнаго сейма не Варшавы, а другого города, влекли за собою увеличеніе „стравныхъ“ денегъ для сеймовыхъ пословъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Такъ разрѣшился къ концу XVI столѣтія вопросъ о „стравѣ“ посламъ, который получилъ законодательное разрѣшеніе и въ части, касающейся источниковъ для „стравныхъ“ денегъ, и въ части, касающейся ихъ размѣра для пословъ каждаго повѣта Великаго Княжества Литовскаго.

„Стравныя“ деньги дѣлали возможнымъ для шляхетскаго повѣта высылать на вальные сеймы членовъ своей корпорации, не справляясь съ тѣмъ, располагаютъ ли избранныя имъ лица достаточными средствами для сеймовой по-

piądze W. X. Lit.“ инструкцій Литовско-Русскихъ повѣтовъ, составленныхъ для предшествующаго ему сейма.

1) III ст., III, 7.

2) Въ изданіи III-го статута въ XIX-ой книгѣ Временника Имп. Общ. Ист. и Др. Р. стоитъ: „Виленскимъ посломъ шестьдесятъ копъ грошей“. Это, конечно, опечатка. Въ Мамоничскомъ изданіи статута 1588 года это мѣсто читается: „виленскимъ посломъ сто шестьдесятъ копъ грошей“ (первая строка на стр. 75 трехъ первыхъ изданій статута 1588 года — по каталогу Имп. Публичной Библиотеки №№ I. 2. № 6г, I. 2. № 7а и I. 2. № 8). Эта опечатка названнаго изданія III-го статута ввела въ заблужденіе Ѳ. И. Леонтовича, принявшаго 60 копъ грошей для „стравныхъ“ денегъ сеймовымъ посламъ Виленскаго повѣта (Ѳ. И. Леонтовичъ. Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 271).

ѣздки. Но, конечно, въ послы выбирались шляхтичи болѣе или менѣе достаточные, и трудно себѣ представить въ положеніи сеймоваго посла какого-нибудь малоземельнаго или „убогаго“ шляхтича. Несомнѣнно, представителями шляхетскихъ повѣтовъ на вальныхъ сеймахъ были шляхтичи „дobre osълые“, владѣющіе значительными имѣніями въ повѣтахъ, — требованіе, которое соблюдалось при выборѣ и кандидатовъ на повѣтовые уряды. Но для несенія обязанностей сеймоваго посла должны были требоваться и извѣстная способность, и нѣкоторая подготовка. Господарскіе универсалы въ повѣты и „науки“ господарскимъ посламъ на предсеймовые сеймики требуютъ, чтобы сеймиками выбирались въ послы на сеймы люди „бачные и ростропные“¹⁾, „зацные, мудріе и статечные, которые бы ся о все доброе речы посполитое старали“²⁾, „люди мудріе, годные и которые бы, милуючи речъ посполитую, во всемъ на жадную речъ болшъ ся не огъледали, одно на самые потребности речы посполитое“³⁾, „особы ростропные, исправные“⁴⁾, „люди добрые, ростропные и бачные“⁵⁾ и т. п. Для удачнаго исполненія обязанностей сеймоваго посла въ эпоху послѣ Уніи сверхъ этихъ качествъ необходимо было и нѣкоторое знаніе польскаго языка, и было желательнымъ знакомство съ языкомъ латинскимъ. Польско-Литовскій сеймъ велъ свои засѣданія на польскомъ языкѣ; рядъ документовъ, писанныхъ по-латыни, особенно относящихся къ внѣшнимъ сношеніямъ соединеннаго государства, сеймъ долженъ былъ заслушивать во время своихъ занятій; наконецъ, избирательные короли Польско-Литовской Речи Посполитой XVI столѣтія, не владѣвшіе свободно польскимъ языкомъ, произносили свои рѣчи также на латинскомъ языкѣ⁶⁾. Нѣкоторое знаніе латинскаго языка для

1) Приложенія. Стр. 98.

2) Ibidem. Стр. 14.

3) Ibidem. Стр. 3.

4) Ibidem. Стр. 141.

5) Ibidem. Стр. 125.

6) См., нпр., рѣчи Стефана Баторія, произнесенныя на Варшавскомъ сеймѣ 1581 года — A. N. R. G. P. ill., tomus XI, p. 313—314, 317—318, 329. При оцѣнкѣ кандидатовъ на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой уже не говорилось о знаніи ими польскаго или русскаго языка, а серьезнымъ шансомъ въ пользу избранія бывало и хорошее

сеймовыхъ пословъ требовалось и потому, что въ сеймовыхъ рѣчахъ встрѣчаемъ постоянно отдѣльныя слова и цѣлыя цитаты, которыя давала классическая литература образованнымъ людямъ XVI вѣка или латынь католической церкви и латинская терминологія Коронныхъ судовъ и спеціальныхъ уставовъ и трактатовъ. Нѣкоторые сеймы должны были даже составлять отдѣльныя конституціи на латинскомъ языкѣ¹⁾.

Представить себѣ рядовыхъ шляхтичей чисто-русскихъ земель несущими при такихъ условіяхъ повѣстовыя посольства на Польско-Литовскихъ сеймахъ едва ли возможно. Надо думать, что контингентъ лицъ, подходившихъ къ исполненію обязанностей пословъ сеймовыхъ, не могъ быть великъ въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ, по крайней мѣрѣ въ первыя десятилѣтія существованія Польско-Литовской Речи Посполитой. Если Польскіе сеймики поручали сеймовыя посольства обыкновенно однимъ и тѣмъ же лицамъ²⁾, то, конечно, это должно было быть тѣмъ естественнѣе для повѣстовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго, особенно въ первыя десятилѣтія послѣ Люблинской Уніи. Сообразивъ всѣ условія, которымъ должны были удовлетворять сеймовыя послы Литовско-Русскихъ повѣтовъ, необходимо признать наиболѣе подходящими для сеймовыхъ посольствъ должностныхъ лицъ, входившихъ въ составъ повѣстовыхъ шляхетскихъ корпорацій. Но изъ нихъ еще въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія нѣкоторые не умѣли или не желали подписывать своего имени латинскими буквами и подписывали его буквами русскими на документахъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ³⁾. Являясь наиболѣе подхо-

знаніе латинскаго языка. Ср. *Ө. Вержбовскій*, Двѣ кандидатуры на Польскій престолъ, Вильгельма изъ Розенберга и эрцгерцога Фердинанда 1574—1575 (Варшава 1889), стр. 24.

1) Нпр., *Constitutiones, civitati Gedanensi praescriptae et auctoritate comitiorum Varsaviensium an. 1570 confirmatae*. — *Volumina Legum*, т. II (Petersburg 1859), p. 108—123.

2) См. *A. Pawiński*, *Rządy Sejmikowe*, str. 64—65.

3) Нпр., *Василій Букраба, хоружій Берестейскій* — *А. Вил. II*, стр. 154. Примѣры подписей, сдѣланныхъ русскими буквами на сеймиковыхъ документахъ второй половины XVII столѣтія — *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1910, II, стр. 300, прим. 1.

дящими лицами для отправленія сеймовыхъ посольствъ, Литовско-Русскіе урядники посылались повѣтовыми сеймиками охотно уже на отдѣльные сеймы Княжества въ годы до Уніи 1569 года. Такъ, послами Витебскаго повѣта на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года были Витебскіе городничій (Петръ Тимоѣевичъ Кисель) и земскій судья (Иванъ Богушевичъ)¹⁾, послами Жомойтской земли на томъ же сеймѣ были тивунъ Ойрагольскій, подкоморій Жомойтскій (панъ Миколай Станькевичъ) и тивунъ Ретовскій (панъ Маркъ Лавриновичъ Внучко) вмѣстѣ съ двумя недолжностными землянами (панъ Янъ Стецкевичъ и панъ Августынъ)²⁾.

Въ эпоху спольнаго сеймованья съ Польшею Литовско-Русскихъ урядниковъ также часто встрѣчаемъ въ качествѣ повѣтовыхъ пословъ на сеймахъ. Такъ, послами на коронаціонный сеймъ послѣ избранія Генриха Жомойтскій сеймикъ послалъ Миколая Станькевича Белевича, подкоморія Жомойтскаго, тивуна Ойрагольскаго, пана Войтеха Юревича Белевича, старостича Жомойтскаго, тивуна Шовдовскаго, и пана Станислава Мартиновича Чеховича³⁾; послами Виленскаго сеймика на Краковскій сеймъ 1595 года были Янъ Глѣбовичъ на Дубровнѣ, стольникъ Великаго Княжества Литовскаго, староста Радощковскій, державца Упитскій, и Александръ Ходкевичъ, графъ на Шкловѣ и на Мышѣ⁴⁾. Но, конечно, рядомъ съ должностными лицами повѣтовые сеймики отправляли на вальные сеймы и членовъ своихъ шляхетскихъ корпорацій, которые урядовъ не занимали. Въ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ мы уже встрѣтились съ ними рядомъ съ урядниками. Иногда и оба представителя повѣта на вальномъ сеймѣ оказывались лицами, должностей не занимавшими. Такъ, Берестейскій сеймикъ отправилъ на Варшавскій сеймъ 1597 года своими послами пана Яна Боговитина Шумбарскаго и пана Яна Телятицкаго⁵⁾. Иногда одно и то же

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 202.

2) Ibidem. Стр. 200.

3) Вил. Арх. Сб. IV. № 10.

4) А. Вил. VIII. Стр. 332.

5) А. Вил. II. Стр. 149. Такой же составъ повѣтовыхъ пословъ наблюдается и въ послѣдующее время: нпр., Берестейскій сеймикъ въ

лицо посылалось повѣтомъ на сеймы много разъ, являясь посломъ его на рядѣ сеймовъ различныхъ созывовъ, пользуясь постояннымъ довѣріемъ всего повѣта, или проводимое сильною партіею. Примѣромъ такого неоднократнаго исполненія повѣтоваго посольства однимъ и тѣмъ же лицомъ можетъ быть указанъ уже названный нами выше Жомоитскій подкоморій и тивунъ Ойрагольской Миколай Станкевичъ Белевичъ.

Повѣтовые послы должны были имѣть удостовѣреніе своего посольства отъ сеймиковъ, ихъ избравшихъ. Это такъ называемая „моць“, которая должна была быть выдана имъ сеймикующимъ шляхетскимъ повѣтомъ, скрѣпленная печатами или подписями „повѣтниковъ“. Такое утвержденіе шляхетскимъ повѣтомъ „моцы“ для его пословъ было необходимо, и верховная власть серьезно была озабочена тѣмъ, чтобы это утвержденіе дѣйствительно было сдѣлано при избраніи сеймовыхъ пословъ каждымъ повѣтомъ¹⁾. Но желанія центральной власти и желанія шляхетскихъ повѣтовъ по отношенію къ характеру и размѣрамъ этой „моцы“ разошлись сразу послѣ учрежденія Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика. Первая желала имѣть „моць“ повѣтовымъ посламъ „незамерною“, т. е. неограниченную; наоборотъ, повѣтовая шляхта стала ограничивать ее, идя въ разрѣзъ съ желаніемъ центральной власти. Весьма вѣроятно, что почвою, на которой выросло ограниченіе полномочій сеймовыхъ пословъ Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ въ первые годы сеймикованья Княжества, былъ вопросъ о соединеніи съ Польшею, который былъ поднятъ Сигизмундомъ Августомъ уже при созывѣ первыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ послѣ ихъ учрежденія. Господарскіе листы - универсалы передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года называютъ въ числѣ дѣлъ предстоящаго сейма „потребы речи посполитое около Унеи“ и говорятъ о предстоящей поѣздкѣ представителей Великаго Княжества Литовскаго на съѣздъ съ сенаторами и послами Польши „для постанове[н]я скучного въ

1666 году послалъ на сеймъ пана Бенедикта Сапегу, стольника Великаго Княжества Литовскаго, и пана Стефана Курча, подкоморія Лидскаго (А. Вил. III, стр. 377) и т. п.

1) Приложенія. Стр. 36—37. Ср. выше, стр. 445.

справахъ Уней сполной братьской, одностайной милости-згоде належачихъ“¹⁾. Въ этомъ дѣлѣ Уніи и нужно, по всей вѣроятности, искать главную причину требованія Сигизмундомъ Августомъ присылки пословъ отъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ „зъ зупольною моцью“, какъ и, наоборотъ, ограниченія ими полномочій этихъ пословъ. Что именно здѣсь, а не въ самомъ преобразованіи Литовско-Русскаго государства реформами 1565—1566 годовъ лежитъ эта причина, показываетъ и постоянное возобновленіе Сигизмундомъ Августомъ требованія „незамероной моцы“ для сеймовыхъ пословъ повѣтовъ Княжества въ послѣдующихъ его сеймовыхъ универсалахъ, въ которыхъ самая неудача попытокъ заключенія Уніи ставится въ прямую причинную связь съ ограниченіемъ полномочій своимъ посламъ Литовско-Русскими сеймиками²⁾. Вопросъ объ условіяхъ соединенія съ Польшею Великаго Княжества Литовскаго слишкомъ глубоко захватывалъ его обывателей, чтобы они могли уполномочивать своихъ пословъ вести дѣло Уніи безъ опредѣленныхъ указаній со своей стороны. Къ обсужденію вопросовъ Уніи присоединялись „просьбы“, которыя по старому, еще до-реформенному обычаю Литовско-Русская шляхта представляла своему господарю и на сеймы послѣ реформы 1565—1566 годовъ, какъ она это дѣлала и до нея³⁾. Изъ соединенія „моцы“ съ этими просьбами и отвѣтами повѣтовыхъ сеймиковъ на вопросы, поставленные ихъ обсужденію универсалами великаго князя и „науками“ его пословъ сеймиковыхъ, и образовался тотъ документъ, который получилъ названіе инструкціи сеймовымъ посламъ повѣтовыхъ сеймиковъ.

Итакъ, уже въ годы до Люблинской Уніи предсеймовые Литовско-Русскіе сеймики вступили на путь ограниченія своихъ пословъ сеймовыхъ, посылая ихъ на сеймы съ „замероною моцью“. Эта послѣдняя и должна была выливаться въ форму инструкціи сеймикующаго повѣта его по-

1) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 166. Н. А. Максимейко, Сеймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 153. Ср. выше, стр. 314.

2) См. выше, стр. 327—328 и 362—363.

3) См. Док. Моск. Арх. Мнн. Юст. I, стр. 200—204, 482—496 и др.

сламъ, въ которой давались имъ указанія, направляющія и ограничивающія ихъ дѣятельность на вальныхъ сеймахъ. Въ эпоху послѣ Люблинской Уніи инструкціи повѣтовыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ ихъ посламъ, отправляемымъ на „сполные“ съ Польшею сеймы, должны были не только сохраниться, но и получить новыя основанія для своего существованія и развитія. Съ одной стороны, въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ примѣръ сеймиковъ Коронныхъ, которые постоянно ограничивали своихъ сеймовыхъ пословъ инструкціями, составлявшимися для нихъ сеймикующими¹⁾. Съ другой стороны, самая дѣятельность представителей Польши на Люблинскомъ сеймѣ съ оторваніемъ отъ Великаго Княжества Литовскаго четырехъ воеводствъ должна была возбуждать недовѣріе Литовско-Русской шляхты къ Коронному сейму, хотя онъ и сталъ послѣ Уніи Польско-Литовскимъ. Годы послѣ Уніи не только не могли ослабить этого недовѣрія, а, наоборотъ, его должны были увеличивать. Интересы Литовско-Русскихъ повѣтовъ и всего „панства“ Литовско-Русскаго требовали энергичной охраны, и повѣтовая шляхта Великаго Княжества Литовскаго въ инструкціяхъ своимъ сеймовымъ посламъ должна была видѣть средство ея осуществленія²⁾.

Инструкція, вручаемая повѣтовымъ сеймикомъ своимъ посламъ, должна быть утверждена подписями и печатами обывателей, уполномочившихъ пословъ быть выразителями желаній и мыслей повѣта на предстоящемъ сеймѣ. Она является и инструкціей, и удостовѣреніемъ посольскихъ полномочій одновременно. Поэтому въ сеймиковую инструкцію обязательно вписываются имена тѣхъ лицъ, которымъ она дается, какъ посламъ повѣта. Обыкновенно имена по-

1) Объ инструкціи, какъ ограниченіи пословъ Коронныхъ сеймиковъ, см. *Adolf Pawiński, Rzady Sejmikowe*, str. 73.

2) См. *И. И. Лапко*, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 83 и сл. Эта охрана самою шляхтою интересовъ Княжества была тѣмъ нужнѣе, что сенатъ соединеннаго государства имѣлъ больше представителей Польши, чѣмъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ какъ маршалки Литовско-Русскихъ повѣтовъ, соотвѣтствовавшіе меньшимъ каштелянамъ Короны, не были введены въ него, несмотря на всѣ старанія становъ Княжества. Число членовъ посольской избы отъ Польши также было больше, чѣмъ отъ Великаго Княжества Литовскаго.

словъ обозначаются въ самомъ началѣ текста инструкціи, въ ея заголовкѣ¹⁾, но иногда эти имена встрѣчаемъ лишь въ серединѣ текста, или даже въ концѣ его²⁾. Быть можетъ, въ послѣднихъ случаяхъ возможно полагать, что послы сеймика были выбраны не въ началѣ его занятій, а въ ихъ концѣ, уже послѣ составленія текста инструкціи. Но безъ обозначенія именъ пословъ сеймиковая инструкція не могла быть составлена, такъ какъ она выдавалась лишь на имя опредѣленныхъ лицъ.

Являясь документомъ высокой степени важности — и изложеніемъ желаній и мыслей шляхетскаго повѣта, и удостоеніемъ посольства для избранныхъ имъ пословъ, — сеймиковая инструкція должна имѣть несомнѣнные признаки своей подлинности. Вотъ почему требовалось непременно утвержденіе и скрѣпленіе ея печатями всѣхъ шляхетскихъ обывателей повѣта. Повѣтовые предсеймовые сеймики 1571 года отправлялись въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ во время повѣтрія, свирѣпствовавшего особенно сильно въ Виленскомъ и Троцкомъ воеводствахъ. Это заставило Сигизмунда Августа приказать повѣтамъ Виленскаго и Троцкаго воеводства сеймиковать въ 1571 году по воеводствамъ, а не по повѣтамъ, т. е. на одномъ сеймикѣ перваго изъ этихъ воеводствъ должна была собраться шляхта всѣхъ пяти его повѣтовъ, а на одномъ сеймикѣ второго — шляхта всѣхъ четырехъ повѣтовъ послѣдняго. Этотъ сеймикъ Троцкаго воеводства собрался въ Сомилишкахъ. Послѣ его окончанія, какъ мы видѣли выше³⁾, Троцкіе воевода и каштелянъ донесли Сигизмунду Августу, что шляхта повѣтовъ ихъ воеводства съѣхалась на сеймикъ въ маломъ числѣ. Въ виду этого, хотя присутствовавшіе на немъ и выбрали пословъ отъ повѣтовъ и приложили свои печати къ „моцы, посломъ написаной“, но, сдѣлавъ это, они взяли съ собою эти документы въ повѣты для утвержденія ихъ печатями остальныхъ членовъ своихъ шляхетскихъ корпо-

1) А. Вил. VIII, стр. 332 (1594 г.). Примѣры, относящіеся къ XVII столѣтію — А. Вил. II, стр. 167 (1634 г.), А. Вил. III, стр. 377 (1666 г.), А. Вил. IV, стр. 76 (1670 г.), А. Вил. VIII, стр. 342 (1698 г.).

2) А. Вил. II. Стр. 153.

3) Стр. 445 и прим. 1.

рацій. Назначая по просьбѣ воеводы и каштеляна Троцкихъ съѣзды шляхты этихъ повѣтовъ, Сигизмундъ Августъ предписалъ, чтобы „моцы“, взятыя въ повѣты съ Сомилишскаго сеймика, „запечатовали“, съѣхавшись на обычныя мѣста своихъ сеймиковыхъ собраній, тѣ обыватели, которые ихъ „еще не печатовали“¹⁾. Такимъ образомъ, утверждение инструкции обывателями всего повѣта представляется необходимымъ. Шляхетская масса повѣтовъ, въ составѣ которой многіе не умѣли писать, утверждала инструкции сеймовымъ посламъ, какъ и другіе документы, выходившіе съ повѣтовыхъ сеймиковъ, приложеніемъ своихъ печатей, часть же шляхты ихъ и подписывала. Но, конечно, о томъ, чтобы инструкции, какъ и другіе документы, составлявшіеся на повѣтовыхъ сеймикахъ, подписывались всѣми рѣшительно членами шляхетскихъ корпорацій соотвѣтствующихъ повѣтовъ, не можетъ быть и рѣчи. Повѣтовые сеймики должны выбирать своихъ пословъ и дѣлать свои постановленія, „не ждучи неприбылыхъ“, какъ мы это уже видѣли²⁾. Приведенное сейчасъ приказаніе Сигизмунда Августа о приложеніи печатей шляхтою повѣтовъ къ недостаточнымъ числомъ ея утвержденнымъ „моцамъ“ также говоритъ о съѣздѣ повѣтовыхъ обывателей, а не о доставленіи ихъ имъ на домъ. Инструкция посламъ повѣтовъ на сеймы утверждалась отъ имени цѣлаго повѣта его сеймикомъ, т. е. лишь тою частью повѣтовыхъ обывателей, которые съѣхались для сеймикованья³⁾.

Инструкцій посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ на сеймы XVI столѣтія сохранилось въ книгахъ повѣтовыхъ судовъ Великаго Княжества Литовскаго немного. Изданными въ печати мы имѣемъ всего два документа этого рода, а именно инструкцію Виленскаго сеймика, данную 30 декабря 1594 года⁴⁾, и инструкцію сеймика Берестейскаго, данную

1) Приложенія. Стр. 36—37.

2) Стр. 317 и др.

3) Для XVIII столѣтія имѣемъ примѣры подписыванія инструкции однимъ директоромъ сеймика (впр., А. Вил. VIII, стр. 370). Но это явленіе нужно признать позднѣйшимъ. Въ замѣнъ подписей сеймикующихъ подписью одного лишь директора сеймика можно видѣть вліяніе Польскаго порядка. См. Adolf Pawiński, Rządy Sejmikowe, str. 19. Ср. А. Вил. XXIII, №№ 211, 214, 290 — акты Холмскаго сеймика.

4) А. Вил. VIII. Стр. 332—337.

30 декабря 1596 года¹⁾. Но повѣтовыхъ инструкцій, составленныхъ Литовско-Русскими сеймиками XVII и XVIII столѣтій, сохранилось весьма большое число. Часть ихъ уже напечатана, часть еще ожидаетъ изданія. Въ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центрального Архива намъ не удалось встрѣтить ни одной инструкціи XVI вѣка въ дополненіе къ двумъ, изданнымъ Виленскою Коммиссіею для разбора и изданія древнихъ актовъ. Не удалось ихъ встрѣтить и въ актовыхъ книгахъ нынѣ уже слитаго съ Виленскимъ Центральнымъ Архивомъ Центрального Архива Витебскаго²⁾. Причиною того, что акты книги повѣтовыхъ судовъ такъ мало сохранили сеймиковыхъ инструкцій XVI столѣтія, конечно, являются, съ одной стороны, утрата значительнаго ихъ числа³⁾, а съ другой — не всегда достаточно тщательное ихъ веденіе и достаточно бережное къ нимъ отношеніе въ повѣтахъ Княжества⁴⁾, несмотря на заботу объ этомъ Литовско-Русскаго закона⁵⁾. Такимъ образомъ, не въ актовыхъ книгахъ повѣтовыхъ судовъ, въ которыя, какъ увидимъ ниже, сеймики вносили свои инструкціи и другіе акты своей дѣятельности, могутъ найтись эти документы, а въ видѣ отдѣльныхъ листовъ, оригиналовъ или копій, которые сохранились внѣ актовыхъ книгъ повѣтовыхъ судовъ Княжества, собранныхъ въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ древнихъ актовыхъ книгъ Великаго Княжества Литовскаго. Обратимся теперь къ двумъ находящимся въ нашемъ распоряженіи повѣтовымъ инструкціямъ конца XVI столѣтія и поближе познакомимся съ ихъ содержаніемъ.

Инструкція Виленскаго повѣтоваго сеймика, собраннаго передъ Краковскимъ сеймомъ 1595 года, дана 30 декабря

1) А. Вил. II. Стр. 149—154.

2) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1904, IV, стр. 326 и сл.

3) Источники сохранили указанія на гибель ряда актовыхъ книгъ различныхъ урядовъ въ большомъ числѣ; нпр., Ист.-Юр. Матеріалы XXV, стр. 384 (гибель отъ огня Полоцкихъ гродскихъ и земскихъ книгъ), Ист.-Юр. Матеріалы XVII, стр. 354 (захватъ книгъ войскомъ), *ibidem*, стр. 397 (гибель книгъ отъ огня). Въ 1753 году книгъ Кричевскаго Магдебургскаго уряда уже не имѣлось за время съ 1604 по 1735 годъ (*ibidem*, стр. 342).

4) См., нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 63 (№ 329) или стр. 102 (№ 231).

5) II ст., IV, 11. III ст., IV, 13.

1594 года Виленскимъ посламъ на этотъ сеймъ, а именно пану Яну Глѣбовичу на Дубровнѣ, стольнику Великаго Княжества Литовскаго, старостѣ Радошковскому, державцѣ Упитскому, и пану Александру Ходкевичу, графу на Шкловѣ и на Мышѣ¹⁾. Она начинается порученіемъ посламъ повѣта передать самымъ пристойнымъ образомъ вниманію короля вѣрное подданство Виленской повѣтовой шляхты съ выраженіемъ ея радости по поводу возвращенія его въ Польшу изъ его наслѣдственнаго королевства²⁾. Послы должны благодарить Сигизмунда III-го за его заботы и труды, которые онъ несетъ для государства, не жалѣя своего господарскаго здоровья. При этомъ они должны ему принести пожеланіе счастливаго царствованія и впредь, къ „хвалѣ“ Всемогущаго Бога и на благо отчизны и страхъ врагамъ государства. Затѣмъ инструкція требуетъ отъ пословъ, чтобы они вѣрно и доброжелательно соблюдали все то, что имъ указано инструкціею повѣтоваго сеймика.

Первый пунктъ этихъ слѣдующихъ дальше указаній излагаемой инструкціи касается назначенія Кракова мѣстомъ собранія предстоящаго сейма. Инструкція Виленскаго сеймика отмѣчаетъ, что самъ король сознаетъ нарушеніе этимъ закона, такъ какъ въ конституціи Уніи „*per expressa te sŏwa formalia sa*“, что сеймы вальные должны собираться въ Варшавѣ. Это нарушеніе закона признаетъ и Виленскій сеймикъ. Если имѣется серьезное основаніе, по которому сеймъ не можетъ быть созваннымъ въ Варшавѣ, то королю вольно, по сообщеніи обстоятельствъ дѣла раднымъ панамъ и ихъ совѣту, назначить сеймъ въ Польшѣ тамъ, гдѣ это сдѣлать „*commodius*“. Но настоящей сеймъ созывается Сигизмундомъ III-мъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства сенаторовъ Великаго Княжества Литовскаго, какъ имѣетъ свѣдѣнія Виленскій повѣтовый сеймикъ, а потому онъ считаетъ его созываемымъ противно закону и неправильнымъ. Въ виду этого сеймикъ поручаетъ своимъ посламъ на предсеймовомъ съѣздѣ Княжества въ Слонимѣ³⁾ посоветоваться

1) А. Вил. VIII. Стр. 332—337.

2) Сигизмундъ III въ 1593 году отправился въ Швецію и вернулся въ Краковъ 2 октября 1594 года. Ср. J. S z u j s k i, Dzieje Polski, tom III, str. 162—163.

3) О Слонимскомъ съѣздѣ см. выше, стр. 306—307.

съ сенаторами и повѣтовыми послами Великаго Княжества Литовскаго о томъ, ѣхать ли на этотъ сеймъ всѣмъ, или только выслатъ на него извѣстное число Литовско-Русскихъ представителей изъ кола сенаторскаго и изъ кола посольскаго. Какъ согласятся въ этомъ вопросѣ всѣ сенаторы и послы на Слонимскомъ съѣздѣ, такъ должны поступить и Виленскіе послы, присоединившись къ ихъ рѣшенію. Если же, чего избави Богъ, единогласія по этому дѣлу на Слонимскомъ съѣздѣ не будетъ, то послы Виленскаго повѣта должны примкнуть къ тому мнѣнію, котораго будетъ держаться большинство.

Послѣ этого формальнаго вопроса по поводу созыва предстоящаго сейма излагаемая инструкція переходитъ къ отвѣтамъ на королевскія предложенія о дѣлахъ, для него предназначенныхъ. Въ сеймовой пропозиціи короля „ргасіришии“ является то, чтобы сеймики Княжества, оставивъ въ сторонѣ всѣ другія дѣла и внутреннія нужды государства, разсуждали лишь о военныхъ средствахъ ¹⁾ противъ Турокъ для предупрежденія предстоящихъ отъ нихъ опасностей. Согласно братской Уніи съ Польшею, Виленскій сеймикъ къ этому расположенъ и ни въ чемъ не хочетъ выдавать своей братіи, но онъ полагаетъ, что, гася пожаръ у сосѣда, нужно заботиться и о своемъ собственномъ домѣ ²⁾. Великому Княжеству Литовскому грозятъ опасности отъ Татаръ, которые намѣреваются отомстить за грабежъ казаковъ въ Ордѣ и въ Валахіи. Нужно готовиться къ защитѣ Княжества отъ Татаръ и обсуждать прежде ее, чѣмъ предложеніе короля касательно военныхъ дѣйствій противъ Турокъ; о первомъ изъ этихъ вопросовъ Виленскій повѣтовый сеймикъ считаетъ себя обязаннымъ болѣе думать, чѣмъ о второмъ. Но имѣется и другая внѣшняя опасность для Великаго Княжества Литовскаго. Съ Москвою нѣтъ заключеннаго вѣчнаго мира ³⁾. Поэтому Виленскій сеймикъ считаетъ нужнымъ не упускать изъ виду и того, что силы Княжества

1) „o gotowości“.

2) „jednak, u sąsiada gasząc, na własny dom baczenie mieć potrzeba“.

3) „z Moskiewskim wiecznego przemierza nie mamy, który za przyięciem u postanowieniem pokoju wieczystego, abo unii z nami, nam u cesarzowi iego mości chrześcijańskiemu wielką u potężną pomocą przeciw poganom zawsze być może“.

должны оставаться внутри его собственныхъ границъ, дабы, по истеченіи срока перемирія, Московскій непріятель не ударилъ на Великое Княжество Литовское при ослабленныхъ его силахъ и не только не сталъ бы вести военныя дѣйствія противъ самихъ составляющихъ настоящую инструкцію обывателей Виленскаго повѣта, но могъ бы овладѣть и ихъ отчизною. Поэтому послы Виленскаго сеймика должны рачительно ¹⁾ добиваться отъ короля и всѣхъ Коронныхъ становъ, которые соберутся на Краковскомъ сеймѣ, чтобы имъ была дана возможность передать сенаторамъ и посламъ Княжества вѣрное и надежное обезпеченіе того, что будетъ заключенъ вѣчный миръ между Москвою, съ одной стороны, и Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, съ другой.

„Но не менѣе нужно намъ оглянуться на сохраненіе исполнѣ въ цѣлости правъ, вольности и свободы въ отчизнѣ нашей“, продолжаютъ сеймикующіе на Виленскомъ повѣтовомъ сеймикѣ въ своей инструкціи, „чѣмъ и на всякую опасность отъ внѣшняго врага“ ²⁾. Поэтому они отмѣчаютъ, что король до настоящаго еще времени не далъ человѣку изъ народа Великаго Княжества Литовскаго ³⁾ Виленскаго бискупства, этого перваго мѣста въ сенатѣ Княжества ⁴⁾.

Сигизмундъ III долженъ былъ это сдѣлать, согласно правамъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго и согласно своей по отношенію къ нимъ господарской „повинности“, на первомъ же сеймѣ послѣ того, какъ Виленское бискупство стало вакантнымъ. По конституціи о вакантныхъ урядахъ онъ долженъ былъ отдать его человѣку изъ народа Княжества ⁵⁾. Поэтому послы Виленскаго повѣтоваго сеймика должны просить короля, чтобы онъ замѣстилъ сенаторское кресло Виленскаго бискупа Литовцемъ

1) „pilnie“.

2) „A iż nie mniej nam należy oglądać się na cale zawsze zatrzymanie praw, wolności y swobodności w oyczyźnie naszej, iako y na wszelaką niebezpieczność od nieprzyjaciół“.

3) „człowiekowi narodu naszego Litewskiego“.

4) Каѳедра и сенаторское кресло Виленскаго бискупа были вакантны послѣ перемѣщенія въ 1590 году Юрія Радивила на бискупство Краковское. См. *Historya kościoła Polskiego przez X. Melchiora Bułińskiego*, tom III (W Krakowie 1874), str. 205.

5) „człowiekowi narodu naszego“.

уже въ началѣ настоящаго сейма. Если король этого сдѣлать не пожелаетъ — Виленскій сеймикъ, однако, не ожидаетъ отъ него отказа въ исполненіи того, что онъ сдѣлать обязанъ, — то Виленскіе послы должны убѣждать сенаторовъ Княжества, которые будутъ въ это время находиться при королѣ, чтобы они поступили по своему сенаторскому долгу и согласно данному ими всѣмъ станамъ Великаго Княжества Литовскаго обѣщанію на Виленскомъ сѣздѣ¹⁾, а также согласно своему обязательству, принятому ими на себя въ 1593 году на другомъ Виленскомъ сѣздѣ и утвержденному шляхетскимъ словомъ относительно того, что они не допустятъ на Виленское бискупство никакого чужеземца или Поляка²⁾. Послы сеймика должны обратиться и къ панамъ-печатарямъ Княжества, т. е. къ канцлеру и подканцлеру, и напомнить имъ о томъ же обязательствѣ, чтобы они не скрѣпляли государственною печатью Великаго Княжества Литовскаго привилея на Виленское бискупство не Литовцу, охраняя Княжество отъ уменьшенія правъ, присяжными стражами которыхъ они являются. Но этого всего мало. „Братію“, сенаторовъ и пословъ Коронныхъ, послы Виленскаго сеймика должны просить о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ передъ королемъ, согласно соединенію Уніи и ихъ „повинности“ къ обывателямъ Княжества, чтобы послѣдніе оставались при своихъ свободахъ и вольностяхъ по своимъ правамъ и обычаямъ и условіямъ Уніи. При этомъ Виленскіе послы сообщаютъ Полякамъ, что они отправлены на сеймъ своимъ сеймикомъ безъ ограниченія полномочій въ дѣлѣ установленія средствъ обороны отъ „поганныхъ“, что сдѣлано имъ изъ расположенія къ Полякамъ, своей братіи, и изъ желанія соблюдать Унію. Если, несмотря на всѣ эти дѣйствія, послы Виленскаго повѣта не добьются исполненія требованія о назначеніи Виленскимъ бискупомъ Литовца,

1) Годъ этого сѣзда пропущенъ инструкціею. Имѣется въ виду Виленскій сѣздъ 1591 года. См. о немъ А. Вил. VIII, стр. 326.

2) „że żadnego extraneum, ani Polaka, oprócz narodu Litewskiego człowieka na biskupstwie Wileńskim cierpieć y w possessyą mają brać onego dopuszczać nie mają według dalszey declaracyey ich mości w konstytucyi o tym biskupstwie Wileńskim, na tym że ziezzdie Wileńskim uczynioney...“ Ср. А. Вил. VIII, стр. 327—328.

они, какъ добрые стражи правъ и вольности пославшихъ ихъ обывателей, должны вернуться обратно въ свой повѣтъ, заявивъ свою протестацію и не приступая ни къ какимъ дѣламъ сейма. По настоящему дѣлу Виленскіе послы должны поступать, ни въ чемъ не отступая отъ этихъ указаній данной имъ инструкціи.

Послѣ этого излагаемый документъ переходитъ къ вопросу о защитѣ Великаго Княжества Литовскаго отъ ожидаемаго нападенія Татаръ. Король увѣдомляетъ повѣтовыхъ обывателей, что имъ нужно въ Княжествѣ опасаться быстрой мести отъ Татаръ, вслѣдствіе опустошенія Орды и Валахій низовыми казаками (это предвидитъ и сама Виленская шляхта). Зимой Татарамъ для войны въ предѣлахъ Княжества благоприятствуетъ замерзаніе рѣкъ и болотъ, но еще болѣе нужно ожидать Татарскаго вторженія потому, что Великое Княжество Литовское на своихъ границахъ нигдѣ не имѣетъ готоваго для его отраженія войска. Лучшимъ предупрежденіемъ грозящей отъ Татаръ опасности — о ней говорилъ сеймикующимъ и господарскій посолъ по тексту данной ему инструкціи — Виленскій сеймикъ считаетъ неотлучное пребываніе въ предѣлахъ Княжества его наивысшаго гетмана. Поэтому Виленскій сеймикъ, присоединяясь къ постановленію Виленскаго съѣзда всего Княжества, сдѣланному въ 1593 году, упросилъ занимающаго этотъ урядъ своего воеводу ¹⁾ не ѣхать въ Краковъ, куда уѣзжаетъ такъ много главныхъ лицъ Княжества, а остаться въ его предѣлахъ изъ любви къ отчизнѣ и по обязанности гетманскаго уряда. При этомъ Виленскій сеймикъ обезпечилъ своего воеводу, какъ гетмана, въ слѣдующемъ: если, чего Боже упаси, будетъ отчизнѣ грозить какая-либо опасность отъ Татаръ, отъ низовыхъ казаковъ или отъ кого-либо иного, то повѣтовые обыватели будутъ поступать во всемъ согласно съ конституціей Виленскаго съѣзда 1593 года, постановленной всѣми станами Великаго Княжества Литовскаго. Своимъ посламъ на Краковскій сеймъ Виленскій сеймикъ настоящею инструкціею поручаетъ приложить на предстоящемъ

1) Панъ Криштофъ Радивилъ, князь на Биржахъ съ Дубинокъ, воевода Виленскій, гетманъ наивысшій Великаго Княжества Литовскаго, староста Солецкій и Урендовскій, державца Коконгавскій.

съѣздѣ въ Слонимѣ¹⁾ всѣ старанія къ тому, чтобы послы и сенаторы Княжества во время Краковскаго сейма обезпечили оборону его при наивышемъ гетманѣ²⁾).

Послѣдующіе отдѣлы инструкціи Виленскаго сеймика 1594 года гораздо короче уже изложенныхъ нами ея частей. Одни изъ нихъ являются отвѣтами на предложенные обсужденію сеймика вопросы отъ короля, другіе вносятся сеймикующими по собственной инициативѣ. Къ числу первыхъ прежде всего относится отвѣтъ на сообщеніе Сигизмунда III-го объ опасности и оскорбленіяхъ, которыя онъ пережилъ въ Гданскѣ во время своего пребыванія въ этомъ городѣ въ 1593 году³⁾. Виленскій сеймикъ поручаетъ по этому дѣлу своимъ посламъ изыскать на сеймѣ вмѣстѣ съ остальными станами, которые на немъ будутъ, наипристойнѣйшій способъ для почетной „*nagrody*“ съ пристойнымъ соблюденіемъ „*dignitatis*“ короля и славы народовъ соединеннаго государства, а также съ наказаніемъ своевольныхъ поступковъ.

Затѣмъ инструкція Виленскимъ посламъ переходитъ къ дѣлу объ Эстоніи. Сеймикъ видитъ въ инкорпорации и полномъ присоединеніи къ Коронѣ и Княжеству Эстоніи увеличеніе силъ для борьбы съ „погаными“. Поэтому послы его должны, посоветовавшись съ послами не только Великаго Княжества Литовскаго, но и Польши, просить короля, чтобы онъ, согласно „пактамъ“ и своему господарскому долгу, не откладывавъ дальше присоединенія Эстоніи къ Коронѣ и Княжеству.

Между другими дѣлами, заявляетъ Виленскій сеймикъ,

1) Этотъ съѣздъ долженъ состояться согласно статуту 1588 года. Ср. выше, стр. 306—307.

2) „... у panom posłom naszym to zlecamy, aby na przyszłym zieżdzie Słonimskim, iako naypilnieysze staranie o to u drugich braci naszej, ich mości panów senatorów у panów posłów Wielkiego Xięstwa Litewskiego czynili, aby pod odprawowaniem tego niezwyčajnego seymu w Krakowie iako niebezpieczney Xięstwo Litewskie potrzeбно obronie przy iego xiążęcy mości, iako przy terminie naszym opatrzone być mogło“.

3) См. объ этомъ Г. В. Форстенъ, Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (1544—1648), томъ II (СПБ. 1894), стр. 29 и Adam Szelaġowski, Walka o Bałtyk, str. 141—142 i 383 (Przypisy — Do rozdziału X). Ср. J. Szujski, Dzieje Polski, tom III, str. 162.

его беспокоить не меньше и то, что Люблинскій трибуналъ 1) „*nullo iure*“, противъ Уніи, отваживается большую часть Берестейскаго воеводства втягивать въ Польшу своими декретами и даже хочетъ эти декреты приводить въ исполненіе. Хотя уже давно объ этомъ дѣлѣ упоминалось и упоминается часто на сеймахъ, но оно все еще не получило своего разрѣшенія. Послы Виленскіе должны держать это дѣло въ своей памяти, чтобы оно было разрѣшено безъ дальнѣйшей затяжки. Должны они помочь и Литовскому шляхтичу, пану Мицутѣ, который этимъ трибуналомъ весьма „*ukrzywdzony*“ съ нарушеніемъ вольности и права. Панъ Мицута и самъ не отказывается лично подтвердить свою жалобу на Люблинскій трибуналъ.

Серьезное вниманіе обращаетъ далѣе Виленскій сеймикъ на дѣйствія противъ свободы совѣсти, установленной конфедерацией 2). Необузданные, своевольные люди, нарушая общее спокойствіе и миръ, чинятъ раздоры въ дѣлахъ различія религій, дѣлая это притомъ не только словесно, но и мятежами, бросаясь на молитвенные „сборы“ христіанъ и захватывая ихъ въ Коронѣ, Княжествѣ и Пруссіи, поступая въ этомъ въ разрѣзъ конфедерации и къ разрушенію общаго спокойствія. Обдумывая установленіе мира съ чужими народами, не менѣе нужно успокоить и раздоры домашніе. Поэтому Виленскіе послы должны стараться о томъ, чтобы самымъ дѣйствительнымъ образомъ такія своеволія были обузданы наказаніями, установленными конфедерацией и закономъ.

Затѣмъ въ пересказываемую инструкцію внесены три дѣла, поднятыя на Виленскомъ сеймикѣ отдѣльными лицами: 1) старостою Дынаменскимъ, паномъ Островскимъ, 2) паномъ Яномъ Гарабурдою и 3) паномъ Зибутомъ Ганскоповичемъ. Панъ Островскій обратился къ Виленскому повѣтовому сеймику съ просьбою и увѣдомленіемъ 3) о жела-

1) О трибуналѣ въ Люблинѣ см. Oswald Balzer, *Geneza Trybunału Koronnego*, str. 323.

2) Имѣется въ виду, конечно, извѣстная Варшавская конфедерация 1573 года, актъ которой былъ внесенъ и въ статутъ 1588 года (III ст., III, 3).

3) „*Prośba pana Ostrowskiego, starosty Dynamenskiego y prestroga, którą przedłożył na seymiku naszym*“.

тельности доведения до короля черезъ Виленскихъ пословъ о томъ, чтобы въ Инфлянтской землѣ не нарушались сдѣланныя о ней институціи¹⁾. Отъ пана Яна Гарабурды была принесена на Виленскій сеймикъ просьба болѣе личнаго характера. Онъ просилъ сеймикъ²⁾ о томъ, чтобы его не беспокоили позвами задворнаго суда о Свислочскомъ имѣніи, пожалованномъ за заслуги его отцу, Минскому каштеляну, пану Михаилу Гарабурдѣ, такъ какъ актъ и конституція Уніи установили провѣрку такихъ пожалованій-привилеевъ только на вальныхъ сеймахъ. Виленскій сеймикъ поручаетъ своимъ посламъ передать королю эту просьбу пана Гарабурды: разсмотрѣніе привилеевъ, согласно присягѣ короля, должно имѣть мѣсто только на сеймѣ, и должно быть наложено наказаніе на тѣхъ, кто нарушаетъ конституцію Уніи. Наконецъ, третье изъ этихъ дѣлъ, дѣло Ганскоповича, заключается въ слѣдующемъ. Панъ Зибуть Ганскоповичъ, войскій и поборца Ковенскаго повѣта, довелъ до свѣдѣнія Виленскаго сеймика³⁾, что Ковенскіе мѣщане не пожелали уплатить ему побора, который вносили всѣ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ⁴⁾. Вслѣдствіе этого Ковенскіе мѣщане обвинены судомъ и, вѣроятно, уже приговорены трибуналомъ къ баниціи. По этому дѣлу послы Виленскаго сеймика должны ходатайствовать о томъ, чтобы виновные были найдены, дабы сборъ побора не терпѣлъ ушерба.

Затѣмъ инструкція говорить о необходимости освѣдомленія речи посполитой о томъ, „co iako się obróciło“ по отношенію къ королевскимъ имѣніямъ, упоминаетъ о поборахъ, съ Княжества поступившихъ⁵⁾, и требуетъ окончанія исправленія статута⁶⁾. Касательно жалованья, заслуженнаго

1) См. „Konstytucye Inflantskie za Stefana krola w Warszawie r. 1582“ — Volumina Legum, tom II (Petersburg 1859), str. 220—223.

2) „Doniesiona też iest do nas prośba od ięgomości pana Jana Hara-burdy na seymiku naszym . . .“

3) См. поборовый универсалъ Варшавскаго сейма 1593 года — Volumina Legum, tom II (Petersburg 1859), str. 348—354.

4) „które z Wielkiego Xięstwa Litewskiego wszyscy płacili“.

5) Текстъ въ этомъ мѣстѣ испорченъ.

6) „Poprawa statutu iż nie dochodzi, upominać się, aby dokończona była, gdy że wszystko Xięstwo Litewskie niemały nakład na to uczyniło“.

всѣми украинными, т. е. пограничными, ротмистрами и жолнерами Великаго Княжества Литовскаго, Виленскій сеймикъ поручаетъ своимъ посламъ хлопотать, чтобы имъ въ ихъ старости и нищетѣ было заплачено.

Посовѣтовавшись съ послами Ошменскими, Виленскіе послы должны оказать помощь обывателямъ Ошменскаго повѣта въ дѣлѣ ихъ повѣтоваго земскаго писарства¹⁾. Далѣе послы Виленскаго сеймика должны стараться о томъ, чтобы получило свой конецъ дѣло королевскаго секретаря, пана Яна Чижа²⁾ о недоборѣ побора въ воеводство³⁾ и мѣстѣ Виленскихъ по причинѣ повѣтрія, а также чтобы получило свой конецъ и дѣло пана Петра Гарабурды о поборовомъ остаткѣ и объ уплатѣ долга въ королевскомъ скарбѣ.

Затѣмъ инструкція поручаетъ Виленскимъ посламъ дѣло Мстиславскаго воеводы⁴⁾ и дѣло князей Вишневецкихъ. Мстиславскій воевода хлопочетъ о томъ, чтобы онъ могъ оставаться и Мстиславскимъ старостою⁵⁾. Что касается князей Вишневецкихъ, то Виленскіе послы должны имъ помочь въ полученіи вознагражденія за службы и потери, которыя понесли ихъ отецъ⁶⁾ и братъ, панъ староста Черкасскій⁷⁾. Послы Виленскаго сеймика должны помочь и въ просьбѣ пана Криштофа Дѣшка, чтобы за его выдающіяся и соединенныя съ потерями заслуги онъ получилъ право вѣчнаго владѣнія на деревнѣ Манастиранахъ, лежащей на Семигродской и Волошской границахъ, а если это невозможно, то чтобы ему была внесена какая-либо сумма на деревнѣ Тухнѣ, которою онъ владѣетъ подъ Торунемъ.

Наконецъ, послѣднее порученіе Виленскаго сеймика

1) На содержаніе этого дѣла намъ не удалось встрѣтить указанія въ актахъ.

2) Поборца побора.

3) Т. е. центральномъ повѣтѣ Виленскаго воеводства. Ср. выше, стр. 73—74.

4) Т. е. пана Еронима Юрьевича Ходкевича, назначеннаго Мстиславскимъ воеводою 24 июня 1593 года. См. Józef Wolff, Senatorowie i Dugnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 29.

5) О раздѣленіи урядовъ воеводы и старосты Мстиславскихъ см. И. И. Лапко, *op. cit.*, стр. 591.

6) Т. е. князь Михаилъ Александровичъ, каштелянъ Кіевскій, староста Черкасскій. См. Józef Wolff, *Kniaziowie Litewsko-Ruscy*, str. 558.

7) Т. е. князь Александръ Михайловичъ. См. *ibidem*, стр. 559—560.

его посламъ также относится къ дѣлу опредѣленнаго лица. Послы должны ходатайствовать за пана Петра Варакунского, чтобы ему за его выдающіяся услуги государству¹⁾ было дано право вѣчнаго владѣнія на Байсагольской деревнѣ въ Жомойти, или же чтобы ему была внесена денежная сумма. Этимъ оканчиваются порученія, данныя Виленскимъ повѣтовымъ сеймикомъ 1594 года его посламъ.

Таково содержаніе инструкціи посламъ Виленскаго сеймика на Польско-Литовскій Краковскій сеймъ 1595 года. Присматриваясь къ этой инструкціи, замѣчаемъ, что повѣтовый Виленскій сеймикъ въ своихъ занятіяхъ интересовался 1) дѣлами всего соединеннаго Польско-Литовскаго государства, 2) дѣлами Великаго Княжества Литовскаго, какъ цѣлаго „панства“, 3) дѣлами своего повѣта и 4) дѣлами отдѣльныхъ лицъ, вносимыми на сеймикъ. Что касается инициативы возбужденія вопросовъ и дѣлъ на Виленскомъ сеймикѣ 1594 года, то она принадлежала прежде всего, конечно, королевской власти. Но артикуловъ, являющихся отвѣтами на вопросы, королевемъ поставленные, и имъ предложенныя темы, которыя будутъ обсуждаться на предстоящемъ сеймѣ, меньшинство въ ряду всѣхъ артикуловъ пересказанной нами инструкціи. Это — оборона Короны и Княжества и Гданское дѣло. Остальные артикулы инструкціи возникли безъ всякихъ указаній отъ короля объ обсужденіи дѣлъ, явившихся ихъ содержаніемъ. Даже во главѣ всѣхъ артикуловъ инструкціи поставлено Виленскимъ сеймикомъ дѣло о замѣщеніи кафедры и сенаторскаго кресла Виленскаго бискупа, обсужденіе котораго было выдвинуто непосредственно самими сеймикующими, и разрѣшеніе его въ направленіи, ими указанномъ, было поставлено непремѣннымъ условіемъ участія Виленскихъ пословъ въ сеймовой работѣ; если этого разрѣшенія не послѣдуетъ, они должны немедленно покинуть сеймъ, заявивъ свой протестъ. Дѣло о Виленскомъ бискупствѣ и нѣкоторыя другія²⁾, ко-

1) „za znaczne poslugi w r.p. pokazowane y za ochronienie starania sdrowia iego“.

2) Какъ объ Эстоніи, объ оборонѣ отъ Татаръ, о Люблинскомъ трибуналѣ, о королевскихъ имѣніяхъ, о разновѣрціи, о статутѣ, о ротмистрахъ и жолнерахъ.

нечно, занимали всю шляхту Виленскаго повѣта, собравшюся на сеймикъ, и были, надо думать, возбуждены на сеймикѣ нѣсколькими лицами, или при полной поддержкѣ сеймикующихъ, узнававшихъ въ возбужденныхъ вопросахъ вопросы, надъ которыми такъ или иначе, въ тѣхъ или другихъ сторонахъ ихъ, они всѣ думали уже раньше. Другія дѣла возникли въ обсужденіи Виленскаго сеймика вслѣдствіе толчковъ, данныхъ ему извнѣ, причемъ это имѣло мѣсто по отношенію и къ дѣламъ государственнаго или повѣтоваго значенія, и къ дѣламъ характера личнаго. Требования соблюденія Инфлянтскихъ институцій и постановленій конституціи Уніи были внесены въ инструкцію сеймикомъ — первое въ виду заявленія Дынаменскаго старосты, пана Островскаго, второе по поводу обсужденія сеймикующими просьбы пана Яна Гарабурды о поддержкѣ его въ дѣлѣ объ имѣніи, выслуженномъ его отцомъ. Точно также общій вопросъ легко могъ возникнуть и изъ заявленія Ковенскаго поборцы Ганскоповича объ отказѣ Ковенскаго мѣста платить ему установленный сеймомъ поборъ; самъ Ганскоповичъ, конечно, поднялъ его и на Ковенскомъ сеймикѣ, и въ внесеніи имъ этого дѣла на обсужденіе Виленскаго сеймика, а надо думать, и другихъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ нужно видѣть указаніе на признаніе имъ самимъ этого вопроса имѣющимъ государственное значеніе для всего Великаго Княжества Литовскаго.

Но другіе артикулы пересказанной инструкціи имѣютъ характеръ уже простыхъ ходатайствъ Виленскаго сеймика для поддержки просьбъ и желаній Ошменскаго повѣта и отдѣльныхъ лицъ. Эти просьбы и желанія были доведены до сеймика Виленскаго повѣта и смогли такъ или иначе получить сочувствіе его участниковъ. Ошменскій шляхетскій повѣтъ, надо думать, обратился къ Виленскому, а вѣроятно, и къ другимъ повѣтамъ своего воеводства съ просьбою о поддержкѣ его въ дѣлѣ его земскаго писарства, которое могло получить принципиальное значеніе съ точки зрѣнія правъ шляхетской повѣтовой корпораціи¹⁾. Что же касается дѣла Яна Чижа, Петра Гарабурды, Мстиславскаго

1) О сношеніяхъ повѣтовъ, какъ шляхетскихъ корпорацій, см. ниже, въ IX, X и XI главахъ.

воеводы Ходкевича и другихъ лицъ, то они были, конечно, возбуждены или ими самими, или ихъ „пріятелями“ изъ состава сеймикующихъ. Одно изъ дѣлъ, касающихся интересовъ отдѣльныхъ лицъ, пригодилося Виленскому сеймику для иллюстраціи незаконныхъ дѣйствій Люблинскаго трибунала, и онъ помѣстилъ его въ текстъ своей инструкціи какъ разъ вслѣдъ за своимъ общимъ требованіемъ воспрещенія ему распространять его компетенцію на территорию Великаго Княжества Литовскаго¹⁾. Три другихъ дѣла, возникшихъ на сеймикѣ по заявленіямъ отдѣльныхъ лицъ²⁾, давая возможность постановки на основаніи ихъ общихъ вопросовъ государственной жизни, поставлены въ текстѣ инструкціи между дѣлами государственнаго значенія. Наконецъ, ходатайства по дѣлу Опшменскаго повѣта и остальныхъ отдѣльныхъ лицъ, обратившихся за поддержкою къ Виленскому сеймику, заключаютъ текстъ инструкціи, какъ дѣла, не имѣющія яснаго государственнаго значенія. Отмѣтимъ еще одну частность, которая является цѣнной для характеристики значенія повѣтоваго сеймика. Его поддержки ищутъ отдѣльныя лица не только въ своихъ личныхъ дѣлахъ, но и въ вопросахъ общаго государственнаго значенія, черезъ посредство сеймика пролагая для нихъ путь къ разсмотрѣнію и рѣшенію на вальномъ сеймѣ. Хорошій примѣръ этого — просьба Дынаменскаго старосты о соблюденіи Инфлянтскихъ институцій.

Вступительная и заключительная части инструкціи Виленскаго сеймика 1594 года не были пересказаны нами. Первая представляетъ собою заглавіе документа, вторая — его утвержденіе и датированіе. Вотъ переводъ вступительной части съ польскаго на русскій языкъ: „Инструкція Виленскаго сеймика, собраннаго его королевскою милостію на 29-й день декабря³⁾ въ настоящемъ 94-мъ году, данная ихъ милостямъ панамъ посламъ, нами выбраннымъ и упрощеннымъ, вельможнымъ ихъ милостямъ панамъ, пану Яну Глѣбовичу на Дубровнѣ, стольнику Великаго Княжества Литовскаго, старостѣ Радошковскому, державцѣ Упитскому, и

1) Дѣло шляхтича Мицуты.

2) Просьбы Островскаго, Яна Гарабурды и Ганскоповича.

3) Передано въ оригиналѣ латинскимъ словомъ: „Decembris“.

пану Александру Ходкевичу, графу на Шкловѣ и на Мышѣ“. А вотъ переводъ части заключительной: „Которую инструкцію, составленную съ согласія¹⁾ насъ всѣхъ, даемъ ихъ милостямъ панамъ посламъ нашимъ съ приложеніемъ къ ней нашихъ печатей и съ подписью нашихъ рукъ. Писанъ на сеймикѣ нашемъ въ Вильнѣ, 30-го дня декабря²⁾ 1594-го года“. По словамъ записи Виленскихъ гродскихъ книгъ, въ которыя внесена эта инструкція, у нея „печатей притисненныхъ и подписовъ рукъ немало“. Внесена она въ гродскія Виленскія книги въ тотъ же самый день, когда была утверждена сеймикомъ, т. е. 30 декабря 1594 года, и ее представили для внесенія въ книги гродскому Виленскому уряду³⁾, „постановившисе ихъ милость нѣкоторые обыватели Великого Князства Литовского въ повѣтѣ Виленскомъ, которые се были на сеймикѣ теперешній, въ року нынѣшнемъ тысяча пятьсотъ девяностъ четвертомъ мѣсяца декабря двадцать девятого дня, за листомъ его королевское милости прыпалымъ, тутъ до мѣста Виленского зѣхали, и то, што зѣ собою о добромъ речи посполитое згодне намовили, на письмѣ съ печатями своими и съ подписами рукъ своихъ ку вписанью до книгъ кгородскихъ Виленскихъ подали“.

Другой извѣстный намъ образецъ инструкцій посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ на Польско-Литовскіе сеймы конца XVI столѣтія — инструкція Берестейскаго сеймика, созваннаго на 30 декабря 1596 года, передъ Варшавскимъ сеймомъ 1597 года⁴⁾. Эта инструкція заключаетъ въ себѣ слѣдующія части: 1) выраженіе чувствъ и пожеланій для принесенія ихъ королю, 2) постановленіе по поводу поставленнаго королемъ вопроса о способѣ борьбы съ Турками, 3) постановленіе сеймика по поводу королевскаго сообщенія о Крымѣ и казакахъ, 4) постановленіе сеймика по поводу королевскаго сообщенія о несоблюденіи сеймовыхъ постановленій, 5) разрѣшеніе повѣтовымъ посламъ выслушать, по просьбѣ короля, Шведское посольство⁵⁾, 6) о

1) „Którą instrukcyę, ze zgodą nas wszystkich uczynioną“.

2) „Decembra“.

3) Самому Виленскому воеводѣ.

4) А. Вил. II. Стр. 149—154.

5) „Poruczamy tedy to posłom naszym, aby poselstwa ich (т. е. Шведскихъ пословъ) на seimie przysłem przysłuchali y spółnie [z] stany Co-

выдачѣ побора съ Берестейскаго повѣта, 7) порученіе сеймикомъ своимъ посламъ хлопотать о точномъ соблюденіи границъ Берестейскаго воеводства съ Польшею и о невызовѣ его обывателей въ Польскіе суды, которымъ они не подлежатъ по своимъ осѣлостямъ, 8) просьба къ королю не назначать на кафедру и сенаторское кресло Виленскаго бискупа Поляка, хотя король и проситъ согласія Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ обывателей на такое назначеніе¹⁾. Далѣ слѣдуетъ въ инструкціи рядъ просьбъ, которыя раздѣлены какъ „petyta 1“, „petyta 2“, „petyta 3“ и т. д. Эти просьбы слѣдующія: 1) по частному судебному уголовному дѣлу — наказаніе для общаго примѣра, 2) по такому же дѣлу, при чемъ приговоръ предрѣшается сеймикомъ, 3), 4) и 5) просьбы о комиссарахъ для имѣній трехъ пановъ²⁾,

ronnemi o zatrzymaniu królestwa tam tego radzili y obmysliwali, bez zatrwożenia a zatrudnienia jednak jakiego rzeczy pospolitey naszej, y owszem bespečenstwo jej pierwiey pilnie opatrziwszy“.

1) „Co się prozby jego krolewskiej mosci dotyczy, abysmy pozwolili królu jegomosci biskupstwo Wilenskie, na czas jedno, dać polakowi; iż to jest tesz niebezpieczne y bardzo strzasiwe pozwalac, co przeciwko dawnym prawom, przywilejom y zwyczajom, które przodkowie króla jego mosci, pana naszego, świętey y wieczney pamięci królowie Polscei y Wielkiego Xięstwa Litewskiego nie jedno przodkom naszym szcudrobliwie nadali, ale ie też zawsze wiecznie y nienarusznie chowali y trzymali; tedy raczey poruczamy to posłom naszym, iżby uniżenie y pokornie prozby naszej doniesli do jego krolewskiej mosci, aby jego krolewska mosć, przykladem swiatobliwych przodkow swoich, nie przeciwko prawom y przywilejom, od nich nadanym, nie czynił y owszem nas przy nich, jakośmy ich do tego czasu w spokojnem używaniu zawsze byli, spokojnie zachować raczył, abysmy tak z większą chęcią za jego król. mosć, pana naszego miłosciwego, Pana Boga prosic nie przedstawiali. Wszakosz, iesliby się to ich miłosciam panom radam y panom posłom wojewodztw y powiatow W. X. L., braciey naszej, zdalo co, odkładamy to na ziazd główny Slonimski, gdzie to nie jedno nas samych, ale y wszystko Xięstwo Litewskie zachodzi, którym jesli się to będzie zdalo pozwolici tego królu jegomosci na czas, za jakim dobrem y pewnem warunkiem, nazy poslowie przeciwci temu nie mają. Ale gdzie by . . . to ich miłosciam panom radam y panom posłom drugim nie zdalo, tedy panowie poslowie naszej mają się w tem z ich miłosciam y wszystkimi zgadzac, nie różniac się od starszych“.

2) Пана воеводы Витебскаго (т. е. Миколая Павловича Сапеги, имѣвшаго связи съ Берестейскимъ шляхетскимъ повѣтомъ, такъ какъ до назначенія на Витебскій воеводскій урядъ онъ былъ воеводою Берестейскимъ) — о разграниченіи его и королевскихъ имѣній; пана Яна Грека „z uczesnikami jego“ — объ опредѣленіи количества забранной у нихъ къ коро-

6) о томъ, чтобы трибуналь Великаго Княжества Литовскаго отправлялъ свои сессіи только въ Вильнѣ¹⁾, 7) просьба къ королю объ учрежденіи ярмарки въ Берестѣ, 8) требованіе на съѣздѣ въ Слонимѣ, чтобы пань-рада ѣхали на сеймъ.

Настоящая инструкція была дана Берестейскимъ сеймикомъ избраннымъ имъ посламъ, пану Яну Боговиту Шумбарскому и пану Яну Телятицкому. Начинается она такъ: „мы, рады, земскіе урядники, рыцарство-шляхта и всѣ обыватели Берестейскаго воеводства²⁾, которые съѣхались въ Берестье на повѣтовый сеймикъ, собранный королемъ его милостью на нынѣшній 30-й день мѣсяца декабря, выслушавши посольство къ намъ отъ короля его милости черезъ посла его королевской милости, уразумѣли . . .“³⁾. Заканчивается инструкція слѣдующими словами: „Писанъ въ Берестѣ, дня 30-го мѣсяца декабря 1596 года. На которой инструкціи нашей отъ насъ ихъ милостямъ панамъ посламъ, братіи нашей, подписались своими собственными руками и притиснули свои печати“⁴⁾. Запись этой инструкціи въ Берестейскія земскія книги приводитъ слѣдующія подписи, сдѣланныя подъ ея текстомъ: 1) Ипатій, епископъ Владимірскій, 2) Миколай Сапега, воевода Витебскій, 3) Левъ Сапега, канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, 4) Петръ Литвиновскій, маршалокъ короля его милости, 5) Василій Букраба, хоружій Берестейскій, 6) Феодоръ Поцѣй, судья земскій Берестейскій, 7) Богданъ Туминскій, подсудокъ, 8) Левъ Поцѣй, 9) Янъ Мелешко,

левскому селу Малашевичамъ (для пана Грека Берестейскіе послы должны просить и вознагражденія пзъ королевскихъ земель за забранныя у него другія земли); пана Яна Тышкевича, воеводича Берестейскаго — объ опредѣленіи количества земли, забранной еще отъ имѣнія его отца къ землямъ Рѣчицкаго двора, и о вознагражденіи за нихъ другою землею.

1) Трибуналь Великаго Княжества Литовскаго, по его уставу 1581 года, отправлялъ свои сессіи въ Вильнѣ (для повѣтовъ Виленскаго, Ошменскаго, Лидскаго, Вилькомирскаго, Браславскаго и Полоцкаго), въ Трокахъ (для повѣтовъ Троцкаго, Городенскаго, Ковенскаго и Упитскаго), въ Новгородкѣ (повѣты Новгородскій, Слонимскій, Волковыйскій, Берестейскій и Пинскій) и въ Минскѣ (для повѣтовъ Витебскаго, Оршанскаго, Мстиславскаго, Мяскаго, Мозырскаго и Рѣчицкаго). Измѣненія 1588 г. — А. З. Р. IV, № 3.

2) Слово „воеводство“ употреблено въ значеніи центрального повѣта воеводства. См. выше, стр. 73—74 и 468.

3) Даемъ въ текстъ переводъ съ польскаго языка.

4) Также.

10) Остафій Янъ Тышкевичъ, 11) Бенежъ Буховецкій, 12) Янъ Каменскій, 13) Богданъ Черневскій, 14) Иванъ Бржозовскій, 15) Олехно Робчичъ, 16) Янъ Туржубацкій, 17) Василій Львовичъ Горновскій, 18) Криштофъ Звержъ, 19) Юзефъ Котельницкій¹⁾.

Представили эту инструкцію Берестейскому земскому суду для внесенія ея въ его книги, „постановившисе очевидно у суду, урожонные ихъ милость панъ Василей Букраба, хоружый²⁾ воеводства Берестейского [а] панъ Остафій Янъ Тышкевичъ, воеводичъ Берестейскій, секретарь его королевское милости, будучи депутованыи³⁾ на одданью ку уписанью до книгъ инструкціи, на соймику въ року прошломъ девятьдесять шостомъ у Берестью, мѣсяца декабра тридцать первого дня учиненое отъ ихъ милости пановъ-радъ и урядниковъ земскихъ, кгородскихъ, рыцарства и шляхты, всихъ обывателей воеводства Берестейского, паномъ посломъ, зъ воеводства Берестейского обранымъ, даное, то есть пану Янови Боговитинови Шумбарскому и пану Яну Телятицкому, на соймъ вальный теперешній Варшавскій въ року девятьдесять семомъ до Варшавы, покладали и оповѣдали намъ тую инструкцію ку отправованью тымъ посламъ поселения, на томъ соймѣ вальномъ отправуючого, за печатьми и подписомъ рукъ вельможныхъ ихъ милости пановъ-радъ, также за печатьми и подписами рукъ урядниковъ земскихъ и кгородскихъ и иншихъ много рыцарства-шляхты, обывателей воеводства Берестейского, просечи, абы тая инструкція для вѣдомости всихъ до книгъ земскихъ уписана была, которую мы, врадъ, бачачи речъ быть водле права слушную, принели, и въ словѣ до слова такъ се въ собѣ маеть“ — такими словами земскій Берестейскій урядъ рассказываетъ о представленіи ему настоящей инструкціи для внесенія ея въ земскія книги Берестейскаго повѣта.

Изученіе записи этой инструкціи въ Берестейскія земскія книги даетъ возможность сдѣлать слѣдующія замѣча-

1) Въ подписи за исключеніемъ двухъ сдѣланы латинскими буквами. Двѣ сдѣланныя русскими буквами, слѣдующія: „Василій Букраба, хоружій Берестейскій“ и „Олехно Робчичъ“.

2) Въ изданіи: „хорунжый“.

3) Въ изданіи: „депутованный“.

нія: 1) инструкция была внесена въ книги повѣта далеко не сразу послѣ ея составленія — 10 января 1597 года¹⁾ помѣчено какъ дата ея внесенія въ книги, а 30 декабря 1596 года обозначено датой ея составленія; 2) послы, избранные на вальный сеймъ Берестейскимъ сеймикомъ, инструкции не подписывали; 3) для внесенія инструкции въ повѣтвые книги сеймикъ „депутоваль“ нѣкоторыхъ изъ участниковъ своихъ занятій; 4) внесена инструкция въ книги повѣтоваго земскаго суда „для вѣдомости всихъ“, что указываетъ на отсутствіе на сеймикѣ части шляхты Берестейскаго повѣта.

Остановливаясь на содержаніи инструкции Берестейскаго сеймика 1596 года и сравнивая его съ содержаніемъ пересказанной выше инструкции Виленскаго сеймика 1594 года, замѣчаемъ, что характеръ обоихъ документовъ совершенно тождествененъ: выраженіе чувствъ къ королю и ему пожеланія, отвѣты на предложенные королемъ обсужденію сеймика вопросы и дѣла предстоящаго сейма, поднятые самимъ сеймикомъ вопросы и дѣла государственнаго или повѣтоваго значенія и, наконецъ, возбуждаемая сеймикомъ ходатайства за отдѣльныхъ лицъ. Можно признать, что инструкция повѣтовымъ посламъ сеймовымъ, какъ видъ документовъ, выработалась вполне въ опредѣленный типъ уже въ XVI столѣтіи, переходящій безъ существенныхъ измѣненій въ XVII-е и даже въ XVIII-е столѣтія²⁾.

Подведемъ итогъ нашего изученія инструкции сеймовымъ посламъ, какъ документа, выходящаго отъ Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика. Повѣтовая инструкция посламъ сеймика 1) заключаетъ въ себѣ указанія этимъ посламъ не только въ ихъ дѣятельности на вальномъ Польско-Литовскомъ сеймѣ, но и на „головномъ“ сеймикѣ Княжества, т. е. на предсеймовомъ съѣздѣ Литовско-Русскихъ сенаторовъ и повѣтовыхъ пословъ, а также и по непосредственной

1) Въ изданіи, конечно, опечатка или недосмотръ: „дѣта . . . 1596“.

2) См. образцы сеймиковыхъ инструкцій, изданные въ Актахъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, въ Археографическомъ Сборникѣ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси, издаваемомъ при управленіи Виленскаго учебнаго округа, и въ Историко-Юридическихъ Матеріалахъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ.

передачѣ верховной власти желаній и просьбъ шляхетскаго повѣта; 2) она не является протоколомъ занятій сеймика; 3) она можетъ не быть подписана всѣми сеймикующими; 4) она является отвѣтомъ на вопросы, поставленные сеймику отъ имени короля лишь въ однѣхъ своихъ частяхъ, другія же части повѣтовой инструкціи возникали совершенно независимо отъ указаній верховной власти; 5) въ инструкціи отражается личное на повѣтовый сеймикъ вліяніе отдѣльныхъ его участниковъ или ихъ „пріятелей“, которое обнаруживается какъ во внесеніи въ нее частныхъ просьбъ, такъ и въ возбужденіи на сеймикѣ вопросовъ, которые иногда могутъ развиваться и въ вопросы государственнаго или повѣтоваго значенія.

Языкъ сеймиковыхъ инструкцій конца XVI столѣтія и послѣдующаго времени польскій. Это совершенно понятно, несмотря на значеніе русскаго языка, какъ государственнаго. Послы Литовско-Русскихъ повѣтовъ везли свои инструкціи на Польско-Литовскій вальный сеймъ, языкомъ обсужденія дѣлъ на которомъ былъ языкъ польскій. Конечно, въ годы до заключенія Уніи 1569 года на свои Литовско-Русскіе сеймы повѣты Великаго Княжества Литовскаго посылали своихъ пословъ съ „просьбами“-инструкціями, писанными на государственномъ русскомъ языкѣ¹⁾. Исключеніе могли составлять только повѣты Подляшья съ польскимъ языкомъ ихъ шляхты, но мы уже видѣли выше²⁾, что отвѣты господаря на послѣднемъ Литовско-Русскомъ сеймѣ, т. е. на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, уже были даны и Подляшанамъ на русскомъ языкѣ. Можетъ быть поставленъ вопросъ объ языкѣ инструкцій Литовско-Русскихъ сеймиковъ на Польско-Литовскіе сеймы въ первые годы послѣ Люблинской Уніи. Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что сразу, уже на первые послѣ Уніи спольные сеймы Литовско-Русскіе повѣтовые послы со всѣхъ сеймиковъ Княжества повезли инструкціи, писанныя по-польски. Весьма возможно, что нѣкоторое время русскій языкъ оставался и языкомъ повѣтовыхъ инструкцій посламъ на сеймы, пока

1) См. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 200—204, 474—496, 497—502 и Н. А. М а к с и м е й к о, Сеймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 175—183.

2) Стр. 166.

не образовалось еще привычки къ сеймованью на польскомъ языкѣ. Что касается самого польскаго языка Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ инструкцій, то онъ является своеобразнымъ соединеніемъ языка польскаго (часто съ обильными руссизмами) съ латинскимъ: латинскія слова и цѣлыя фразы такъ и пестрятъ текстъ инструкцій XVII и XVIII, если не XVI, столѣтій¹⁾.

Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики, какъ мы видѣли выше²⁾, созывались въ эпоху послѣ Люблинской Уніи не только передъ вальными Польско-Литовскими сеймами, но и передъ съѣздами Великаго Княжества Литовскаго, собиравшимися независимо отъ спольныхъ сеймовъ и имѣвшими совершенно самостоятельное значеніе. Повѣтовые сеймики, отправляя своихъ пословъ на эти съѣзды, вручали имъ также свои инструкціи, которыя, конечно, уже составлялись не на польскомъ, а на государственномъ русскомъ языкѣ. Постановленія этихъ съѣздовъ и ихъ инструкціи посламъ, отправляемымъ къ королю, составлялись на русскомъ языкѣ³⁾, на которомъ Литовско-Русскіе съѣзды вели и свои засѣданія. Даже сеймикъ Волыни, вошедшей въ 1569 году въ составъ земель Короны, составилъ въ 1577 году инструкцію своимъ посламъ къ Стефану Баторію на русскомъ языкѣ и получилъ на этомъ же языкѣ отвѣты отъ короля⁴⁾, такъ какъ и Волынь сохранила послѣ Люблинской Уніи русскій языкъ въ значеніи официального языка своей земской жизни⁵⁾.

1) Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 292—299.

2) Стр. 380—381 и др.

3) См. Приложенія, стр. 74—85 и А. Вил. III, стр. 271—277. Ср. А. Н. Р. G. P. ill. XI, № LVIII.

4) См. Приложенія, стр. 86—96. Писанныя на польскомъ языкѣ инструкціи сеймовымъ посламъ Волынскаго сеймика — Архивъ Юго-Западной Россіи, часть II, томъ I, № № VIII, IX и др.

5) Требованіе соблюденія права Волыни сохранить послѣ Уніи русскій языкъ въ официальныхъ актахъ см. на стр. 89 Приложеній. Постановленія Волынскаго сеймика по дѣламъ „речи посполитое воеводства земли Волынскае“, изложенныя на русскомъ языкѣ, см. въ цитированномъ въ предыдущемъ примѣчаніи томѣ Архива Юго-Западной Россіи (№ № II — IV). Какъ извѣстно, и послѣ Люблинской Уніи Волынь сохранила статутъ 1566 года въ значеніи своего кодекса, что дало ему названіе Волынскаго.

Чтобы покончить съ изученіемъ сеймиковой инструкціи, какъ документа повѣтоваго сеймика, намъ нужно сказать еще нѣсколько словъ объ ея внесеніи въ оффиціальныя книги. Это внесеніе имѣло двоякую цѣль: 1) сдѣлать ее доступною всѣмъ обывателямъ повѣта для ознакомленія¹⁾ и 2) сохранить документъ на будущее время отъ „згубы“²⁾. Самымъ естественнымъ, конечно, было внесеніе сеймиковыхъ инструкцій въ городскія книги, постоянно открытыя для заявленій повѣтовыхъ обывателей. Возможно было внесеніе инструкцій и въ повѣтовыя земскія книги, въ которыхъ, какъ книгахъ выборнаго шляхетскаго суда, наиболѣе прилично было находиться этимъ документамъ, составляемымъ шляхетскими корпораціями повѣтовъ. Но земскіе роки, во время которыхъ „отпирались“ книги земскихъ судовъ, отбывались лишь три раза въ году³⁾, и несовпаденіе ихъ съ повѣтовымъ сеймикомъ часто затрудняло внесеніе инструкцій именно въ эти книги. Однако нужно признать возможнымъ внесеніе сеймиковыхъ инструкцій и въ книги даже мѣстскихъ, т. е. не-шляхетскихъ, судовъ, если почему-либо это приходилось дѣлать. По крайней мѣрѣ въ XVII столѣтіи извѣстны такіе примѣры внесенія сеймиковыхъ актовъ въ книги мѣстскихъ урядовъ⁴⁾. Вносились сеймиковая инструкція въ оффиціальныя книги того или другого уряда или сразу послѣ ея утвержденія сеймикомъ, или же спустя нѣкоторое время, иногда довольно значительное.

1) См. выше, стр. 475.

2) Т. е. съ тою же цѣлью, съ какою повѣтовая шляхта старалась вносить въ эти книги и другіе имѣющіе цѣну документы. См. выше, стр. 114—115.

3) См. выше, стр. 65—66 и прим. 4 на стр. 112.

4) Нпр., Ист.-Юр. Матеріалы, X, стр. 214—215.

Глава VII.

Сеймикъ посеимовый.

Необходимость существованія посеимоваго повѣтоваго сеймика рядомъ съ сеймикомъ предсеймовымъ. Постановленія статута 1588 года о посеимовомъ сеймикѣ. Значеніе посеимоваго сеймика въ глазахъ повѣтвой шляхты. Возникновеніе Литовско-Русскаго посеимоваго повѣтоваго сеймика. Отчетъ повѣтовыхъ пословъ послѣ ихъ возвращенія съ вальнаго сейма. Обсужденіе приведенія въ исполненіе сеймовыхъ постановленій въ повѣтахъ. Образецъ акта постановленій посеимоваго повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго XVII столѣтія. Значеніе посеимовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ для центральной власти. Документы, выходившіе съ посеимовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ. Языкъ, на которомъ составлялись акты постановленій посеимовыхъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, и внесеніе этихъ актовъ въ официальные книги.

Вальный сеймъ требовалъ не только сеймиковъ предсеймовыхъ, которые обсуждали дѣла предстоящаго сейма и выбирали повѣтовыхъ пословъ на сеймъ, снабжая ихъ своими инструкціями. Послѣ окончанія сейма необходимо нужно было оповѣщеніе шляхты повѣтовъ о состоявшихся его постановленіяхъ. Извѣщеніе о постановленныхъ сеймомъ поборахъ или посполитомъ рушеньѣ дѣлалось господарскими универсалами; но оповѣщенія требовали и постановленія по текущимъ дѣламъ государства, которыя не находили своего мѣста въ этихъ универсалахъ, оставаясь внесенными лишь въ сеймовыя „ухвалы“, конституціи. Кромѣ того, какъ мы видѣли выше, отдѣльные повѣты ожидали отъ сеймовъ, или отъ господаря во время ихъ, разрѣшенія своихъ мѣстныхъ дѣлъ и удовлетворенія своихъ повѣтовыхъ ходатайствъ. Собраніе шляхты повѣта послѣ окончанія вальнаго сейма должно было возникнуть неизбѣжно, и вопросъ могъ быть лишь въ томъ, въ какую форму это собраніе выльется и будетъ ли оно предоставлено

закономъ самой жизни, или же онъ приметъ его подъ свой контроль или, по крайней мѣрѣ, признаетъ его законодательнымъ путемъ.

Второй статутъ еще не знаетъ посеимоваго сеймика въ своихъ артикулахъ. Лишь статутъ 1588 года ввелъ въ Литовско-Русскій кодексъ статью, которая даетъ постановленія объ этомъ видѣ повѣтоваго сеймика. Девятый артикулъ третьяго раздѣла статута 1588 года ¹⁾ гласитъ, что послѣ окончанія вальнаго сейма, черезъ четыре недѣли „по выволанью сойму“, въ каждомъ повѣтѣ „мають бывати“ сеймики „такимъ обычаемъ“: послы повѣта, вернувшись съ сейма, немедленно извѣщаютъ о своемъ возвращеніи воеводу или судовога старосту повѣта ²⁾, а эти стоящіе во главѣ повѣтовой администраціи урядники, или ихъ намѣстники, должны „то черезъ возныхъ плахте обволати“, чтобы она съѣхалась въ указанный выше „рокъ“ на сеймикъ „ку слуханью пословъ своихъ“. Цѣль этого сеймика слѣдующая: „жебы на тыхъ соймкахъ послове, съ поветовъ на сеймъ посыланые, звернувшисе з сейму, дали о томъ всимъ обывателемъ кождога повету ведомость достаточную, што бы на которомъ сойме въ справахъ и потребахъ речы посполитое справили и постановили“. Кто съѣдется на этотъ сеймикъ, „тые тыхъ справъ соймовыхъ слухати мають“. Не пріѣхавшіе на посеимовый сеймикъ повѣтовые обыватели не подлежатъ никакимъ наказаніямъ, но они такъ же, какъ и бывшіе на немъ, „соймовому постановенью досыть чинити мають“. Постановленія сейма вернувшіеся съ него послы приносятъ въ повѣтъ „на письме, за печатью“ господарскою и передаютъ этотъ документъ земскому судебному уряду повѣта для храненія его при земскихъ книгахъ, а также представляютъ сеймовыя постановленія для вписанія ихъ въ повѣтвыя гродскія книги. Самый документъ, заключающій въ себѣ эту копію сеймовыхъ постановленій, долженъ

1) Заголовокъ этого артикула слѣдующій: „О складанью соймковъ по сойме вальномъ и о даванью дармо съ канцляреи справъ соймовыхъ“.

2) Конечно, въ случаѣ отсутствія воеводы въ центральномъ повѣтѣ воеводства и старостъ въ остальныхъ повѣтахъ, это заявленіе отъ пословъ должны были принимать ихъ намѣстники.

выдаваться повѣтовымъ посламъ изъ государственной канцеляріи „даръмо“ и безъ всякаго „затрудненія“.

Въ девятомъ артикулѣ третьяго раздѣла статута 1588 года, такимъ образомъ, по отношенію къ посеймовому сеймику устанавливается: 1) его цѣль, 2) время созыва, 3) роль повѣтовой администраціи при его созывѣ, 4) представленіе послами повѣта оффиціально имъ выданной изъ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго копіи сеймовыхъ постановленій и 5) обязательность подчиненія постановленіямъ закончившагося сейма для тѣхъ повѣтовыхъ обывателей, которые не примутъ участія въ занятіяхъ посеймоваго сеймика, не явившись на него, т. е. невозможность для нихъ оправдывать свое неподчиненіе этимъ постановленіямъ тѣмъ, что они лично не выслушали на сеймикѣ отчета пословъ о постановленіяхъ сейма. Несомнѣнно, что всѣмъ этимъ центральная власть стремилась поставить посеймовый сеймикъ въ извѣстныя рамки, опредѣленные закономъ и нѣсколько обезпечивающія ее отъ случайностей, которыя могутъ создаваться въ повѣтахъ при оповѣщеніи ихъ о подлежащихъ исполненію постановленій сеймовъ. Четырехнедѣльный срокъ созыва сеймиковъ послѣ окончанія вальнаго сейма обезпечивалъ невозможность затяжки дѣла оповѣщенія повѣтовъ о сеймовыхъ постановленіяхъ; оффиціальная копія этихъ постановленій дѣлала невозможнымъ ихъ искаженіе, вольное или невольное, послами при сообщеніи ихъ въ повѣты; наконецъ, невозможность оправдываться отсутствіемъ на посеймовомъ сеймикѣ при неисполненіи сеймовыхъ постановленій давала центральной власти возможность черезъ четыре недѣли послѣ окончанія сейма считать всѣ повѣты Великаго Княжества Литовскаго уже оповѣщенными оффиціально о томъ, что подлежитъ ихъ исполненію въ силу сеймовыхъ постановленій. Что касается опредѣленія роли повѣтовой администраціи при созывѣ посеймовыхъ сеймиковъ, то оно обнаруживаетъ тенденцію не выпускать этого созыва изъ рукъ административной власти повѣтовъ, отвѣтственные главы которой назначались господаремъ и, слѣдовательно, были облечены извѣстнымъ его довѣріемъ. Нельзя кромѣ того не отмѣтить, что, опредѣляя цѣль и назначеніе посеймоваго сеймика, статуть 1588 года совершенно ясно ограничиваетъ ихъ ознакомленіемъ съ постановленіями

состоявшагося сейма, не говоря ни слова о возможности ихъ обсуждения и критики.

Признанный статутомъ, посеимовый сеймикъ приобрѣлъ значеніе акта, безъ котораго сеймовыя постановленія не подлежатъ исполненію въ повѣтахъ. Отчетъ пословъ на этомъ сеймикѣ сталъ разсматриваться какъ необходимая формальность для того, чтобы можно было требовать отъ повѣтовой шляхты исполненія постановленнаго на сеймѣ. Вотъ примѣръ, рисующій это значеніе посеимоваго сеймика и отчета пословъ на немъ. Маршалокъ господарскій Станиславъ Мартиновичъ Чеховичъ¹⁾, назначенный Варшавскимъ вальнымъ сеймомъ 1590 года поборцею въ землѣ Жомойтской, самъ не могъ явиться въ Жомойть съ универсалами о поборахъ, задержавшись въ Вильнѣ, и послалъ къ Жомойтскому гродскому уряду ихъ „черезъ посланца своего безъ мешканья“. Но подстароста Жомойтской земли²⁾ „публикацыи и никоторого обволываня вознымъ чинити не казалъ“ и „устне некоторымъ вознымъ заказалъ, абы того не смели важити, даючи тому причину, ижъ еще отъ пановъ пословъ нашихъ земли Жомойтское . . . реляціи не слухано и никоторое ведомости отъ ихъ милости и до сего часу нетъ“. Мнѣніе Жомойтскаго подстаросты раздѣляли вполнѣ и „панове обыватели земли Жомойтское“. Они „одностайне повелили: яко пановъ пословъ нашихъ съ поселения ихъ реляціи не слухали есмо и о томъ ведомости не маемъ, такъ того поголовного и побору не дамо, бо деи еще и у Вел. Кн. Литовскомъ съ поветовъ, зъ воеводствъ не дають и не мають воли дати, а мы безъ нихъ такого тежару подымовати не повинни есмо“³⁾.

Итакъ, посеимовый сеймикъ былъ внесенъ въ Литовско-Русскій кодексъ лишь къ концу эпохи Стефана Баторія. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что фактически онъ не существовалъ уже въ предшествующее время. Въ источникахъ можно найти указанія на то, что шляхта Великаго

1) Поборовымъ универсаломъ 1590 года, напечатаннымъ во II-мъ томѣ Voluminum Legum, вмѣсто Чеховича Жомойтскимъ поборцею названъ Stanislaw Sierewicz (Vol. Legum, tom II, Petersburg 1859, str. 325).

2) Панъ Станиславъ Пукста Клавзгейловичъ, бывший одновременно и Волковыйскимъ хоружимъ.

3) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 141 (№ 592).

Княжества Литовскаго собиралась въ свои собранія послѣ вальныхъ сеймовъ не только до утвержденія въ 1588 году III-го статута, но и до заключенія Люблинской Уніи. Еще отъ времени даже до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ мы имѣемъ извѣстія о заботѣ верховной власти Княжества объ упорядоченіи дѣла сообщенія шляхтѣ сеймовыхъ постановленій. Въ „ухвалѣ“ Виленскаго сейма 1554 года, въ одномъ изъ отвѣтовъ Сигизмунда Августа на просьбы становъ, читаемъ: „и таковыя ухвалы соймовые съ канцелярыи пристойнѣ абы есте брали и до братаи ваше относили“¹⁾. Доставленіе копій сеймовыхъ постановленій шляхтѣ ея представителями на сеймахъ Литовско-Русскихъ, о которомъ говоритъ эта „ухвала“, едва ли можетъ быть представлено безъ собраній областной шляхты, на которыхъ бы она съ ними ознакомлялась²⁾. Такимъ образомъ, еще до утверженія новаго повѣтоваго строя и до полного признанія значенія народа-шляхты въ государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго намѣчалась необходимость или желательность собраній областной шляхты послѣ вальныхъ сеймовъ для ея оповѣщенія о постановленіяхъ этихъ сеймовъ. Конечно, въ годы послѣ реформъ 1565—1566 годовъ такія собранія получили еще большія основанія, а также и болѣе правильную и опредѣленную организацію по образцу учрежденнаго закономъ предсеймоваго повѣтоваго сеймика.

Середина шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, когда возникъ Литовско-Русскій повѣтовый сеймикъ, была не только эпохою реформъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, но и временемъ крайне тяжелой Московской войны и опасностей со стороны Крыма. Отъ каждаго сейма Литовско-Русская шляхта должна была ожидать постановленій о новыхъ податкахъ и военныхъ рушеньяхъ. Къ этому присоединяется дѣло объ Уніи, которое сильно волновало шляхетскій народъ Княжества, стремившійся къ охранѣ правъ своихъ и своего „панства“ въ готовящемся соедине-

1) А. З. Р. III. № 13. I, 3 (стр. 52).

2) Оповѣщеніе областной шляхты путемъ выставленія этой копій „ухвалъ соймовыхъ“ или списковъ съ нея въ городахъ и мѣстечкахъ должно быть признано не достигающимъ своей цѣли освѣдомленія областной шляхты по причинѣ неграмотности большой ея части.

ніи съ Польшею, на смыслъ и значеніе котораго послѣдняя смотритъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Литовско-Русское государство. Въ то же время на вальные сеймы второй половины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія повѣтовая шляхта Великаго Княжества Литовскаго вноситъ длинный рядъ своихъ просьбъ и желаній, имѣющихъ своею цѣлью развитіе отдѣльныхъ сторонъ реформъ 1565—1566 годовъ, закрѣпленіе ея значенія и разрѣшеніе различныхъ вопросовъ, связанныхъ тѣсно съ шляхетскими интересами, особенно важныя въ виду близости Уніи и необходимаго поэтому полнаго закрѣпленія и уясненія правъ шляхты и Литовско-Русскаго „панства“, которыя должны быть сохранены послѣ Уніи въ соединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ. При такой обстановкѣ жизни Литовско-Русской шляхты въ эти годы вальные сеймы должны были вызывать жгучій интересъ въ шляхетскомъ народѣ Великаго Княжества Литовскаго, и онъ не могъ не требовать отъ своихъ повѣтовыхъ пословъ отчетовъ въ ихъ дѣятельности на вальныхъ сеймахъ и сообщеній о томъ, что эти сеймы постановляли и что на нихъ такъ или иначе узнавали уполномоченные представители повѣтовыхъ сеймиковъ.

Мы видѣли выше¹⁾ указанія источниковъ на борьбу центральной власти Великаго Княжества Литовскаго съ собраніями повѣтовой шляхты, которыя имѣли мѣсто въ годы кануна заключенія Люблинской Уніи помимо сеймиковъ предсеймовыхъ. Но сама верховная власть должна была прибѣгать къ созыву такихъ повѣтовыхъ собраній въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ, 15 февраля 1569 года Сигизмундъ Августъ обратился къ шляхтѣ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, приглашая ее немедленно собраться въ повѣтовыхъ сѣздахъ для постановленія податка съ повѣтовъ для возвращенія въ господарскій скарбъ денегъ, выданныхъ изъ него „на страву“ повѣтовымъ посламъ, пріѣхавшимъ на Люблинскій сеймъ²⁾. Въ концѣ февраля 1569 года³⁾ уже происходилъ разъѣздъ представителей Великаго Княжества Литов-

1) Стр. 437—438.

2) См. прим. 2 на стр. 437. Ср. прим. 4 на стр. 312.

3) См. П. И. Лапио, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 27 и М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 821—822.

скаго, и повѣтовья собранія, созванныя этимъ распоряженіемъ Сигизмунда Августа могли соединиться съ отчетами повѣтовыхъ пословъ о сеймѣ. Да и вообще дѣло Уніи не могло не требовать сообщеній пословъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ выславшей ихъ повѣтовой шляхтѣ.

Послѣ заключенія Люблинской Уніи потребность Литовско-Русской шляхты получать отчеты своихъ пословъ на спольные Польско-Литовскіе сеймы по ихъ возвращеніи съ этихъ сеймовъ не только не могла уменьшиться, но, наоборотъ, должна была увеличиться. Полнаго довѣрія къ этимъ сеймамъ быть въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ не могло: его образованію препятствовалъ самый способъ, который былъ избранъ Люблинскимъ сеймомъ для заключенія Уніи, съ отторженіемъ отъ Княжества части его территоріи. Это довѣріе не могло увеличиться и въ годы, ближайшіе къ году заключенія Уніи, когда противъ дѣятельности представителей Польши на спольныхъ сеймахъ представители Великаго Княжества Литовскаго иногда должны были подавать свои протесты¹⁾. Время двухъ первыхъ безкоролевій съ его исключительными опасностями, тревогами и новизною обстановки для Княжества должно было также вносить свое вліяніе на увеличеніе потребности Литовско-Русской повѣтовой шляхты въ посеймовыхъ собраніяхъ для выслушванія возвратившихся съ сеймовъ пословъ повѣтовыхъ.

Кромѣ всего этого продолжала дѣйствовать и причина, дѣлавшая посеймовыя собранія повѣтовой шляхты нужными для центральной власти, т. е. значеніе ихъ для оповѣщенія повѣтовыхъ обывателей о постановленіяхъ сеймовъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Въ универсалахъ Стефана Баторія, созывающихъ Виленскій съѣздъ Литовско-Русскихъ радныхъ пановъ, земскихъ урядниковъ и выборныхъ отъ повѣтовъ на 17 апрѣля 1580 года, встрѣчаемъ такія слова о постановленіи Варшавскаго сейма 1579 года: „которое постановлене соймовое яко вамъ вже до ведомости прышло...“²⁾. Эти слова говорятъ о сообщеніи повѣтовой шляхтѣ Великаго Княжества Литовскаго сеймоваго постановленія. Это

1) См. И. Н. Ланцо, *op. cit.*, стр. 154—157 и прим. 4.

2) Приложенія. Стр. 124.

сообщеніе можетъ быть понято въ видѣ оглашенія его черезъ возныхъ на рынкахъ и выставленія его копій на видныхъ мѣстахъ (при храмахъ) въ повѣтовыхъ центрахъ, но, надо думать, что шляхта повѣтовъ также и собиралась для полученія отъ вернувшихся съ сейма своихъ пословъ свѣдѣній о закончившемся вальномъ сеймѣ и ихъ дѣятельности во время его. Отчетъ повѣтовыхъ пословъ передъ пославшею ихъ на сеймъ шляхтою долженъ былъ имѣть мѣсто, думается, непременно: если повѣтовая шляхта давала имъ инструкціи и порученія для ихъ дѣятельности во время сеймовъ, она должна была провѣрить исполненіе ихъ послами послѣ ихъ возвращенія въ повѣтъ, чтобы признать или не признать ихъ исполнившими то, что поручилъ имъ сдѣлать на сеймѣ повѣтъ. Сверхъ того, какъ мы видѣли выше¹⁾, повѣтовые сеймики вносили въ инструкціи своимъ посламъ сеймовымъ рядъ порученій по дѣламъ отдѣльныхъ лицъ, которыя не могли находить своего исполненія въ сеймовыхъ конституціяхъ по самому своему характеру: часть ихъ предназначалась для передачи непосредственно королю, а не сейму. Съ другой стороны, мы также видѣли выше²⁾, что инструкціи повѣтовымъ посламъ знаютъ порученія, которыя должны исполняться не на вальныхъ Польско-Литовскихъ сеймахъ, а на предсеймовыхъ Литовско-Русскихъ сѣздахъ. Дѣятельность этихъ сѣздовъ также не могла находить своего изложенія въ сеймовыхъ конституціяхъ. Такимъ образомъ, опубликованіе послѣднихъ въ повѣтахъ отнюдь не могло быть достаточнымъ для того, чтобы шляхетскіе повѣты Великаго Княжества Литовскаго считали себя получившими сколько-нибудь достаточныя сообщенія о дѣятельности своихъ сеймовыхъ пословъ въ исполненіе данныхъ имъ сеймиками инструкцій. Повѣтовые послы, какъ связанные въ своей дѣятельности на вальныхъ сеймахъ сеймиковыми инструкціями, подлежали отвѣту за невыполненіе ихъ, и отъ болѣе поздняго, правда, времени мы имѣемъ прямыя указанія источниковъ на оффициально заявляемыя обвиненія сеймовыхъ пословъ нѣкоторыхъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ въ неисполненіи ими данныхъ

1) Стр. 466 и сл.

2) Стр. 460 и сл.

имъ инструкцій и въ дѣятельности, идущей въ разрѣзъ съ интересами всего Великаго Княжества Литовскаго вообще и пославшаго на сеймъ ихъ повѣта въ частности ¹⁾.

Въ виду всего этого мы полагаемъ, что посеимовый сеймикъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ существовалъ задолго до формальнаго признанія его закономъ Княжества, т. е. статутомъ 1588 года. Но послѣдній не только призналъ его существованіе, но и сдѣлалъ имѣющія серьезное значеніе постановленія относительно его организаціи и болѣе правильнаго отправленія.

Думать о томъ, что посеимовый повѣтовый сеймикъ былъ заимствованъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ отъ Польши, едва ли возможно. Историкъ Польскаго сеймика, А. И. Павинскій первый слѣдъ посеимовыхъ сеймиковъ въ Коронѣ отмѣчаетъ въ 1591 году, говоря, что въ обычномъ теченіи дѣлъ и обсужденіи ихъ Польскими воеводствами не существовало до этого времени никакихъ сеймиковъ кромѣ посольскихъ, т. е. предсеймовыхъ, и депутатскихъ, т. е. для выбора депутатовъ въ Коронный трибуналъ, учрежденный въ 1578 году ²⁾. Павинскій предполагаетъ возможнымъ ожиданіе шляхтою отчетовъ отъ ея пословъ до слѣдующаго предсеймоваго или депутатскаго сеймика, или же до другихъ съѣздовъ ³⁾. Мы не станемъ входить въ вопросъ о томъ, когда и какъ возникъ „реляціонный“ Коронный сеймикъ ⁴⁾, — это вопросъ,

1) См., впр., внесенный 2 мая 1665 года (въ изданіи по недомотру обозначенъ 1655 годъ) въ Берестейскія гродскія книги протестъ пана Криштофа Паца (канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго), бискупа Луцкаго Николая Пражмовскаго (канцлеръ Коронный) и пана Михаила Паца (воевода Смоленскій, гетманъ польный Великаго Княжества Литовскаго) противъ дѣятельности на сеймѣ 1665 года Минскихъ пословъ, пана Мартина Володкевича (городничій Минскій) и пана Теодора Лукомскаго. А. Вил. III. № 182.

2) Adolf Pawiński. Rządy Sejmikowe. Str. 118.

3) „Wreszcie i dawniej, za Zygmuntów, kiedy się szlachta zjeżdżała na najbliższe po sejmie kwerele grodzkie czyli na sądy skargowe, mogła również wysłuchać opowieści o tém, co się na sejmie działo i jak sobie posłowie w pewnych sprawach postąpili“. Ibidem.

4) Уже въ извѣстномъ трудѣ Скржетускаго, вышедшемъ въ 1782 году, происхожденіе посеимовыхъ сеймиковъ въ Польшѣ признается гораздо болѣе раннимъ, чѣмъ конецъ XVI столѣтія. Скржетускій пишетъ: „Ze Posłowie mocą tylko i w imieniu swoich Woiewodztw, podług przepisanych sobie Instrukcyi działac powinni, dla tego obowiązani są zda-

подлежащій изслѣдованію историческаго прошлаго Польши, а не Великаго Княжества Литовскаго. Но мы должны отмѣтить, что конституція Варшавскаго сейма 1591 года, впервые упоминающая о посеймовомъ сеймикѣ въ Коронѣ, говоритъ о сохраненіи для Великаго Княжества Литовскаго уже существовавшаго въ немъ къ этому времени порядка отбыванія посеймоваго сеймика¹⁾, т. е. порядка утвержденнаго III-мъ статутомъ, какъ мы это видѣли выше. Самый срокъ для собранія посеймовыхъ сеймиковъ въ Коронѣ конституція Варшавскаго сейма 1591 года устанавливаетъ иной, чѣмъ тотъ, который былъ принятъ статутомъ 1588 года для посеймовыхъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ: по конституціи 1591 года эти сеймики собираются въ Польшѣ черезъ восемь недѣль послѣ окончанія вальнаго сейма, по статуту 1588 года въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ они должны собираться уже черезъ четыре недѣли послѣ закрытія того же сейма. Быть можетъ, въ этомъ сокращенномъ вдвое срокѣ собранія посеймовыхъ сейми-

wać sprawę Obywatelom z tego, co uczynili na Seymie; i ztąd Seymiki po-Seymowe Relacyjnemi nazywają się. Zwyczaj ich dawniejszy w Polsce, iako świadczą Kroniki Narodowe, potwierdzony został prawem Roku 1589, rozkazującym, aby z każdego Seymu powrociwszy Posłowie dawali przed Bracią sprawę z tego, co tam postanowiono“ (Prawo Polityczne Narodu Polskiego przez X. Wincentego Skrzetuskiego S. P. Tom I. W Warszawie 1782. Str. 241). Поэтому совершенно напрасно г. Семенскій сблизаетъ Скржетускаго съ Павинскимъ въ вопросѣ о происхожденіи Короннаго реляційнаго сеймика (Józef Siemieński, Organizacya sejmiku Ziemi Dobrzyńskiej. Rozprawy Ak. Um. Wydział Hist.-Filoz. Serya II. Tom XXIII. Str. 294). Ленгнихъ также относитъ возникновеніе реляційнаго сеймика къ болѣе раннему времени (Gotfridi Lengnich, Jus Publicum Regni Poloni. Tomus II. Gedani 1766. P. 432. Ср. польскій переводъ — Prawo Pospolite Królestwa Polskiego, Kraków 1836, str. 377—378). Приведенныя нами слова Скржетускаго находимъ нѣсколько лишь измѣненными и на стр. 614 Historji Prawa Polskiego Jana Wincentego Bandtkie Steżyńskiego (Warszawa 1850).

1) „Ziazdy na zwykłych mieyscach, w ośm niedziel składamy po Seymie wszystkim, dla dania liczby przed Posły braciey, dla obierania Poborców, y deputowanych Szafarzów, do odprawy y sądenia żołnierzów, wedle konstytucyi opisanego processu: oprócz Woiewodztwa Mazowieckiego, y tych Woiewodztw, ktorzy ie sobie tu obrali, nie naruszając prawa Wielkiego X. Litewskiego, ktore Ziazdy takowym pokojem y bezpieczenstwem waruiemy, iako prawo iest o Seymach napisane, pro hac vice“. Volumina Legum, tom II (Petersburg 1859). P. 332 (22).

ковъ Литовско-Русскихъ по сравненію со срокомъ собранія такихъ же сеймиковъ Польскихъ нужно видѣть указаніе на ту обстановку приподнятаго интереса къ занятіямъ вальныхъ сеймовъ, которая существовала въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ съ самаго появленія въ немъ повѣтоваго сеймика, какъ мы старались показать выше.

Дѣятельность посеимоваго сеймика Литовско-Русскихъ повѣтовъ, естественно, должна была распадаться на два главныхъ момента: 1) отчетъ повѣтовыхъ пословъ о дѣятельности сейма и его постановленіяхъ и объ исполненіи послами данной имъ сеймикомъ инструкціи и 2) обсужденіе приведенія въ исполненіе этихъ постановленій въ повѣтѣ. Отчетъ пословъ не могъ ограничиваться простымъ прочтеніемъ на сеймикѣ копіи сеймовой „ухвалы“, т. е. конституціи, выданной имъ изъ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго. Такой отчетъ не заключалъ бы въ себѣ отвѣта на тѣ просьбы, которыя вручались шляхетскими повѣтами своимъ посламъ для передачи господарю касательно мѣстныхъ повѣтовыхъ дѣлъ и дѣлъ отдѣльныхъ лицъ, не требовавшихъ санкціи вальнаго сейма, а нуждавшихся лишь въ распоряженіи самого господаря. Кромѣ того, отъ своихъ пословъ сеймикъ долженъ былъ ожидать, конечно, болѣе подробнаго и живого разсказа о дѣятельности закончившагося сейма, чѣмъ та оффиціальная бумага, которую они привозили на сеймикъ и которая представляла собою простую копію съ сеймовой конституціи. Отъ пословъ сеймикъ долженъ былъ ожидать и требовать объясненія происхожденія сеймовыхъ постановленій и разсказа о работѣ сейма и о томъ, что происходило на немъ и во время его занятій въ центрѣ государственной жизни Польско-Литовской Речи Посполитой, который создавался наличностью сейма въ томъ или другомъ городѣ соединеннаго государства. Наконецъ, ожидалъ повѣтовый сеймикъ отъ своихъ пословъ и разсказа о предшествовавшемъ Польско-Литовскому вальному сейму съѣздѣ или сеймикѣ „головномъ“ Великаго Княжества Литовскаго. И надо думать, что разспросы пословъ сеймикующими не ограничивались сеймикомъ и временемъ его занятій, а продолжались и внѣ и послѣ него „на учтахъ“ и въ „господахъ“, гдѣ собирались повѣтовые шляхтичи группами.

Второй моментъ дѣятельности посеѣмоваго сеймика, т. е. обсужденіе приведенія въ исполненіе въ повѣтъ постановленій, сдѣланныхъ закончившимся сеймомъ, также долженъ былъ сопровождаться немалымъ обмѣномъ мнѣній и рѣчей между сеймикующими. Уплата податковъ, обычно требуемая вальными сеймами отъ повѣтовъ, вызывала необходимость извѣстныхъ распоряженій и соглашеній отъ сеймикующихъ, и едва ли вопросы, съ нею связанные, могли проходить всегда гладко въ собраніи тѣхъ, кто долженъ былъ эти податки выплачивать со своихъ имѣній и подданныхъ. Актъ постановленія посеѣмоваго сеймика носилъ названіе „ухвалы“ или „лявдума“¹⁾. Намъ не удалось встрѣтить въ извѣстныхъ намъ источникахъ ни одного образца „ухвалы“ посеѣмоваго сеймика XVI столѣтія. Но едва ли можно сомнѣваться, что какъ форма повѣтовыхъ инструкцій предсеймовыхъ сеймиковъ вполнѣ опредѣлилась уже въ XVI столѣтіи и была передана готовою въ столѣтіе слѣдующее, такъ точно и „лявдумъ“ посеѣмоваго сеймика въ XVII вѣкѣ вполнѣ сохраняетъ ту форму, которая выработалась уже въ XVI столѣтіи. Это даетъ намъ возможность воспользоваться соотвѣтствующимъ документомъ XVII вѣка для приведенія его въ качествѣ образца акта постановленій посеѣмоваго сеймика, по типу котораго должны были составляться аналогичные документы и въ XVI столѣтіи.

6 августа 1661 года въ Берестѣ собрался реляціонный, т. е. посеѣмовый, сеймикъ Берестейскаго повѣта. Съѣхавшись на него, Берестейскіе повѣтовые обыватели избрали сеймиковымъ директоромъ пана Кароля Коптя, воеводу Полоцкаго, и приступили къ слушанію реляціи своего посла. Затѣмъ они выбрали двухъ поборцевъ для постановленнаго сеймомъ податка, а именно пана Александра Бржошка (для перваго срока) и пана Томаша Эгличинскаго (для втораго срока). Этимъ поборцамъ Берестейскій повѣтъ долженъ выдать двадцать два подымныхъ. Конституція сеймовая, кромѣ того, предписала назначить люстратора для повѣрки акциза, чтобы могла „constare certitudo percceptorum“²⁾. Въ исполненіе этого постановленія Берестейскій сеймикъ упро-

1) Лявдумъ, т. е. латинское *laudum*.

2) См. *Volumina Legum*, tom IV (Petersburg 1859), str. 370—372.

силъ пана Лукаша Лышчинскаго, который чинить ее по всѣмъ мѣстечкамъ, гдѣ только акцизъ получается, и подаетъ о ней донесенія въ скарбовый трибуналь. Тотъ же люстраторъ долженъ собрать при первомъ срокѣ и недоимки (genta) двухъ подымныхъ, которыя были установлены Берестейскимъ воеводствомъ-повѣтомъ во время посполитаго рушенья и затѣмъ одобрены сеймомъ.

Этимъ исчерпывается содержаніе постановленій августовскаго посеимоваго Берестейскаго сеймика 1661 года, сдѣланныхъ для приведенія въ исполненіе конституціи сейма, послѣ котораго онъ собрался. Но этимъ сеймикъ не ограничился. Онъ сдѣлалъ рядъ своихъ постановленій, не имѣющихъ ничего общаго съ сеймовою конституціею, сообщеніе о которой онъ получилъ отъ своего посла. При сборѣ подымнаго панамъ Бржошкомъ и Згличинскимъ, по постановленію этого сеймика, должны быть собраны при каждомъ срокѣ уплаты еще по шести грошей съ cadaго дыма въ пользу Берестейскаго бернардинскаго монастыря¹⁾. Изъ остатка недоимокъ двухъ подымныхъ сеймикъ ассигнуетъ сто золотыхъ на расходы Берестейскаго земскаго писаря. Въ деклараціи воеводства Берестейскаго опредѣленъ „modus securitatis domesticae“, но, видя по различнымъ причинамъ невозможность посполитаго рушенья повѣта, сеймикъ назначаетъ „in vim“ его выдачу денегъ на двѣсти казацкихъ коней²⁾, которыхъ Берестейскій повѣтъ обязуется выставить за выданными королемъ призывными листами въ рушенье тамъ, гдѣ будетъ назначено мѣсто королемъ или гетманомъ. Выставленные повѣтомъ вооруженные конники должны прослужить четверть года безъ всякихъ жалобъ и безъ обидъ населенію во время похода. Свое постановленіе относительно замѣны посполитаго рушенья повѣта наймомъ отряда Берестейскій сеймикъ рѣшилъ отослать къ королю на его утверженіе. Во всѣхъ остальныхъ своихъ постановленіяхъ, такимъ образомъ, повѣтовый сеймикъ считалъ свои полномочія вполне достаточными.

Подъ пересказаннымъ сейчасъ „лявдумомъ“ подписались тридцать четыре Берестейскихъ обывателя съ директо-

1) На покрытіе его трапезной (refectarza).

2) По 80-ти золотыхъ на коня.

ромъ сеймика во главѣ 1). Внесено это сеймиковое постановленіе въ Берестейскія градскія книги 7 августа 1661 года 2) коморникомъ Павломъ Босяцкимъ, который также подписался на немъ въ числѣ участниковъ сеймика.

Пересказанный документъ даетъ представленіе о характерѣ постановленій посеимовыхъ сеймиковъ. Конечно аналогичные документы XVI столѣтія должны были имѣть свои особенности, обусловливающіяся временемъ ихъ составленія и вопросами, тогда стоявшими на очереди въ жизни Великаго Княжества Литовскаго и его отдѣльныхъ повѣтовъ. Скарбовый трибуналъ еще не существовалъ въ XVI столѣтіи, не успѣла еще развиться вполне и та тенденція къ замѣнѣ личнаго исполненія повѣтовой шляхтою своихъ военныхъ обязанностей наймомъ вмѣсто себя отряда войска, которую мы встрѣчаемъ ярко выраженною въ постановленіи Берестейскаго сеймика 6 августа 1661 года. Но почва для нея была готова уже въ XVI вѣкѣ, въ тѣхъ уклоненіяхъ шляхты отъ военной земской службы, которыя мы уже видѣли выше 3). Самые сеймы XVI столѣтія, конечно, передавали для приведенія въ исполненіе въ повѣты другія постановленія, чѣмъ Варшавскій сеймъ 1661 года. Наконецъ, и культурное вліяніе Польши въ XVI вѣкѣ должно было чувствоваться меньше, чѣмъ во второй половинѣ XVII столѣтія. Но, конечно, и постановленія посеимовыхъ сеймиковъ XVI столѣтія также распались на два главныхъ отдѣла, какъ и пересказанныя постановленія сеймика 1661 года, т. е. на постановленія по приведенію въ исполненіе конституціи состоявшагося сейма и независимо отъ нея дѣлаемые постановленія самого сеймика.

Потребность въ обсужденіи шляхетскими повѣтами вопросовъ и дѣлъ, служившихъ предметами занятій вальныхъ сеймовъ, замѣчается не только въ средѣ самой повѣтовой шляхты. Посеимовые сеймики нужны для постановленій; организующихъ приведеніе въ исполненіе въ предѣлахъ повѣтовъ постановленнаго вальными сеймами. Но этого мало. Иногда центральная власть ждетъ отъ

1) Воевода Полоцкій, староста Берестейскій, панъ Янъ Кароль Копоть.

2) А. Вил. III. № 195.

3) Стр. 60—62.

шляхетскихъ повѣтовъ, такъ сказать, предварительнаго обсуждения вопросовъ, которые будутъ разрѣшаться на сеймахъ слѣдующихъ созывовъ и на которыхъ желательно остановить вниманіе повѣтовой шляхты еще до сообщенія ихъ ей въ сеймовыхъ универсалахъ или въ „наукахъ“ господарскимъ посламъ для сеймиковъ, предворяющихъ эти сеймы. Иногда господарь предлагалъ повѣтовымъ посламъ, явившимся на вальный сеймъ, отвезти на обсужденіе ихъ избирателей вопросы, поднятые на данномъ сеймѣ, но имъ не разрѣшенные. Повѣтовые посеимовые сеймики выработаютъ ихъ разрѣшеніе или подготовятъ его заблаговременно, и народъ-шляхта обдумаетъ и обсудитъ ихъ внѣ официальныхъ сеймиковыхъ собраній въ теченіе мѣсяцевъ, которые протекутъ отъ посеимоваго сеймика до созыва новаго сеймика предсеймоваго. Такъ, на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году Сигизмундъ Августъ указалъ посольской избѣ рядъ подобныхъ вопросовъ для передачи шляхтѣ — способъ избранія короля, учрежденіе посполитаго скарба и т. д.¹⁾ Повѣтовые послы должны все это передать своей „братіи“, т. е. своимъ одноповѣтникамъ для обсуждения на сеймикахъ²⁾. Трудно думать, что Сигизмундъ Августъ, давая это порученіе повѣтовымъ посламъ, бывшимъ въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, имѣлъ въ виду исполненіе ими его лишь на предсеймовыхъ сеймикахъ слѣдующаго созыва. Ставить вопросы и дѣла на обсужденіе предсеймовыхъ сеймиковъ онъ долженъ былъ обычнымъ путемъ, черезъ посредство своихъ господарскихъ пословъ, которые передавали ихъ сеймикующимъ по тексту своей „науки“—инструкціи. Этотъ путь былъ и надежнѣе, кромѣ того, что онъ былъ утвержденнымъ обычною практикою созывовъ предсеймовыхъ сеймиковъ, такъ какъ господарскіе послы точно передавали дѣла и вопросы, вносимые королемъ на сеймики, читая имъ свою „науку“, въ то время какъ бывшіе на предыдущемъ сеймѣ повѣтовые послы, сохраняя свободу своихъ рѣчей на сеймикахъ, могли вольно или неволью пойти

1) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. Соединеніе Великаго Княжества Литовскаго съ Королевствомъ Польскимъ. СПб. 1869. Стр. 592—594.

2) Нпр.: „abyszczye y tho braciei odniesli, aby o thim mowiono bilo na seimikach“. Ibidem, стр. 593.

въ разрѣзъ направленію, которое желательно въ данныхъ дѣлахъ и вопросахъ для короля. Наоборотъ, сообщая эти дѣла и вопросы шляхетскимъ повѣтамъ черезъ посредство ихъ пословъ, возвратившихся съ закончившаго свои занятія сейма, господарь ожидалъ, надо думать, ихъ сообщенія сеймикамъ посеимовымъ, сохраняя за собою возможность своевременно, передъ сеймомъ, который будетъ ихъ рѣшать, вновь остановить на нихъ мысль и вниманіе повѣтовой шляхты уже черезъ посредство своего посла, который ихъ сообщить по тексту данной ему „науки“.

Мы видѣли выше, что посеимовый повѣтовый сеймикъ приводилъ въ исполненіе постановленія закончившагося вальнаго сейма, дѣлая соотвѣтствующія распоряженія въ своемъ повѣтѣ, а также что онъ и независимо отъ сейма дѣлалъ свои постановленія, имѣющія обязательную силу для его повѣта. Эти постановленія, какъ того, такъ и другого происхожденія, не только вносились въ „уфалу“ или „лявдумъ“ сеймика, но могли опубликовываться и соотвѣтствующимъ сеймиковымъ универсаломъ. Отъ XVII вѣка до насъ дошли образцы такихъ универсаловъ¹⁾. Возможно, что и въ XVI столѣтіи Литовско-Русскіе посеимовые сеймики составляли подобные документы. Рядомъ съ этими универсалами посеимовые повѣтовые сеймики, какъ и прочіе виды сеймиковъ, конечно, могли выдавать и другіе документы и „листы“, составленіе которыхъ вызывалось тѣми „потребамы“ и вопросами, которые занимали въ данный моментъ сеймикующихъ, требуя отъ нихъ того или другого выступленія въ значеніи шляхетской корпораціи повѣта. Но съ соединеніемъ на повѣтовыхъ сеймикахъ съ дѣлами, которыя являются прямою цѣлью ихъ созыва, дѣлъ, не имѣющихъ непосредственной связи съ этою цѣлью, познакомимся уже ниже, при изученіи организаціи повѣтоваго сеймика, какъ

1) Нпр., универсалъ Оршанскаго сеймика отъ 6 іюля 1647 года, начинающійся слѣдующими словами: „my, dignitarze, urzędnicy ziemscy y grodzscy, szlachta, rycerstwo y obywatele powiatu Orszanskiego, ktorzysmy się na seymik relacyiny, po seymie trzyniedzielnym Warszawskim, szczęśliwie skonczonym w roku terazniejszym tyśiąć szesc set czterdziestym siódmym mca iulii szostego dnia przypadaiący, do Orszy ziachali, oznaymujemy tym listem uniwersalem naszym . . .“ Ист.-Юрид. Матеріалы. X. Стр. 214.

собрания шляхетской корпорации повѣта. На настоящихъ же страницахъ остановимся еще лишь на двухъ вопросахъ: 1) на языкѣ документовъ, которые выдавались посеймовыми сеймиками Литовско-Русскихъ повѣтовъ, и 2) на внесеніи этихъ документовъ въ официальные книги повѣтовыхъ урядовъ.

Языкъ постановленій посеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго въ изданныхъ актахъ ихъ XVII и XVIII столѣтій польскій¹⁾ съ тѣми особенностями его, которыя были отмѣчены нами выше при изученіи инструкцій сеймовымъ посламъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ²⁾. Что касается XVI столѣтія, то надо думать, что постановленія посеймовыхъ сеймиковъ Княжества этого времени, по крайней мѣрѣ въ ближайшіе годы къ заключенію Люблинской Уніи, писались на русскомъ языкѣ, если не во всѣхъ безъ исключенія, то въ значительномъ числѣ Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Основаніями для такого утверждения являются: 1) несомнѣнная непривычка Литовско-Русской шляхты этого времени къ польскому языку Польско-Литовскихъ вальныхъ сеймовъ, уже отмѣченная нами выше³⁾, 2) русскій языкъ документовъ, выходившихъ съ сеймиковъ и отъ шляхетскихъ корпорацій повѣтовъ Княжества въ эту эпоху⁴⁾, 3) русскій языкъ документовъ, которые относятся къ сношеніямъ сеймиковыхъ пословъ съ посылавшими ихъ на вальные сеймы Литовско-Русскими шляхетскими повѣтами⁵⁾, и 4) русскій языкъ документовъ, говорящихъ объ исполненіи постановленій Польско-Литовскихъ вальныхъ сеймовъ въ повѣтахъ Княжества⁶⁾. Надо думать, что лишь постепенно въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ образовался usus употребленія польскаго языка на сеймикѣ посеймовомъ,

1) Нпр., А. Вил. I, стр. 201—203, А. Вил. III, стр. 339—340, 368—369, 388—389, А. Вил. IV, стр. 44—46, 112—114, 130—131, 161—162, 189—190, 208—209, 234—235, 301—304, 338—340 и рядъ другихъ въ различныхъ томахъ Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, и Историко-Юридическихъ Матеріаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ.

2) См. выше, стр. 478.

3) Стр. 451—452 и 477—478.

4) См. IX и XI главы.

5) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 136 (№ 532).

6) Нпр., *ibidem*, стр. 67 (№ 370) и 171 (№ 183).

какъ связанномъ съ дѣятельностью сейма, ведшаго свои засѣданія на польскомъ языкѣ. Отъ XVI столѣтія до насъ дошли притомъ переводы постановленій этихъ сеймовъ съ польскаго на русскій, государственный языкъ Великаго Княжества Литовскаго, которые вписаны въ книги его государственнаго архива, т. е. Литовской Метрики¹⁾. Эти переводы на русскій языкъ сеймовыхъ постановленій, конечно, потому и вносились въ книги Метрики Литовской, что копии съ нихъ выдавались послѣ сеймовъ посламъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ для доставленія ихъ въ повѣты Княжества — порядокъ, который, какъ мы видѣли выше²⁾, былъ санкціонированъ статутомъ 1588 года. Все это заставляетъ признать польскій языкъ актовъ постановленій посеимовыхъ сеймиковъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго общепринятымъ языкомъ этого вида сеймиковыхъ документовъ далеко не сразу послѣ Люблинской Уніи и съ увѣренностью предполагать лишь постепенное вытѣсненіе имъ государственнаго русскаго языка въ документахъ, составляемыхъ Литовско-Русскими повѣтовыми сеймиками въ связи съ постановленіями вальныхъ сеймовъ³⁾.

Что касается внесенія постановленій Литовско-Русскихъ посеимовыхъ сеймиковъ въ официальные книги урядовъ, то, конечно, и цѣли его и способы были тѣ же, которые мы уже видѣли выше⁴⁾, изучая аналогичный актъ дѣятельности предсеймоваго сеймика повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго по отношенію къ его инструкціи посламъ сеймовымъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи примѣровъ XVI столѣтія, мы должны это признать на основаніи аналогіи дѣятельности повѣтовыхъ предсеймовыхъ сеймиковъ и примѣровъ болѣе поздняго времени⁵⁾.

1) См. выше, стр. 126, прим. 3. Русскій текстъ части конституціи Варшавскаго сейма 1578 года — Временникъ Имп. Моск. Общества Ист. и Др. Росс. XXIII, стр. 212—216 (отдѣлъ книги — „Статутъ Великаго Князьства Литовскаго“). Ср. III ст., III, 3.

2) Стр. 481—482.

3) См., напр., „Реестръ выбрана пеневей въ земли Жомойтской, коной шляхетскихъ и отъ подымниковъ“, датированный 2-мъ апрѣля 1568 года и составленный по распоряженію Шавлянскаго сеймика земли Жомойтской. Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I. Стр. 125 (№ 352).

4) Стр. 479.

5) Примѣры см. выше, стр. 493 и 496, прим. 1.

Глава VIII.

Сеймикъ для избранія членовъ земскихъ судовъ и другихъ должностныхъ лицъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ.

Сеймикъ для избранія кандидатовъ на уряды членовъ земскихъ судовъ, какъ первое по времени признанія закономъ собраніе повѣтовой шляхты для выбора должностныхъ лицъ повѣтовъ. Организациа этого вида повѣтоваго сеймика статутомъ 1566 года. Начало дѣятельности земскихъ судовъ въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ и начало избранія ихъ состава повѣтовою шляхтою. Акты назначенія членовъ земскихъ судовъ времени дѣйствія II-го статута. Черты для изученія сеймика, избирающаго членовъ земскихъ судовъ, почерпаемыя изъ документовъ, говорящихъ объ осложненіяхъ дѣла этого избранія. Статутъ 1588 года о сеймикѣ для выбора членовъ земскихъ судовъ и организациа этимъ кодексомъ избранія кандидатовъ на уряды повѣтовыхъ подкоморіевъ и хоружихъ по образцу избранія кандидатовъ на земскіе судебные уряды. Избраніе повѣтовыхъ возныхъ и генераль-возныхъ, введенное III-мъ статутомъ.

Право повѣтовой шляхты Великаго Княжества Литовскаго на избраніе должностныхъ лицъ своихъ шляхетскихъ повѣтовъ было намѣчено реформою 1565—1566 годовъ, но окончательно развилось лишь ко времени утвержденія статута 1588 года. Организациа повѣтоваго земскаго суда, какъ ее опредѣляли реформа 1565—1566 годовъ и II статутъ, требовала избранія членовъ этого суда повѣтовою шляхтою изъ состава шляхетскихъ корпорацій¹⁾. Такимъ образомъ, начало повѣтоваго избранія было признано сразу послѣ введенія реформою 1565—1566 годовъ новаго Литовско-Русскаго повѣта, но было признано лишь по отношенію къ тремъ урядамъ повѣтовъ Княжества, а именно земскихъ судьи, подсудка и писаря. Два слѣдующихъ за

1) См. выше, стр. 108.

утвержденіемъ II-го статута десятилѣтія, какъ мы видѣли выше¹⁾, были временемъ дальнѣйшаго развитія повѣтоваго строя Великаго Княжества Литовскаго на основѣ идеи повѣтоваго шляхетства. Требованіе осѣлости въ соотвѣтствующихъ повѣтахъ для лицъ, получающихъ повѣтовые уряды, развивалось рядомъ съ распространеніемъ начала избранія „повѣтниковъ“ на повѣтовыхъ должностныхъ лицъ, которыя въ эпоху дѣйствія статута 1566 года назначались единолично господарскою властью, и статутъ 1588 года установилъ избраніе шляхетскими повѣтами кандидатовъ на должности повѣтовыхъ хоружихъ и подкоморіевъ, а также выборъ ими шляхтичей для замѣщенія урядовъ возныхъ²⁾. Мы уже имѣли случай отмѣтить выше³⁾, какъ это стремленіе шляхты къ участію въ замѣщеніи областныхъ урядовъ проявлялось уже до введенія повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, т. е. до организаціи шляхетскаго народа Великаго Княжества Литовскаго въ повѣтовыя корпораціи съ ихъ признанными закономъ опредѣленнымъ составомъ и опредѣленными правами. Тѣмъ естественнѣе было развитіе начала повѣтоваго избранія въ эпоху послѣ этой реформы.

Итакъ, собранія повѣтовой шляхты Великаго Княжества Литовскаго для избранія на повѣтовые уряды реформой 1565—1566 годовъ были введены только въ цѣляхъ замѣщенія должностей, входившихъ въ составъ членовъ земскихъ судовъ повѣтовъ. О выборѣ земскихъ судьи, подсудка и писаря II статутъ отъ имени великаго князя постановляетъ слѣдующее⁴⁾: „напервей маемъ мы господарь часть певный зложити и то листы нашими по всихъ таковыхъ повѣтехъ ознаймити, гдѣ въ каждомъ повѣтѣ княжата, панове рада наша, также рицерство и шляхта, вси, хто кольвекъ якого стану будетъ тамъ имѣнья свои мѣти, зѣхатися мають до двора, которій на посродку того повѣту будетъ, и тые, которые ся зѣдутъ, не ждучи никого, хто бы, въ повѣтѣ имѣнье маючи, пріѣхати не хотѣлъ ку тому

1) Стр. 143—146.

2) См. выше, стр. 106—107, 110, 113, 126—131 и 143—146.

3) I глава. Объ участіи нѣкоторыхъ Литовско-Русскихъ земель въ назначеніи господаремъ ихъ воеводъ см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, том I, стр. 582—584.

4) II ст., IV, 1.

року, мають vybrати зо всеє шляхты того повѣту, братьи своеє, на кождый врьдъ таковой, на судейство — чотырохъ людей добрыхъ, на подсудство — другихъ чотырохъ, на писарство — третихъ чотырохъ, людей добрыхъ, цнотливыхъ, ростропныхъ, въ правѣ умѣтныхъ¹⁾, роду шляхецкого, въ томъ повѣтѣ добрѣ оселыхъ, не иное вѣры только хрестіянское; и, выбравшы ихъ, тыхъ выбранныхъ черезъ листы свои намъ господарю ознаймити мають, а мы съ тыхъ всихъ дванадцати особъ выберемъ трехъ до того повѣту на врьдъ земскій, на судъ — судью и подсудка и писара“. Выбранные шляхетскими повѣтами и утвержденные въ своихъ должностяхъ господаремъ, члены земскихъ судовъ должны принести присягу по тексту, приведенному въ статутѣ. Присяга эта приносится на первыхъ же земскихъ рокахъ, въ собраніи шляхты, передъ воеводою²⁾, а „въ небытности воеводиной — передъ кашталаыны“.

Передъ нами въ приведенныхъ словахъ статута 1566 года постановленія закона, вводящія изучаемый видъ собраній повѣтовой шляхты и соединяющія общія о нихъ узаконенія съ постановленіями относительно ихъ перваго послѣ учрежденія созыва. Послѣдующія слова того же артикула II-го статута говорятъ о дальнѣйшихъ созывахъ этого только что учрежденнаго вида собраній шляхетскихъ повѣтовъ Княжества. Когда умреть членъ земскаго суда, составъ котораго избранъ и утвержденъ сейчасъ указаннымъ способомъ, а случится это „въ небытности“ господаря, оставшіеся въ живыхъ остальные члены этого суда должны извѣстить объ его смерти своего воеводу, и послѣдній „черезъ листы свои“ назначаетъ „часъ“ для сѣзда старостъ, урядниковъ и шляхты „того повѣту“. Въ землѣ Жомойтской, конечно, это извѣщеніе направляется къ Жомойтскому старостѣ, который въ такомъ случаѣ также созываетъ сѣздъ тивуновъ, шляхты и обывателей „всякого стану оноє Жомойтское земли“. Въ назначенное время „все станы оноє повѣту“ сѣзжаются и выбираютъ на мѣсто умершаго члена своего земскаго суда четырехъ кандидатовъ, дѣлая это совершенно

1) Въ изданіи II-го статута въ XXIII-й книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. недосмотръ: „у мѣстныхъ“.

2) Въ землѣ Жомойтской — передъ ея старостою.

такъ же, какъ было указано выше статутомъ для первыхъ выборовъ. Свое избраніе съѣхавшіеся должны „ознаимить“ господарю „черезъ листы свои отворонныя¹⁾ за печатью воеводиною“, а господарь, выбравъ одного изъ представленныхъ ему четырехъ кандидатовъ на вакантный урядъ, утверждаетъ его „не отволочнѣ“. Въ случаѣ выбора съѣхавшеюся шляхтою на мѣсто умершаго одного изъ членовъ того же земскаго суда, онъ представляется господарю въ качествѣ единственнаго кандидата, безъ избранія еще трехъ кандидатовъ, и получаетъ утвержденіе отъ великаго князя; четырехъ же кандидатовъ шляхта въ такомъ случаѣ выбираетъ лишь на урядъ, ставшій вакантнымъ за его перемѣщеніемъ. Вновь назначенные этимъ путемъ члены земскихъ судовъ приносятъ присягу указаннымъ выше способомъ. Заканчивая свой артикуль „О выбранью судей въ повѣтъ“, статуть 1566 года гласить: „и такъ мають вжо вѣчными часы въ повѣтехъ около выбранья тыхъ вридниковъ справовати ся и заховати“.

Присматриваясь ближе къ приведеннымъ сейчасъ постановленіямъ II-го статута, мы должны отмѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, съѣздъ повѣтовой шляхты для выбора членовъ земскаго суда не называется статутомъ сеймикомъ²⁾. Во-вторыхъ, при выборѣ этихъ должностныхъ лицъ шляхетскій повѣтъ не можетъ обойтись одними своими силами и средствами. Онъ долженъ считаться не только со своими повѣтовыми урядниками и шляхтою, но и съ воеводою, который былъ одинъ на цѣлое воеводство, состоявшее въ большинствѣ случаевъ не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ повѣтовъ. Воевода извѣщается о смерти члена земскаго суда; онъ же созываетъ „въ небытности“ господаря повѣтовую шляхту для новыхъ выборовъ; наконецъ, за его печатью долженъ быть „листъ“ шляхты, представляющій на утвержденіе господаря избранныхъ ею кандидатовъ на земскіе судебные уряды. Такимъ образомъ, шляхетскіе повѣты были лишены статутомъ 1566 года возможности взять цѣликомъ въ свои руки дѣло избранія членовъ своихъ земскихъ

1) Исправляемъ изъ „отворотные“ изданія II-го статута въ XXIII-й книгѣ Временника.

2) Ср. выше, стр. 288.

повѣтовыхъ судовъ; онъ обязалъ ихъ извѣстною зависимо-
мостью отъ воеводскаго уряда.

II статуть указываетъ, что уже первый составъ земскихъ судовъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ послѣ введенія повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ былъ избранъ способомъ, имъ установленнымъ. Подтвержденіе этого указація имѣемъ въ листахъ Сигизмунда Августа, выданныхъ имъ въ повѣты Великаго Княжества Литовскаго о началѣ дѣятельности созданныхъ реформою судовъ повѣтовыхъ. Въ текстѣ такого листа, направленнаго въ Пинскій повѣтъ и датированнаго Вильною и 28-мъ января 1566 года¹⁾, находятся слѣдующія слова: „къ тому тежъ и врадъниковъ судовыхъ на оный поветъ Пинскій водлугъ уписаня статуту нового на кождый врадъ по чотыры особы съ посредку васъ, брата вашу, земянь-шляхту, людей добрыхъ, обрали есте и намъ ихъ обявили и оповедили, на которыхъ и мы, господарь, межы тое брата ваше, въ ономъ повете Пинскомъ на тотъ врадъ земскій судовый черезъ васъ, рыцество наше, обраные, [з] зверхности наше г[о]с[по]-д[а]рское позваляемъ и устанавлиемъ на оные влады тыхъ особъ — на судейство Ивана Офанасовича Фурьса, на подсудство Ивана Домановича, на писарство Гурына Семеновича Фурьса“. Первая судебная сессія этого земскаго суда Пинскаго повѣта должна была состояться, согласно этому листу Сигизмунда Августа, „на часъ певный, на день Громницъ, Рымскаго свята, въ року нинешнемъ шестдесятъ шостомъ прышлого м[е]с[е]ца февраля второго дня“. „На который рокъ“, продолжаетъ документъ отъ имени господаря, „тые врадники судовые земскіе вышей описаные оного повету Пинскаго, собравъшыся, будутъ повинни напервей пры бытности васъ, князей, пановъ, рыцества-шляхты тамошънего повету, которые се тамъ з[ѣ]едете, и передъ посланъцомъ нашимъ, черезъ которого печать нанца [отдана будеть], прысегу на тые влады свои водле того, яко въ статуте есть выобразоно, вчынити“.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ совершенно категорическое указаніе оффиціального акта на то, что въ Пинскомъ

1) Виленскій Центральныи Архивъ, № 13014. Пинскаго городскаго суда (1662 г.) № 27. Стр. 355—358. Ср. выше, стр. 69 и прим. 4.

повѣтъ весь первый составъ его земскаго суда былъ выбранъ Пинскою шляхтою, утвержденъ въ исходѣ января 1566 года Сигизмундомъ Августомъ и долженъ былъ приступить къ исполненію своихъ судебныхъ обязанностей 2 февраля того же 1566 года. Но, обращаясь къ актамъ областныхъ судовъ Великаго Княжества Литовскаго, мы получаемъ отъ нихъ свѣдѣнія о томъ, что земскіе суды начали свои дѣйствія уже до начала 1566 года. Въ актовой книгѣ Слонимскаго земскаго суда за 1565—1566 годы подь 1-мъ іюня 1565 года записано¹⁾: „права земскіе есть ся почали справовати нововыданные водлугъ артыкуловъ и порядку, въ статуте описанные . . .“ Далѣе въ той же записи читаемъ, что Сигизмундъ Августъ „рoсказаль моцне словомъ своимъ господарьскимъ, яко панъ хрестіянски, щчодробливе справедливостъ светую на вси стороны давать, узычатъ водлугъ Пана Бога подь гербомъ Великаго Князьства Литовскаго, которы есть данъ и принесенъ презъ послы его королевской милости писаромъ земскимъ — до каждого повету у Великомъ Князьстве Литовскомъ“. Та же записъ говоритъ объ отказѣ пановъ радныхъ отъ ихъ прежнихъ правъ по суду, сдѣланномъ ими на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года²⁾, и прославляетъ за этотъ отказъ Трoцкаго воеводу, пана Миколая Радиви́ла. Это прославленіе особенно умѣстно въ книгѣ Слонимскаго суда потому, что въ до-реформенное время Слонимъ принадлежалъ къ округу Трoцкаго воеводства³⁾. Указавъ на установленіе общаго для всѣхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго суда, пересказываемая записъ упоминаетъ о томъ, что Сигизмундъ Августъ „з раменя своего господарьскаго воеводове, кашпаліаны, маршалки, подкоморе, судьи, подсудки и писаре далъ, заховуючи насъ еднакою справедливостю и свободою з братьею а суседы нашими паны Поляки, якожь намъ въ поветъ Слонимски ку розмноженю справедливости з раменя своего господарьскаго маршалкомъ — пана Ивана Яцыничя, подкоморымъ — пана Станислава Миколаевича Нарбу́та, воеводича Подляшскаго, судью — пана Михайла Лавриновича Соколовскаго,

1) А. Вил. XXII. Стр. 147—149.

2) См. выше, стр. 55—56.

3) См. выше, стр. 9 и 31.

а подсудка — пана Потей Ельца, а писара — пана Богуша Тушевицкого, того жъ повету, не обчихъ, але въ томъ повете оселыхъ“. Судья, подсудокъ и писарь Слонимскіе, по словамъ этой записи, „съ порадою шляхтъ, явне на то з росказаня его королевской милости зобраныхъ¹⁾ до Слонима, на часъ и день зложонный, то есть месеца іюня первого дня, суды земскіе естъ ся засадили, и роки першіе почали ся справовати на завтрей Духа Светого року шестьдесятъ пятого, месеца іюня одинадцатого дня“.

Въ этой записи Слонимскаго земскаго суда обращаютъ на себя вниманіе три существенныхъ отличій въ изложеніи начальнаго момента въ исторіи этого суда по сравненію съ изложеніемъ того же момента господарскимъ листомъ въ Пинскій повѣтъ, приведеннымъ нами выше: 1) господарская печать для земскаго суда въ Слонимѣ была доставлена лѣтомъ 1565 года, а въ Пинскѣ лишь зимою 1566 года, 2) первые земскіе роки въ Слонимѣ начались 11 іюня 1565 года, а въ Пинскѣ только 2 февраля 1566 года. Кромѣ того, Слонимскіе земскіе судья, подсудокъ и писарь были назначены, по словамъ приведенной выше записи, въ 1565 году господаремъ со своего „раменя“, т. е., повидимому, собственной его властью. Но мы не рѣшились бы говорить, основываясь на этомъ словѣ, что въ данномъ случаѣ не имѣло мѣста избраніе шляхтою повѣта ея кандидатовъ на земскіе судебныя уряды: надо думать, что мы имѣемъ простой пропускъ указанія на это избраніе, вызванный отчасти и тѣмъ, что запись говоритъ о назначеніи господаремъ всѣхъ вновь учрежденныхъ урядниковъ, большая часть которыхъ назначалась имъ безъ всякаго участія повѣтовой шляхты въ ихъ избраніи. Въ актовыхъ книгахъ другихъ земскихъ судовъ мы также имѣемъ указанія на дѣятельность судьи, подсудка и писаря уже въ серединѣ іюня 1565 года. Такъ, въ Городнѣ уже въ это время засѣдали князь Иванъ Ѳеодоровичъ Масальскій, панъ Иванъ Макаровичъ и панъ Лавринъ Война, какъ судья, подсудокъ и писарь Городенскаго повѣта²⁾. Къ этимъ даннымъ Литовско-Русскихъ актовъ нужно прибавить идущія въ разрѣзъ съ ними слова днев-

1) Въ изданіи: „забраными“.

2) А. Вил. XVII. № 1014.

ника современника повѣтовой реформы, подсудка Новгородскаго повѣта Феодора Евлашевскаго, о томъ, что первые земскіе роки во всемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ начали отсуживаться „о Светомъ Михаиле“ 1566 года, т. е. съ конца сентября этого года¹⁾.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ, повидимому, противорѣчія нашихъ источниковъ въ ихъ указаніяхъ о началѣ земскаго суда въ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго. Но эти противорѣчія должны быть признаны лишь указаніями на два различныхъ момента въ исторіи введенія земскаго суда въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ. Въ самомъ дѣлѣ, просмотръ актовъ Слонимскаго земскаго суда, слѣдующихъ въ его книгѣ вслѣдъ за приведенною нами выше записью отъ 1 іюня 1565 года, обнаруживаетъ дѣятельность этого суда день за днемъ, а не по тѣмъ сессіямъ, которыя были введены статутомъ 1566 года въ его окончательно утвержденной редакціи. Эта окончательная редакція

1) Въ изданіи дневника Евлашевскаго (Мемуары, отн. къ исторіи Южной Руси, вып. II, стр. 8) или въ спискѣ съ рукописи (а быть можетъ и въ самой рукописи), съ котораго изданіе сдѣлано стоитъ: „того жъ року 1565 наперше роки земске были во всемъ панстве Литовскимъ о светомъ Михаиле“. Читать нужно внѣ всякаго сомнѣнія: „того жъ року 1566“. Въ самомъ дѣлѣ: 1) уже страницю выше (по изданію) Евлашевскій перешелъ къ изложенію событій 1566 года, 2) четырьмя строками ниже выписанныхъ нами словъ въ изданіи читаемъ: „року 1565, а веку моего 21, были летомъ у короля его милости Жикгмонта Августа послове великыя московскыя“, а именно Феодоръ Ивановичъ Колычовъ, Григорій Ивановичъ Нагой и Василій Яковлевичъ Щелкановъ: „тое же осени король его милость былъ зъ войскомъ въ шикъ подъ Радошковичами“. Все, что изложено Евлашевскимъ въ этомъ мѣстѣ относится къ 1567 году: самъ онъ имѣлъ 21-й годъ въ 1566—1567 году, родившись 7 февраля 1546 года (Мемуары II, стр. 5); Умный Колычовъ, Нагой и Щелкаловъ были посланы Иваномъ Грознымъ къ Сигизмунду Августу въ 1567 году (Книга Посольская Метрики Великаго Княжества Литовскаго, № 170); наконецъ, „въ шикъ“ подъ Радошковичами Сигизмундъ Августъ былъ въ концѣ того же 1567 года (М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 780—781). Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ дневникѣ Евлашевскаго совершенно послѣдовательно сдѣланныя замѣтки, относящіяся къ 1566 и 1567 годамъ, лишь неправильно датированныя или не исправленныя въ опискахъ рукописи изданіемъ. Передъ записями 1566 года находятся записи 1564 и 1565 годовъ (стр. 6—7 изданія); послѣ приведенной нами записи, несомнѣнно относящейся къ событіямъ 1567 года, идутъ записи событій 1568, 1569 и 1570 годовъ (стр. 9 изданія).

была утверждена лишь 1 іюля 1566 года съ внесеніемъ въ статуть „артыкуловъ поправки статutowое“, выработанныхъ на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года панами-радою и всѣми станами Великаго Княжества Литовскаго ¹⁾. До этого утверждениа окончательной редакціи II-го статута были утверждены двѣ его редакціи предшествующія: первая — въ Бѣльскѣ, 1 іюля 1564 года ²⁾, вторая — въ Вильнѣ, на сеймѣ 1565—1566 годовъ ³⁾. Начало избранія членовъ земскихъ судовъ было признано уже Бѣльскимъ привилеемъ Сигизмунда Августа отъ 1 іюля 1564 года, въ которомъ господарь разрѣшилъ „теперь и заразомъ тотъ новый порядокъ и росправу въ засаженью судовъ, обираенью на то врядниковъ и розложенью мesteцъ на судъ и на положенье и хованье книгъ судовыхъ учинити и постановити“. Тотъ же привилей назначаетъ день св. Мартина (т. е. 11 ноября) 1564 года временемъ, когда „маеть ся тотъ статуть и вси справы, поступки, порядки и въступъ а початокъ его зачати“ ⁴⁾.

Приведенная выше выписка изъ земскихъ Слонимскихъ книгъ показываетъ, что начало введенія земскаго суда въ Слонимскомъ повѣтѣ, однако, запоздало до 11 іюня 1565 года. Встаеть вопросъ: во всѣхъ ли повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго начало функціонированія земскихъ судовъ было одновременнымъ, или же эти суды въ различныхъ повѣтахъ начали свою дѣятельность не въ одинъ и тотъ же день? Если мы примемъ послѣднее, то всѣ противорѣчія нашихъ источниковъ легко разрѣшатся. Вѣроятность того, что не всѣ повѣты могли успѣть ввести въ дѣйствіе свои земскіе суды, увеличивается извѣстною уже намъ обстановкою, при которой осуществлялась реформа 1565—1566 годовъ ⁵⁾, когда не только создавались въ новыхъ повѣтахъ вновь учрежденные уряды, но и опредѣлялись границы этихъ повѣтовъ, т. е. опредѣлялся, притомъ не безъ коле-

1) См. „Статуть Великаго Князства Литовскаго 1566 года“ по изданію въ XXIII книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., стр. 13.

2) См. *ibidem*, стр. 4—11.

3) См. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 717 и сл.

4) Цитируемъ по изданію М. К. Любавскаго (Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 137—138).

5) См. выше, стр. 66—98 и 259—260.

баній, составъ повѣтовой шляхты, шляхетскія корпораціи, призванныя II-мъ статутомъ къ избранію изъ своей среды кандидатовъ на земскіе судебныя уряды. Невозможно предположить, чтобы тѣ трудности и вопросы, которые на мѣстахъ создавала повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ при ея осуществленіи, могли разрѣшаться такъ быстро, чтобы черезъ какіе-нибудь четыре мѣсяца послѣ изданія Бѣльскаго привилея всѣ Литовско-Русскіе новые повѣты, сами только что создаваемые, могли управиться съ выборами и организаціей своихъ земскихъ судовъ. Естественнѣе предположить, что собранія шляхты отдѣльныхъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго для перваго выбора членовъ ихъ земскихъ судовъ были созваны Сигизмундомъ Августомъ въ различное время, а не всѣ одновременно; только по мѣрѣ налаживанія введенія реформы 1565—1566 годовъ въ отдѣльныхъ повѣтахъ создавалась возможность созыва ихъ шляхты въ избирательныя собранія. Составъ лицъ, занявшихъ созданные реформой уряды, окончательно опредѣлился лишь къ веснѣ 1566 года, когда ихъ имена могли уже быть сообщены всей Литовско-Русской шляхтѣ¹⁾.

Если мы примемъ сейчасъ приведенныя соображенія, то кажущіяся противорѣчія нашихъ источниковъ по вопросу о введеніи земскаго суда въ отдѣльныхъ повѣтахъ устроятся. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны будемъ признать, что тотъ видъ повѣтоваго сеймика, который назывался съѣздомъ для избранія земскихъ судебныхъ урядниковъ и который начиналъ собою всѣ сеймики для выбора должностныхъ лицъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, возникъ въ послѣднихъ не одновременно, но въ различныхъ повѣтахъ въ различное время, между концомъ 1564 и самымъ началомъ 1566 годовъ.

Обращаясь къ актамъ назначенія членовъ земскихъ судовъ, т. е. къ господарскимъ привилеямъ, утверждающимъ въ должности одного изъ четырехъ кандидатовъ-„електовъ“, представляемыхъ къ этому утвержденію повѣтовою шляхтою, встрѣчаемъ въ нихъ всегда упоминаніе объ этомъ избраніи шляхетскими повѣтами ихъ кандидатовъ. Въ привилеѣ на земскій судебный урядъ господарь „ознаймуеть“ своимъ

1) См. выше, стр. 353.

листомъ, что къ нему писали и присылали князья, паны и шляхта того или другого повѣта, „ознаймючи“ ему, что въ ихъ повѣтѣ „въ животе не стало“ такого-то земскаго судебного урядника. Они „межы собою“ на этотъ урядъ „чотырохъ особъ певныхъ, шляхтичовъ, въ томъ повете оселыхъ, обрали“ и просятъ господаря, чтобы онъ, „съ тыхъ особъ на одного зезволившы, на тотъ врадъ“ его „потвердилъ“. Господарь даетъ этотъ урядъ одному изъ четырехъ представленныхъ кандидатовъ, „земенину“ своему „тамошнего повету“ такому-то, „годность залецоную въ нимъ бачачи“. Назначаемое лицо „маеть“ свой урядъ „до живота своего держати и, учинивши присегу на першыхъ рокохъ водле статуту на тотъ врадъ, посполъ“ съ остальными двумя членами того же суда даннаго повѣта „вси sprawy судовые, тому суду земьскому и ихъ владности належачіе, судити и справовати во всемъ слушне, пристойне и порадне, водле повинности, тому владу приналежащее, правъ и вольностей земьскихъ и статуту права посполитого пильне постерегаючи и ничимъ его не отъступуючи“. Въ заключеніе господарь въ такомъ привилеѣ приказываетъ „всимъ обывателемъ стану шляхетьского, которіе кольвекъ оселости свои въ томъ повете“ имѣютъ, чтобы они, вновь назначеннаго земскаго судебного урядника „за утверженьемъ“ господарскимъ „принявши, противу нему вшелякую учъстивость и послушеньство, што на врадъ его водлугъ статуту приналежитъ, чинили“¹⁾.

Въ своей обычной массѣ такіе привилеи, писанные по установившейся формѣ, не прибавляютъ ничего къ тому, что даетъ для изученія этого вида сеймика статутъ. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда выборъ члена земскаго суда чѣмъ-либо осложнялся, привилеи на земскіе судебные уряды даютъ изслѣдователю матеріалъ болѣе щедро. Такимъ документомъ

1) Примѣры привилеевъ на земскіе судебные уряды: Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. л. 86—86 об. („Привилей Стефану Ловеюку на подсудство повету Мозырского“; дата: Торунь, сеймъ вальный, 6 декабря 1576 года), *ibidem*, л. л. 87 об. — 88 („Привилей Адаму Рустейковичу на писарство земское Жомойтское“; дата та же), Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. л. 6—6 об. („Листъ пана Масалского на подсудство Городенское“; дата: Краковъ, 15 апрѣля 1574 года), *ibidem*, л. 7 („Листъ пану Макару Мартиновичу на подсудство Пиньское“; дата та же).

является, напимѣрь, „Привилей Гаврилу Яковицкому на подсудство Володимерское“, выданный Сигизмундомъ Августомъ въ Варшавѣ 29 сентября 1568 года¹⁾. Изъ него узнаемъ, что послѣ смерти подсудка Владимірскаго повѣта, тамошняго землянина Павла Шпаковского, Волынской воевода, князь Александръ Теодоровичъ Чорторыскій, соблюдая требованіе статута, нѣсколько разъ „объсылалъ“ своимъ листомъ князей

1) „Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Полскій etc. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ. Што которое подсудство земское повету Володимерского перво сего держалъ отъ насъ земенинъ тамошній Павелъ Шпаковский, ино, ижъ онъ з сего света зшолъ, а по его смерти воевода Волынской, князь Александръ Федоровичъ Чорторыскій, захываючи ся въ томъ водлугъ статуту, всихъ князей и пановъ, землянъ оного повету по кольку кротъ листомъ своимъ объсылалъ, абы се до замку нашего Володимерского зѣхали и на тотъ врьдъ, подсудство того Володимерского повету, на мѣстьце оного змерлого подсудка межы собою електовъ, чотырохъ особъ, выбрали и до насъ г[о]с[по]д[а]ря съ тымъ послали. За которымъ объсыланьемъ князя воеводы Волынского кгда ся они на обирање тыхъ електовъ не зеждчали, або, если се которые и зѣхавши, въ томъ ся межы собою, яко его милость о томъ до насъ писалъ, не зѣгожали, его милость князь воевода Волынской съ тыми, которыя ся на тотъ часъ ку его милости зехали, то естъ з владыкою Володимерскимъ и Берестейскимъ Феодосіемъ а з маршалкомъ нашимъ, паномъ Петромъ Богдановичомъ Загоровскимъ и з некоторыми иными, въ томъ повете оселыми, на тотъ врьдъ подсудство земское повету Володимерского електовъ, чотырохъ особъ шляхтичовъ, братью свою, въ томъ повете оселыхъ, межы собою обравшы, до насъ г[о]с[по]д[а]ря прислалъ, просячи насъ, абыхмо, одного з нихъ которого въ тотъ поветъ подсудкомъ давши, на то его листомъ нашимъ потвердили. А такъ мы, межы тыми чотырма особами, на тотъ врьдъ намъ подаными, одного землянина, въ томъ же повете оселого, Гаврыла Яковицкого обравши, въ тотъ поветъ Володимерскій подсудкомъ земскимъ, даемъ и симъ листомъ нашимъ на тотъ врьдъ подсудство его устанавлиемъ и то ему потвержаемъ: маеть онъ, водлугъ статуту на теперешнихъ рокохъ судовыхъ припалыхъ присягу на тотъ врьдъ учинивши, зъ судею и писаромъ оного повету вси справы, тому вьраду и ихъ властности належачіе, во всемъ слушне и радне, водле повинности, на тотъ врьдъ пристойное, справовати, водлугъ статуту права посполитого захывающисе а волностей земскихъ пыльне постерегаючи и ничимъ ихъ не отъступуючи. И на то есмо ему дали сесь нашъ листь з нашою печатью и съ подписью руки наше г[о]с[по]д[а]рское“. Дата: Варшава, 29 сентября 1568 года. Настоящій листь имѣеть „подпись руки г[о]с[по]д[а]рское“ и скръпу писаря („Базилусъ Древинскій писарь“). Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. л. 31—31 об.

и пановъ Владимірскаго повѣта, созывая ихъ во Владимірскій замокъ для выбора четырехъ кандидатовъ на вакантный урядъ повѣтоваго подсудка. Но по „объсыланью“ своего воеводы Владимірская шляхта или не съѣзжалась, или, съѣхавшись, не приходила къ соглашенію при выборахъ. Объ этомъ Волынскій воевода писалъ и къ Сигизмунду Августу. Дѣло кончилось тѣмъ, что воевода вмѣстѣ со съѣхавшимися къ нему Владимірскимъ и Берестейскимъ владыкою Феодосіемъ, господарскимъ маршалкомъ, паномъ Петромъ Богдановичемъ Загоровскимъ и съ нѣкоторыми другими осѣлыми во Владимірскомъ повѣтѣ лицами, безъ другихъ ихъ одноповѣтниковъ, выбрали четырехъ кандидатовъ и представили ихъ господарю для утвержденія одного изъ нихъ на урядъ Владимірскаго подсудка. Изъ этихъ четырехъ кандидатовъ Сигизмундъ Августъ выбралъ Гаврила Яковицкаго и утвердилъ его, несмотря на то, что избраніе повѣтовыхъ кандидатовъ совершилось безъ участія въ немъ большинства обывателей повѣта, и выданный имъ Яковицкому привилей на должность Владимірскаго подсудка, изложивши ходъ этого дѣла, говоритъ о назначеніи его въ тѣхъ же выраженіяхъ, которыя являются обычною формою такихъ привилеевъ, приведенною нами выше.

Передъ нами примѣръ чрезвычайно малаго съѣзда повѣтовой шляхты для избранія члена земскаго суда и нежеланія ея собираться для этой цѣли. Однако нельзя признать такое явленіе сколько-нибудь общимъ. Наоборотъ, нужно думать, что повѣтовая шляхта очень интересовалась дѣломъ избранія своихъ земскихъ судебныхъ урядниковъ. Права этого избранія она такъ настойчиво добивалась, какъ мы видѣли выше¹⁾, и не могла, только что его получивъ, перестать имъ интересоваться. Кромѣ того должность члена земскаго суда, соединенная съ достаточнымъ вознагражденіемъ и вліяніемъ, не могла не привлекать претендентовъ, да и всему шляхетскому повѣту не могла быть безразлична личность человѣка, входившаго въ составъ земскаго суда, имѣвшаго такое крупное значеніе для повѣтовыхъ обывателей. Въ виду всего этого мы ни въ какомъ случаѣ не имѣемъ права обобщать того, что говоритъ пересказанный

1) Стр. 19 и сл.

нами документъ объ отношеніи шляхты Владимірскаго повѣта къ выборамъ своего земскаго подсудка, и считать такое отношеніе сколько-нибудь обычнымъ для повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ 1568 году Владимірская шляхта имѣла основаніе для того, чтобы быть недовольною отношеніемъ Сигизмунда Августа къ ея заявленію касательно ея земскаго суда, и, не имѣя возможности устроить его такъ, какъ желала, надо думать, выражала свое недовольство демонстративнымъ отказомъ избирать членовъ этого суда. Дѣло было въ томъ, что обыватели Владимірскаго повѣта представили Сигизмунду Августу черезъ своихъ пословъ на Городенскомъ сеймѣ 1568 года жалобу на своего земскаго судью Богдана Костюшковича, который, „не будучи отъ“ нихъ „обранымъ и поданымъ на судейство“, выхлопоталъ у господаря себѣ назначеніе на этотъ урядъ. Владимірскій предсеймовый сеймикъ просилъ Сигизмунда Августа, чтобы онъ, Костюшковича „съ того враду зложивъшы“, назначилъ имъ другого судью изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ ему Владимірскимъ шляхетскимъ повѣтомъ. Однако Сигизмундъ Августъ не исполнилъ этой просьбы, „зоставилъ“ Богдана Костюшковича „при томъ вряде, судьстве земскомъ Володимерскомъ“, и 15 іюля 1568 года выдалъ съ извѣщеніемъ объ этомъ свой листъ во Владимірскій повѣтъ¹⁾. Совершенно понятно, что Владимірская шляхта должна была увидѣть въ этомъ нарушеніе господаремъ ея правъ и вольностей и отказалась сѣзжаться для выборовъ своего подсудка, т. е. ближайшаго сотрудника судьи, котораго она не хотѣла признать получившимъ судейскій урядъ законнымъ образомъ.

Отмѣченныя уже нами значеніе земскаго суда и выгоды, которыя давали земскіе судебные уряды лицамъ, ихъ занимавшимъ, вызывали попытки устранить съ этихъ урядовъ, дѣлаемыя иногда отдѣльными повѣтовыми обывателями или цѣлыми ихъ партіями по отношенію къ тѣмъ или другимъ шляхтичамъ, ихъ занимавшимъ, а также попытки захвата этихъ урядовъ незаконнымъ образомъ. Примѣръ перваго имѣемъ въ Упитскомъ повѣтѣ почти сразу послѣ введенія

1) Н. А. Максимейко. Сеймы Л.-Р. государства. Приложенія. Стр. 194—195.

въ немъ земскаго суда. Въ 1567 году господарскій судъ имѣлъ уже на своемъ разсмотрѣнн дѣло о хоружичѣ Упитскомъ Николаѣ Яновичѣ, который во время первыхъ Михайловскихъ роковъ Упитскаго земскаго суда, „пропомневшы боязни Божое и звирхности господарское, з многими помочниками, себе въ томъ равными“, пріѣхалъ въ Поневѣжъ¹⁾, гдѣ собрался на свою сессію земскій судъ, и „межы рыцертвомъ-шляхтою, қоторые ся для справъ судовыхъ на роки были зъехали, бунтъ и замешканье на тыхъ жо роцехъ учынилъ“. Яновичъ отказывался „становитися“ передъ земскими судебными урядниками и „суду и справы ихъ послушнымъ быти“, не признавая Упитскаго земскаго судью, пана Балтромея Левоня, законнымъ образомъ получившимъ его урядъ²⁾.

Что касается захвата земскаго судебного уряда лицомъ, которое не имѣло на него права, то примѣръ возникновенія дѣла о такомъ захватѣ имѣемъ въ 1569 году въ Вилькомирѣ. Сигизмундъ Августъ 29 іюля 1570 года разсматривалъ вмѣстѣ съ панами-радою въ Варшавѣ дѣло по жалобѣ Подляшскаго воеводы и Дорогицкаго старосты, пана Миколая Кишки Техановскаго на господарскаго дворянина Миколая Кончу. Послѣдній обвинялся въ томъ, что незаконнымъ образомъ захватилъ урядъ Вилькомирскаго писаря, а сверхъ того не вписалъ въ декретъ своего повѣтоваго суда „доводы и справы“ по дѣлу пана Кишки Техановскаго съ панами Остиками³⁾. Представителемъ обвинения при разборѣ этого дѣла выступилъ „умоцованный“ Подляшскаго воеводы Мартинъ Межиньскій, который „съ позву“ предъявилъ къ Кончѣ обвиненіе въ томъ, что онъ овладѣлъ урядомъ Вилькомирскаго земскаго писаря и устранилъ избранныхъ Вилькомирскою шляхтою четырехъ кандидатовъ, воспользовавшись своимъ пребываніемъ при господарѣ на сеймѣ въ качествѣ повѣтоваго посла, хотя и имѣлъ пору-

1) О Поневѣжѣ, какъ центрѣ Упитскаго повѣта, см. выше, стр. 96—98.

2) Н. А. Максимейко. *Op. cit.* Приложенія. Стр. 150—151.

3) „Справа пана Миколая Кишки Техановскаго з Миколаемъ Кончою о неслухное одержане привилею на писарство земское Вилкомирское и о невписане до декрету доводовъ и справъ его въ справе съ паны Остиками“. Лит. Метр. $\frac{IIA}{55}$ л. л. 52 об. — 56 об.

ченіе отъ своихъ одноповѣтниковъ представить господарю ихъ „електовъ“ для утвержденія одного изъ нихъ¹⁾).

Представителемъ Кончи при разборѣ этого дѣла явился его „умоцованый“ Романовскій, и пренія сторонъ дають въ излагаемомъ актѣ нѣсколько чертъ, дополняющихъ наши свѣдѣнія о дѣятельности сеймиковъ для избранія земскихъ судебныхныхъ урядниковъ. Когда во время разбора дѣла „отпорной“ сторонѣ было предъявлено требованіе стороны „поводовой“ о предъявленіи „елекъцыи“, т. е. самага документа о выборѣ Вилькомирскою шляхтою кандидатовъ на урядъ ея земскаго писаря, Романовскій заявилъ, что этотъ документъ остался въ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго и что нѣтъ обычая, чтобы его хранило у себя получившее урядъ лицо — для этого лица достаточно госпо-

1) „Ижъ дей минулого шестьдесятъ девятого року дворанинъ его кор[олевское] милости Миколай Конъча, отъ всеи шляхты повету Вилькомирскаго на сеймъ Любельскій спольный прошлый посломъ обранъ будучи и отъ нихъ взявши инъструкъцию подъ ихъ печатями чотырохъ особъ шляхтичовъ на врадъ писарство земское до того повету Вилькомирскаго по зешълomъ писары тамошнемъ Станиславе Деялтовскомъ у короля его милости просити, онъ, заочъне речъ свою украсивши, оныхъ електовъ, на инъструкъцеи описаныхъ, надъ право и статутъ земскій и ку уближенью справедливости его милости на сторону опустивши, нетъ ведома за якою причиною на тое писарство у его кор[олевское] милости привилей себе упросилъ. А потомъ на рокохъ судовыхъ земскихъ прошлыхъ, о Светомъ Михаиле Рымского свята въ року прошломъ шестьдесятъ девятомъ, оногo вся шляхта повету Вилькомирскаго писаромъ въ томъ повете мети не хотела. Але онъ, обещуючи имъ скоро по тыхъ одныхъ рокохъ судовыхъ инъшого писара земскаго до того повету своимъ накладомъ у его кор[олевское] милости подъ некоторыми певными обовязки зъеднати, упросилъ ихъ, жебы только на одны тые роки верху описаные судовые писаромъ тамъ быти мелъ, а то ни для чого инъшого, только кгоvoli воеводе Мстиславскому, старосте Браславскому, пану Юрю а дворанину его королевское милости, пану Григорию Остикомъ для справы ихъ, которую они за позваньемъ своимъ зъ его милостью о имене Вижуны и о речи рухомые, о листы и привилея некоторые на оныхъ родехъ мели, якожъ дей онъ на онъ часъ на тыхъ рокохъ о Светомъ Михаиле у Вилькомирско въ той справе его милости, которую з воеводою Мстиславскимъ, старостою Браславскимъ, паномъ Григорьемъ Остикомъ мелъ, ку великой шкоде его милости а надъ право доводовъ и поступковъ правныхъ зъ стороны его противъ паномъ Остикомъ, у суду земскаго Вилькомирскаго чиненыхъ, достаточне писати и докладати не хотель“.

дарскаго привилея, выданнаго ему на его должность¹⁾. Тотъ же Романовскій, стараясь отвести обвиненіе отъ своего довѣрителя, говорилъ: „а тежъ не одинъ бы панъ воевода²⁾, але вся шляхта, кгда бы Кончу такового быти розумели, заразъ бы ся противъ ему оповедати и тымъ врадомъ ему справовати не допустили, на остатокъ бы королеви его милости о томъ на сеймъ черезъ послы свои дати знати мелиц“.

Итакъ, сеймикъ для выбора членовъ земскаго суда могъ пользоваться для представленія избранныхъ имъ кандидатовъ на судебные уряды къ утвержденію господаря сеймовыми послами своего повѣта, избираемыми сеймикомъ председеймовымъ, а, возможно, могъ и сливаться съ послѣднимъ — если председеймовый сеймикъ собирался около того времени, когда въ какомъ-либо повѣтѣ предстояли выборы земскихъ судьи, подсудка или писаря, то совершенно естественно могло дѣлаться назначеніе мѣстнымъ воеводою этихъ выборовъ какъ разъ на время сеймика председеймоваго во избѣжаніе лишней траты шляхтою времени и средствъ на новую поѣздку въ повѣтовый центръ специально для такихъ выборовъ. Въ приведенныхъ выше преніяхъ сторонъ при разборѣ дѣла Вилькомирскаго земскаго писаря Миколая Кончи имѣемъ указаніе и на расходы, которые несъ шляхетскій повѣтъ, посылая на утвержденіе господаря своихъ кандидатовъ на земскіе судебные уряды³⁾. Поѣздку повѣтовыхъ посланцевъ, которые везли къ великому князю „елекцію“, т. е. документъ объ избраніи этихъ кандидатовъ, шляхта повѣта должна была оплачивать, и естественно, что она старалась использовать своихъ пословъ сеймовыхъ для передачи господарю такихъ документовъ. Что касается самихъ

1) „На што Романовскій поведилъ, што дей панъ воевода Подляшскій домогаеть ся, абы Конча елекъцью положилъ, ино тая елекъцья пры канцлереи короля его милости zostала, ани тежъ звычай есть, абы сторона у себе то ховати мела; досыть маеть на данине, листе короля его милости, которая светъчить, ижъ Конча на тотъ врадъ писарскій за тою елекъцьею з ласки короля его милости постановленъ“ (л. 54 об.).

2) Т. е. воевода Подляшскій, панъ Миколай Кишка Техановскій.

3) На эти расходы прямо указываютъ слова „умоцованаго“ пана Кишки Техановскаго о томъ, что Конча обѣщаль Вилькомирской шляхтѣ добыть у господаря назначеніе ей другого земскаго писаря „своимъ накладомъ“. См. выше, стр. 513, прим. 1.

избирательных документов, то, какъ показываютъ тѣ же приведенныя пренія по дѣлу Кончи, они оставались въ господарской канцеляріи Княжества, и ихъ возвращеніе въ повѣты не представлялось нужнымъ — произведя выборы кандидатовъ, составивъ соотвѣтствующій документъ объ этихъ выборахъ и организовавъ доставленіе этого документа къ господарю, сеймикъ для избранія членовъ земскихъ судовъ исполнялъ этимъ свое назначеніе и передавалъ дѣло въ руки великаго князя.

Сеймикъ для выбора членовъ земскаго суда, введенный реформою 1565—1566 годовъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе вырабатывался какъ собраніе повѣтовой шляхты Великаго Княжества Литовскаго: создавалась привычка обывателей повѣтовъ къ выборамъ своихъ должностныхъ лицъ и налаживалась самая ихъ техника. Такимъ образомъ опредѣлялась форма, въ которую выливалось осуществленіе права Литовско-Русской повѣтовой шляхты на избраніе должностныхъ лицъ ея повѣтовъ, пока лишь земскихъ судебныхъ урядниковъ, и ею пріобрѣтался опытъ въ этомъ дѣлѣ. Въ то же время росло и сознаніе шляхты Княжества, какъ повѣтовыхъ корпорацій его „народа“¹⁾. Развитіе шляхетскаго повѣта происходило одновременно съ развитіемъ повѣтоваго сеймикованья и выработкою техники послѣдняго. Депутаты Великаго Княжества Литовскаго, работавшіе надъ проектомъ III-го статута, должны были считаться со всѣмъ этимъ тѣмъ болѣе, что и сами Литовско-Русскіе шляхетскіе повѣты принимали участіе въ этой работѣ²⁾. Выработавшійся къ восьмидесятымъ годамъ XVI столѣтія въ опредѣленныя формы и пріобрѣвшій опытъ въ дѣлѣ избранія повѣтовыхъ должностныхъ лицъ, сеймикъ для выборовъ членовъ земскаго суда совершенно естественно долженъ былъ явиться къ этому времени вполне готовымъ видомъ собраній повѣтовой шляхты, который могъ расширить свое назначеніе и изъ сеймика, собираемаго только для выбора земскихъ судебныхъ урядниковъ, быть обращеннымъ въ сеймикъ для выбора другихъ повѣтовыхъ должностныхъ лицъ, которыхъ избраніе III статутъ отдалъ въ руки шляхетскихъ повѣтовъ.

1) См. выше, стр. 126—131 и 143—146.

2) См. выше, стр. 72, прим. 4 и стр. 306 и Приложенія, стр. 133—139.

Повѣтовыми урядами, при замѣщеніи которыхъ статутъ 1588 года призналъ вновь начало избранія шляхетскихъ повѣтовъ, были уряды хоружія, подкоморія и вознаго. Два первыхъ уряда должны быть признаны должностями крупнаго значенія въ повѣтахъ. Уже извѣстное намъ ихъ назначеніе въ повѣтвой жизни¹⁾, дававшее имъ право на признаніе этого значенія, дополняется установленіемъ верховной власти ихъ, такъ сказать, ранга въ ряду должностныхъ лицъ повѣтовъ: на повѣтовыхъ сеймикахъ имъ было отведено рецессомъ Городенскаго сейма 1566—1567 годовъ и III-мъ статутомъ мѣсто выше войскаго и членовъ земскаго суда повѣта²⁾. Урядъ вознаго былъ должностью, напротивъ, мелкою. Этимъ нужно объяснять и то различіе въ формѣ, которая была дана статутомъ 1588 года для избранія повѣтвою шляхтою подкоморіевъ и хоружихъ, съ одной стороны, и возныхъ съ другой: выборы первыхъ должны производиться совершенно такъ же, какъ выборы членовъ земскихъ судовъ; выборы возныхъ — по нѣсколько упрощенному способу.

Самый сеймикъ для выбора членовъ земскихъ судовъ III статутъ оставляетъ въ томъ видѣ, какъ его организовалъ предшествующій кодексъ, такъ же, какъ и этотъ послѣдній, все еще называя его не сеймикомъ, а „сѣздомъ“³⁾. Онъ прибавилъ только нѣкоторыя дополнительные постановленія, которыя не измѣняютъ нисколько основныхъ чертъ этого сеймика. Въ самомъ дѣлѣ, статутъ 1588 года въ своемъ артикулѣ „О вольномъ обиранью вряду земскаго, судій, подъсудьковъ и писаровъ въ каждой земли и поветѣ“⁴⁾, отъ имени короля Стефана⁵⁾, оставляя въ силѣ права Литовско-Русской шляхты по избранію состава ея земскихъ судовъ, дарованныя ей Сигизмундомъ Августомъ и внесенныя во II статутъ, постано-

1) См. выше, стр. 106—107 и 109—110.

2) Н. А. Максимова. *Op. cit.* Приложенія. Стр. 176. III ст., III, 6.

3) См. выше, стр. 307.

4) III ст., IV, 1.

5) Въ этомъ упоминаніи Стефана Баторія, какъ господара, отъ имени котораго гласитъ III статутъ, нужно видѣть одно изъ указаній на то, что Великое Княжество Литовское не считалось съ Сигизмундомъ III-мъ, статутъ утвердившимъ. Послѣднему утвержденіе этого кодекса было предложено Княжествомъ какъ условіе признанія его своимъ господаремъ. Ср. выше, стр. 259, прим. 1.

вляеть: „кгда бы который з врядниковъ тыхъ земьскихъ — судья, подьсудокъ, або писарь — умерь, тогды другіе врядники живопозосталые мають намъ господару о томъ черезъ листь свой знати дати то, кгда быхмо были въ здешнемъ паньстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ, а гдѣ бы се то трафило въ небытности нашей въ томъ панстве, тогды о томъ мають дати ведати воеводе, а въ земли Жомойтской старосте Жомойтскому, а въ небытности воеводы або старосты¹⁾, ино кашталянѣмъ оное земли, а за такимъ даньемъ знать маемъ мы господарь черезъ листь нашъ безъ жадное проволоки, а въ небытности нашей маеть воевода або кашталянъ черезъ листы свои старосте поветовому, врядникомъ земьскимъ и шляхте того повету, а староста Жомойтскій, або тежъ кашталянъ, тивуномъ, шляхте и всякого стану оное земли Жомойтское обывателемъ такъ же черезъ листь свой часъ ку зъеханью зложити, приславшы такій листь въ тотъ поветъ до вряду кгородского, передъ часомъ, на то зложонымъ, за чотыри недели, и тотъ листь маеть быти везде въ томъ повете обволанъ и обьголошонъ тымъ обычаемъ, яко и о иншихъ листехъ нашихъ соймовыхъ або военныхъ есть вышей описано въ розделе третемъ“²⁾. Въ назначенный такимъ листомъ день всѣ обыватели этого повѣта, съѣхавшись „до замку альбо двору“ господарскаго, т. е. въ повѣтовый центръ, избирають изъ своей среды на мѣсто умершаго урядника четырехъ кандидатовъ, „шляхтичовъ, людей добрыхъ, побожныхъ, цнотливыхъ, годныхъ, въ праве умеетныхъ, писати умеючихъ, родичовъ того паньства Великого Князства и въ томъ повете не ново, незмышлене оселыхъ“. Изъ этихъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ господарю повѣтовыми обывателями „на письме за печатями своими“, онъ избираеть одного и утверждаеть его „до живота его, альбо до вывышенья“ на другой урядъ. Оставляеть статуть 1588 года въ полной силѣ и постановленіе предшествующаго кодекса о томъ, что въ случаѣ перемѣщенія на вакантный урядъ одного изъ членовъ того же земскаго суда „иншихъ електѣвъ не потреба будетъ прикла-

1) Т. е. въ Жомойти старосты Жомойтскаго.

2) III ст., III, 6. Ср. III ст., II, 1. Примѣръ назначенія господаремъ съѣзда для избранія членовъ земскихъ судовъ въ эпоху дѣйствія III-го статута — А. Вил. I, стр. 167 (1611 г.).

дати“: онъ представляется единственнымъ кандидатомъ, обязательно утверждаемымъ господаремъ, и только на его мѣсто избираются обычнымъ порядкомъ четыре кандидата. Оставляетъ въ силѣ III статутъ и постановленія статута 1566 года о присягѣ вновь назначаемыхъ изложеннымъ выше способомъ членовъ земскихъ судовъ на первыхъ „рокахъ“ послѣ ихъ назначенія.

Такимъ образомъ, статутъ 1588 года къ постановленному II-мъ статутомъ о выборахъ членовъ земскихъ судовъ добавилъ лишь требованіе дѣйствительной и долговременной повѣтовой осѣлости и принадлежности къ „родичамъ“ Литовско-Русскаго „панства“. Требованіе первой было результатомъ развитія повѣта, какъ шляхетской корпораціи, уже отмѣченнаго нами выше¹⁾; требованіе второй было направлено противъ Польши въ защиту государственной самостоятельности Великаго Княжества Литовскаго, отстаивавшаго свое значеніе особаго „панства“ въ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой. Самой организаціи дѣла выбора земскихъ повѣтовыхъ урядниковъ III статутъ не измѣнялъ, и это должно быть принято какъ доказательство того, что Литовско-Русская шляхта была вполне довольна постановленіями статута 1566 года касательно этого выбора, а также и того, что сеймикъ для избранія членовъ земскихъ судовъ не обнаружилъ въ своей практикѣ надобности въ какихъ-либо существенныхъ преобразованіяхъ. Поэтому совершенно естественно, что и сеймики для избранія повѣтовыхъ подкоморіевъ и хоружихъ были организованы статутомъ 1588 года совершенно по образцу сеймика для выбора земскихъ судебныхъ урядниковъ. И о назначеніи повѣтоваго подкоморія, и о назначеніи повѣтоваго хоружія III статутъ говоритъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ отъ имени господаря: „ведъже того вряду“, т. е. уряда подкоморія и хоружія, „иначе давати не маемъ, одно за обраньемъ на то певныхъ особъ чотырехъ черезъ обывателей каждое земли и повету тымъ порядкомъ, яко обранье врядниковъ²⁾ судовыхъ земьскихъ — судьи, подь-

1) Стр. 127 и сл.

2) Въ артикулѣ, говорящемъ о назначеніи подкоморія, стоитъ: „иныхъ врядниковъ“.

судка и писара — есть въ семь статуте описано, а съ тыхъ особъ, обраныхъ и намъ отъ становъ поданыхъ, кого се намъ напристойней видети будеть, того мы господарь, [з] зверхности наше господарское на тотъ врьдъ преложимъ и привильемъ нашимъ его потвердимъ“¹⁾. По отношенію къ подкоморію соотвѣтствующій артикуль статута прибавляетъ только слова о нелишеніи его уряда до его смерти, или до назначенія на высшую должность, да требованіе принесенія имъ присяги по своему судебному уряду на первыхъ послѣ его назначенія земскихъ рокахъ его повѣта. Оба эти добавленія вызваны значеніемъ должности подкоморія какъ повѣтоваго судебного уряда²⁾.

Иначе, чѣмъ избраніе повѣтовыхъ подкоморіевъ, хоружихъ и членовъ земскихъ судовъ, организуетъ статутъ 1588 года избраніе повѣтовыхъ возныхъ. Урядъ вознаго былъ мелкимъ повѣтовымъ урядомъ³⁾, и лицо, занимавшее его, отнюдь не принадлежало къ верхнимъ слоямъ шляхты. II статутъ отдаетъ дѣло назначенія повѣтовыхъ возныхъ цѣликомъ въ руки соотвѣтствующихъ воеводъ⁴⁾, требуя лишь отъ нихъ, чтобы они назначали на этотъ урядъ „шляхту, людей добрихъ, вѣры годныхъ, цнотливыхъ, оселыхъ въ томъ же повѣтѣ, такъ много, яко бы ихъ потреба указовала, водлѣ повѣту и шырокости его а потребы людской“, и добавляя къ этому требованіе принятія ими отъ назначаемыхъ ими возныхъ присяги по ихъ должности⁵⁾. III статутъ выборы возныхъ передаетъ въ руки повѣтовой шляхты и только ихъ утвержденіе оставляетъ въ рукахъ вое-

1) III ст., IX, 1 и II, 5. Артикуль, говорящій о назначеніи хоружія, упоминаетъ и объ участіи пановъ-рады въ его утвержденіи. Мелкихъ отличій обоихъ сравниваемыхъ артикуловъ не отмѣчаемъ.

2) Примѣръ заявленія подкоморія о желаніи его принести присягу послѣ назначенія на должность — Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 30 (№ 212). Ср. подобное же заявленіе земскаго судьи — *ibidem*, стр. 91 (№ 96).

3) См. выше, стр. 112—114. Ср. также Журн. Миц. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 272—278 и 288—289, Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 65—66 и 110—112 и И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 358—359.

4) Въ землѣ Жомойтской назначеніе возныхъ принадлежитъ ей старостѣ.

5) II ст., IV, 4.

вѣдь. Онъ постановляетъ, что возныхъ въ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго избираетъ повѣтовая шляхта вмѣстѣ съ земскимъ судебнымъ урядомъ повѣта, а соотвѣтствующіе воеводы или староста Жомойтскій ихъ лишь „устанавливаютъ“ и „пострыгаютъ“, т. е. утверждаютъ. При этомъ, избирая возныхъ, повѣтовая шляхта должна своему воеводѣ „черезъ листъ свой“ давать „свидѣтельство о цноте и добромъ захованью ихъ“. Иными словами, повѣтовая шляхта доставляетъ воеводѣ своего рода актъ избранія вознаго и ручается за его личныя качества¹⁾. Число возныхъ, требующихся для нуждъ повѣта, опредѣляется и по II-му, и по III-му статутамъ размѣрами и потребностями повѣта.

Долженъ быть поставленъ вопросъ: имѣетъ ли въ виду статутъ 1588 года, говоря объ избраніи возныхъ, сеймикъ, или земскіе роки? На этотъ вопросъ можетъ быть данъ утвердительный отвѣтъ для обоихъ возможныхъ его рѣшеній. Слова статута „возныхъ, которыхъ врядь земскій и шляхта оберуть,“ не противорѣчатъ ни одному изъ этихъ отвѣтовъ. Возможность выбора возныхъ во время земскихъ роковъ должна представляться тѣмъ болѣе естественной, что, какъ увидимъ ниже²⁾, собравшаяся на нихъ повѣтовая шляхта до нѣкоторой степени могла выступать въ значеніи шляхетской корпораціи своего повѣта. Но, съ другой стороны, земскіе судебные урядники находились вмѣстѣ со шляхтою и на повѣтовомъ сеймикѣ, что открывало возможность избранія возныхъ и въ этихъ, закономъ признанныхъ полноправными, собраніяхъ шляхетскихъ повѣтовъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что III статутъ не требуетъ особыхъ оповѣщеній повѣтовой шляхты о предстоящихъ выборахъ на „урядъ возновскій“. Такихъ оповѣщеній онъ требуетъ лишь для выборовъ подкоморія, хоружія и членовъ земскаго суда. Это, съ одной стороны, показываетъ невысокій взглядъ на значеніе „возновства“, а, съ другой стороны, отдаетъ въ руки самой шляхты выборъ того собранія своей повѣтовой корпораціи для избранія возныхъ, которое она сама признаетъ для себя желательнымъ. Необходимымъ условіемъ остается лишь требованіе, чтобы при избраніи

1) III ст., IV, 8.

2) Глава XI.

возныхъ находился повѣтовый земскій урядъ, т. е. члены главнаго изъ судовъ повѣта.

Какъ примѣръ акта о назначеніи вознаго можетъ быть приведенъ листъ къ Витебскимъ повѣтовымъ обывателямъ, выданный 17 марта 1591 года ихъ воеводою, паномъ Миколаемъ Сапегою¹⁾. Въ этомъ листѣ Миколай Павловичъ Сапега, воевода Витебскій, староста Велижскій, державца Суражскій, объявляетъ Витебскимъ обывателямъ, что 16 марта 1591 года, будучи „на сеймику“, земскіе и замковые урядники вмѣстѣ со шляхтою Витебскаго повѣта заявили ему о недостаткѣ въ ихъ повѣтѣ вознаго и просили его имъ такового назначить. При этомъ они „залетили“ ему на этотъ урядъ „почѣстиваго шляхтича“ Михаила Тимошеевича Добріецкаго, „поведаючи быти его на тотъ урадъ годьного“. Воевода „за залеценьемъ“ земскихъ урядниковъ и шляхты утвердилъ Витебскимъ вознымъ Добріецкаго „присегою его и пострыгъ водѣлугъ статуту права земьскаго“. Этотъ „листъ“ воеводы былъ затѣмъ внесенъ въ гродскія и земскія книги Витебскаго повѣта, представленный соответствующимъ урядамъ самимъ Добріецкимъ, уже именуемымъ официально „вознымъ“.

Долженъ быть поставленъ вопросъ: для какой цѣли былъ созданъ въ серединѣ марта 1591 года Витебскій повѣтовый сеймикъ, заявившій своему воеводѣ о недостаткѣ возныхъ въ повѣтѣ и представившій Добріецкаго къ утверженію на возновскомъ урядѣ? Текстъ листа Миколая Сапеги не даетъ никакихъ указаній на то, что это былъ сеймикъ, созданный специально для избранія вознаго. Наоборотъ, въ немъ можно видѣть указаніе на то, что вопросъ о возномъ былъ поднять „на сеймику“ какъ дѣло, не имѣющее прямой связи съ главною цѣлью его созыва. И въ самомъ дѣлѣ, сеймики въ серединѣ марта 1591 года были собраны Сигиз-

1) Ист.-Юр. Матеріалы XXXI. Акты Витебскаго земскаго суда ровковъ Михайловскихъ 1592 г. № 4. Тотъ же документъ изданъ по несмотру тамъ же подъ № 9. Раньше онъ былъ изданъ въ прим. 4 на стр. 273 июньской книжки Журнала Мин. Нар. Пр. за 1897 годъ. Другіе примѣры назначенія или присяги вознаго при его вступленіи въ должность — Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I, стр. 137 (№ 172); II, стр. 122 (№ 298); III, стр. 16 (№ 194), 37 (№ 25); IV, ст. 109 (№ 3), 113 (№ 31), 137 (№ 2); V, ст. 194 (№ 39), 201—202 (№ № 7 и 9), 203 (№ 20).

мундомъ III-мъ во всѣхъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго. На Варшавскомъ сеймѣ 1590—1591 года¹⁾, при установленіи побора, сенаторы и послы Княжества стали особнякомъ отъ представителей Польши и заявили, что они имѣютъ „limitatam potestatem do pozwolenia takowego podatku“, прося короля собрать для этого дѣла сеймики Литовско-Русскихъ повѣтовъ и обнадеживая его въ ихъ согласіи на поборъ. Въ виду этого Сигизмундъ III и назначилъ собраніе повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго черезъ восемь недѣль послѣ окончанія настоящаго Варшавскаго сейма²⁾, котораго конституція и поборовый универсалъ датированы 15-мъ января 1591 года³⁾. Такимъ образомъ, Витебскій сеймикъ, представлявшій 16 марта 1591 года вознаго на утвержденіе своего воеводы, и былъ сеймикомъ, созданнымъ королемъ для разрѣшенія вопроса о поборѣ съ Княжества⁴⁾.

Итакъ, мы имѣемъ на реальномъ примѣрѣ подтвержденіе того, что для выбора повѣтовыхъ возныхъ не было надобности въ созывѣ специальныхъ собраній повѣтовой шляхты: этотъ выборъ она могла производить, собравшись для другихъ цѣлей и пользуясь своимъ собраніемъ для того, чтобы въ немъ произвести и избраніе своего вознаго. Такимъ же способомъ долженъ былъ выбираться и генераль-возный, учрежденный статутомъ 1588 года⁵⁾. Утвержденіе его, однако, отличалось отъ утвержденія рядовыхъ возныхъ. Послѣднихъ утверждаетъ мѣстный воевода, а генераль-возный утверждается королемъ, выдающимъ свой „листъ“ на этотъ урядъ лицу по представленію „отъ воеводъ, старостъ судовыхъ и шляхты, обывателей тыхъ поветовъ, отъкуль тотъ будетъ“⁶⁾. Такъ

1) Сеймъ былъ созванъ на 3 декабря 1590 года и закончился 15 января 1591 года. Reinholdi Heidensteinii secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII (Francofurti ad Moenum MDCLXXII). P. 291.

2) Volumina Legum. Tom II (Petersburg 1859). Str. 333 (Uniwersał Poborowy).

3) Ibidem. Str. 333, 341.

4) О Виленскомъ създѣ Великаго Княжества Литовскаго, которымъ былъ „uchwalony“ въ 1591 году поборъ см. А. Вил. VIII, стр. 326.

5) См. выше, стр. 113—114.

6) III ст., IV, 104. Образецъ господарскаго листа, утверждающаго генераль-вознаго — Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 274, прим. 2

невысокое значеніе „возновского уряда“ создавало упрощенный способ избранія и генераль-вознаго, несмотря на то, что онъ получалъ свое утвержденіе только отъ господаря, какъ и другія; выше его стоящія по своему значенію должностныя лица повѣтовъ.

(тотъ же документъ — Ист.-Юр. Матеріалы XXXI, Акты Витебскаго земскаго суда роковъ Михайловскихъ 1592 г., стр. 23.)

Глава IX.

Сеймикъ для выбора членовъ трибунала Великаго Княжества Литовскаго.

Учрежденіе трибунала Великаго Княжества Литовскаго и организація „Способомъ правъ трибунальскихъ“ выбора Литовско-Русскими повѣтами судей трибунала. Земля Жомойтская и трибуналъ Великаго Княжества Литовскаго. Введеніе сеймика для выбора членовъ трибунала и въ Жомойти. Пользованіе сеймикомъ для выбора судей трибунальскихъ шляхтою для цѣлей, не имѣвшихъ прямой связи съ главнымъ предметомъ его занятій. Такое же пользованіе имъ верховною властью. Совпаденія сеймика для выбора членовъ трибунала съ другими видами повѣтоваго сеймика. Пользованіе сеймикомъ для избранія трибунальскихъ судей лицами, вѣдавшими сборъ податковъ съ повѣтовъ, для внесенія въ сеймиковое собраніе шляхты дѣлъ по этому сбору.

Сеймикъ для выбора членовъ трибунала Великаго Княжества Литовскаго былъ въ XVI столѣтіи единственнымъ видомъ повѣтоваго сеймика, который долженъ былъ собираться регулярно, каждый годъ въ опредѣленный день. „Способъ правъ трибунальскихъ“, утвержденный 1 марта 1581 года на Варшавскомъ сеймѣ¹⁾, устанавливаетъ, что, начиная съ 1582 года, „въ каждомъ воеводствѣ, земли и повѣте, гдѣ кольвекъ суды земскіе отправованы бывають“, должны собираться сеймики ежегодно „на свято Громницы“, т. е. въ день праздника Срѣтенія Господня. Въ этотъ день „все панове рады, вѣрядники земскіе и дворные и вся шляхта рыцарство, обыватели онога воеводства и повѣту, гдѣ хто оселость свою маеть, съездчатисъ мають въ каждомъ

1) Издавъ въ XXV-ой книгѣ Временника Имп. Моск. Общества Ист. и Др. Росс. съ Мамоничскаго изданія его въ 1586 году, имѣющаго такой заголовокъ: „Трибуналъ обывателямъ Великаго Княжества Литовскаго на сейме Варшавскомъ даны року 1581“.

году и повинни будутъ, а такъ, съѣхавшись, судей до тыхъ судовъ головныхъ обирати мають; а который бы на таковой соймикъ не прибылъ, будь съ пановъ радъ, або врядниковъ и тежъ шляхты, того ничего шкодити тому обиранью судей не маеть, але тые, которые ся съберуть, обирати мають¹⁾. Сеймикъ для выбора трибуналистовъ, сеймикъ „трибунальскій“, или „громничный“, какъ онъ обыкновенно назывался по дню своего собранія, такимъ образомъ ничѣмъ не отличается по своему составу отъ остальныхъ видовъ повѣтоваго сеймика. Его составъ: паны-рада, земскіе и дворные урядники и шляхта, обыватели даннаго повѣта, владѣющіе въ предѣлахъ послѣдняго осѣлостями-имѣніями. Какъ и на сеймикахъ остальныхъ видовъ, такъ и на этомъ, собравшіеся не ожидаютъ неприбывшихъ къ его открытію и сеймикують безъ нихъ — установленнаго закономъ quorum'a вообще повѣтовый сеймикъ не знаетъ, и въ какомъ бы числѣ шляхта на него не собралась, она считается въ законномъ составѣ, и неприбытіе на сеймикъ какого бы то ни было числа „повѣтниковъ“ не лишаетъ его постановленій законной силы.

Собравшись на сеймикъ въ день Срѣтенія, т. е. 2 февраля, „каждое воеводство, земля, або повѣтъ обирати мають и будутъ повинни межи собою“ двухъ членовъ трибунала, „особъ годныхъ, богобойныхъ, цнотливыхъ“²⁾, свѣдущихъ въ „правахъ“ и „звычайхъ“ Великаго Княжества Литовскаго, „умеетныхъ правъ трибунальскихъ и оселыхъ“. Иными словами, каждый центральный повѣтъ и всѣ остальные повѣты Литовско-Русскихъ воеводствъ³⁾ выбираютъ на громничныхъ сеймикахъ по два трибуналиста изъ числа своихъ „повѣтниковъ“. Избираемые лица должны удовлетворять обычнымъ требованіямъ, которыя предъявляетъ законъ къ личнымъ качествамъ избираемыхъ на судебныя должности⁴⁾, и сверхъ того должны знать „права трибунальскія“. Выби-

1) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XXV. Способъ правъ трибунальскихъ. Стр. 4—5. Въ приведенной въ текстъ выпискѣ исправляемъ „ничого“ изъ „ничего“ изданія.

2) Исправляемъ изъ „цнотливыхъ“ изданія.

3) Объ употребленіи словъ „земля“ и „воеводство“ въ значеніи слова „повѣтъ“ см. выше, стр. 73—74.

4) См. выше, стр. 500 и 517.

рая членовъ трибунала, повѣтовые сеймики не должны считаться съ экономическимъ или служебнымъ положеніемъ кандидатовъ; они избираютъ „кого кольвекъ, якого колвекъ стану, будь съ пановъ радъ, албо врядниковъ земскихъ, або князевъ, пановъ, шляхты, кого сами похочуть, быле бы чоловѣка годного, не брануючи особами“. Выбранныя въ судьи трибунала лица сохраняютъ свои полномочія въ теченіе года, и на смѣну имъ слѣдующіе громничные сеймики избираютъ новыхъ трибунальскихъ судей, которые ихъ смѣняютъ. Вторичное избраніе сряду не разрѣшается закономъ; „до двухъ годъ“ бывшій судьей трибунала не можетъ занять въ немъ прежнее свое мѣсто снова. Исключеніе допускается лишь въ томъ случаѣ, если сеймикъ единогласно изберетъ судью трибунала вторично и „упроситъ“ его принять это избраніе — если бы „всеи одностайне згодили а, ижъ бы ся того подъяль, сами упростили“. Если на повѣтовомъ сеймикѣ избраніе судей трибунала отъ повѣта не состоится, или избранный въ трибуналъ заболѣетъ или умретъ, то сеймикъ трибунальскій вновь въ томъ же году не собирается, и судьи, выбранные остальными повѣтами Великаго Княжества Литовскаго „всеи справы оного жъ воеводства албо повѣту отправовати мають, а въ небытности другихъ ничего¹⁾ тому шкодити не маеть“²⁾.

Занятія громничнаго сеймика приняты закономъ подъ свою охрану³⁾. На этотъ сеймикъ никто не долженъ являться „збройне, з жадными бронями и з некоторою стрельбою окромъ меча, корда, шабли и шпады“. Поэтому каждый, кто приѣдетъ на громничный сеймикъ, долженъ, подъѣзжая къ мѣсту его собранія, „ручницы“ разрядить выстрѣломъ

1) Исправляемъ изъ „ничего“ изданія.

2) Далѣе артикулъ „Способъ обиранья судей“ переходитъ уже къ вопросамъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ дѣятельности громничнаго сеймика.

3) Артикулъ подъ заглавіемъ „Способъ безопасности соймиковъ на обирање тыхъ судей и порядковъ прихоженья передъ тотъ судъ головный“ (въ изданіи XXV-ой книги Временника стр. 11—13). Въ этомъ артикулѣ совершенно одинаково охраняются закономъ засѣданія трибунала и сеймики, выбирающіе его судей. Ср. охрану закономъ засѣданій судовъ повѣтовыхъ — Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 279 и Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 91—94.

изъ нихъ, а затѣмъ „поховати“ въ своей квартирѣ „такъ ручницы, гаркабузы, яко и луки“. Съ ними нельзя ходить по городу, въ которомъ собрался трибунальскій сеймикъ, ни днемъ, ни ночью и стрѣлять изъ нихъ тутъ воспрещено. Если кто-нибудь ранить „кого якою стрельбою“ въ это время, онъ подлежить смертной казни. Кто станетъ ходить съ огнестрѣльнымъ оружіемъ по городу во время дѣятельности громничнаго сеймика, тотъ подлежить наказанію штрафомъ въ двѣнадцать копѣ грошей, „не сходечы“ притомъ „отъ соймику“, т. е. безъ всякой судебной проволоочки. Взысканіе этого штрафа производится слѣдующимъ образомъ. Гродскій урядъ того повѣта, въ центрѣ котораго отправлялся громничныи сеймикъ, вызываетъ провинившагося своею повѣсткою, „позвомъ“, на судебное засѣданіе черезъ двѣ недѣли, и это засѣданіе будетъ „рокомъ завитымъ“, т. е. такимъ, на которомъ рѣшеніе дѣла не можетъ быть отложено. На этомъ судебномъ засѣданіи „заразомъ, не спускаючи з мѣста“, если вызванный на судъ явится, съ него взыскивается его „вина“; если же онъ на судъ не явится, то эта „вина“ взыскивается на его имѣніи „кромъ впелякое фольгки“. Кто не допуститъ гродскому уряду „отправы“, т. е. взысканія этого штрафа на своемъ имѣніи, тотъ подлежить уплатѣ его въ двойномъ размѣрѣ¹⁾.

Трибуналь, или „судъ головной“, Великаго Княжества Литовскаго²⁾ замѣнилъ собою судъ господарскій въ большинствѣ дѣлъ, которыя раньше шли въ этотъ послѣдній. Судъ господаря сохранилъ за собою лишь „артыкулы, маистатови и зверьхности“ господаря „належачы, то есть

1) О взысканіи съ нежелающаго подчиниться приговору, притомъ предвидя возможность упорнаго характера этого нежеланія, говоритъ артикуль „Отправа таковыхъ судовъ въ речахъ осужоныхъ“ (по изданію XXV-ой книги Временника, стр. 17—21). Къ этому артикулу отсылаетъ и артикуль подъ заглавіемъ „Способъ безопасности соймиковъ на обирање тыхъ судей и порядковъ прихоженья передъ тотъ судъ головной“.

2) О происхожденіи и учрежденіи трибунала Великаго Княжества Литовскаго см. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 181—189 и М. Н. Ясинскій, Главный Литовскій Трибуналь, его происхожденіе, организація и компетенція (Выпускъ первый. Происхожденіе Гл. Лит. Трибунала. Киевъ 1901). См. также разборъ послѣдняго труда, составленный М. Ф. Владимірскимъ - Вудановымъ — Отчетъ о присужденіи премій П. Н. Ватюшкова, стр. 91—148 (СПБ. 1904).

въ речахъ таковыхъ кривавыхъ, кому бы шло заразомъ о горло“, также „о почстивость“ и, наконецъ, „справы, столу и скарбу“ господарскимъ „належачне“, и дѣла „добръ“ его, которыя остаются въ вѣдѣнїи господарскаго суда „подлѣ статуту“. Конечно господарскому же суду должны подлежать по прежнему, на основанїи Литовскаго статута, и апелляціи отъ суда комиссаровъ, назначаемихъ господаремъ для разбора отдѣльныхъ дѣлъ¹⁾. Всѣ остальные дѣла, которыми такъ обремененъ былъ раньше господарскїй дворный или „задворный“ судъ, отошли отъ него къ трибуналу, т. е. къ суду трибуналистовъ, избираемыхъ ежегодно на громничныхъ повѣтовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго. „Передъ нами, судьями головными, на трибуналъ у Великому Кн[я]зствѣ Литовскомъ з воеводство и поветовъ на сесь рокъ осмдесять шостый обраными“, — читаемъ въ началѣ одной выписи „съ книгъ справъ судовъ головныхъ трибунальныхъ, отправованныхъ у Вилни“²⁾.

1) Артикуль подъ заглавіемъ „Што судити мають“ (по изданію въ XXV-ой книгѣ Временника стр. 7—8).

2) Описаніе Рук. Отд. Вил. Публ. Библ., вып. V, Приложенія, стр. 38. Акты и декреты трибунала Великаго Княжества Литовскаго напечатаны въ XI, XII, XIII и XV томахъ Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Но документы, изданные въ этихъ томахъ Виленскаго изданія, заимствованы изъ книгъ трибунала, составленныхъ лишь въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (ср. Н. Горбачевскій, Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ губерній Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской Вильна 1872, стр. 1—72). Для болѣе ранняго времени мы не имѣемъ изданнаго собранія актовъ трибунала, и отдѣльные документы, говорящіе объ его дѣятельности, разбросаны въ различныхъ изданіяхъ и рукописныхъ собраніяхъ, нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{68}$ л. л. 245 об. — 246 („Отослане до суду трибунальского справы Василя Чапли и потомковъ Крыштофа Корнеля съ паномъ Крыштофомъ Садовскимъ и малжонкою его“; дата: Варшава, 2 декабря 1582 года), А. Вил. I, стр. 239 (1583 г.), Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. л. 198—198 об. („Декретъ пановъ Шукъштовъ з Петромъ Лавриновичомъ, братомъ ихъ стрычьнымъ, о невыделенъе части именья Опитолоцького“ — этотъ декретъ упоминаетъ предшествующее ему „всказанъе трибунальское“; самый декретъ постановили 6 ноября 1586 года въ Городнѣ подканцлеръ Княжества, староста Слонимскій, державца Марковскій и Мядельскій, панъ Левъ Сапега и при немъ господарскіе писари Княжества и дворные урядники, „на отпраповане судовъ“ господарскихъ „высажонные“), Лит.

Аренги далеко не всегда могут считаться отраженіемъ дѣйствительнаго настроенія и убѣжденій. Но онѣ хорошо обрисовываютъ ту духовную атмосферу, въ которой долженъ былъ находиться князь; совокупность аренгъ даетъ возможность понять, что собственно внушали князю духовныя лица.

Придумывалъ ли аренгу въ княжеской грамотѣ нотарій (временный или постоянный) или самъ князь давалъ идею, — это разузнать для каждаго отдѣльнаго случая невозможно и не представляетъ особой нужды. Если аренда исходитъ отъ князя, то, конечно, князь не столько говоритъ отъ собственнаго измышленія, сколько высказываетъ то, что ему раньше внушаемо было пастырями. Если авторъ аренги — нотарій, то актъ и былъ бы однимъ изъ случаевъ и способовъ такого внушенія: нотарій былъ лицомъ духовнымъ.

Что касается грамоты отъ имени духовныхъ лицъ и учреждений, то понятно, что тамъ и мысль и ея внѣшнее выраженіе и приложеніе къ опредѣленному акту — исключительно церковнаго происхожденія.

Такъ какъ грамоты составлялись главнымъ образомъ по случаю перехода имущества отъ одного лица къ другому, то естественно, что въ арендахъ полнѣе всего представлено ученіе тогдашняго поморскаго духовенства объ имуществѣ. Это ученіе разбросано въ сотняхъ грамотъ. Тамъ есть мысли и наставленія о томъ, а) что такое мірское богатство, б) есть ли надобность въ немъ среди свѣтскихъ людей, в) есть ли въ немъ надобность среди духовенства, г) должны ли свѣтскіе люди передавать свое имущество духовенству и церкви и, наконецъ, д) выгодна ли для жертвователей такая передача.

а) Имущество, мірскія блага сами по себѣ преходящи и суетны¹⁾. Не можетъ быть „никакого сравненія небеснаго царства съ вещами преходящими“²⁾.

б) Если такъ, то понятно, что міряне не должны прилѣ-

1) Гр. Барнима отъ 1276 г. (Pomm. Urk., II, № 1032—1033, p. 324): Cum teste scriptura cuncta sub sole transeant, diuicie, fastus et gloria, et uanitati subjaceant vniuersa, hoc solum iudicauimus vtilius inter omnia, si terrenis celestia et transitoriis contrahamus eterna.

2) Гр. княгини Ингарды около 1220—1222 г. С. Р. Д., № 162, p. 377—378; Pomm. Urk., I, № 201, p. 146.

пляться къ мамонѣ. Только „ослѣпленное безразсудство“ не соображаетъ, „что мы въ этотъ міръ ничего не приносимъ и, несомнѣнно, изъ этого міра и унести ничего не можемъ“¹⁾.

в) Однако, есть люди, которымъ мірское имущество необходимо. Это — монахи и вообще духовныя лица. Собственно „они презрѣли цвѣтушій міръ съ его страстями — изъ-за любви ко Христу“²⁾, „отказались отъ всѣхъ мірскихъ утѣхъ“³⁾, „попрали все мірское“⁴⁾ и „прилѣпились только къ одному Господу“⁵⁾.

При всемъ томъ, мірское имущество имъ очень нужно, прямо необходимо. Если они имѣютъ въ своемъ распоряженіи матеріальныя средства (населенныя имѣнія, доходы и т. п.), то они „съ большею живостію“⁶⁾ и „охотнѣе прилѣпляются къ созерцанію небесныхъ предметовъ“⁷⁾. Благодаря матеріальному достатку, духовныя лица „предаются хваламъ Божиимъ свободно“⁸⁾, „спо-

1) Гр. Ингарды отъ 1220 г. (С. Р. Д., № 129, р. 296—297; Pomm. Urk., I, № 200, р. 145—146): *Humane fragilitatis obsecata temeritas illud mentis aspectui non (proponit) . quod nichil intulimus in hunc mundum . haut dubium quia nec auferre quid possumus ab hoc mundo.*

Гр. Ингарды около 1219—1220 г. (С. Р. Д., № 136, р. 323; Pomm. Urk., I, № 197, р. 142—143): *humane condicionis fragilitas . semper prona in malum . res transitorias nimio amplectitur appetitu . tanquam hoc instabile seculum relictura omnia sit secum tractura . non attendens quam nudi venimus in hunc mundum.*

2) Гр. Барнима отъ 1250 г. (С. Р. Д., № 437, р. 892): *nos considerantes pium esse indigentibus subuenire . illis quidem precipue . qui ob amorem Christi mundum florentem cum suis concupiscentiis despexerunt . sub monastice religionis habitu crucem domini bajulantes — contulimus.*

3) Гр. Барнима отъ 1241 г. (С. Р. Д., № 298, р. 637; Pomm. Urk., I, № 385, р. 310): *expedit anime saluti . ut magis hiis erogetur . qui omnibus hujus mundi deliciis abdicarunt . et domino soli adhererunt . — Такъ же гр. Барнима отъ 1255 г. Pomm. Urk., II, № 610, р. 23.*

4) Гр. Барнима отъ 1261 г. (Pomm. Urk., II, № 702, р. 81): *Religionis uitam eligentibus eo solerciori cura conuenit contra omnia, quae ipsis officere possunt subuenire, quo calcatis omnibus rebus mundialibus simul et voluptatibus spretis jugo se domini perpetuis temporibus subdiderunt .*

5) См. выше, прим. 3.

6) Гр. Богуслава I Гробскому монастырю отъ 1177 г. (С. Р. Д., № 43, р. 106; Pomm. Urk., I, № 72, р. 45—47): *ut liberius et alacrius deo vacarent.*

7) Гр. Барнима Гробскому монастырю отъ 1254 г. (Pomm. Urk., II, № 595, р. 10): *ut canonici ibidem domino seruientes — temporalibus adiuti subsidiis contemplacioni celestium propensius ualeant inherere.*

8) Гр. еп. Германа отъ 1267 г. (Pomm. Urk., II, № 829, р. 170): *quatinus persone in eis (ecclesiis) institute et instituende absque rerum*

койно“¹⁾, „увѣренно“, „рачительно“²⁾, „съ бѣльшимъ расположеніемъ“³⁾.

Но недостатокъ имущества и матеріальныхъ доходовъ производитъ крайне вредныя послѣдствія. Усердіе духовныхъ лицъ въ отправленіи божественныхъ обязанностей, охлаждается⁴⁾; не имѣя матеріальнаго достатка, они „отстраняются отъ священной службы“⁵⁾ и подумываютъ объ отказѣ отъ священ-

defectu temporalium diuinis laudibus liberius valeant inherere. — Грамоты Барнима: а) отъ 1256 г. (Pomm. Urk., II, № 624, p. 32): nostra interest deo dicatis ecclesiis et personis religiosis per subuencionem rerum spiritualium (? temporalium?) sic adesse, ut laudationi omnium conditoris valeant liberius inherere . б) отъ 1267 г. (Pomm. Urk., II, № 834, p. 174): Quanto malignorum insultibus contra vitam religiosam tenentes uia est promptior ad nocendum, tanto maiori cura et sollicitudine eis oportet preuideri, quatinus paci (!) et tranquillitate debita gaudentes diuinis laudibus ualeant liberius insistere . в) отъ 1270 г. (Pomm. Urk., II, № 925, p. 243): nostra interest personis religiosis . — — per subuentionem temporalium sic adesse, ut absque defectu rerum mundanarum deo omnipotenti ualeant liberius famulari . г) отъ 1276 г. (Pomm. Urk., II, № 1037, p. 327): ad nostre pertinet curationis dignitatem deo dicatis ecclesiis et personis religiosis sic adesse, ut rebus temporalibus locupletarentur, quod laudacioni omnium creatoris valeant liberius inherere . д) отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1056, p. 342): ad nostre pertinet sollicitudinis dignitatem , deo dicatis ecclesiis et personis religiosis per subuentionem rerum temporalium sic adesse ut laudibus saluatoris ualeant liberius inhaerere . е) отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1059, p. 344): donationes — — deo dicatis ecclesiis et uiris religiosis a principibus tribuuntur, ut ipsorum conditio emendetur ad insistendum liberius laudibus omnium conditoris .

1) См. предшествующее примѣчаніе подъ буквою б.

2) Гр. Казимира II отъ 1216 г. (C. P. D., № 105, p. 243): ut cum idem viri spirituales ad conquirendam vite procuracionem non coguntur exterius laborare . interius cum maiori securitate et sollicitius deum pro fidelibus habeant exoratum .

3) Гр. Вартислава III отъ 1255 г. (Pomm. Urk., II, № 615, p. 26): Religiosam uitam — — agentibus et professis nostrum conuenit auxilium non deesse, (ut) temporalibus subsidiis aduti familiarius et quietius domino famulentur .

4) Гр. Барнима отъ 1261 г. (Pomm. Urk., II, № 702, p. 81): conuenit — — ne si aliquod obstaculum seu impedimentum quoad suae sustentationis necessitatem praestitum fuerit eisdem (religiosam vitam eligentibus) minus libere minusque ardentem propter defectum necessariorum diuinis valeant officiis interesse.

5) Гр. Барнима отъ 1266 г. (Pomm. Urk., II, № 806, p. 151—152): nostra interest — — deo dicatis ecclesiis et earum ministris taliter providere ne cuiuslibet temeritatis impulsu patientes temporalium detrimenta a sacro ministerio euellantur .

ныхъ обѣтовъ¹⁾; недостатокъ матеріальныхъ доходовъ можетъ служить при этомъ извиненіемъ. Надо пресѣчь такую возможность и — снабдить ихъ достаточными матеріальными средствами²⁾. — Вообще, всякая мысль или стремленіе убавить средства духовенства должны быть признаны безразсудными³⁾.

Итакъ, міряне обязаны пренебрегать богатствами, а духовнымъ лицамъ, въ частности — монахамъ, необходимы достаточныя матеріальныя средства; оба эти положенія приводятъ къ третьему и самому главному положенію, которое на десятки ладовъ варьируется во множествѣ грамотъ.

г) Состоить оно въ слѣдующемъ: міряне, и въ особенности — высокопоставленные, должны усердно и безъ колебаній передавать свои имущества духовенству, церкви. Одареніе духовныхъ лицъ мірскимъ имуществомъ — прежде всего обязанность князя: онъ превознесенъ надъ прочимъ свѣтскимъ людомъ, имѣетъ надъ нимъ власть и богатъ. И простое чувство благодарности Богу за себя и за свой народъ, омытый крещеніемъ, должно побудить князя жертвовать мірскія блага Божіимъ слугамъ. Клирики и монахи должны быть окружены преимущественнымъ попеченіемъ: князь обязанъ заботиться объ ихъ удобствахъ и покоѣ, и вообще о церкви, дарить имѣнія⁴⁾ и т. п.

1) Гр. Вартислава III отъ 1255 г. (Pomm. Urk., II, № 615, p. 26): *Religiosam vitam — agentibus et professis nostrum conuenit auxilium non deesse, ne propter defectum rerum temporalium a sanctae religionis proposito respiscant.*

Гр. Барнима отъ 1264 г. (Pomm. Urk., II, № 762, p. 122): *Religiosam vitam — agentibus et professis nostrum conuenit auxilium non deesse, ne propter defectum rerum temporalium a sanctae religionis proposito respiscant.*

2) Гр. Богуслава I Гробскому монастырю отъ 1177 г. (C. P. D., № 42, p. 106): *de hauerbergensi ecclesia viros . disciplinam beati Augustini secundum traditionem ewangelicam profitentes . acquisiuimus . locoque pre-taxato imposuimus . Quibus etiam ut liberius et alacrius deo vacarent . si de temporalium subsidiorum penuria quod causarentur minus haberent . ad prenominata predecessoris nostri beneficia . etiam de nostris adjecimus .*

3) См. примѣчаніе 5 на страницѣ 163.

4) Гр. Казимира I Каминской Ивановской церкви отъ 1176 г. (C. P. D., № 41, p. 101. Pomm. Urk., I, № 70, p. 43—45): *Cogitantes itaque ut pro tanta gracia aliquid retribuamus domino . pro omnibus que retribuit nobis . ipsi volumus deuote id quod possumus obsequium exhibere . ministros eius qui in hoc mundo ipsius beneplacitum exequuntur . et in ipsius seruicio perseverant . concessis nobis a Deo temporalibus . honorando ipsosque pa-*

Разумѣется, не одинъ князь долженъ былъ жертвовать, а и всѣ, имѣющіе къ тому возможность. Какихъ-либо предѣловъ пожертвованія не указывается; не бѣда, если жертвователю обнищаетъ отъ своей щедрости по отношенію къ церкви: вѣдь не можетъ быть никакого сравненія небеснаго царства съ вещами преходящими¹⁾.

terne fouendo . ut absque turbacione et defectu aliquo sum ministerium exequantur .

Гр. Богуслава II около 1202—1208 г. (С. Р. Д., № 81, p. 194; Pomm. Urk., I, № 141, p. 106): In quantum Deo largiente sufficimus bonorum omnium . maxime vero arctam pro Deo viam ambulantium . paci et tranquillitati prouidere . satagimus quatinus eorum meritis clementem erga nos Deum habere valeamus.

Гр. Казимира II отъ 1216 г. (С. Р. Д., № 105, p. 243): quia mundus in maligno positus est . et non est qui faciat bonum . sed quam plures sint . qui ecclesiam dei et maxime viros ecclesiasticos persecuntur . congruum est . ut principes populorum — — non solum uineam domini a uulpeculis tueantur . sed eos qui eiusdem uinee sunt cultores et diuino seruitio specialiter sunt addicti de rerum suarum habundantia temporalibus sustineant alimentis . ut . cum idem uiri spirituales ad conquirendam uite procuracionem non coguntur exterius laborare . interius cum maiori securitate et sollicitius deum pro fidelibus habeant exoratum .

Гр. Анастасія отъ 1220 г. (С. Р. Д., № 138, p. 330—331; Pomm. Urk., I, № 199, p. 145): per diversa sacre legis instituta . nec non per innumeras sanctorum patrum instrucciones . ad sedulam divine majestatis veneracionem inducimur . inter singula speciali admonicione compellimur ad eminentem sancte ecclesie ornatum summa mentis deuocione ex possibilitate humane condicionis insudare et eam quasi matrem nostram speciali filiali dilectione prediis et honoribus ad temporalem sustentacionem ministrorum suorum pertinentibus ampliare .

Гр. Барнима отъ 1250 г. (С. Р. Д., № 437, p. 892): nos considerantes pium esse indigentibus subuenire . illis quidem precipue . qui ob amorem Christi mundum florentem cum suis concupiscentiis despexerunt . sub monastice religionis habitu crucem domini bajulantes — — contulimus sororibus penitentibus in Prinslawe .

Гр. Барнима отъ 1254 г. (Pomm. Urk., II, № 595, p. 10): nos preuiu deliberacionis consilio — — ut canonici ibidem (in Grobe) domino seruientes — — temporalibus adjuti subsidiis contemplacioni celestium propensius valeant inherere , — — donauimus .

Гр. Барнима отъ 1267 г. (Pomm. Urk., II, № 834, p. 174): Quanto malignorum insultibus contra uitam religiosam tenentes uia est promptior ad nocendum , tanto maiori cura et sollicitudine eis oportet prouideri .

На обязанность князя заботиться о духовныхъ лицахъ и церкви называютъ, кромѣ того, грамоты (въ кодексѣ Гассельбаха-Козегартена:) № 490 (въ сборникѣ грамотъ:) 156, 922, 926, 938, 941, 958, 972, 1072, 1084 и др.

1) Гр. Ингарды около 1220—1222 г. (С. Р. Д., № 162, p. 377—378; Pomm. Urk., I, № 201, p. 146): Cum omnium uota credentium in eo debeant esse de-

Снабженіе духовныхъ лицъ и церкви матеріальными средствами, по смыслу аренгъ, есть та милостыня, которая заповѣдана Евангеліемъ и которая составляетъ великую заслугу. Слово „*elemosyna*“ уже внѣ Поморья стало нѣсколько специализироваться, обозначая иногда церковныя владѣнія. Въ такомъ смыслѣ, въ смыслѣ имѣній, уже находящихся въ распоряженіи церкви, независимо отъ способа ихъ приобрѣтенія, слово *elemosina* въ поморскихъ грамотахъ того времени, повидимому, не встрѣчается.

Въ понятіи „*elemosina*“, какъ его употребляютъ поморскія грамоты, вполне сохранился еще моментъ передачи имущества. Въ то же самое время въ этомъ понятіи ощущаются два признака: одинъ — въ отношеніи къ дающему и другой — въ отношеніи къ одаряемому.

Первый признакъ, согласно съ евангельскимъ и даже классическимъ значеніемъ, указываетъ на добровольное и безмездное отчужденіе имущества, какъ слѣдствіе добрыхъ чувствъ дарителя. По смыслу второго признака, въ роли одаряемаго (какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ) неизмѣнно выступаетъ духовенство и церковь. Собственно въ теоретическихъ разсужденіяхъ грамотъ въ понятіи *elemosina* этотъ второй признакъ не всегда сразу замѣтенъ, и *elemosina* какъ будто имѣетъ значеніе вообще милостыни.

Но когда разсужденіе дѣлается подробнѣе и когда отъ общей мысли переходятъ къ приложеніямъ ея и осуществленію, то *elemosina* оказывается пожертвованіемъ духовенству или церкви. Съ такимъ значеніемъ употребляется слово *elemosina* въ княжескихъ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ: Гробскому¹⁾, Кольбацкому²⁾,

fixa . ut per elemosinarum largitionem . seu bonorum operum incrementum . cotidiana scelera . quibus implicantur . quantum diuina clementia permiserit expientur . magni non debet ab aliquo estimari . si quis terrenis hereditatibus imminutis . necessitate aliqua seu rerum inopia se premente . celestis regni . cuius nulla est comparatio cum rebus transitoriis . premium consequatur .

1) Гр. Богуслава II отъ 1219 г. (С. Р. Д., № 125, р. 280): *Ego — attendens quod in largitione elemosinarum peccati rubigo consumitur immoderata . ecclesie beate Marie virginis et s. Godeardi in Grob constitute villam B . — — contuli .*

2) Гр. Барнима отъ 1241 г. (С. Р. Д., № 298, р. 637): *Quia igitur ex largitione elemosinarum . diuina pagina protestante . rubigo facinorum consumitur et deletur . expedit anime saluti . vt magis hys erogetur qui se omnibus huius mundi deliciis abdicarunt .*

Даргунскому¹⁾, Доберанскому²⁾, Трептовскому³⁾, Столпскому⁴⁾, и церквамъ : св. Мартина въ Польховѣ⁵⁾ и Кольбергской Маріинской⁶⁾.

Понятіе „*elemosina*“, благодаря второму признаку, нѣсколько видоизмѣнялось сравнительно съ первоначальнымъ и основнымъ значеніемъ. Однако это послѣднее значеніе не могло быть забыто : о немъ постоянно напоминало Евангеліе и Дѣянія апостольскія ; нѣсколько мѣстъ въ этихъ книгахъ придаютъ слову *elemosina* значеніе милостыни. Поэтому одаряемымъ лицомъ долженъ являться бѣднякъ, нуждающійся, нищій.

1) Гр. Казимира II отъ 1219 г. (С. Р. Д., № 128, р. 291) : *Cupientes elemosinam patrum nostri — uidelicet Dargun cum omnibus assignatis inconuulsam perpetuo conseruari — fratribus (in Dargun) . — sicut idem patruus noster contulit . ita et nos conferimus — et discernimus — terminos . intra quos eadem nostra elemosina conclusa continetur . Ea propter in domino nos rogamus . ut — non patiamini prefatam elemosinam nostram ab aliquo — imminui . — Гр. княгини Ингарды около 1220—1222 г. (С. Р. Д., № 162, р. 378 ; Pomm. Urk., I, № 201, р. 146) : *per elemosinarum largitionem — cotidiana scelera — expientur . — Гр. Варцислава III отъ 1248 г. (С. Р. Д., № 384, р. 781).**

2) Гр. Варцислава III отъ 1232 г. (С. Р. Д., № 197, р. 443) : *progenitorum nostrorum pia opera in elemosinarum largitione considerantes — contulimus — fratribus in Doberan.*

3) Гр. Казимира I Трептовскому (на рѣкѣ Регѣ) монастырю отъ 1180 г. (С. Р. Д., № 29, р. 70 ; Pomm. Urk., I, № 84, р. 58—59) : *fratribus ecclesie s. Trinitatis in Lundis in terram nostram venientibus dedi in perpetuam elemosinam vndecim villas juxta Regam fluium sitas .*

Гр. княгини Анастасія отъ 1224 г. (С. Р. Д., № 148, р. 351) : *si quis spe tendit ad patriam supercelestem . agros cordis sui — elemosinis et bonis operibus insudando . non negligat — sulcare . — ego dignum duxi de — consilio — abbatis in Belbog — domum ancillarum Christi in dote mea — edificare .*

4) Гр. Барнима отъ 1235 г. (С. Р. Д., № 223, р. 489) : *nullo modo volens collationes elemosinarum nostrorum infirmare antecessorum vel minuire . immo auementare potius et firmare.*

5) Гр. Варцислава III отъ 1228 г. (С. Р. Д., № 171, р. 392) : *Quoniam inter opera karitatis largitio elemosinarum precipuum locum noscitur optinere . summopere nobis studendum est . ut — elemosinarum largitionibus — crimina diluere satagamus . — Itaque uillam — deo et predictae ecclesie — ir retractabiliter contulimus .*

6) Гр. Ингарды около 1219—1220 г. (С. Р. Д., № 136, р. 323 ; Pomm. Urk., I, № 197, р. 142) : *Ego siquidem considerans pium esse . deum pro mortuis exorare . et quia largicio elemosynarum ipsi nichilominus sit accepta . pro anima mariti mei domini Kazimari felicitis recordacionis ecclesie b. Marie — tres villas — contuli.*

Составители грамотъ сумѣли примирить прежнее и новое значеніе: въ роли бѣдныхъ, нуждающихся и нищихъ выступили духовныя лица.

Выраженіе: „pauperes Christi“ уже специализировалось въ Поморья въ приложеніи къ бенедиктинцамъ и іоаннитамъ. Но поморскимъ грамотамъ такое значеніе этихъ двухъ словъ неизвѣстно. Собственно говоря, выраженіе pauperes Christi употреблено, между прочимъ, дѣйствительно, въ одной грамотѣ для бенедиктинскаго монастыря и въ одной — для іоаннитовъ. Однако въ первой грамотѣ подь „Христовыми нищими“ можетъ подразумѣваться духовенство вообще (какъ и въ грамотѣ, напр., премонстрантамъ), а въ другой — безспорно подразумѣваются подлинныя нищія¹⁾.

Значить, обычный смыслъ (съ признакомъ дѣйствительной нищеты) трактуемаго выраженія не утрачивался даже тогда, когда этого можно было ожидать скорѣе всего. Тѣмъ большее значеніе приобретаетъ то обстоятельство, что духовныя лица употребляютъ термины „бѣдный“, „нищій“, „нужда“ и т. п., для собственной характеристики.

Если бы термины: „нищій Христовъ“, „бѣдный“, „милостыня“ и т. п. окончательно специализировались въ приложеніи къ опредѣленной корпораціи, на подобіе, напр., „храмовниковъ“, „каменщиковъ“ (масоновъ), то было бы для всѣхъ ясно уже и тогда, что отъ „нищеты“ и „милостыни“ остается въ этой корпораціи такой же мнѣ, какъ и отъ „Соломонова храма“ и его „строителей-каменщиковъ“.

Термины „нищія Христовы“, „милостыня“ и т. п., съ точки зрѣнія составителей грамотъ, не должны были въ Поморья производить мнѣического впечатлѣнія. Коренное и настоящее значеніе этихъ выраженій не утрачивалось. Единственное новое, что происходило, заключалось въ примѣненіи этихъ терминовъ къ монахамъ и клирикамъ различныхъ орденовъ и къ жертвуемымъ для нихъ имѣніямъ. Такимъ способомъ духовныя лица перехватывали тѣ своеобразныя преимущества, которыя были удѣломъ

1) Гр. Барнима Столпскому монастырю отъ 1233 г. (С. Р. Д., № 208, р. 463): nos animaduertentes . de mundi huius rebus transitoriiis ad futuri seculi beatitudinem nichil posse transferri . nisi quod ad honorem dei ecclesiiis et pauperibus christi fuerit erogatum . ecclesiam Ztolpensem — — diligenter cupimus adiuuare .

Гр. Барнима и его матеря іоаннитамъ отъ 1229 г. (С. Р. Д., № 177, р. 406): fratres domus hospitalis sancti Johannis baptiste . qui — — christi pauperibus et infirmis multimodum impendunt corporis solatium .

подлинныхъ нищихъ, не находясь, однако, въ дѣйствительномъ положеніи этихъ послѣднихъ.

Въ роли „Христовыхъ нищихъ“ выступаютъ монахи бамбергскіе Михельбергскіе ¹⁾, Доберанскіе ²⁾, Гробскіе ³⁾, Эльденскіе ⁴⁾. „Нуждающимися“ представлялись монахини Пренцлавскаго женскаго монастыря ⁵⁾, въ состояніи „нужды“ — Кольбацкій монастырь ⁶⁾, въ состояніи даже „нищенской нужды“ — Даргунскій монастырь ⁷⁾. „Бѣдность“ терпѣлъ также и Штетинскій женскій монастырь ⁸⁾.

1) Гр. еп. Зигвина Бамбергскому Михельбергскому монастырю отъ 1191 г. (Pomm. Urk., I, № 119, p. 92): dominus Sigifridus — — consecrauit — — ecclesiam sancti Jacobi apostoli, fabricatam a quodam fidei Teutonico, Beringero appellato, adjutorio et consensu domini Boguzlai ducis, qui etiam omne beneficium ejusdem Beringeri, quo ab eo bene ditatus fuit, totum in dotem ejusdem ecclesie contulit ad subsidium pauperum Christi ordine monachico illic degentium.

2) Гр. еп. Конрада III Доберанскому монастырю отъ 1235 г. (C. P. D., № 226, p. 500): Si enim pauperibus Christi . in domo eius die noctuque divino famulatu jugiter mancipatis . aliquam episcopalium reddituum porciunculam — — contulerimus . id nobis et ad presens vite tranquillitatem . et ad future sempiternam requiem . profuturum nullatenus dubitamus .

3) Гр. Казимира I Гробскому монастырю отъ 1175 г. (C. P. D., № 37, p. 94—95): sicut ex commonitione religiosorum uirorum sepius intellexi . inter omnia huius mundi bona . ea solum hominum saluti profutura animaduerti . que uel in usus ecclesiarum . uel in sustentationem pauperum Christi . liberaliter erogantur . — Гр. Богуслава II и Казимира II отъ 1216 г. (C. P. D., № 106, p. 245—246; Pomm. Urk., I, № 170, p. 128): sicut commonitione religiosorum virorum sepe intelleximus inter omnia huius mundi bona ea solum hominum saluti profutura animadvertimus . que vel in vsus ecclesiarum vel in sustentationem pauperum Christi liberaliter erogantur . Ea propter ecclesie Grobensi — — conferre — — decreuimus .

4) Гр. Богуслава II отъ 1218 г. (C. P. D., № 118, p. 270—271): Quod igitur pro sustentacione pauperum Christi pie a nobis factum est . firmum et inconuulsum haberi uolumus . — Такъ же и гр. Казимира II отъ 1219 г. (C. P. D., № 126, p. 281—282; Pomm. Urk., I, № 190, p. 138—139).

5) Гр. Барнима отъ 1250 г. (C. P. D., № 437, p. 892): nos considerantes piwm esse indigentibus subuenire — — contulimus .

6) Гр. Барнима Кольбацкому монастырю отъ 1255 г. (Pomm. Urk., II, № 608, p. 21): argumento dignum est , ut quorum sentimus spiritualibus refectionis affluentiam eorum subueniamus indigencie .

7) Гр. Варгислава III отъ 1248 г. (C. P. D., № 384, p. 783): inspecta diligentius regularis obedientie districtione et paupertatis inopia eisdem fratribus de Dargun . pro compassionis beneficio contulimus in jus proprietatis .

8) Гр. Варгислава III отъ 1260 г. (Pomm. Urk., II, № 689, p. 72):

Не обо всѣхъ монастырскихъ имуществахъ сохранились подробныя свѣдѣнія. Очень многое, однако, сохранилось и совсѣмъ не подтверждаетъ подобныхъ заявленій, жалобъ и представлений. Кольбацкій, напр., монастырь былъ очень богатымъ учрежденіемъ. Однихъ только деревень со всѣми принадлежностями и иммунитетными правами, по одному изъ прежнихъ, далеко не полныхъ списковъ¹⁾, было свыше тридцати. Кромѣ того, въ полномъ распоряженіи монастыря были въ обиліи другія недвижимости — земли, лѣса, воды, были разныя статьи доходовъ: корчмы, рынки, солеварни, мельницы, церковныя десятины, данныя княземъ денежныя доходы и т. п.; монастырь этотъ былъ освобожденъ по всей странѣ отъ уплаты пошлинъ и т. д.²⁾ Обиліе плодовъ земныхъ у Кольбацкой братіи въ 1176 г. (въ первые же годы существованія монастыря) было такъ значительно, что уже тогда „для собиранія“ этихъ „ихъ плодовъ силъ братіи было недостаточно“³⁾. — Не многимъ уступалъ Кольбацкому монастырю въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія и Даргунскій монастырь⁴⁾.

Богатѣйшимъ монастыремъ былъ уже къ концу XII в. Гробскій монастырь. Ему принадлежало тогда не менѣе 27 деревень. Кромѣ того, онъ собиралъ денежные доходы съ восьми корчемъ, причемъ однѣ только корчмы въ Wanzlo и въ Grozsuuina давали ежегодно двадцать марокъ. Далѣе, онъ имѣлъ солеварню, рыбныя ловли въ

nos — — clastro sanctimonialium in Stettin ad releuandam earundem inopiam in littore maris de captura allecis sex marcas denariorum singulis annis duximus assignandas .

1) Гр. бранденбургскихъ маркграфовъ Кольбацкому монастырю отъ 1242 г. (С. Р. Д., № 312, р. 665—666; Pomm. Urk., I, № 404, р. 320—321).

2) Ср. P. Wehrmann, Kloster Kolbatz und die Germanisierung Pommerns. 1 Teil, Pyritz, 1905. На приложенной къ этому сочиненію картѣ наглядно представлено множество монастырскихъ имѣній.

3) Гр. Казимира I отъ 1176 г. (С. Р. Д., № 38, р. 96; Pomm. Urk., I, № 68, р. 42—43): Et quia fratres fruges proprias colligere non sufficiunt . colonos quotcunque ibi posuerint ab omni exactione — — liberos esse statuo . — Гр. Вогуслава I отъ 1181 г. (С. Р. Д., № 54, р. 130; Pomm. Urk., I, № 87, р. 67—68).

4) См. грамоты Даргунскаго монастыря. С. Р. Д., № 34, р. 86—87; № 35, р. 89; № 84, р. 202; № 105, р. 243—244; № 109, р. 256—257; № 110, р. 259; № 162, р. 378; № 153, р. 362—363; № 156, р. 369—370; № 163, р. 379; № 169, р. 390; № 170, р. 391; № 179, р. 411—412; № 194, р. 441; № 195, р. 442; № 230, р. 506; № 181, р. 415; № 261, р. 567; № 256, р. 559 и др. — Ср. A. Wiese, Die Cistercienser in Dargun von 1172 bis 1300. Ein Beitrag zur meklenburg-pommerschen Colonisationsgeschichte. Güstrow,

нѣсколькихъ мѣстахъ, мельницы; онъ собиралъ пошлыны (внѣ своихъ имѣній) деньгами и натурой, и т. д.

Не совсѣмъ правильно представлялось князю и матеріальное состояніе Штетинскаго женскаго монастыря: какъ показываютъ предшествующія грамоты, монастырь этотъ располагалъ немалымъ имуществомъ ¹⁾.

Затруднительно было бы найти признаки дѣйствительной нищеты и въ матеріальномъ состояніи Эльденскаго ²⁾ и другихъ упомянутыхъ монастырей.

Прикрываясь нищенскимъ плащомъ для привлеченія „милостыни“, духовныя лица не замедлили отнести къ себѣ же и то, что сказано въ Евангеліи о благодѣяніи „меньшимъ братьямъ Сына Человѣческаго“ ³⁾. Въ роли меньшихъ братьевъ фигурируютъ тѣ же монахи да клирики. „Матеріальныя средства далъ Богъ“, и если кто окажетъ матеріальную поддержку „слугамъ Бога“, „чтобы они безъ недостатка и затрудненій совершали свое служеніе“, то это онъ дѣлаетъ „какъ бы самому Богу“. Этотъ благодѣтель „со всѣми слугами Бога будетъ вознесенъ и посаженъ на горнемъ сѣдалищѣ, т. е. въ жизни вѣчной“ ⁴⁾.

1888. S. 28—55: Der Umfang des klösterlichen Besitzes innerhalb der meklenburgischen und pommerschen Landestheile.

1) Деревни, пруды, земли, церковныя десятины, данныя княземъ доходы денежныя и зерномъ, патронаты надъ церквами и т. д. Грамоты монастырю отъ 1243 г. до 1260 г.: С. Р. Д., № 320, р. 678; № 321, р. 681; № 465, р. 933; № 322, р. 682—683 (Pomm. Urk., I, № 416, р. 328); С. Р. Д., № 364, р. 747; Pomm. Urk., I, № 555, р. 433—435; С. Р. Д., № 487, р. 960—961; № 492, р. 967; Pomm. Urk., II, № 609, р. 22.

2) См. выше, стран. 159.

3) Evang. Matth., XXV, 40.

4) Гр. Казимира I Каминской церкви отъ 1176 г. (С. Р. Д., № 41, р. 101; Pomm. Urk., I, № 70, р. 43—45): Cogitantes itaque vt pro tanta gracia aliquid retribuamus domino . pro omnibus que retribuit nobis . ipsi volumus deuote id quod possumus obsequium exhibere . ministros eius qui in hoc mundo beneplacitum eius exequantur . et in ipsius seruicio perseuerant . concessis nobis a Deo temporalibus . honorando ipsosque paterne fouendo . vt absque turbacione et defectu aliquo suum ministerium exequantur .

Гр. Вартислава III доминиканцамъ отъ 1228 г. (С. Р. Д., № 278, р. 597; Pomm. Urk., I, № 253, р. 205—207): Scriptura sacra instruente didicimus . quod quicumque ministris dei aliquod beneficium temporale ob amorem celestis patrie impendit . tamquam ipsi deo impendisse dinoscitur . et in fine istius transeuntis seculi pro modico coram uniuersa celesti curia a retributore fideli deo commendatur . et cum omnibus deo ministrantibus in sede sublimi . hoc est in uita heterna . collocatus sublimatur . — Кроме

д) Такой результат даренія даетъ поводъ съ особою силою ставить мірянамъ на видъ всю выгоду передачи мірскихъ благъ духовнымъ лицамъ. Выгода — очевидна: жертвователь отдаетъ „земное“ и „преходящее“, а получаетъ „небесное“ и „вѣчное“. Это есть не иное что, какъ „счастливая торговая сдѣлка“¹⁾, потому что жертвователь получаетъ во много разъ болѣе того, что онъ даетъ²⁾, — онъ получаетъ „сторицею“³⁾.

Происходитъ эта сдѣлка такимъ образомъ.

У cadaго есть множество грѣховъ, которые препятствуютъ

выраженія: *ministri dei*, другое аналогичное обозначеніе монаховъ и клириковъ — *famuli Dei*. Гр. Барнима отъ 1248 г. *Pomm. Urk., VI. № 3932, p. 330.*

1) Гр. Варгислава III отъ 1232 г. (*C. P. D., № 198, p. 445*): *a Domino pro terrenis celestia et pro transitoriis recipiamus eterna.*

Гр. его же отъ 1228 г. (*C. P. D., № 170, p. 391*): *A Christo Christiani uocamur . cuius uocabuli plene participes erimus . si probabiliu virorum et uere Christianorum imitatores extiterimus . qui temporalia et ad momentum statere nutantia pro eternis et indefectiuis felici mercimonio commutarunt.*

Другая его гр. отъ 1228 г. (*C. P. D., № 171, p. 392*): *Quoniam inter opera karitatis largitio elemosinarum precipuum locum noscitur optinere . summopere nobis studendum est . ut — — elemosinarum largitionibus . — — crimina diluere satagamus . unde rebus transitoriis celestia mercari cupientes — — contulimus .*

Гр. Богуслава I отъ 1173 г. (*C. P. D., № 33, p. 84; Pomm. Urk., I, № 63, p. 38*): *celestis — — potestatis dinoscimur non obliti . ut ex temporaliter nobis collatorum fragilitate superne patrie studeamus ciuilitatem comparare.*

Гр. князя Славенскаго (terra Slaunensis) Ратибора іоаннитамъ отъ 1223 г. (*Pomm. Urk., I, № 215, p. 160*): *Ego — — rerum temporalium commercio uite aditum inuenire desiderans , fratribus domus prenotate villam — — contuli.*

Гр. Анастасія отъ 1235 г. (*C. P. D., № 221, p. 486*): *salubre iudicamus vt hiis que licet inviti tamen nichilominus relinquemus . rebus videlicet transitoriis . perhennia comparemus .*

Гр. Барнима отъ 1266 г. (*Pomm. Urk., II, № 796, p. 144*): *hoc solum inter omnia utilius iudicamus , si transitoria eternis et terrena celestibus commutentur .*

2) Гр. Барнима Бельбукскому монастырю отъ 1270 г. (*Pomm. Urk., II, № 916, p. 236*): *quicquid religiosis domibus uel monasteriis pie ac fideliter fuerit erogatum , ad donatorem multipliciter reuertetur .*

Гр. Барнима отъ 1270 г. (*Pomm. Urk., II, № 922, p. 241*): *nostra interest , uiris religiosis et deo dicatis ecclesiis sic adesse, vt ipsarum conditio emendetur et cum multiplicato fructu recipiamus meliora a bonorum omnium largitore .*

3) Гр. Барнима отъ 1270 г. (*Pomm. Urk., II, № 925, p. 243*): *nostra*

спасенію. Эти грѣхи необходимо загладить, уничтожить, и для этого есть у человѣка средство — добрыя дѣла. А „*между вѣтми добрыми дѣлами этого міра*“, — какъ „постоянно вразумляютъ монахи“ князей, — „*для спасенія людей полезно только то, что жертвуется или на пользу церквей или для матеріальной поддержки Христовыхъ нищихъ*“. Подъ „Христовыми нищими“, по ходу изложенія грамоты, подразумѣваются духовныя лица. Еще яснѣе о наученіи со стороны духовенства выражается Барнимъ. „*Духовныя лица насъ научаютъ*“, говоритъ онъ, „*что всякое наше пожертвованіе для матеріальной поддержки монаховъ идетъ на погашеніе грѣховъ нашихъ и предшественниковъ нашихъ, во оживленіе душъ и во спасеніе*“¹⁾. Отъ подобной поддержки и отъ дарованія льготъ зависятъ спасеніе душъ и преемниковъ жертво-

interest personis religiosis et deo dicatis ecclesiis per subuentionem temporalium sic adesse, ut absque defectu rerum mundanarum deo omnipotenti valeant liberius famulari, ut exinde centuplum recipere ualeamus.

1) Гр. Казимира отъ 1175 г. (С. Р. Д., № 37, р. 94—95): sicut ex commonitione religiosorum virorum sepius intellexi. inter omnia huius mundi bona. ea solum hominum saluti profutura animadverti. que uel in usus ecclesiarum. uel in sustentationem pauperum Christi. liberaliter erogantur. eapropter ecclesie grobensi — — beneficium conferre — decreui.

Гр. отъ 1216 г. (С. Р. Д., № 106, р. 245—246): Ego Boguzlaus et Kazimarus. duces slauorum. filii Boguzlai ducis. sicut commonitione religiosorum virorum sepe intelleximus inter omnia huius mundi bona. ea solum hominum saluti profutura animadvertimus. que vel in vsus ecclesiarum vel in sustentationem pauperum Christi liberaliter erogantur. Ea propter ecclesie Grobensi — — conferre — — decreuimus.

Гр. (подложная) отъ имени Барнима, отнесенная къ 1239 г. (С. Р. Д., № 271, р. 583; Pomm. Urk., I, № 365, р. 284—294): a uiris instruimur litteratis. quicquid in subsidium claustralium conferimus tum pro excessibus antecessorum. tum pro nostris. ap uegetationem animarum et salutem proueniat utrorumque.

Гр. Барнима отъ 1242 г. (С. Р. Д., № 313, р. 667): Sane siquidem cum. utpote a uiris. instruimur litteratis. quicquid in subsidium claustralium conferimus. tum pro excessibus antecessorum. tum pro nostris. ad uegetationem animarum et salutem proueniat vtrorumque.

Подобно этому и гр. Барнима отъ 1248 г. (Pomm. Urk., VI, № 3932, р. 330): nos — — propensius dei famulis nostri prerogativam amoris impendere affectamus, quia proinde nobis dei gratiam conciliamus et ad vitam proficimus sempiternam.

Гр. Барнима Кольбацкому монастырю отъ 1255 г. (Pomm. Urk., II, № 610, р. 23): expedit animarum saluti, vt magis hys erogentur, qui omnibus huius mundi deliciis abdicarunt et soli domino adhererunt.

вателя¹⁾; и вообще каждому человѣку такія пожертвованія нужно дѣлать для спасенія души²⁾.

Хотя заслуга отъ пожалованій церкви пропорціональна размѣрамъ этихъ пожалованій³⁾, но послѣдствія дареній, при условіи ихъ обилія, сказываются быстро и энергично: „ржа грѣховная быстро истребляется и уничтожается, по свидѣтельству Священнаго Писанія“⁴⁾; „пожаръ грѣховный погасаетъ подобно тому, какъ гаснетъ огонь отъ воды“⁵⁾. Даренія имѣютъ такія послѣдствія потому, что за дарителей ходатайствуютъ монахи; „черезъ нихъ мы и можемъ избѣгнуть осужденія“⁶⁾.

1) Гр. Казимира I Кольбацкому монастырю отъ 1176 г. (С. Р. Д., № 38, р. 96; Pomm. Urk., I, № 68, р. 42—43): colonos — — ab omni exactione — — abhinc et in omne tempus liberos esse statuo . meisque id successoribus . tam pro ipsorum quam pro mea salute obseruandum relinquo.

Гр. Богуслава I Кольбацкому монастырю отъ 1181 г. (С. Р. Д., № 54, р. 130; Pomm. Urk., I, № 87, р. 67—68): colonos — — ab omni exactione — — liberos esse statuit (Kazemarus) . suisque successoribus . tam pro ipsorum quam pro sua salute id obseruandum reliquit.

2) Кромѣ вышеприведенныхъ цитатъ, можно указать еще на слѣдующія: С. Р. Д., № 36, р. 91; № 51, р. 125; № 54, р. 130; № 82, р. 196; № 87, р. 207—208; № 125, р. 280; № 148, р. 351; № 313, р. 667; № 321, р. 680 и мн. др.

3) Гр. Вартислава III отъ 1243 г. (С. Р. Д., № 333, р. 711—712): libentissime — — eius ecclesiam . (in Verchin) que summi patris filii filia est et mater . nostro solatio duximus honorandam . ut quanto maiorem prerogatiuam obtinet apud deum . eo amplioem in oculis Ihesu Christi mereamur gratiam inuenire.

Подобно этому грамоты Вартислава III: а) отъ 1237 г. (С. Р. Д., № 354, р. 739), б) отъ 1245 г. (С. Р. Д., № 346, р. 728), в) отъ 1254 г. (Pomm. Urk., VI, № 4132, р. 439). — Гр. Барнима отъ 1264 г. (Pomm. Urk., II, № 763, р. 123).

4) Гр. Богуслава II отъ 1219 г. (С. Р. Д., № 125, р. 280; Pomm. Urk., I, № 196, р. 141—142): Ego — — attendens quod in largitione elemosinarum peccati rubigo consumitur immoderata . ecclesie — — in Grob — — contuli . — Гр. Барнима отъ 1241 г. (С. Р. Д., № 298, р. 637): ex largitione elemosinarum . diuina pagina protestante . rubigo facinorum consumitur et deletur . — Такъ же Pomm. Urk., II, № 610, р. 23. — Неизвѣстно, какое мѣсто въ Св. Писаніи подразумѣваютъ монахи.

5) Гр. княгини Мирославы отъ 1229 г. (С. Р. Д., № 401, р. 839; Pomm. Urk., I, № 256, р. 208—209): sicut aqua ignem ita elemosina extinguit incendia peccatorum .

6) Гр. Богуслава I отъ 1173 г. (С. Р. Д., № 33, р. 84): dum eos (viros religiosos in Colbas) temporalis munimus clipeo defensionis . per ipsos possumus euadere iudicium dampnationis . Quapropter possessiones quas nostra

Понятно, что надо всячески стараться о томъ, чтобы въ монахахъ и вообще духовныхъ лицахъ приобрести себѣ друзей. А эти друзья, „по Евангелію, приобретаются отъ мамы неправедной“. Поэтому на тѣ мірскія блага, которыя намъ даны Богомъ, для своего спасенія мы должны подготовить себѣ друзей изъ состава духовныхъ лицъ¹⁾.

„Сопоставляя великое съ малымъ и возвышенное съ низменнымъ“, замѣчаетъ князь Богуславъ I, „я такъ думаю. Когда кто-либо изъ народа собирается возбудить дѣло передъ нами, — а мы являемся высокопоставленными по сравненію съ прочими, — то онъ дѣйствуетъ гораздо увѣреннѣе, если ему общаетъ покровительство въ этомъ дѣлѣ кто-нибудь изъ болѣе знатныхъ нашихъ приближенныхъ. Отсюда-то я заключаю, что предъ Вышнимъ Судією мы можемъ вознести моленія за наши грѣхи съ большею

vel — — cognati nostri — — donacione — — collatas habere noscuntur .
— — confirmamus .

Гр. Вартислава III отъ 1241 г. (C. P. D., № 302, p. 644): per (ecclesie) intercessionem ampliozem in oculis Ihesu Christi mereamur gratiam inuenire.

Гр. Барнима отъ 1267 г. (Pomm. Urk., II, № 834, p. 174): maiori cura et sollicitudine — — oportet previderi , quatinus (vitam religiosam tenentes) — — diuinis laudibus valeant liberius insistere et pro se suisque benefactoribus — — implorare clementiam saluatoris .

1) Гр. еп. Конрада Кольбацкому монастырю отъ 1176 г. (C. P. D., № 39, p. 98; Pomm. Urk., I, № 67, p. 41—42): principes — — ad necessarios vsus eis (i. e.: viris religiosis) temporalia subministrant . sicque iuxta ewangelicam ammonitionem faciunt sibi amicos . qui se recipiant in eterna tabernacula .

Гр. Богуслава I отъ 1183 г. (C. P. D., № 53, p. 129; Pomm. Urk., I, № 93, p. 71): ad abolenda (peccata) sive minuenda saluationi nostre necessarium deuote cupimus audire consilium . ac redimendo eleemosynis peccata nostra . facere nobis de rebus temporalibus amicos . quorum suffragiis in eterna mereamur recipi tabernacula .

Гр. Вартислава III отъ 1232 г. (C. P. D., № 198, p. 445): cum secundum apostolum bonum facientes deficere non debeamus . — — sed secundum ewangelium proficere magis et amicos nobis facere de mammona iniquitatis precipiamur . a quibus dum defecerimus in eterna tabernacula recipiamur . de collatis nobis a Deo bonis temporalibus et concessis saluti nostre perpetue consulentes . amicos nobis religiosos et personas ecclesiasticas constituemus . quorum suffragantibus meritis . et meritorem suffragiis interpellantibus . a Domino pro terrenis celestia . et pro transitoriis recipiamus eterna .

Гр. Барнима отъ 1239 г. (C. P. D., № 270, p. 581): juxta diuinum et celeste consilium peccata mea elemosinarum impendio sperans redimere . et optans michi amicos de iniquo mammona comparare . — — contuli .

увѣренности, если нѣкоторые изъ Его святыхъ будутъ нашими ходатаями“¹⁾.

Итакъ, сущность наставленій духовенства состояла въ слѣдующемъ.

Мірское богатство и мірскія блага — тлѣнь и суета, и прилпяться къ нимъ не слѣдуетъ. Надо отдавать церкви и духовнымъ лицамъ, потому что духовныя лица нуждаются въ достаточныхъ матеріальныхъ средствахъ для успѣшнаго выполненія своихъ духовныхъ задачъ. Эта передача представляетъ для мірянъ чрезвычайно выгодное дѣло: они будутъ, по ходатайству вновь пріобрѣтенныхъ друзей — монаховъ и вообще духовныхъ лицъ, вознаграждены на небѣ.

Такія наставленія духовенства падали на благопріятную почву. Князья прислушивались къ нимъ, многое воспринимали и осуществляли; пожалованія церкви со стороны князя были очень щедры.

Княжеское пожалованіе было главнымъ источникомъ роста церковныхъ имуществъ, но — не единственнымъ; были пожертвованія церкви и отъ представителей высшаго и болѣе состоятельнаго класса поморскаго общества. Кромѣ того, въ грамотахъ обозначались и нѣкоторые другіе способы пріобрѣтенія церковью имущества. Одни изъ этихъ способовъ были обычны всякому крупному землевладѣнію, другіе могли быть употреблены только церковью, благодаря ея вліятельному положенію.

Разъ ставши крупнымъ землевладѣльцемъ, церковь развивала хозяйство, расширяла свои земли путемъ покупки, мѣны, населяла колонистами и т. д., — словомъ, она употребляла такія мѣры, какія свойственны были вообще тогдашнему крупному землевладѣнію. При этомъ расширеніи одно не нравилось монастырской администраціи: положеніе, въ силу котораго монахъ, отрекаясь отъ міра, долженъ былъ отказываться и отъ права на наслѣдство, если бы это наслѣдство открылось по принятіи монашескаго обѣта.

1) Гр. Богуслава I около 1184—1187 г. (С. Р. Д., № 57, р. 135; Pomm. Urk., I, № 97, р. 75—76): *Ego — — ex parvis magna perpendens et humilibus sublimia componens . considero quod quilibet de plebe causam acturus in conspectu nostro . qui superiores ceteris videmur . tanto confidentius ingreditur . si quis de nobilioribus et familiaribus nostris ipsi in causa patrocinium pollicetur . Hinc itaque colligo . quod pro commissis nostris coram summo iudice fiducialius preces fundere possumus . si de sanctis ipsius aliquos intercessores habuerimus .*

Нѣкоторымъ монастырямъ удалось упразднить это положеніе. Кольбацкій монастырь выпросилъ у папы позволеніе „искать, получать и удерживать всѣ владѣнія и иное имущество, движимое и недвижимое, которое могло бы достаться по наслѣдству или инымъ какимъ-либо законнымъ путемъ на долю лицъ изъ монастырской братіи, уже по принятіи ими монашескаго обѣта, такъ, какъ если бы эти лица оставались въ міру“¹⁾.

Необычайному росту церковнаго землевладѣнія болѣе всего содѣйствовали, однако, не столько общія условія для расширенія крупнаго землевладѣнія, сколько особое положеніе церкви, какъ учрежденія, безмѣрно превосходящаго все мірское. Высокое и привилегированное положеніе церкви монахи и вообще духовныя лица старались использовать въ цѣляхъ новыхъ имущественныхъ приобрѣтеній. Изъ способовъ къ достиженію этихъ цѣлей въ грамотахъ, между прочимъ, отразились: а) приѣмъ имуществъ, „приобрѣтенныхъ дурными способами“, б) подлоги, в) береговое право, г) устраненіе конкурентовъ.

а) Приѣмъ награбленнаго открыли у себя буковскіе монахи. Ссылаясь на матеріальныя затрудненія, они обратились къ папскому легату и просили у него разрѣшенія на приѣмъ пожертвованій не только отъ собственниковъ и законныхъ владѣльцевъ, но и отъ такихъ лицъ, которыя жертвуютъ добытое грабежомъ и другими неправомерными способами. Легатъ далъ просимое позволеніе.

„На вашу просьбу мы соглашаемся, и настоящею грамотою въ силу нашихъ полномочій мы позволяемъ вамъ принимать на жизненныя потребности и на окончаніе вышеупомянутой постройки добытое процентами, грабежомъ и иными дурными способами, стоимостію до ста марокъ чистаго и испытаннаго серебра, — если нельзя отыскать или знать тѣхъ, которымъ надо было бы вернуть жертвуемое имущество. — Но если вы изъ указанныхъ ста марокъ сколько-нибудь отпустите или дадите тѣмъ, отъ кого вы ихъ приняли, то такое отпущеніе, возвращеніе или отдача никоимъ образомъ не должны служить для ихъ оправданія, и пусть они

1) Гр. папы Иннокентія IV Кольбацкому монастырю отъ 1246 (С. P. D., № 363, р. 746): *Deuocionis vestre precibus inclinati . vobis presentium auctoritate concedimus . ut possessiones et alia bona . tam mobilia quam immobilia . que personas fratrum vestri monasterii post factam professionem . ratione successionis vel quocunque alio iusto titulo . si remansissent in seculo . contigissent . — — petere . percipere . ac etiam retinere libere valeatis.*

по этому поводу ни въ какомъ случаѣ не избавляются [отъ отвѣтственности]. И если случайно объявятся тѣ люди, которымъ надо возвратить упомянутое имущество, то за него вамъ слѣдуетъ дать этимъ людямъ соотвѣтствующее удовлетвореніе¹⁾.

б) Болѣе частое приложеніе своего привилегированнаго положенія дѣлали духовныя лица для приобрѣтенія и закрѣпленія имущества путемъ подлоговъ²⁾. На время отъ конца XII в. и до смерти Барнима (1278 г.) отнесено разными церковными учрежденіями Поморья около тридцати подложныхъ грамотъ³⁾. Значительная

1) Гр. кардинала-легата Гвидо отъ 1266 г. (Pomm. Urk., II, № 814, p. 157—158): *nos vestris precibus — — benignum impertientes assensum , ut de vsuris rapinis et aliis male acquisitis , si hi quibus debeat fieri restitutio , omnino inueniri aut sciri non possint , vsque ad summam centum marcarum puri et examinati argenti pro habendis vite necessariis et predicti consummatione operis recipere valeatis , vobis auctoritate qua fungimur tenore presencium concedimus facultatem , — — ita tamen quod si aliquid de dictis centum marcis dimiseritis aut restitueritis seu dederitis illis a quibus eas acceperitis , hujusmodi dimissum restitutum vel datum nichil ad liberationem eorum prosit nec quantum ad illud habeantur aliquantulum absoluti . Et si forsan aliquando comparuerint quibus restitutio predictorum fieri debet , eisdem super his satisfacionem congruam impendatis .* — Толкованіе Вингеромъ этой грамоты односторонне. F. Winter: *Die Cistercienser des nordöstlichen Deutschlands, zweiter Teil, Gotha, 1871, S. 254: 1266 wurde zum Kirchenbau (текстъ : pro habendis vite necessariis et predicti consummatione operis) dem Kloster gestattet, aus der Kriegsbeute (текстъ : de vsuris rapinis et aliis male acquisitis) geraubte Gegenstände — — anzunehmen.*

2) Изъ послѣдующаго перечня подложныхъ грамотъ исключены тѣ въ изготовленія которыхъ духовныя лица того времени были совершенно неповинны. Таковы поддѣлки Г. Пристаффа (XVIII в.): Pomm. Urk., II, № 767, p. 125 (гр. помѣчена 1264 годомъ); *ib.*, № 927, p. 244 (помѣчена 1270 годомъ). — Ср. *Allgemeine Deutsche Biographie, B. XXVI, Leipzig, 1888, S. 601—602: G. S. Pristaff.*

3) О подлинности или подложности поморскихъ грамотъ высказывались, кромѣ издателей грамотъ, слѣдующіе авторы.

L. Giesebrecht: *Zur Chronologie der ältesten Pommerschen Urkunden. Baltische Studien, B. IX, 1842—1843, S. 165.*

L. Quandt: *Chronologische Bemerkungen und Berichtigungen zu Pommerschen Urkunden. Balt. Stud., B. X, 1 Heft, 1844, S. 139; ib., 2 Heft, S. 173. Nachtrag zu den chronologischen Bemerkungen.*

R. Prümers: *Bemerkungen zum zweiten Bande des Pommerschen Urkundenbuches. Balt. Stud., B. XXXV, 1885, S. 231.*

F. Salis: *Die Schweriner Fälschungen. Archiv f. Urkundenforschung, B. I, S. 273.*

W. Wiesener: *Gründung des Bistums von Pommern. Zeitschrift für Kirchengeschichte, X, S. 1.*

часть ихъ составлена въ XIV в. Разстояніе во времени между составленіемъ подложной грамоты и вымышленымъ или искажаемымъ событіемъ понятно: поддѣлка со ссылкой на недавнія событія легче могла бы быть провѣрена и изобличена, а ссылка на болѣе почтенную старину, при полномъ отсутствіи всякихъ средствъ для провѣрки, обѣщала болѣе вѣрный успѣхъ. Однако, немало есть и такихъ грамотъ, которыя изготовлены въ XIII в. и даже — въ XII в.

Рядъ подлоговъ, которые сколько-нибудь относятся къ Поморью и сфабрикованы въ XII в., открываетъ (если не считать почти не затрогивавшаго собственного Поморья подлога въ пользу гамбургскаго архіепископа) грамота въ пользу Шверинскаго капитула¹⁾. Этотъ подлогъ не имѣлъ полного успѣха: онъ относился къ слишкомъ недавнему времени, да и князья мекленбургскіе были неуступчивы.

Главная масса подлоговъ отнесена къ XIII вѣку. Ко времени до 1278 года отнесены подлоги въ пользу: епископа Поморскаго, или Каминскаго²⁾, монастырей цистерціанскихъ — Кольбацкаго³⁾, Буковскаго⁴⁾, Эльденскаго⁵⁾; монастырей премонстрантскихъ — Гроб-

G. v. Buchwald: *Bischofs- und Fürsten-Urkunden des XII. und XIII Jahrhunderts.* Rostock, 1882.

P. v. N[issen]: *Über die Echtheit einiger Urkunden zur Geschichte von Kolbatz.* Monatsblätter, herausg. von d. Gesellsch. für Pomm. Gesch. u. Alterthumskunde, Stettin, 1888, S. 108; S. 121.

A. Hauck: *Kirchengeschichte Deutschlands*, IV, Leipzig, 1903, S. 586.

F. Schillmann: *Beiträge zum Urkundenwesen der älteren Bischöfe von Cammin (1158—1343).* Leipzig, 1908.

F. Salis: *Untersuchungen zum Pommerschen Urkundenwesen im 12. und 13. Jahrhundert.* Balt. Stud., Neue Folge, B. XIII, 1909, S. 129.

1) Гр. отъ имени Генриха (Льва), герцога Баваріи и Саксоніи, помѣченная 1171-мъ годомъ (С. Р. Д., № 32, р. 79—81; *Pomm. Urk.*, I, № 56, р. 30).

Гр. въ пользу гамбургскаго архіепископа отъ имени папы Анастасія III (X в.). *Pomm. Urk.*, I, № 7, р. 4.

2) Гр. отъ имени Святополка, князя восточно-поморскаго, помѣченная 1205-мъ годомъ (С. Р. Д., № 101, р. 234; *Pomm. Urk.*, I, № 143, р. 107).

3) Гр. отъ имени Святобора Казимировича, отнесенная къ 1220 г. (С. Р. Д., № 131, р. 300—301; *Pomm. Urk.*, I, № 205, р. 149—155) и отъ имени князя Барнима, отнесенная къ 1226 г. (*Pomm. Urk.*, I, № 236, р. 177—187).

4) Гр. отъ имени Святополка, отнесенная къ 1263 г. (*Pomm. Urk.*, II, № 743, р. 110) и отъ имени Вышеслава II, князя руянскаго, отнесенная къ 1274 г. (*Pomm. Urk.*, II, № 999, р. 296).

5) Гр. отъ имени трехъ лицъ: Вартислава III и Барнима, князей

скаго¹⁾, Бродскаго²⁾, Бельбукскаго³⁾; бенедиктинскихъ — Столпскаго⁴⁾, Верхенскаго⁵⁾; августинскаго — Пырицкаго женскаго монастыря⁶⁾. Въ пользу ордена іоаннитовъ одна грамота была интерполирована⁷⁾; другая грамота, вполне подложная, выставляетъ іоаннитовъ, какъ одну изъ заинтересованныхъ въ договорѣ сторонъ⁸⁾. Отъ дѣятельности въ этомъ родѣ цистерціанскаго Даргунскаго монастыря доселѣ сохранилось извѣстіе только объ интерполяціи⁹⁾.

Подлоги изготовляли и внѣ - поморскія церковныя учрежденія, которыя имѣли свои интересы въ Поморьѣ — большею частію по случаю полученныхъ княжескихъ пожалованій. Такъ, въ пользу гавельбергскаго соборнаго капитула составлена была подложная грамота, которая потомъ послужила къ выгодамъ Бродскихъ монаховъ, вышедшихъ изъ Гавельберга¹⁰⁾. Другіе подлоги

поморскихъ, и Вернера, Лоицкаго владѣтеля, — отнесенная къ 1248 г. (С. Р. Д., № 399, р. 822—823; Pomm. Urk., I, № 477, р. 369—372).

1) Восемь грамотъ приписаны Гробскими монахами князю Барниму и отнесены ко времени отъ 1238 г. до 1270 г.; одна грамота приписана Столпскому аббату Готшальку. 1., С. Р. Д., № 258, р. 562; Pomm. Urk., I, № 356, р. 265—271. 2., С. Р. Д., № 257, р. 561; Pomm. Urk., I, № 357, р. 271—272. 3., С. Р. Д., № 271, р. 583—584; Pomm. Urk., I, № 365, р. 284—294. 4., С. Р. Д., № 272, р. 586; Pomm. Urk., I, № 366, р. 294—298. 5., Pomm. Urk., I, № 367, р. 298—299. 6., С. Р. Д., № 334, р. 714; Pomm. Urk., № 428, р. 338—341. 7., Pomm. Urk., II, № 851, р. 186—187. 8., Pomm. Urk., II, № 906, р. 228—229. 9., Pomm. Urk., I, № 453, р. 351—353 (грамота Готшалька).

2) Гр. отъ имени князя Казимира I, отнесенная къ 1170 г. (С. Р. Д., № 30, р. 71—73; Pomm. Urk., I, № 54, р. 27—29) и отъ имени Николая, одного изъ мекленбургскихъ князей, отнесенная къ 1230 г. (С. Р. Д., № 422, р. 874—875; Pomm. Urk., I, № 266, р. 213—214).

3) Гр. отъ имени княгини Анастасіи, отнесенная къ 1224 г. (Pomm. Urk., I, № 223, р. 167—168) и отъ имени князя Барнима, отнесенная къ 1270 г. (Pomm. Urk., II, № 917, р. 236—238).

4) Гр. отъ имени Казимира I, отнесенная къ 1181 г. (С. Р. Д., № 48, р. 119; Pomm. Urk., I, № 88, р. 68—69).

5) Гр. отъ имени Варгислава III, отнесенная къ 1243 г. (С. Р. Д., № 333, р. 711—712; Pomm. Urk., I, № 422, р. 332—335).

6) Гр. отъ имени Барнима, отнесенная къ 1253 г. (С. Р. Д., № 490, р. 964—965; Pomm. Urk., I, № 570, р. 441—447).

7) Гр. князя Славенскаго Ратибора отъ 1223 г. (Pomm. Urk., I, № 215, р. 160—162).

8) Гр. отъ имени Болеслава, князя польскаго, отнесенная къ 1251 г. (Pomm. Urk., I, № 544, р. 417—429).

9) С. Р. Д., № 384, р. 780—785; Pomm. Urk., I, № 467, р. 362.

10) Гр. отъ имени Казимира I, отнесенная къ 1170 г. См. выше, прим. 2.

— въ пользу: Шверинскаго епископа¹⁾, архіепископа Гнѣзненскаго²⁾, Рейнфельдскаго гольштинскаго монастыря³⁾ и соборной церкви въ Любекѣ⁴⁾.

Наибольшее искусство и энергію въ составленіи подложныхъ грамотъ развилъ Гробскій монастырь. Гробскіе монахи сфабриковали и отнесли ко времени Барнима девять грамотъ. Какъ и другіе поддѣльватели изъ среды поморскаго духовенства, гробскіе монахи при поддѣлкѣ брали за образецъ подлинную грамоту и списывали оттуда все то, что было безразлично для ихъ цѣли, — вплоть до свидѣтелей; прибавлялось лишь то, что имъ желательно было приобрѣсти или отстоять.

Эти монахи понимали, что сфабрикованныя ими грамоты могутъ не согласоваться и даже противорѣчить документамъ и правамъ другихъ учреждений и лицъ. Для того, чтобы обезвредить такіе случаи, монахи изготовляли съ подложныхъ грамотъ копии и удостовѣренія, также подложныя; эти копии приписывались какому-либо стороннему (не изъ гробскаго конвента) лицу или учрежденію, которое будто бы удостовѣряло давнее существованіе первой грамоты.

Какovy были результаты подлоговъ, достигалась ли ихъ цѣль, — въ настоящее время трудно опредѣлить для каждаго случая въ отдѣльности. Но по отношенію къ нѣкоторымъ грамотамъ достовѣрно извѣстно, что эти подлоги цѣли достигали, и на основаніи подложнаго документа въ концѣ концовъ признавались искомыя права соотвѣтствующаго церковнаго учрежденія⁵⁾.

1) Гр. отъ имени Генриха (Льва), герцога Баваріи и Саксоніи, отнесенная къ 1171 г. (С. Р. Д., № 32, р. 79—81; *Pomm. Urk.*, I, № 56, р. 30) и отъ имени папы Целестина III, отнесенная къ 1197 г. (*Pomm. Urk.*, I, № 132, р. 98).

2) Гр. отъ имени князя Святополка, отнесенная къ 1180 г. (*Pomm. Urk.*, I, № 86, р. 60—67).

3) Гр. отъ имени Вартислава III, отнесенная къ 1249 г. (С. Р. Д., № 419, р. 868—869; *Pomm. Urk.*, I, № 483, р. 376—377).

4) Гр. отъ имени Барнима, отнесенная къ 1228 г. (С. Р. Д., № 172, р. 393—394; *Pomm. Urk.*, I, № 251, р. 202—205).

5) *Pomm. Urk.*, I, № 54, р. 27—29 (грамота въ пользу гавельбергскихъ канониковъ, приписанная Казимиру I и отнесенная къ 1170 г.). *Ив.*, № 429, р. 341—342 (подлинное подтвержденіе предшествующей грамоты князьями Барнимомъ I и Вартиславомъ III въ 1244 г.).

Pomm. Urk., I, № 205, р. 149—155 (грамота въ пользу Кольбацкаго монастыря, приписанная Святобору Казимировичу и отнесенная къ 1220 г.). *Pomm. Urk.*, VI, № 3763, р. 215 (подлинное подтвержденіе предшествующей грамоты, сдѣланное княземъ Оттономъ I въ 1324 г.).

Такой успѣхъ понятенъ. Церковь впервые ввела въ странѣ порядокъ письменнаго закрѣпленія юридическихъ актовъ и внушила уваженіе къ такому порядку. Она же являлась въ письменныхъ актахъ наиболѣе компетентною; внѣ ея не было въ Поморьѣ лицъ, которыя были бы столь же свѣдущи въ изготовленіи и распознаваніи документовъ. Даже если бы и зарождалось гдѣ-либо сомнѣніе, — авторитетъ церкви въ славянской странѣ былъ слишкомъ великъ, чтобы легко можно было поставить церковное учрежденіе въ положеніе изобличаемой и обижаемой стороны. Притомъ же, въ случаѣ споровъ, для разбирательства монастырь отправлялъ обыкновенно не подлинникъ, а копію, такъ что и при желаніи и при знаніяхъ судей не было возможности открыть обманъ.

в) Въ отличіе отъ подлоговъ, береговымъ правомъ могли интересоваться только очень немногіе поморскіе монастыри: владѣнія большинства изъ нихъ были расположены на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Владѣнія Эльденскаго, Гробскаго и Буковскаго монастырей частію расположены на берегу моря или морскаго залива. О правахъ первыхъ двухъ монастырей на остатки отъ кораблекрушеній ничего не говорится; извѣстно только то, что вдоль тѣхъ береговъ, вблизи которыхъ находились частію Эльденскія и Гробскія земли, поморскій князь принималъ мѣры къ упраздненію берегового права, и такому княжескому распоряженію соотвѣтствовало одновременное постановленіе сосѣдняго руянскаго князя¹⁾. Этими обстоятельствами всякая предпримчивость частныхъ землевладѣльцевъ, хотя бы и церкви, должна была парализоваться, по крайней мѣрѣ въ теоріи.

Только Буковскій монастырь, земли котораго находились на крайней сѣверо-восточной части княжества, у открытаго моря, заботливо укрѣплялъ за собою береговое право, отовсюду добывая соотвѣтствующія заявленія и подтвержденія. Такія подтвержденія монахи успѣли выхлопотать у всѣхъ сосѣднихъ государей, власть которыхъ когда-нибудь простиралась или могла простираться на близкія къ Букову земли; сохранились грамоты и отъ западно-поморскихъ князей (Барнима и Вартислава III), и отъ восточно-поморскихъ (Вартислава II и Мествина II), и отъ руянскаго князя²⁾.

1) Гр. руянскаго князя Яромара отъ 1260 г. Romm. Urk., II, № 691, р. 73—74. — Гр. Вартислава III отъ 1260 г. Ib., № 692, р. 74.

2) Гр. Барнима I и Вартислава III отъ 1253 г. (С. Р. Д., № 491,

Собственно говоря, буковскіе монахи прямо нигдѣ не заявляютъ, что они ожидаютъ доходовъ отъ кораблекрушенія; и могло бы на первый разъ казаться изъ текста грамоты, что они имѣютъ въ виду только сохранить за собою право судебного разбора дѣлъ о кораблекрушеніи у ихъ береговъ. Однако, зная общій характеръ дѣятельности этого монастыря, возможно съ полною вѣроятностію допустить, что и въ этомъ дѣлѣ монахи водились именно матеріальными соображеніями. Иныя соображенія едва ли были у монаховъ, которые въ то же самое время устроили для себя пріемъ имуществъ, „приобрѣтаемыхъ дурными способами“, и вслѣдъ за тѣмъ изготовляли подложныя грамоты, также съ приобретательскими цѣлями.

Закрѣпляя за собою береговое право, буковскіе монахи и намека не дѣлаютъ на какія-либо свои гуманныя или благотворительныя намѣренія. Въ то время государями Балтійскаго побережья дѣлались неоднократныя распоряженія и объявленія о частичномъ или полномъ упраздненіи берегового права. Кромѣ упомянутыхъ выше грамотъ князей Вартислава III западно-поморскаго и Яромара руянскаго¹⁾, сохранилась еще болѣе ранняя грамота Вышеслава I, князя руянскаго²⁾. Но самая высокая и „доголѣ неслыханная“

р. 965—966; Pomm. Urk., I, № 573, p. 450—452): nos — — ad petitionem et instantiam venerabilis patris Henrici . abbatis de Dargun . et conuentus loci eiusdem . clastro Bucowe . — — possessionibus — — cum omnibus attinentiis earum . — — renuntiamus . — — sed et ius quod de naufragio sibi solent terrarum principes usurpare . si in terminis dictorum [fratrum naufragium] fieri contigerit . ipsorum discretioni et iudicio remanebit.

Гр. Вартислава II, князя восточно-поморскаго отъ 1268 г. (Pomm. Urk., II, № 870, p. 200—201): nos — — ad petitionem dilecti nostri domini Frederici abbatis de Bucowe eidem clastro — — damus liberaliter bona possessiones et villas subnotatas . — — et jus quod de naufragio sibi solent terrarum principes usurpare , si in terminis dictorum fratrum naufragium fieri contigerit , ipsorum discretioni et iudicio remanebit.

Подобно этому и гр. Мествина II, князя восточно-поморскаго отъ 1269 г. Pomm. Urk., II, № 886, p. 213—214.

Такъ же и гр. Вышеслава II, князя руянскаго, отъ 1271 г. (Pomm. Urk., II, № 935, p. 248—249): nos — — ad petitionem dilecti nostri domini Frederici abbatis de Bucouia — — libertatem aduocatie — — damus vna cum iure quod de naufragio sibi solent vsurpare terrarum principes , quod ipsorum discretioni et iudicio relinquimus , quotiens factum fuerit naufragium infra terminos eorundem.

1) См. выше, стран. 182, примѣч. 1.

2) Гр. Вышеслава горожанамъ Любека отъ 1224 г. C. P. D., № 150, p. 357; Pomm. Urk., I, № 224, p. 168—169.

степень гуманности была осуществлена въ восточно-поморскомъ княжествѣ Святополкомъ. Уже первую грамотою онъ ограничиваетъ примѣненіе берегового права. Тремя послѣдующими грамотами онъ совершенно уничтожаетъ въ своей землѣ береговое право, заботясь только объ оказаніи помощи пострадавшимъ отъ кораблекрушенія¹⁾. Буковскій монастырь, который былъ основанъ этимъ же самымъ Святополкомъ, въ отношеніи берегового права, какъ видно, разошелся съ своимъ учредителемъ; отъ преемниковъ Святополка, какъ указано было выше, монастырь выпрашивалъ только полномочія надъ потерпѣвшими кораблекрушеніе, не давая никакихъ обѣщаній и не выражая хотя бы платоническаго сочувствія къ несчастнымъ.

г) Приобрѣтеніе церковно-приходскихъ доходовъ и ихъ распределеніе, въ отличіе отъ другихъ доходовъ и имуществъ, было болѣе внутреннимъ дѣломъ церковныхъ учреждений; по вопросу о направленіи церковно-приходскихъ сборовъ соперниками могли являться только духовныя лица. Когда въ опредѣленной мѣстности возрастало количество церковныхъ учреждений, то, казалось, этимъ обезпечивалось религіозное просвѣщеніе народа. Но точка зрѣнія церковныхъ учреждений была иная. Отъ размноженія церковныхъ учреждений отнюдь нельзя было ожидать увеличенія доходовъ каждаго церковнаго учрежденія въ отдѣльности.

Поэтому нѣкоторыя церковныя учрежденія, которыя пораньше основались въ городахъ, принимаютъ мѣры противъ появленія конкурентовъ. Съ соотвѣтствующими просьбами монашествующіе обращаются къ князю и получаютъ просимую монополію²⁾.

Такъ, пырицкія монахини (ордена съ Августина) упростили Барнима не допускать въ городъ Пырицъ и въ предѣлахъ Пырицкаго прихода монаховъ или монахинъ какого бы то ни было ордена; „ибо ихъ монастырь (т. е. монастырь пырицкихъ августинскихъ монахинь) только недавно возникъ, и доходовъ въ воспособленіе своего содержанія они имѣютъ мало“ поясняетъ Барнимъ, входя въ положеніе монахинь³⁾.

1) Pommerellisches Urkundenbuch, bearb. von M. Perlbach, Danzig, 1882, № 33, p. 29; № 102, p. 87; № 154, p. 130; № 200, p. 168. Ср. М. Вречевичъ: Святополкъ, князь Поморскій, стран. 32—33.

2) Понятно, что такая монополія не была въ интересахъ религіознаго просвѣщенія народа. См. выше, стран. 151—155.

3) Гр. Барнима отъ 1261 г. (Pomm. Urk., II, № 702, p. 81—82): sane supplicarunt nobis — — priorissa totusque conuentus sanctimonialium or-

Подобнымъ же образомъ избавлялся отъ конкурентовъ въ другомъ городѣ и Бельбукскій монастырь, который уже не могъ, однако, сослаться ни на свою бѣдность ни на недавнее возникновеніе ¹⁾).

А Кольбергскій капитулъ сумѣлъ добиться еще болѣе положительныхъ результатовъ: ему князь прямо обѣщаль разрушать всякое обиталище какого-угодно ордена, устроенное въ городѣ и приходѣ. Въ особой грамотѣ этому капитулу князь заявляетъ слѣдующее.

„Въ городѣ Кольбергѣ и въ вашемъ приходѣ безъ вашего особаго согласія не смѣеть строить домъ или проживать ни одинъ монахъ или монахиня ордена св. Бернарда, Бенедикта, Августина, Доминика, Франциска, госпиталитовъ, тамплиеровъ, тевтоновъ, или иной какой-нибудь организациі изъ уже существующихъ или изъ такихъ, которыя возникнутъ въ будущемъ; при этомъ безразлично, какимъ путемъ — дареніемъ или покупкою — достался бы имъ тотъ участокъ земли, на которомъ они захотятъ строиться. Мы постановляемъ, чтобы наши должностныя лица въ силу полномочій отъ насъ предали полному разрушенію все то, что окажется выстроеннымъ вновь послѣ сего нашего объявленія“ ²⁾).

dinis beati Augustini monasterii in Piritz , quatenus — — hanc ipsa prerogatiuam et gratiam facere curaremus vt cum monasterium eorum nouella esset plantatio et reditus paucos in suae haberent subsidium sustentationis , nullis religiosis cuiuscumque etiam essent ordinis vel professionis daremus licentiam construendi domum , mansionem vel cenobium in ciuitate Piritz vel in terminis parrochiae ciuitatis eiusdem .

1) Гр. Барнима I и его сына Богуслава IV отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1061, p. 346): nulli religiosi in ipsa ciuitate poterunt occupare aut habere mansionem praeter dictum claustrum .

Такая же монополія была выхлопотана у того же князя Богуслава IV, скоро послѣ смерти Барнима, Штетинскими монахинями для своего филиальнаго монастыря въ Вольтѣ. Гр. Богуслава IV отъ 1288 г. (Pomm. Urk., III, № 1453, p. 33—34): Volumus eciam et sub obtentu nostre gratiae prohibemus , ne quis altare , vicariam , capellam aut aliam ecclesiam in dictis sanctimonialium terminis aut domum sancti spiritus construere aut edificare presumat , nisi fuerit de consensu sanctimonialium prefatarum .

2) Гр. Барнима отъ 1266 г. (Pomm. Urk., II, № 806, p. 151—152) Vestris igitur peticionibus pio ac fauorabili accurrentes assensu , — — vobis concedimus et donamus , ne quis religiosus religiosaue persona regularis seu monastice professionis ordinis sancti Bernardi , Benedicti , Augustini , Dominici , seu Francisci , Hospitaliorum , Templariorum , Domus Teutonice seu cujuslibet alterius professionis invente siue inveniende in ci-

Итакъ, все вышеизложенное показываетъ, что духовенство, не довольствуясь пожалованіями и естественнымъ расширеніемъ, свойственнымъ крупному землевладѣнію, употребляло и другіе способы для приобрѣтенія матеріальныхъ благъ: пріемъ незаконно-приобрѣтеннаго, подлоги, пользование, вѣроятно, береговымъ правомъ, устраненіе другихъ церковныхъ учреждений. Послѣдовательная и настойчивая дѣятельность одного какого-либо церковнаго учреждения могла нарушать интересы другихъ собственниковъ (въ томъ числѣ иныхъ церковныхъ учреждений) и вызывать ихъ на сопротивленіе.

Однако, такое сопротивленіе и его послѣдствіе — споры мало замѣтны въ началѣ. Авторитетъ церкви, съ одной стороны, добродушіе князей и уступчивость поморянъ, съ другой стороны, достаточно объясняютъ, почему даже возникавшія иногда несогласія оканчивались скоро и съ выгодой для церкви. Но съ теченіемъ времени, какъ уже отмѣчено было выше¹⁾, споры происходятъ чаще.

Когда церковное учрежденіе расширяло свои владѣнія и старалось такъ или иначе вобрать въ нихъ все, что имѣло какую-либо связь съ этими владѣніями, то оно на этомъ пути могло встрѣтиться прежде всего съ правами и интересами славянъ (князя, его родичей, поморянъ), потомъ — другихъ церковныхъ учреждений и, наконецъ, свѣтскихъ переселенцевъ въ Поморьѣ. Соотвѣтственно этому возникали недоразумѣнія и споры: а) церкви со славянами, б) однихъ церковныхъ учреждений съ другими и в) церковныхъ учреждений со свѣтскими переселенцами.

а) Менѣе всего хлопотъ доставляли церкви недоразумѣнія со славянами: княземъ, родственниками князя, знатными и незнатными поморянами. Славяне почти не оказывали сопротивленія, уступая церкви во всемъ существенномъ²⁾.

uitate Colbergh et in parochia vestra edificare vel domicilium habere presumat siue donacionis siue empcionis titulo ad ipsos fundus in quo edificare maluerint deuoluatur, nisi de vestro omnium speciali assensu pariter et fauore, decernentes ut quicquid post nunciacionem novi operis edificatum potestate nostra officialiumque nostrorum penitus destruatur.

1) См. стран. 128—131.

2) Таково дѣло Святобора Казимировича въ 1234 году насчетъ имѣнія Cirnowe. С. Р. Д., № 216, р. 473—474: Ego Suantoborus filius Cazemari. considerans in malo discordie periculum esse animarum. auferre volens occasionem inter me et claustrum (Colbas). istos terminos per me

б) Серьезнѣе для церковнаго учрежденія было столкновение съ другимъ такимъ же учрежденіемъ. Тутъ уже не было безмѣрнаго возвышенія духовенства надъ мѣрянами, и противники могли дѣйствовать одинаковымъ оружіемъ.

Такія столкновения не замедлили своимъ возникновеніемъ, когда въ странѣ образовалось нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга церковныхъ учреждений, которыя съ одинаковымъ почти усердіемъ принялись искать матеріальнаго достатка. Рѣдкое церковное учрежденіе не имѣло тяжбы или спора съ сосѣднимъ церковнымъ учрежденіемъ по вопросу о правахъ на какое-либо имущество или доходы: деревни, земли, воды, церковныя десятины, границы приходоѡвъ и т. п.

У епископа возникали недоразумѣнія и споры съ Шверинскимъ¹⁾, мейссенскимъ и бранденбургскимъ епископами²⁾, а также — съ Кольбацкимъ монастыремъ³⁾. У Кольбацкаго монастыря, помимо недоразумѣній съ епископомъ и свѣтскими людьми, была упорная тяжба съ іоаннитами⁴⁾. У Эльденскаго монастыря — „съ нѣкими прелатами“⁵⁾ и со Шверинскимъ епископомъ⁶⁾. Тяжбу имѣлъ Верхенскій монастырь — съ Даргунскимъ⁷⁾, Бель-

ipsum cum abbate et aliis probis viris distincti — — igitur Cirnowe renuncio.
— Доброжелательство Святоборичей по отношенію къ Кольбацкому монастырю, какъ показываютъ всѣ предшествовавшіе и послѣдующіе ихъ акты, не подлежатъ сомнѣнію.

Уступки церковнымъ учреждениямъ въ концѣ концовъ дѣлали Dirscouitz (Pomm. Urk., I, № 167, p. 126—127), Рохилль Младшій (Pomm. Urk., II, № 883, p. 210—211). См. выше, стран. 109—112.

Указанія на недоразумѣнія между церковію и княземъ будутъ приведены ниже.

1) Гр. папы Александра IV отъ 1257 г. Pomm. Urk., VI, № 3948, p. 338. — *Ib.*, № 3949—3950, p. 338—339. — Pomm. Urk., II, № 670, p. 61.

2) Гр. папы Иннокентія IV отъ 1246 г. Pomm. Urk., VI, № 3929, p. 328—329.

3) Гр. еп. Зигфрида отъ 1189 г. Pomm. Urk., I, № 116, p. 90.

4) Гр. доминиканца Альберта отъ 1269 г. Pomm. Urk., II, № 891, p. 218—219. — Гр. его же отъ 1270 г. *Ib.*, № 914, p. 234. — Ср. Pomm. Urk., I, № 257, p. 209—210 (Барнимъ въ 1229 г. подтверждаетъ іоаннитамъ спорную Старгардскую землю).

5) Гр. папы Иннокентія IV отъ 1247 г. Pomm. Urk., III, № 459 b, p. 435—436.

6) Гр. папы Александра IV отъ 1256 г. Pomm. Urk., III, № 632 a, p. 436.

7) Гр. Даргунскаго аббата и конвента отъ 1269 г. Pomm. Urk., II, № 892, p. 219—220. — Гр. Верхенскаго прѡбста и конвента отъ 1269 г. *Ib.*, № 893, p. 220.

буксій — съ тамплиерами ¹⁾, приходскія церкви города Штетина: Яковлевская — съ Петровскою ²⁾, Маріинскіе каноники въ Штетинѣ — съ бамбергскимъ Михельсбергскимъ монастыремъ ³⁾; Гробскій монастырь наноситъ ущербъ Столпскому монастырю ⁴⁾.

в) Самыми неблагопріятными послѣдствіями для церковныхъ имуществъ были столкновения съ свѣтскими переселенцами. Появившіеся въ Поморьѣ дворяне и горожане изъ Германіи были, повидимому, свободны отъ того преклоненія предъ церковію и полной уступчивости ей во всемъ, которыя привиты были поморянамъ, и это замѣтно отличало ихъ отъ туземцевъ. Эти дворяне и горожане, при поддержкѣ князя, свободно, смѣло и удобно устраивались въ Поморьѣ, безцеремонно ставили границы разрастающемуся могуществу церкви, поскольку оно ихъ задѣвало, а иногда заставляли ее слегка потѣсниться и отступить.

Такимъ характеромъ обозначены столкновения Кольбацкаго монастыря съ рыцаремъ Анзельмомъ ⁵⁾ и со Стаффельдомъ ⁶⁾, Гробскаго монастыря — съ Гостьковскими владѣтелями ⁷⁾, Эльденскаго монастыря — съ Лоицкими владѣтелями ⁸⁾ и съ шестью руянскими

1) Гр. магистра Фридриха отъ 1263 г. Pomm. Urk., VI, № 3961, p. 345.

2) Гр. еп. Германа отъ 1268 г. Pomm. Urk., II, № 865, p. 196—197.

3) Гр. Гюстровскаго пробста Готфрида отъ 1277 г. Pomm. Urk., II, № 1077, p. 359—360.

4) Фактъ ущерба, нанесеннаго Столпскому монастырю, признаетъ епископъ Германъ въ грамотѣ отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1064, p. 349): *ecclesia Stolpensi — — in terminis uille ipsorum, scilicet Corazlanz, — — multas aduersitates et molestias sustinente, nos ipsorum turbacionibus condolentes — — contulimus — — villam Senin.* Что ущербъ былъ причиненъ Столпу именно Гробскимъ монастыремъ, это доказываетъ путемъ анализа грамотъ Клемпинъ (Pomm. Urk., I, S. 286—287).

5) Гр. Барнима отъ 1254 г. Pomm. Urk., II, № 599, p. 13—14. Спорную деревню (Valkenberghe) Анзельмъ сохраняетъ за собою пожизненно.

6) Гр. Барнима отъ 1274 г. Pomm. Urk., II, № 991, p. 290—292. За отказъ отъ притязаній на деревню монастырь выплачиваетъ Стаффельду 223 марки.

7) Гр. Вартислава III отъ 1253 г. Pomm. Urk., I, № 562, p. 437. Князь ограждаетъ монастырь отъ произвола Гостьковскихъ владѣтелей напоминаніемъ о дарованномъ иммунитетѣ.

8) Грамота Лоицкаго владѣтеля Вернера отъ 1249 г. (Pomm. Urk., I, № 500, p. 392): *uillas, quas in prejudicium justicie occupauimus siue locauimus uiolenter, — — in manus abbatis presentibus multis — — resignauimus. — — Abbas uero et conuentus monasterii supradicti — — damna nostra considerans ac expensas, quas in locandis uillis fecimus antedictis, contulit nobis jure feodali uillas.*

вассалами ¹⁾, Верхенскаго монастыря — съ однимъ нѣмцемъ ²⁾, того же монастыря — съ какими-то владѣльцами, которые загородили было „всегда существовавшую и открытую дорогу“ изъ Штетина на монастырскій огородъ и мельницу ³⁾, Оливскаго (въ восточно-поморскомъ княжествѣ) монастыря — съ Узноимскимъ фогтомъ ⁴⁾ и др.

Въ этихъ и подобныхъ спорахъ могло иногда такъ случаться, что два различныя учрежденія или лица сталкивались между собою во время присвоенія какого-либо имущества; слѣдовательно, даже въ случаѣ неудачнаго исхода дѣла церковное учрежденіе изъ своей прежней собственности ничего не теряло. Но съ умноженіемъ церквей, съ приливомъ переселенцевъ, а равно въ виду другихъ возможныхъ перемѣнъ для каждаго церковнаго учрежденія возникла въ большей степени, чѣмъ прежде, потребность самымъ непререкаемымъ образомъ закрѣпить свои уже пріобрѣтенныя имущественныя права, чтобы предупредить и парализовать ихъ нарушенія. Отсюда — масса грамотъ подтвердительныхъ, какъ и жалованныхъ. Гробскому монастырю, напр., въ одно только княженіе Барнима было выдано подтвердительныхъ и жалованныхъ грамотъ не менѣ тридцати (не считая девяти подложныхъ грамотъ, отнесенныхъ къ тому же княженію); Даргунскій монастырь за то же время получилъ такихъ грамотъ около 60, Кольбацкій — свыше 40 и т. д.

Духовныя лица добивались подтвержденія своихъ имуществъ, помимо западно-поморскаго князя, отовсюду: у папы, датскаго короля, бранденбургскихъ маркграфовъ, руянскаго князя, мекленбургскихъ князей, восточно-поморскаго князя. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, духовныя лица подносили на утвержденіе разнымъ государямъ, которые могли имѣть какое-либо вліяніе въ странѣ, а также папѣ, списки своихъ владѣній, причемъ торопливо нагромождали въ одну кучу самыя разнородныя свои права ⁵⁾.

1) Гр. Вышеслава II, князя руянскаго отъ 1275 г. Romm. Urk., II, № 1017, р. 311—312.

2) Romm. Urk., VI, № 3935, р. 331. Здѣсь, какъ обыкновенно бываетъ при извѣстіяхъ о такихъ столкновеніяхъ, права свѣтскаго претендента неизвѣстны, а права церковнаго учрежденія, по крайней мѣрѣ, отчасти — болѣе удостовѣрены (гр. Барнима отъ 1245 г. С. P. D., № 346, р. 728—729; Romm. Urk., I, № 440, р. 346—347).

3) Гр. Барнима отъ 1278 г. Romm. Urk., II, № 1082, р. 362.

4) Гр. Барнима отъ 1254 г. Romm. Urk., II, № 598, р. 13.

5) Гр. Казимира I Даргунскому монастырю отъ 1173 г. (С. P. D., № 36,

Итакъ, грамоты вполне согласно и послѣдовательно обрисовываютъ характеръ практической дѣятельности духовенства и отчасти его теорію. Практика и теорія духовенства, по его же собственнымъ записямъ, удостоверяютъ, что духовнымъ лицамъ Поморья были въ высокой степени присущи пріобрѣтательскія стремленія.

Стремленія эти нашли для себя въ Поморьѣ благоприятную почву, и церковь тамъ себѣ добыла большія богатства. Но тутъ, въ связи съ установленіемъ факта пріобрѣтательства, возникаетъ вопросъ: каково было употребленіе пріобрѣтенныхъ церковью имуществъ? Быть можетъ, та энергія, съ которою поморское духовенство стремилось къ пріобрѣтенію имуществъ, получаетъ нѣкоторое объясненіе въ благой цѣли; и назначеніе пріобрѣтаемыхъ имуществъ могло бы вдохновлять церковныхъ дѣятелей къ дальнѣйшему собранію. Напр., одинъ изъ священниковъ ранняго средневѣковья (IV в.), Сальвіанъ, прямо проповѣдывалъ о передачѣ свѣтскими лицами всего ихъ имущества церкви¹⁾; въ этомъ отношеніи можно отыскивать нѣкоторое сходство между его увѣщаніями и наставленіями аренгъ въ поморскихъ грамотахъ. Но планъ Сальвіана былъ особенный. Передача имущества должна была, по его мнѣнію, произойти для того, чтобы устранить корыстолюбіе; церковь могла распредѣлять земныя блага болѣе равномерно и справедливо.

Прослѣдить по уцѣлѣвшимъ источникамъ, въ частности по грамотамъ, какъ и на что употребляла свои средства поморская церковь въ XII—XIII в., довольно трудно. Вообще грамоты не содержатъ въ себѣ подобныхъ свѣдѣній; а нѣкоторыя статьи расходовъ, какъ напр., благотвореніе нищимъ, и по самому существу своему²⁾ почти не подлежали актовымъ формальностямъ.

р. 91—93; Pomm. Urk., I, № 62, р. 34—38): *libertatem — — et parrochias et presbyteros constituendi . nec non et tabernam habendi.* — Гр. папы Цестина III Гробскому монастырю отъ 1195 г. (С. Р. Д., № 73, р. 176; Pomm. Urk., I, № 127, р. 96—97): *uillam Sosniche cum ecclesia et taberna.* — Такъ же гр. еп. Зигвина отъ 1216 г. С. Р. Д., № 107, р. 250; Pomm. Urk., I, № 171, р. 129. — Гр. Казимира II отъ 1219 (С. Р. Д., № 128, р. 292): *libertatem — — et parrochias et presbiteros constituendi . nec non et tabernam habendi.*

1) A. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, I, Leipzig, 1887, S. 73.

2) *Evang. auctore Matthaeo, VI, 3: nesciat tua sinistra, quid faciat dextra.*

Однако, возможно уловить изъ грамотъ, если не подробности расходовъ, то нѣкоторые намеки на общее направленіе этихъ расходовъ; а это и представляетъ интересъ съ точки зрѣнія характеристики духовенства. Можно считать несомнѣннымъ, что въ отношеніи потребленія хозяйственныхъ благъ духовенство не руководилось планами, въ родѣ Сальвіановскихъ.

Доходы свои церковь могла расходовать по тремъ статьямъ: на благолѣпіе храма и собственно церковные предметы, на содержаніе клириковъ и на дѣла благотворенія. Что первые двѣ статьи требовали не малыхъ средствъ, — это понятно. Наибольше любовными могли бы быть расходы по третьей статьѣ; въ какой степени церковь развивала благотворительность?

Есть нѣсколько упоминаній о благотворительныхъ учрежденіяхъ и дѣлахъ по отношенію къ подлиннымъ нищимъ и немощнымъ. Но эти упоминанія не доказываютъ нищелюбія богатыхъ орденскихъ монастырей.

Одно благотворительное учрежденіе находится внѣ связи съ монастырями¹⁾. Организация другого, хотя и имѣетъ такую связь, но даже благодушнѣйшій и деликатнѣйшій въ отношеніи къ церкви Барнимъ Добрый не предвидитъ много хорошаго отъ такой связи.

„Мы жертвуемъ Богу собственность на это имѣніе (Ratenowe) для облегченія положенія бѣдныхъ“, заявляетъ онъ въ своей грамотѣ, „съ водами, лугами, лѣсами и границами, какъ вышеупомянутые рыцари (Reinbernus et Rauen) описываютъ въ своемъ документѣ, но на слѣдующемъ условіи: тамошніе (въ Даргунѣ) монахи, теперешніе и будущіе, никогда не должны посягать на эти имущества и присвоить ихъ себѣ на иную потребу. А если они посягнутъ, то Богъ-свидѣтель да будетъ имъ и Судьею“²⁾.

1) Грейфсвальдскій госпиталь св. Духа. Гр. Вартислава III отъ 1262 г. Pomm. Urk., II, № 719, p. 95. — Гр. Барнима отъ 1275 г. Ib., № 1020, p. 313—314.

2) Гр. Барнима отъ 1249 г. (C. P. D., № 424, p. 876—877; Pomm. Urk., I, № 498, p. 390—391): fideles nostri dominus Reinbernus et Rauen milites villam nomine Ratenowe — deo obtulerunt ad receptaculum pauperum in Dargun. — — Nos — — proprietatem de ipso predio — — offerimus deo eternaliter possidendum ad recreationem pauperum. — — cum aquis. pratis. siluis et terminis. sicut prefati milites in suo privilegio describunt. ea videlicet conditione. vt caveant presentes et futuri ibidem deo seruientes. ne prefata bona umquam ad alios usus presumant sibi usurpare. Si autem presumpserint. deus qui testis est ipse sit iudex.

Неизвѣстно, устрасила ли монаховъ угроза Божьяго суда или

Есть одно упоминаніе и о добромъ дѣлѣ, которое совершили монахини. Но обстоятельства этого дѣла свидѣтельствуютъ о его чрезвычайности и исключительности. Штетинскія монахини приняли слѣпорожденную дѣвочку. Сдѣлали они это не по собственной инициативѣ; о приѣмѣ дѣвочки просилъ самъ князь, и когда онѣ согласились на его просьбу то онѣ были такъ растроганъ этимъ добрымъ дѣломъ, что пожертвовалъ монахинямъ ежегодный вѣчный доходъ въ двѣ марки¹⁾.

Въ грамотахъ много говорится о добрыхъ дѣлахъ, о „бѣдныхъ“ вообще и о „нищихъ Христа“, о „милостынѣ“ и т. д. Можетъ получиться на первый взглядъ впечатлѣніе о грандіозныхъ размѣрахъ благотворительности, о сближеніи пастырей и пасомыхъ въ дѣлахъ оказыванія помощи нуждающимся. Но такое впечатлѣніе было-бы совершенно неправильно: подобные термины и рѣчи имѣли специфическій характеръ и цѣль, какъ уже на это указано было выше²⁾.

Заявленія грамотъ о „добрыхъ дѣлахъ“ и иныя общія заявленія и пожеланія, преимущественно въ аренгахъ, имѣютъ все-таки значеніе для выясненія даннаго вопроса. Когда духовныя лица просили или убѣждали сдѣлать церкви пожертвованіе, то они иногда и доказывали важность пожертвованія. Съ другой стороны, когда жертвователь выдавалъ грамоту, то и онѣ иногда высказывалъ свой взглядъ (конечно, навѣянный ему наставленіями и образомъ жизни духовенства) на значеніе пожертвованія или будущее его практическое приложеніе. Такимъ образомъ, общія мысли объ употребленіи матеріальныхъ средствъ идутъ съ двухъ сторонъ, — а) отъ одаряемыхъ и б) отъ одаряющихъ.

а) Когда представители орденскихъ монастырей убѣждаютъ

нѣтъ. Но послѣдующіе документы показываютъ, что эта деревня была пущена монахами въ дальнѣйшій экономическій оборотъ безъ какого бы то ни было указанія на особое назначеніе доходовъ съ нея. — Гр. аббата Даргунскаго Генриха отъ 1262 г. (Pomm. Urk., II, № 718, p. 94—95). — Гр. Барнима Каминскому епископу отъ 1276 г. (Pomm. Urk., II, № 1033, p. 324—325).

1) Гр. Барнима отъ 1253 г. (C. P. D., № 487, p. 960; Pomm. Urk., I, № 566, p. 439): sanctimonialibus in Stetin ad sustentacionem earundem duas marcas denariorum in moneta nostra Stetin contulimus annuatim in perpetuum possidendas. in hac autem donatione hoc maxime nos mouebat. quod quandam puellam virginem. a sua natiuitate cecam. propter Deum nostreque petitionis intuitu receperunt.

2) Стран. 166—171.

Zur

Reform der Mittelschule.

Gedanken und Vorschläge.

Von

A. Jarotzky,

o. ö. Professor der klinischen Medizin an der Universität Dorpat (Jurjew).

Diese Arbeit ist ein Vortrag, der in der Pädagogischen Gesellschaft zu Dorpat (Jurjew) von mir gehalten worden ist. Die Schicksale der Mittelschulen Russlands und Deutschlands sind so eng mit einander verknüpft, daß es mir wünschenswert erscheint, diesen Vortrag auch dem deutschen Leserkreise zugänglich zu machen. Das wurde mir nur durch die außerordentliche Liebenswürdigkeit des Herrn Oberlehrer C. Lundmann ermöglicht, der die Übersetzung besorgte. Es ist mir eine angenehme Pflicht, ihm an dieser Stelle dafür meinen aufrichtigen Dank auszudrücken.

Prof. A. Jarotzky.

Dorpat (Jurjew),
den 18. September 1912.

Die Mittelschule durchlebt gegenwärtig eine Krisis, nicht nur bei uns (in Rußland), sondern auch überhaupt auf dem ganzen Kontinent. Wie erbitterte Gegner die Mittelschule in Frankreich hat, kann man aus dem Beispiel Duvolins und seiner Gefolgschaft, der Anhänger der neuen Schule, sehen. Und wie negative Resultate die deutsche Mittelschule, die unserer in ihrem Programm und ihrer Richtung so nahe steht, erlangt hat, geht deutlich aus den folgenden Sätzen in dem neuen großen, anerkannt bedeutenden Handbuch der Hygiene hervor: „Geistige Differenzierung und geistige Tüchtigkeit als allgemeine kulturelle Machtfaktoren schließen körperliche Tüchtigkeit nicht aus, machen letztere vielmehr im allgemeinen zur Voraussetzung der ersteren. Auf jeden Fall geht in unseren Schulen die Überschätzung des Geistes und die Vernachlässigung des Körpers zu weit, wenn in Deutschland 1906 die Zahl der bei der ersten Musterung dauernd und zeitig Untauglichen bei den Einjährig-Freiwilligen 57,5 Prozent betrug, unter Berücksichtigung der Neueinstellungen die Zahl der dauernd Untauglichen wohl auf 50,5 Prozent sank, aber endlich nach Entlassung der als tauglich Eingestellten und doch Untauglichen wieder 56,5 Prozent Untaugliche betrug. Der Grund der Untauglichkeit liegt aber in einem Herabgehen der Konstitutionskraft, indem allgemeine Schwächlichkeit, Lungen- und Herzkrankheiten bei diesen Schülern überwiegen und etwa 30 Prozent kurzsichtig sind. Bei den Studierenden steigt die Zahl der Untauglichen auf 60 bis 80 Prozent ¹⁾).

1) Handbuch der Hygiene. Herausgegeben von M. Hubner, M. von Gruber und M. Fischer. Bd. I., P. 632.

Wir wissen freilich, daß auch in einem kranken Körper unter gewissen Bedingungen ein kräftiger Geist sein kann; bei Schwindsüchtigen, Buckeligen, Epileptikern können hervorsteckende, einseitig entwickelte Geisteskräfte sowohl auf dem Gebiet des Intellekts, als auch auf dem des Gefühls sich zeigen, im allgemeinen aber sind Geist und Körper nicht von einander zu trennen, und es unterliegt keinem Zweifel, daß diese Jugend, wenn sie die Schule durchgemacht hat, in eben dem Grade ungenügende geistige und sittliche Kraft besitzt, in welchem ihr Körper verkrüppelt ist.

Was diese traurigen Resultate der deutschen Mittelschulen verursacht, erläutert in vortrefflicher Weise Kaiser Wilhelm II., der selbst ein Zögling des Kasselschen Gymnasiums gewesen ist, in seiner Rede, die er im Dezember 1890 bei einer Konferenz betreffs der Mittelschulen hielt:

„Komme Ich nun auf die Beschäftigung unserer jungen Leute, so ist absolut notwendig, daß wir mit der Anzahl der Stunden heruntergehen. Der Geheime Rat Hinzpeter wird sich erinnern, daß zur Zeit, wo Ich auf dem Gymnasium in Kassel war, der erste Notschrei der Eltern und Familien laut wurde, daß es nicht so weiter gehen könne. Es wurden infolgedessen Erhebungen von der Regierung angestellt: Wir waren verpflichtet, alle Morgen unserem Direktor Zettel abzugeben mit der Stundenzahl der häuslichen Stunden, die wir nötig hätten, um das für den nächsten Tag aufgegebene Pensum zu bewältigen — es sind bloß die Zahlen aus der Prima speziell, die Ich jetzt berühre. Nun, meine Herren, es kamen bei ganz ehrlichen Angaben — bei Mir konnte sie noch der Herr Geheime Rat Hinzpeter kontrollieren — für jeden Tag $5\frac{1}{2}$, $6\frac{1}{2}$ bis 7 Stunden auf die häuslichen Arbeiten heraus. Das waren Abiturienten. Rechnen Sie noch dazu die 6 Stunden Schule, 2 Stunden Essen, dann können Sie ausrechnen, was von dem Tag übrig blieb. Wenn Ich nicht Gelegenheit gehabt hätte, hinaus- und hineinzureiten und noch sonst etwas Mich in der Freiheit zu bewegen, dann hätte Ich überhaupt nicht gewußt, wie es in der Welt aussieht¹⁾.

Als Resultat dieser Überbürdung mit Arbeiten erwies sich, daß bei Beendigung des Kurses die Mehrzahl der Schüler

1) Allgemeine Zeitung, 1890. Morgenblatt № 337, S. 2 und 3.

kurzsichtig war, obgleich die Mutter des Kaisers, die damalige Kronprinzessin, sich bemühte, dieser Klasse die günstigsten Bedingungen inbezug auf Beleuchtung und Ventilation zu schaffen.

Weiter sagt der Kaiser: „Für den zwölf-, dreizehn-, vierzehnjährigen Schüler in Quarta und Tertia beträgt einschließlich der Turnens und Singens die wöchentliche Stundenzahl durchschnittlich 32, steigt in einzelnen Anstalten auf 35 und in der Tertia der Realgymnasien auf, sage und schreibe, 37. Nun, meine Herren, wir sind alle mehr oder minder gereift und arbeiten, was wir können, aber auf die Dauer würden wir eine solche Arbeit auch nicht aushalten ¹⁾).

Die Resultate dieses Systems sind kläglich, und Kaiser Wilhelm, das Haupt eines militaristischen Staats, hat, wie er sagt, von der Schule, von der er kräftige Soldaten und gesunde Beamte erwartet, Krüppel erhalten.

Seit der Konferenz, auf der Kaiser Wilhelm seine Rede hielt, sind 21 Jahre verflossen, und während dieser Zeit hat sich die Lage der Dinge in Deutschland sehr wenig verändert; auch gegenwärtig beträgt in Deutschland das Minimum der täglichen Stunden in den Mittelschulen 30, das Maximum 37. In den russischen Gymnasien und Realschulen ist die Zahl der täglichen Stunden in den Klassen sogar etwas größer als in Deutschland. Die Zahl der täglichen Fachstunden (ohne Turnen und Singen) beträgt im Minimum 26, im Maximum 30. Die entsprechenden Zahlen für Deutschland sind 25 und 29, wobei die Zeichenstunden nicht berücksichtigt sind.

Um eine Vorstellung von dem ganzen Arbeitstag eines die Schule besuchenden Kindes zu gewinnen, muß man zu den Stunden, die es in der Schule verbringt, noch die Zeit hinzurechnen, die es zur Vorbereitung für die Stunden braucht. Wie lang diese Zeit ist, kann man aus der Angabe des Direktors des Zarizynschen Gymnasiums D. T. Treťjakow auf einer Sitzung der Bogoljepowschen Kommission ersehen, daß die Präparation zu den Stunden nicht mehr als 2 Stunden in den unteren, 3 bis 4 Stunden in den oberen Klassen erfordern solle. Daraus, daß eine solche Stunden-

1) Ibidem № 338, S. 2.

zahl für die Präparation als wünschenswert hingestellt wird, muß man schließen, daß die Vorbereitung zu den Stunden in Wirklichkeit viel mehr Zeit erfordert. Und in der Tat kann man fast beständig sehen, daß die Schüler, wenn sie nach 3 Uhr aus dem Gymnasium kommen, den ganzen Rest des Tages, abgesehen von kurzen Pausen zum Essen, bis $\frac{1}{2}$ 11 Uhr oder noch später mit Präparation auf die Stunden und ergänzenden Stunden in den neuen Sprachen und der Musik verbringen. Aber auch schon eine nur 7 oder 8 stündige tägliche geistige Arbeit ist für den jungen, in der Entwicklung befindlichen Organismus als übermäßig zu bezeichnen. Bei uns gelten, nach der Ansicht Netschajews als Normaldauer der täglichen Schülerarbeit offiziell gegen 8 Stunden (5 Stunden in der Schule, 3 Stunden Präparation zu den Stunden). Wie schwer die Arbeit ist, die wir unseren Kindern auferlegen, können wir z. B. daraus ersehen, daß die Pädagogen, wie ich aus Gesprächen mit solchen erfahren, der Ansicht sind, drei Stunden täglich könne man mit Leichtigkeit erteilen, 4 Stunden täglich seien schon eine schwere Arbeit für sie, fünf Stunden täglich seien aber eine erdrückende, mit Mühe zu ertragende Arbeitslast. Allerdings ist es ja schwerer zu unterrichten, als in den Stunden zu sitzen, aber dafür sind die Lehrer erwachsene Leute, die Schüler Kinder; dazu kommt noch, daß die Lehrer in den Stunden nicht das Gefühl der Furcht und andere seelische Erregungen empfinden, unter deren Einfluß die Seele des Kindes sich so häufig während der Lehrstunden befindet.

Den seelischen Zustand des Kindes schildert beispielsweise in der deutschen Schule Ludw. Gurlitt sehr schön in seinem Buch; „Der Deutsche und sein Vaterland“ folgendermaßen. Jede Stunde beginnt dort in ewiger Eintönigkeit mit 20–30 Minuten dauerndem Abfragen. Auf ein Lob fallen 50 tadelnde Bemerkungen. Die Arbeit des Schülers verläuft dort unter dem ununterbrochenen Druck des Schreckens und der Erregung. Schrecken und Unruhe matten während der ganzen Zeit die Nerven der Schüler ab. Die Herzen der Schüler beben. Die Forderung immer größerer häuslicher Arbeit drückt auf die Schüler und ihre Familien wie ein Alp. Den Schülern wird ein Arbeitstag von 12 Stunden als normal vorgeschrieben. Das Abiturientenexamen gleicht einem Kri-

minalgericht über besonders wichtige Verbrechen. Und außerdem sind die Prüfungen endlos, jeder Tag hat die Strafe seiner eigenen Probearbeit. Daher sehen wir auch bleiche, furchterfüllte Jünglinge. Bei den Reifeprüfungen brechen auch die stärksten zusammen. In die Lehrbücher wird eine größere schreckliche Menge gelehrten Ballasts von den Urväter Zeiten her aufgehäuft, man lehrt und lernt unendlich viel Unnützes ¹⁾.

Diese Überbürdung des Schülers führt zu einer beständigen Verkürzung der für den Schlaf bestimmten Zeit. Nach den Daten von Axel Key schlafen die Schulkinder zu wenig. Von den 14-jährigen Schülern schlafen nur 13 Proz. 9 Stunden, die Normalzeit für dieses Alter, von den 15-jährigen, bei Annahme eines Normalschlafs von 8¹/₂ Stunden, 14 Proz., von den 16-jährigen (wenn man 8 Stunden Schlaf als Norm annimmt) schlafen mehr als die Hälfte weniger als 8 Stunden ²⁾. Axel Key hat vollständig recht, wenn er sagt, daß diese Schlafdauer unvernünftig kurz ist. Dabei erscheint die Verkürzung der Schlafzeit als einer der schädlichsten Faktoren zur Zerrüttung des Nervensystems.

Um das Maximum der täglichen Arbeitsdauer eines Schülers, das in keinem Falle überschritten werden darf, zu bestimmen, kann man folgendes einfache Verfahren anwenden. Nehmen wir den Arbeitstag eines Erwachsenen. Offenbar darf der Arbeitstag eines Kindes nicht mehr Stunden in Anspruch nehmen. Als Beispiel dafür, wieviel ein Erwachsener, der sich mit geistiger Arbeit beschäftigt, arbeitet, nehmen wir die Beobachtungen des bekannten Forschers auf dem Gebiet der Experimentalpsychologie A. P. Netschajew, der während einer wissenschaftlichen Abkommandierung sorgfältig notierte, wieviel Stunden er der geistigen Arbeit, der schweren sowohl, als auch der leichten, widmete. Unter der ersteren verstand er wissenschaftliche Beschäftigung, die angespannte Aufmerksamkeit verlangte, unter der letzteren Lektüre belletristischer Werke und Zeitungen, Briefschreiben, Abschreiben vorher angemerakter Stellen aus wissenschaftlichen Werken

1) Zitiert nach Wilh. Münch: Zukunftsschulepädagogik. Moskau 1906. S. 105 (in russischer Sprache).

2) Zit. nach Altschul. Русская школа (Die russische Schule) 1896, № 5 и 6; S. 138.

u. d. m. — Als Resultat seiner Beobachtungen ergab sich folgendes: die mittlere Stundenzahl der geistigen Arbeit an gewöhnlichen Arbeitstagen beträgt $6\frac{1}{2}$ Stunden, wovon auf die schwere geistige Arbeit $4\frac{1}{4}$ Stunden kommen¹⁾. Dieses Beispiel gibt uns die Arbeitsstunden eines erwachsenen Menschen, der unter sehr günstigen Bedingungen arbeitete: die Beobachtungen an sich veranstaltete der junge Mann während seiner Abkommandierung zu wissenschaftlichen Zwecken, und das ist bekanntlich die für die gelehrte Arbeit am intensivsten ausgenutzte Zeit. Dabei beschäftigte sich der Beobachter mit einer ihn interessierenden, von ihm selbst gewählten Aufgabe und hatte noch dazu die Möglichkeit, über seine Zeit nach Belieben zu verfügen: die Arbeit zu unterbrechen, wenn er ermüdet war, und eine grössere Anzahl von Stunden zu arbeiten, wenn er sich noch nicht ermüdet fühlte. — Welches moralische Recht haben wir denn nun, die Kinder dazu zu zwingen, daß sie eine bedeutend längere Zeit bei schwerer geistiger Arbeit sitzen?

Wie wir wissen, ist für erwachsene Arbeiter, die physische Arbeit verrichten, die Forderung des 8-stündigen Arbeitstages aufgestellt, und diese Forderung fängt schon an, sich hier und da zu verwirklichen. Für die geistige Arbeit muß man offenbar eine viel kürzere Normaldauer ansetzen, als für die körperliche. Die weit überwiegende Mehrzahl von uns, die sich mit geistigen Arbeiten beschäftigen, arbeitet viel weniger als 8 Stunden am Tage. Kaiser Wilhelm hat vollständig recht, wenn er, sich an die Gelehrten und Pädagogen wendend, in seiner oben zitierten Rede sagt: „Wir sind alle mehr oder minder gereift und arbeiten, was wir können, aber auf die Dauer würden wir eine solche Arbeit auch nicht aushalten“. Bekanntlich waren Männer, die eine gewaltige geistige Arbeit verrichteten, wie Spencer, der Schöpfer der vielbändigen synthetischen Philosophie, oder Darwin täglich nur $2\frac{1}{2}$ —3 Stunden zu arbeiten imstande.

Haben wir also das Recht, die Kinder für viele Stunden

1) A. P. Netschajew: Der Schultag. Русская школа (die russische Schule) 1900., S. 58. — Wir führen diese Ziffern nicht als Ideal an, sondern als faktisches Material. Wenn die Jugend mehr den Forderungen der Hygiene entsprechend erzogen wird, wird sich die Arbeitsfähigkeit der Erwachsenen vielleicht vergrößern.

täglich zu geistiger Arbeit zu nötigen, wobei noch zu berücksichtigen ist, daß dem Wesen der Sache entsprechend von ihnen kein passives, mechanisches Verhältnis, sondern gerade ein aktives verlangt wird.

Man muß hinzufügen, daß die Daten, die von der Experimentalpsychologie durch unmittelbare Beobachtungen an Schülern erhalten sind, offenbar zu denselben Schlüssen führen, wie diese allgemeinen Erwägungen. So muß daher nach den Daten der Experimentalpsychologie der Schultag in folgender Weise eingerichtet werden: die Beschäftigung in der Schule beginnt um 9 Uhr und dauert bis 12 Uhr. Von 12—4 Uhr ist die Ruhepause, während der Schüler und Lehrer ihre Kräfte wieder auffrischen. Darauf kann die Beschäftigung in der Schule von 4—6, oder von 5—7 Uhr fortgesetzt werden¹⁾. — Aber bei einer solchen Menge von Schulstunden läßt sich die häusliche Präparation zu den Stunden nirgends unterbringen. Kraepelin ist der Ansicht, daß das Bild der Übermüdung durch die gegenwärtige Schule noch trauriger sein würde, wenn nicht die Kinder sich unbewußt durch ein Mittel retteten — nämlich durch Unaufmerksamkeit. Er sagt: „Indessen scheinen mir seine (Bürgersteins) Versuche unwiderleglich zu beweisen, daß unsere Jugend notwendig dem geistigen Siechtum verfallen müßte, wenn sie wirklich gezwungen wäre, zum mindesten 10 Minuten in jeder von ihr zu erstehenden Schulstunde mit voller Anpassung der Aufmerksamkeit zu arbeiten. Daß tatsächlich nur verhältnismässig Wenige durch die Überbürdung in der Schule geistig schwer geschädigt werden, haben wir lediglich jenen Lehrgegenständen und Lehrkräften zu verdanken, welche dem Schüler die segensreiche Gelegenheit geben, seiner ermatteten Aufmerksamkeit die Zügel zu lockern und die rauhe Gegenwart zu vergessen. Daraus ergibt sich die unerwartete Folgerung, daß bei der heutigen Ausdehnung des Unterrichts langweilige Lehrer geradezu eine Notwendigkeit sind. Würden alle Lehrer verstehen, bei ihren Schülern ein hinreißendes Interesse für ihren Unterrichtsgegenstand zu erwecken und wach zu halten, so würden die Kinder trotz wachsender Ermüdung zu dauernden geistigen Kraftanstren-

1) H. Schwarz. Die experimentelle Pädagogik in Deutschland. Neue Jahrbücher der Pädagogik. 1907, S. 361 und 537.

gungen geführt, deren Folge wir gar nicht zu übersehen vermögen¹⁾).

Als trauriges Resultat der unrichtigen Organisation der Mittelschule hebt man gewöhnlich verschiedene Erkrankungen und die allgemeine ungenügende Entwicklung der heranwachsenden Generation in physischer Beziehung hervor. Derartig sind die Tatsachen, die wir im Anfang dieser Abhandlung angeführt haben. Aber diese Erscheinungen der physischen Verkrüppelung werden nur deshalb in erster Linie hervorgehoben, weil sie mehr in die Augen fallen, weil sie leichter in Ziffern auszudrücken sind, und weil sie bei der Ableistung der Wehrpflicht so große Bedeutung haben. In Wirklichkeit aber hat die Überbürdung der Jugend mit Schularbeiten eine noch verderblichere Wirkung auf die intellektuellen und psychischen Kräfte der lernenden Jugend.

Infolge der Überbürdung mit Arbeit wird zunächst das Interesse der Schüler an der Umgebung herabgesetzt, und der Kreis ihrer Geistes — und Lebensinteressen verengert. Wir sehen, wie ein Kind, das bis zur Schule sich für Kunst und Natur interessiert hat, dessen Verstand sich mit den seiner Seele naheliegenden religiösen und philosophischen Problemen beschäftigt hat, auf einmal in intellektueller Hinsicht sinkt. Der Kreis der Tatsachen, mit denen sich sein Geist beschäftigt hatte, verengert sich. Seine Sprache wird weniger bestimmt, enthält nicht mehr anschauliche Bilder und Wendungen. Das Kind bringt den Eindruck hervor, als ob man es betäubt, als ob man es auf den Kopf geschlagen habe.

Wenn das den Schülern mitgeteilte Lernmaterial ihnen vollen Nutzen bringen soll, müssen die Schüler genügend freie Zeit haben, damit sie es nicht nur durchdenken, sondern auch damit die mitgeteilten Tatsachen und Systeme in ihrer psychischen Sphäre sich lagern können, damit sie mit einander und mit dem früher angehäuften Material eine organische Verbindung eingehen können. Für die geistige Arbeit haben Bedeutung nicht nur die Stunden, die der bewußten Aneignung von Kenntnissen gewidmet wird, sondern auch die Pausen zwischen den Arbeiten, in denen der Geist anscheinend nicht mit Gedanken beschäftigt ist, während deren aber doch unter-

1) Kraepelin, Über geistige Arbeit Jena 1903, S. 18.

halb der Schwelle des Bewußtseins der Prozeß der Wechselwirkung des neu aufgenommenen Stoffs und des schon vorher vorhandenen psychischen Inhalts stattfindet. So spielen die freien Pausen zwischen den geistiger Arbeit gewidmeten Stunden und Tagen eine grosse Rolle bei der Aneignung des Lehrstoffs, und die Schule, die ihre Schüler durch die Masse des gebotenen Materials überbürdet, setzt selbst Faktoren ein, die den regelrechten Gang ihrer Arbeit hemmen und aufheben.

Dem Schüler einer solchen Schule bleibt keine Zeit zur selbständigen Lektüre, es ist aber bekannt, eine wie große Rolle die häusliche Lektüre für die Entwicklung und Bildung der Schüler spielt. Wenn der Schüler in freien Augenblicken auch ein Buch in die Hand nimmt, so ist es höchst nichtigen Inhalts: Charakteristisch in dieser Beziehung ist folgendes Gespräch eines Vaters mit seiner Tochter; „Warum liest du so nichtige Bücher? Warum liest du nicht wenigstens gute belletristische Werke, z. B. die Romane Victor Hugos?“ „Ja siehst du, Papa“, ist die Antwort, „ich bin jetzt so müde, daß ich nur die allernichtigsten Sachen lesen kann“. Vielleicht hängt die Verbreitung der „Nick Carterlektüre“ mit der zunehmenden Überbürdung der Schüler mit Lehrstoff zusammen.

Von einer irgendwie ernsthaften künstlerischen Ausbildung (in der Musik, im Zeichnen, im Modellieren u. d. m.) kann unter solchen Umständen auch nicht die Rede sein. Alles Reden von der physischen Entwicklung — dem Turnen, Sport, von Spielen im Freien — ist nur Heuchelei. Wenn das Kind bis zur äußersten Ermüdung mit Arbeit überhäuft ist, wie man das gewöhnlich bemerkt, so ist das Beste für dieses in den freien Pausen sich zu erholen, etwas spazieren zu gehen und zu liegen; jede neue Anstrengung aber, wenn auch in anderer Richtung als die gewöhnliche Arbeit, ermüdet es noch mehr und untergräbt seine Kräfte, wie das klar aus den Untersuchungen des von uns oben zitierten Kraepelin, eines der hervorragendsten Psychiater unserer Zeit, hervorgeht ¹⁾.

Das Ideal der Schule ist, indem sie die allgemeine Bildung gibt, zugleich in dem Schüler irgendwelche spezielle Liebha-

1) Kraepelin, l. c. S. 19.

bereien, besonders Liebe zu irgendeinem bestimmten Wissenszweig, zu irgendeiner bestimmten Tätigkeit hervorzurufen. Nur der Mensch hat wirklichen Wert, welcher einen bestimmten Lebensweg geht, welcher eine geliebte Tätigkeit hat. Ein Mensch, der Kenntnisse auf den verschiedensten Wissensgebieten besitzt, aber keine bestimmte Sympathie für irgendeinen Wissenszweig hat, hat im Leben ebenso wenig Wert, wie eine Münze, deren Gepräge durch den Gebrauch abgerieben ist. Ein Mensch, dem nicht irgendeine bestimmte Tätigkeit am Herzen liegt, und der keine Spezialkenntnisse besitzt, kann auch keine wirkliche Allgemeinbildung haben.

In einem seiner Werke erläutert Wilhelm Ostwald sehr schön die Bedeutung der Entwicklung spezieller Interessen und Liebhabereien bei den Schülern: „Dem Deutsch-Amerikaner Stallo, der mehr und mehr als ein höchst selbständiger Denker bekannt wird, verdanke ich eine Bemerkung, die unsere Frage auf das treffendste beleuchtet. Er hat immer wieder betont, daß, wenn ein Mensch irgendein Stück wirklicher Wahrheit an irgendeiner Stelle menschlichen Wissens besitzt, er den Maßstab hat, mit dem er alles andere messen kann. Stimmt das Maß, dann kann er das neue Wissen dem Schatze seines Geistes sicher einverleiben, wenn nicht, so wird er es von sich weisen. Der Schüler, welcher sich für den elektrischen Funken interessiert, wird auch Mathematik und Geometrie lernen, um die Sache besser zu verstehen, ferner auch seine Hand üben, um Apparate bauen zu können u. s. w. So ist mit der Zeit ein ganzer Kranz von Kenntnissen und Fertigkeiten um den elektrischen Funken entstanden, und wir haben dann einen Menschen, der nicht nur glücklich, sondern auch tätig und tüchtig geworden ist ¹⁾.

Seine Lieblingstätigkeit haben. — das ist eine der wichtigsten Bedingungen des Erfolges im Lebenskampf, und bestimmte Bestrebungen in dieser Richtung zeigen sich schon in sehr jungen Jahren. Aber damit sich eine solche Liebe zu einem bestimmten Wissenszweig oder zu einer bestimmten Tätigkeit entwickle, ist erforderlich, daß der junge Mensch freie Zeit habe, das Material, welches zu seiner Verfügung steht, zu ordnen. Bei Schülern, die mit Arbeit überbürdet sind,

1) W. Ostwald, Die Forderungen des Tages. Leipzlg. 1911, S. 531.

können sich solche deutlich ausgesprochene Sympathien, eine solche Liebe zu einer bestimmten Tätigkeit nicht entwickeln.

Die Überbürdung der Schüler der Mittelschulen mit übermäßiger Arbeit führt bei ihnen zur Ausarbeitung der besonderen Kunst, sich mit der Arbeit irgendwie abzufinden, damit ein Anschein von Wissen zustande komme; wirkliches Wissen fehlt. Es kann ja auch nicht anders sein, da der häuslichen Aufgaben so viel sind, daß der Schüler kaum die Zeit findet, sie notdürftig irgendwie zu machen. An einem Kinde, das nicht von der untersten Klasse an das Gymnasium besucht, kann man sehen, wie viel Zeit es zur Bewältigung der häuslichen Aufgaben braucht, und das hängt davon ab, daß es noch nicht gelernt hat, die Aufgabe nicht gewissenhaft zu machen. Ein derartiges oberflächliches Verhältnis zur Arbeit ist unter den gegebenen Bedingungen vollkommen rechtmäßig und zweckentsprechend — es ist der Schutz des Organismus gegen die auf ihn gehäufte übermäßige Arbeit. Den Kunstgriff, jede Arbeit oberflächlich zu machen, nimmt der Schüler auch auf die Universität und in das spätere Leben mit, wo er ihm selbst und der Gemeinschaft, in der er arbeitet, in der Mehrzahl der Fälle schadet.

Der frühere Direktor des Nikolaigymnasiums in Zarskoje Sselo, der schon verstorbene I. I. Piskarew, schreibt schon im Jahre 1881—1882: „Eines nur erregt mir Sorge und beunruhigt mich in dem Schulleben meines Sohnes, das ist die Menge und Mannigfaltigkeit seiner täglichen Arbeit, die ihn der Spaziergänge in frischer Luft und der kindlichen Vergnügungen berauben: er ist buchstäblich täglich von 8 Uhr morgens bis 11, sogar bis 12 Uhr nachts beschäftigt. Er hat täglich 5 Schulstunden und 2 oder 3 häusliche Stunden, mit eingerechnet die Musikstunden. Das ist schädlich in physischer Hinsicht, nicht minder in pädagogischer. Das stündliche, um mich so auszudrücken, Hinüberflattern von einem Lehrgegenstand zum andern, das überflüssige Wechseln der Beschäftigung verhindert die Entwicklung der Konzentration und Selbständigkeit und erzeugt die Gewohnheit der Eilfertigkeit und Oberflächlichkeit“¹⁾.

1) Zitiert nach dem Artikel von T., Zur Frage der Reform des Mittelalters. *Русская школа*, 1903, III, S. 121 (in russischer Sprache).

Dieses oberflächliche Arbeiten erscheint geradezu als voller Gegensatz zu dem, was eine gute Schule erstreben soll. Sie sollte die Fähigkeit herausarbeiten, sich auf einen Gegenstand zu konzentrieren, ihn allseitig zu erfassen, in ihm Züge zu entdecken, die von den Kameraden und vom Lehrer selbst nicht bemerkt sind. Und wenn wir in der sog. intelligenten Schicht eine so große Menge schlechter Arbeiter wahrnehmen, so muß man das in hohem Grade der besonderen Trainierung zuschreiben, die darauf gerichtet ist, jedes Werk nicht auszuprägen, sondern zu „schmieren“, eine Trainierung, die unsere Mittelschule in den Schülern so gründlich und sorgfältig ausarbeitet.

Die übermäßige Überbürdung der Schüler in der Mittelschule erweist den traurigsten Einfluss auch auf das sittliche Gebiet ihres Seelenlebens. Ein regelrechtes Funktionieren der höheren Seiten des Seelenlebens ist nur unter normalen Verhältnissen möglich. Wenn aber der Organismus ermüdet, wenn sein Seelenleben niedergedrückt ist, so sind auch die höheren Erscheinungen des Seelenlebens herabgesetzt, und die Tätigkeit der niederen Nervenzentren tritt an die erste Stelle. Jeder hat wohl an sich selbst mehr als einmal die Beobachtung gemacht, daß ihm, wenn er ermüdet war, allerlei Dummheiten in den Sinn gekommen sind. Durch diese Herabsetzung des Willens, der bewußten Beziehung zur Umgebung erklären sich die mannigfaltigen Erscheinungen nicht erwünschter Seiten des Seelenlebens: es machen sich geltend das Geschlechtsleben, das Streben den Hof zu machen oder zu gefallen, das Streben, alles von der leichten Seite zu nehmen, von der Seite des Vergnügens und Genusses, und zwar oberflächlichen und niedrigen Genusses. Kurz, diese Überbürdung der Schüler führt dazu, daß in den Jugendjahren, in denen die sittlichen Grundsätze für das ganze Leben gelegt werden, der Mensch unter Bedingungen gestellt wird, die für die Entwicklung dieser Grundsätze höchst ungünstig sind. Guyot hat vollständig recht, wenn er der Ansicht ist, daß hohe sittliche Seelenstimmung die Äußerung des Reichtums an Lebenskräften sei. Wenn wir einen Schüler mit seinen Kräften nicht entsprechender Arbeit belasten, so wird mit der Herabsetzung seiner Lebenskräfte überhaupt, in verhängnisvoller Weise auch sein sittliches Niveau herabgesetzt.

Unsere Gymnasien geben infolge der Überbürdung der Schüler durch die allzu umfangreichen Programme ihren Schülern nicht einmal das Wichtigste — die Fähigkeit, ihre Muttersprache in schriftlicher und mündlicher Rede zu beherrschen. Die Notwendigkeit, täglich ein grosses Tatsachenmaterial sich anzueignen, zwingt die Schüler, alles auswendig zu lernen; sie haben weder Zeit noch Kraft, sich in den Inhalt des Aufgegebenen hineinzudenken und ihn darauf mit eigenen Worten wiederzugeben. Andererseits sehen auch die Lehrer, wie mir erfahrene Pädagogen erzählt haben, auf ein solches Auswendiglernen durch die Finger, da sie begreifen, daß die Schüler durch die Notwendigkeit dazu gezwungen werden. Ebenso kann man infolge der Überbürdung der Schüler diesen auch nicht die Anfertigung von schriftlichen Aufsätzen in genügender Menge aufgeben. Wenigstens, so hat man mir erzählt, bemüht man sich in den Petersburger Gymnasien möglichst wenige Aufsätze aufzugeben, mit Rücksicht darauf, daß bei der Überbürdung der Schüler durch die fortlaufende Arbeit das Schreiben von Aufsätzen ihre Kraft allzu sehr erschöpfen würde. Daher ist es verständlich, daß die Schüler unserer Mittelschulen sogar die Muttersprache nicht, wie es sich gehört, beherrschen.

Die negativen Resultate der russischen Mittelschule werden vortrefflich charakterisiert durch den ehemaligen Minister der Volksaufklärung in den Vereinigten Staaten Josia Shin, den Verfasser eines Lehrbuchs der Geschichte Rußlands für amerikanische Schulen, der ums Jahr 1894 Russland besuchte. Ich entnehme diese Charakteristik einer Rede W. I. Kowalewskys auf der 2-ten Sitzung der Bogoljepowschen Kommission: „Die russische Schule frappte den Amerikaner dadurch, daß sie in keiner Weise den kulturellen Besonderheiten des russischen Volkes und den reichen natürlichen Anlagen entsprach, mit denen der Russe begabt ist. Die Lehrer in dieser Schule sind Formalisten, die sich vor allem bemühen, in das Hirn der Schüler ein möglichst umfangreiches, belastendes Material hineinzupumpen; die Persönlichkeit sowohl des Schülers, als auch des Lehrers wird in der Schule nicht anerkannt; gleich dem extensiven Bau der russischen Landwirtschaft trägt auch die russische Schule extensiven Charakter, der keine Individualität zuläßt. Deshalb verlassen die Schüler die Schule schlechter,

als sie hineinkommen: statt energischer, frischer junger Leute kommen schlaife, apathische heraus und statt standhafter und gläubiger schwankende und zweifelnde“¹⁾).

Die Krisis der Gegenwartsschule wird in hohem Grade dadurch bedingt, daß ihre Aufgabe nicht genügend klar erkannt ist. Man stelle sich vor, daß jemand möglichst produktiv einige Jahre seines Lebens seiner Bildung und überhaupt der geistigen Arbeit weihen will. Die erste Bedingung für die erfolgreiche Ausführung des Unternehmens besteht darin, daß man verstehe, sich klar und bestimmt die Aufgabe der Arbeit zu stellen und bei der darauf folgenden Ausführung des Programms sich in den gesteckten Grenzen zu halten. Wie kann nun die Arbeit in der Mittelschule erfolgreich sein, wenn die Mehrzahl der Pädagogen keine klare Vorstellung davon hat, was die Schule geben soll? Aus der Menge der an den Sitzungen der Bogoljepowschen Kommission teilnehmenden Vertreter der Mittelschule und Professoren konnte keiner eine klare und bestimmte Antwort auf die Frage geben, worin die Aufgabe der Mittelschule bestehe.

Am charakteristischsten für die unbestimmte Vorstellung von den Aufgaben der Mittelschule, die unter den Pädagogen und überhaupt in weiten Kreisen vertreten ist, ist die Ansicht eines Professors, der dieser in einer Sitzung dieser Kommission Ausdruck gab. Er formuliert die Aufgabe der Mittelschule folgendermaßen: Ohne die regelrechte physische Entwicklung des Kindes und Jünglings zu behindern soll man seine geistigen Fähigkeiten allseitig entwickeln; man soll seinen Horizont erweitern; man soll ihn lehren, die ihn umgebende Welt verständig zu sehen und aus ihr in dem seinem Alter zugänglichen Gebiet das Material für seine geistige Tätigkeit zu schöpfen; man soll ihn lehren, fremde Gedanken zu lesen, zu hören und zu verstehen und eigene korrekt auszudrücken; man soll die dem jugendlichen Alter eigentümliche Wißbegierde und das Interesse für geistige Arbeit unterstützen; man soll in ihm Wahrheitsliebe, das Gefühl des moralischen Zusammenhangs mit andern Leuten, mit der Gesell-

1) Arbeiten der Allerhöchst bestätigten Kommission inbezug auf die Frage der Verbesserung der mittlern, allgemeinbildenden Schule. Lieferung I. St.-Petersburg, 1900, S. 15 (in russischer Sprache).

schaft, mit dem Volk entwickeln; man soll in seinem Herzen das Bestreben erwecken, für das Wohl der Menschheit und zunächst das des Vaterlandes tätig zu wirken, kurz, man soll ihn lehren, in den Fragen, die das Leben stellt, unabhängig vom Gegenstand dieser Fragen sich verständig und selbsttätig zurechtzufinden. Mit denselben Werkzeugen und Mitteln, durch die dieses Ziel erreicht wird, soll die allgemeinbildende Schule ihre Zöglinge mit dem Vorrat von Kenntnissen versehen, der einem zeitgenössischen Kulturmenschen nötig ist (unabhängig von der ferneren Laufbahn, die er sich auswählt), und der für die Fortsetzung der Bildung auf der Hochschule nötig ist, falls er diese bezieht¹⁾).

Dieses Programm ist freilich wunderschön, aber zu seiner Ausführung reicht ein ganzes, langes Menschenleben nicht aus. Und wenn man es im Verlauf des 8-jährigen Kursus der Mittelschule zu verwirklichen beginnt, so müssen in verhängnisvoller Weise alle die traurigen Resultate der Schülerüberbürdung erfolgen, von denen oben die Rede gewesen ist.

Bevor wir zur Beantwortung der Frage übergehen, wie die Mittelschule beschaffen sein soll, müssen wir einleitende Bemerkungen machen. Erstens müssen wir die extremsten Erscheinungen des Individualisationsprinzips und die Veränderungen des Programms nach den Neigungen und Bestrebungen der einzelnen Schüler ausscheiden. Das Leben kann zweifellos einige Typen von Schulen ausarbeiten, in denen ein und dasselbe Ziel mit verschiedenen Mitteln erreicht wird. Ebenso unzweifelhaft muß beim Unterricht die Individualität der Schüler beachtet werden, und es würde durchaus unbegründet sein, wenn man jemand den Zugang zu höherer Bildung versperren wollte, weil sich in seiner geistigen Begabung teilweise Defekte finden, so z. B. Unfähigkeit zur Mathematik oder zu den Sprachen, oder Unfähigkeit, sich die Rechtschreibung anzueignen. Im allgemeinen aber muß die Schule sich das Ziel stellen, jedem Kinde das zu geben, was ihm für sein ferneres Leben nötig ist, und der Zyklus von Fertigkeiten und Methoden, die es später im Leben anzuwenden hat, muss zweifellos für die verschiedenartigen Schulen einen gemeinsamen Charakter haben. Hier kann nicht die Rede davon sein,

1) Arbeiten der Kommission, Liefer. I. S. 6.

das Kind nur das zu lehren, was ihm im gegebenen Moment interessant ist oder gefällt.

Von der Mittelschule verlangt man oft, sie solle national sein. Das ist allerdings sehr wünschenswert. Aber man darf darunter nicht unbedingt verstehen, daß die Geschichte, Geographie und Litteratur des Vaterlands die Hauptrolle zu spielen haben. Die nationale Schule wird, wenn sie auf eigenem Wege in zweckentsprechender Weise die ihr gestellte Aufgabe löst, ebenso national sein, wie das englische Parlament oder Geschworenengericht, was freilich die weitere Verbreitung dieser Einrichtungen weit über die Grenzen ihres Heimatlandes nicht verhindert.

Die Mittelschule soll allgemeinbildend sein. Dabei schließen einige ihrer Schüler ihre Schulbildung in ihr ab, anderen dient sie nur als Vorstufe für die höheren Lehranstalten. Der Umstand, daß die Mittelschule für einen Teil ihrer Schüler als letzter und endgültiger Ort der Schulwissenschaft erscheint, hat das Bestreben hervorgerufen, die Programme möglichst zu erweitern. Aber der Unterschied zwischen diesen beiden Kategorien ist durchaus nicht so tiefeinschneidend, da auch diejenigen, welche die Universität oder eine höhere Spezialschule beziehen, sofort nach dem Eintritt in die Hochschule an das Studium irgendeiner Spezialität gehen. Der Jurist oder Philologe hat schon auf der Universität nichts mit der Naturwissenschaft zu tun, der Naturwissenschaftler oder Mediziner nichts mit der Geschichte. Aber daraus geht durchaus nicht hervor, daß die Mittelschule, wie man gewöhnlich annimmt, sich das Ziel stellen müsse, ihre Zöglinge mit dem Wissensvorrat, der einem Kulturmenschen der Gegenwart notwendig ist, zu versehen, unabhängig von dem ferneren Wege, den er einschlägt. Das ist die schädlichste Utopie, die man sich vorstellen kann, die schädlichste, weil es unmöglich ist, in einigen Jahren den Schüler in der Mittelschule mit einem Vorrat von Kenntnissen zu versorgen, der für das ganze folgende Leben ausreichte; und die Versuche, das zu tun, werden, wie es auch in Wirklichkeit beobachtet wird, die traurigsten Folgen haben. Außerdem gibt die Mittelschule, wenn sie sich eine solche Aufgabe stellt, eben dadurch ihren Schülern gewissermassen das moralische Recht, in ihrem weiteren Leben nicht mehr für ihre Allgemeinbil-

derung zu sorgen. Sie befreit dadurch gewissermassen die Schüler von der moralischen Pflicht, sich weiter zu entwickeln. Wenn man, wie wir gewöhnlich sehen, diesen Standpunkt einnimmt, so hält der Chemiker mit einem gewissen Gefühl der Selbstbefriedigung seine Geschichtsbildung für abgeschlossen, der Historiker aber und der Jurist halten sich dispensiert von der Pflicht, sich mit der Naturwissenschaft bekannt zu machen. Wenn die Mittelschule die Verpflichtung auf sich nimmt, den Wissensvorrat zu geben, der für den Bedarf des ganzen ferneren Lebens nötig ist, so kann sie das nicht genügend ausführen, erstens wegen der Kürze der Zeit und zweitens, weil sie es mit noch unentwickelten Organismen zu tun hat. Wenn die Mittelschule sich ein unerreichtbares Ziel steckt, so erfüllt sie ihre unmittelbare Aufgabe ungenügend und versperrt in hohem Grade den Weg zur weiteren Entwicklung.

Bevor wir zu der Beantwortung der Frage gehen, nach welchen Prinzipien die Mittelschule aufgebaut werden solle, müssen wir die Aufgaben, die sie sich zu stellen hat, möglichst genau und einfach formulieren. Am besten geht man von der Vorstellung des menschlichen Organismus, mit Inbegriff der physischen Erscheinungen, als eines Mechanismus, als einer Maschine aus, da sich dieser Gesichtspunkt in der Medizin als der produktivste erwiesen hat. Unsere Aufgabe wird dann sein, die Einrichtung und die Bedingungen klarzumachen, unter denen diese Maschine sich am besten zusammenstellen und entwickeln kann, damit schließlich ein möglichst vollkommener, arbeitsfähiger, dauerhafter Mechanismus zustande komme, der das möglichst größte Glück für das Individuum, das es darstellt, den möglichst größten Nutzen für die Allgemeinheit gewährleistet.

Die Rolle der höheren Abteilungen unseres Nervensystems, über deren Tätigkeit wir aus den Erscheinungen des Bewußtseins urteilen, besteht darin, daß sie dem Individuum die Möglichkeit geben, möglichst zielbewußt zu verfahren, im Hinblick sowohl auf die Selbsterhaltung, als auch auf das Wohl des Geschlechts oder des Gemeinwesens, zu dem es gehört. Unser Nervensystem ist um so vollkommener, je genauer es die für uns bedeutungsvollen Veränderungen in dem umgebenden Milieu registriert, und je zielbewußter sein

Inhaber, der Mensch, in Abhängigkeit von dieser Registrierung seinerseits zweckentsprechend auf diese Veränderungen reagiert. Es ist das ein Mechanismus, dank dem wir unter allen möglichen Lebensbedingungen am meisten zweckentsprechend verfahren.

Die Aufgabe der Mittelschule besteht darin, diesem Mechanismus die Möglichkeit zu geben, daß er sich möglichst vollkommen entwickle, und ihn möglichst tauglich zu machen für die Zwecke des Lebens, das dem Individuum bevorsteht.

Man darf dabei den wichtigen Umstand nicht vergessen, daß dieser Mechanismus einen bestimmten Existenzgang hat; wie ein von Menschenhand gemachter Mechanismus, so nutzt sich auch dieser Mechanismus ab. Wir können in ihm die verdorbenen Teile nicht durch neue ersetzen, und wenn er in eine nicht entsprechende Umgebung kommt oder mit einer Arbeit belastet wird, die seine Kräfte übersteigt, so kann er unreparierbaren Schaden erleiden. Und wie häufig sehen wir wirklich junge Leute, die eben in das Leben treten, schon unfähig zur Arbeit, verkrüppelt, und die Schuld daran fällt in bedeutendem Grade auf die Schule.

In der Geschichte der Menschheit können wir in den letzten Jahrhunderten mehr als einmal wahrnehmen, wie die Anwendung naturwissenschaftlicher Prinzipien auf die komplizierten Erscheinungen des sozialen Lebens der Menschheit eine nicht nur zweckentsprechende, sondern auch humanere Lösung dieser Fragen bewirkt hat. So wurden Wahnsinnige und Hysteriker trotz des Christentums gefoltert und hingerichtet, bis der Arzt Pinel sie als Kranke behandelte. Ebenso wird die Kriminalanthropologie ungeachtet der Strenge der von ihr vorgeschlagenen Maßnahmen eine humanere Beziehung zu den Verbrechern veranlassen, die sie als Kranke, als Leute mit Defekten ansieht; sie wird in den sozialen Beziehungen das Prinzip der Rache und Strafe abschaffen und sie durch Maßnahmen zum einfachen Schutz der Gesellschaft gegen ihre schädlichen Glieder ersetzen. So würde auch die jetzige Schule sehr viel in bezug auf ein humaneres Verhalten gegen die Schüler gewinnen, wenn sie ihre Schüler als Mechanismen betrachtete. Wenn sich unter den Pädagogen der Gesichtspunkt einbürgerte, den menschlichen Organismus inbegriffen die psychischen Erscheinungen als Mechanismus zu betrachten,

so würden nicht nur die verschiedenen Aufgaben der Pädagogik einfacher erscheinen, sondern man würde sich zu der lernenden Jugend auch behutsamer verhalten, als jetzt. Jeder begreift, wie behutsam man mit einer Uhr, mit einem Mikroskop, einem Veloziped, einer Nähmaschine umgehen muß, und wenn diese Behandlung, die durch die Bekanntschaft mit diesen Mechanismen veranlaßt ist, auf den Menschen einen komplizierten Mechanismus, der uns durch seine scheinbare Dauerhaftigkeit verwöhnt hat, übertragen würde, so würde viel Leid und unnützer Verlust gemeinnütziger Kräfte abgewandt werden.

Wir müssen uns die Aufgaben der Mittelschule möglichst einfach und klar vorstellen. Sie müssen darin bestehen, daß man die Schüler sprechen und schreiben lehrt; daß man in der Mathematik eine Schule streng logischen Denkens gibt; ferner daß man die Schüler beobachten lehrt; daß man sie das durch Beobachten Erhaltene verallgemeinern lehrt; und endlich, daß man den Schülern die Grundlage der ästhetisch-idealistischen Erziehung gibt. Außerdem erscheint als obligatorisch die gründliche Kenntnis wenigstens einer fremden Sprache.

Eine ähnliche Feststellung der Aufgaben der Mittelschule findet sich in den Arbeiten der Bogoljepowschen Kommission; sie wurde auf einer Sitzung dieser Kommission als Ansicht des damaligen Finanzministers Witte gemacht. Nach den Worten W. I. Kowalewskijs, der als Delegierter des Finanzministeriums an diesen Sitzungen teilnahm, sind die Aufgaben der Mittelschule vom Standpunkte des damaligen Finanzministers die folgenden:

„Die Bildung hat den Zweck, den geistigen Apparat des Menschen zu entwickeln und diesen zu lehren, ihn möglichst produktiv und nützlich im Interesse unseres Gemeinwesens zu gebrauchen. Die Grundelemente dieser Entwicklung müssen das Wort und die Zahl sein, denn beim verständigen Gebrauch dieser entwickeln sich die induktive und die deduktive Methode des Denkens. Ergänzend muß die Fähigkeit des Beobachtens entwickelt werden. Inbezug auf die geistige Entwicklung hat die Fülle des Tatsachenmaterials, das hauptsächlich das Gedächtnis übt, nicht selten negative Bedeutung. In einer Linie mit dem Fehlen eines klaren Begriffs von den

Aufgaben der Mittelschule spielt die Überbürdung der Programme mit einem ungeheuer großen Tatsachenmaterial eine gewaltige Rolle als Ursache der traurigen Resultate der gegenwärtigen Mittelschule. Die Gegenwartschule stellt als eine ihrer Hauptaufgaben die Einprägung einer großen Menge in ein System gebrachten Tatsachenmaterials in systematischen Kursen der Geschichte, Naturkunde, Literaturgeschichte u. d. m.

Das Wesentliche des von mir vorgeschlagenen Arbeitsprogramms in der Mittelschule besteht darin, daß alles darauf hinzielt, den Verstand als Werkzeug zu vervollkommen, und daß durchaus keine besondere Aufmerksamkeit auf seine Bereicherung mit Tatsachen verwandt wird.

Dabei gehe ich von dem Gedanken aus, daß doch niemand auf den Gedanken kommen wird, zusammen mit dem Werkzeuge, dem Instrument, mit welchem er arbeitet, zugleich alles das zu sammeln und zu tragen, was er mit diesem Werkzeug zu bearbeiten im stande sein wird. Der Holzhauer steckt die Axt in den Gürtel und geht mit ihr in den Wald, aber er trägt diesen Wald nicht mit sich, der Schuhmacher hat sein Werkzeug und eine geringe Menge Material bei sich, so viel zur Ausführung der nächsten Bestellungen erforderlich ist, aber er denkt nicht daran, die ganze ungeheure Menge von Material, die während seines ganzen Lebens durch seine Hände geht, um sich zu sammeln; unsere Mittelschule aber bemüht sich nicht nur unser Denkinstrument zu vervollkommen, sondern ist auch sehr damit beschäftigt, den Schüler für sein ganzes Leben mit einem Vorrat von Tatsachen zu versehen, von denen die Mehrzahl ihm niemals und zu nichts nötig sein wird. Ein anderes Ding ist eine Spezialschule, darunter auch die Hochschule, z. B. die medizinische Fakultät, dort muß notwendigerweise von dem Schüler die Kenntnis bestimmter, für die Arbeit auf dem erwähnten Gebiet notwendiger Tatsachen gefordert werden, da er in dieser Schule nicht nur die Vervollkommnung seiner Denkfähigkeit erstrebt, sondern auch lernen will, eine bestimmte Sache auszuführen. Wenn einer z. B. Arzt werden will, so ist das ohne Kenntnis der entsprechenden Tatsachen unmöglich, obgleich auch hier eine Überbürdung mit unnötigen Tatsachen stattfinden kann. Die Aufgabe der Mittelschule besteht aber in der Vervollkommnung unseres Denkkorgans.

Äußerst verbreitet und vollkommen richtig ist es, daß man etwas von oben her und mit einer gewissen Verachtung auf die Methoden der orientalischen Schule herabsieht, in der das Auswendiglernen des Korans die Hauptbeschäftigung ist. Ich bin überzeugt, daß die Zeit kommen wird, wo man auch auf unsere Mittelschule von oben herabsehen wird, da ihr Bestreben, die Köpfe der Schüler mit Tatsachenmaterial anzufüllen, ebenso unzweckmäßig und unbegründet ist. Das bezieht sich in vollständig gleicher Weise sowohl auf unsere frühere Schule, in der man ohne alle Anschauungsmittel und Ausklügelei nötigte, lange Listen von Königen und Schlachten oder von Städte- und Provinznamen auswendig zu lernen, als auch auf die neuere Schule, in der man sich bemühte, dem Gedächtnis des Schülers komplizierte, dem letzten Worte der Wissenschaft entsprechende geschichtliche Konstruktionen und Systeme nach den neuesten pädagogischen Methoden aufzubürden.

Wenn wir auch die Fehler und Mängel in den Programmen und im Unterricht beiseite lassen, werden wir bei dem jetzigen System doch immer vor der schwierigen Aufgabe stehen, auszuwählen, was aus der ganzen Masse des Wissens, das die Wissenschaft der Gegenwart umfaßt, in die kleine Enzyklopädie aufgenommen werden soll, die der Schüler sich aneignen muß. Warum soll er Naturwissenschaft, aber nicht Jurisprudenz, Chemie, Philosophie lernen? Oder soll er beides lernen und überhaupt in vereinfachter Form alles, was die Gesamtheit des Wissens der Gegenwart ausmacht?

Aus dieser schwierigen Lage herauskommen kann man nur, wenn man das System der mittleren Bildung verändert, indem man das Bestreben aufgibt, den Kopf des Schülers mit Tatsachen anzufüllen, und vielmehr seine ganze Aufmerksamkeit darauf richtet, daß man ihn lehre, mit diesen Tatsachen umzugehen.

Jeder, der sich mit der Bearbeitung wissenschaftlicher Fragen beschäftigt hat, weiß aus Erfahrung, daß in jedem gegebenen Augenblick nur eine verhältnismäßig kleine Anzahl von Tatsachen in der Sphäre des Bewußtseins sich befindet oder durch das Gedächtnis hervorgerufen werden kann. Man stelle sich vor, daß man an einer bestimmten wissen-

schaftlichen Frage arbeite. Dann operiert man in seinem Bewußtsein mit Tatsachen, die man, nehmen wir an, in hundert einzelnen wissenschaftlichen Arbeiten gesammelt und geprüft hat, und von denen jede in dieser Periode der wissenschaftlichen Tätigkeit in unserem Bewußtsein ihre individuelle Physiognomie hat. Die Tatsachen, die in diesen Arbeiten enthalten sind, treten mit den durch unmittelbare Beobachtung erlangten Tatsachen in gegenseitige Beziehung, deren Resultat den Forscher zu neuen Schlüssen führt. Aber man stelle sich vor, daß unser wissenschaftlicher Arbeiter im Laufe von 10 Jahren nicht zu diesem Problem zurückgekehrt ist. Während dieser Zeit ist aus seinem Gedächtnis fast alles aus der Literatur des ersten wissenschaftlichen Themas verschwunden, ausgenommen die allergewöhnlichsten Thesen und einige Namen. Aber wenn er wieder zu der früheren Aufgabe zurückkehrt, so kann er in kürzester Zeit die vernachlässigte Frage wieder beherrschen.

Der Arbeiter muß im Verlauf einer langen wissenschaftlichen Laufbahn auf diese Weise viele Mal von einer wissenschaftlichen Frage zu einer andern übergehen; wenn es nun auch vielleicht solche Geister gibt, welche ihr Lebenlang alle Tatsachen behalten, die sie irgendwann bei der Entscheidung der einzelnen wissenschaftlichen Fragen benutzt haben, so ist das doch ein ganz unnötiger Luxus, der vielleicht sogar seine schädlichen Seiten hat. Die Aufgabe des wissenschaftlichen Arbeiters besteht nicht darin, daß er in seiner Bewußtseinsphäre möglichst viel Tatsachen aufbewahrt, sondern darin, daß er neue Tatsachen, das heißt, bis dahin unbekannte Wechselbeziehungen zwischen den Erscheinungen findet. Unter den Leuten, die sich wissenschaftlich mit der Medizin beschäftigen, gibt es, wie mir scheint, zwei Typen: die Einen besitzen im höchsten Grade die Fähigkeit, in ihren Forschungsgebieten Neues zu finden, die Anderen aber zeichnen sich durch ein riesiges Gedächtnis aus, so daß sie gewissermaßen lebendige Nachschlagebücher sind, oft zum Nachteil ihrer eigenen wissenschaftlichen Arbeit, die ihrer Bedeutung nach durchaus nicht der Menge der in ihrem Gedächtnis bewahrten Tatsachen entspricht. Derartige Leute erscheinen als ganz unnütze Konkurrenten der Zettelkataloge und Enzyklopädien. So ist es auch sogar bei der

wissenschaftlichen Arbeit wichtig, daß man die Tatsachen nicht nur im Gedächtnis behält, sondern daß man sich auch von ihnen frei macht, wenigstens auf eine Zeitlang. Dadurch wird wahrscheinlich die Produktivität der wissenschaftlichen Arbeit bedingt.

Das allgemeine Prinzip jeder geistigen Arbeit besteht darin, daß man sich einer gewissen Tatsachengruppe bemächtigt und daraus die entsprechenden Schlüsse zieht; dann aber wird diese Tatsachengruppe als verarbeitetes Material aus dem Bewußtsein ausgeschieden. Der Kern der Bestrebungen unserer Gegenwartsschule liegt ganz im Gegensatz dazu. Sie strebt danach, die Schüler dazu zu zwingen, daß sie in ihrer Bewußtseinssphäre ganze Tatsachengruppen behalten, die nur mechanisch mit einander verbunden und dem Schüler ganz nutzlos sind, da er aus ihnen irgend welche Schlüsse nicht ziehen kann, was ja auch von ihm nicht verlangt wird.

Zur Illustration weise ich auf den Geschichtsunterricht hin, der zuweilen konzentrisch angeordnet ist, das heißt, zuerst wird ein Elementarkursus durchgenommen, dann ein ausführlicherer. Beide Kurse schließen mit einem Examen ab, und das ganze Streben des Unterrichts ist darauf gerichtet, dem Gedächtnis der Schüler ein möglichst großes Material einzuprägen.

Ich bin davon überzeugt, daß, wenn man vom entgegengesetzten Standpunkte ausginge, das, wonach die Schule strebt, in viel höherem Grade erreicht würde, nämlich, daß die Schüler nach Absolvierung des Kurses ein großes Tatsachenmaterial besitzen.

Der Intellekt besitzt die Eigenschaft, unwillkürlich selbständig Tatsachen zu sammeln. Das von uns vorgeschlagene Lehrprogramm, das ist die Entwicklung der Fähigkeit die Tatsachen zu sammeln, kann man nur verwirklichen, wenn man die Schüler nötigt, mit Tatsachen zu arbeiten. Man kann nicht lesen und schreiben lehren, ohne dazu ein gewisses Material in Form eines Lesebuchs oder von Vorschriften zu geben, und ferner kann man nicht sprechen und schreiben lehren, ohne ein großes Tatsachenmaterial verarbeiten zu lassen, und der größte Teil dieses Tatsachenmaterials bleibt unauslöschbar im Gedächtnis. Wir erinnern uns

ja im späteren Leben kleiner Erzählungen und Parabeln aus dem Elementarlesebuch, aus dem wir lesen gelernt haben.

Unsere Mütter hatten recht, wenn sie sagten, daß sie Geschichte nicht aus Lehrbüchern, sondern aus den historischen Romanen Walter Scotts gelernt hätten. Wahrscheinlich werden viele darin mit mir übereinstimmen, daß von dem, was sie in den Geographiestunden gelernt haben, fast alles verwischt ist und schwer im Gedächtnis aufgefrischt wird, während die Naturbilder aus den „Kindern des Kapitän Grant“ und anderen Romanen von Jules Verne bis jetzt wie lebendig vor ihren Augen stehen.

Ich bin fest überzeugt, daß die Schüler einer solchen Schule infolgedessen, daß sie nicht werden auswendig lernen müssen und niemand dieses von ihnen verlangen wird, ein größeres Tatsachenmaterial besitzen werden, als die Schüler der jetzigen Mittelschule.

Die Richtung der Mittelschule, gegen die wir protestieren, hängt eng zusammen mit der unserer Ansicht nach falschen Definition des Wesens der Bildung. Ein gebildeter Mensch ist nicht ein Mensch, welcher eine Masse verschiedenartiger Tatsachen aus den verschiedensten und weit von einander abliegenden Gebieten weiß, sondern ein solcher, welcher durch entsprechende Bildung seinen Denkapparat zur größten Vollkommenheit gebracht hat. Diese Anschauung ist leider in weiten Kreisen noch nicht genügend verbreitet. Was man gewöhnlich Bildung nennt, zeigt den Stempel der Abgeschmacktheit und Fälschung. Wir wollen das an einem Beispiel erläutern.

Man stelle sich vor, man sei in eine Gesellschaft von Leuten geraten, die viele Mal zu wissenschaftlichen Arbeiten Paris und speziell die Nationalbibliothek besucht haben, und aus ihren Gesprächen sieht man sofort, daß ihnen eine ganze Reihe kleiner Einzelheiten des Pariser Lebens, der die Bibliothek umgebenden Gassen, der Cafés u. d. m. bekannt ist. Und nicht nur die wissenschaftliche Bildung dieser Leute, sondern auch ihre Kenntnis unbedeutender, unnützer Einzelheiten, von denen wir eben gesprochen haben, gibt dieser Gesellschaft ein besonderes Gepräge, wodurch sie von den Übrigen absticht. Die Aufgabe unserer gewöhnlichen Mittelschule besteht nun eben darin, dem Schüler eine Menge un-

nützer Namen und Fakten beizubringen, welche ihm den Anschein eines wirklich gebildeten Menschen geben sollen. Der Charakter der Kenntnisse, die ihm gewöhnlich in unserer Mittelschule beigebracht werden, ist derselbe, wie wenn man den Schüler nötigte, einen Reiseführer auswendig zu lernen. Man zwingt den Schüler im Gedächtnis zu behalten: Barcelona, Rshew, Karl V., Flimmerepithel, Aluminium u. d. m., damit diese Wörter, wenn sie gelegentlich im Gespräch vorkommen, ihm bekannt seien und er sich den Anschein geben könne, als wären das alles ihm bekannte Sachen. Wenn ein Mensch lange gelebt, viel gelesen und gedacht hat, gereist ist, viel auf verschiedenen Lebensgebieten gearbeitet und viel mit andern diskutiert hat, so stehen viele Bilder, Tatsachen und Schlüsse zu seiner Verfügung. Die Mittelschule kann in der kurzen Zeit, die ihr zur Verfügung steht, und da sie es mit jungen Leuten zu tun hat, keine wirkliche Bildung geben, aber sie ist bestrebt, statt dieser den Anschein der Bildung zu geben. Das ist eine Fälschung, die in gewaltigem Umfange vorgenommen wird und in dem Rahmen, auf den sie sich beschränkt, anscheinend mit vollem Erfolg.

Die negativen Seiten der gewöhnlichen Art und Weise der Aneignung von mancherlei Wissen und der Art und Weise des Unterrichts charakterisiert Kraepelin vortrefflich folgendermaßen:

„Das einfache Auswendiglernen geschieht bei den meisten Menschen, namentlich wenn es häufig geübt wird, mit Hilfe der Sprachvorstellungen. Wir vergegenwärtigen uns die Staaten von Nordamerika beim Hersagen nicht etwa nach ihrer gegenseitigen geographischen Lage, nach den Eigentümlichkeiten ihrer Bevölkerung, ihres Wirtschaftsbetriebs, ihrer praktischen Stellung, sondern wir üben eine Reihe von Sprachbewegungen ein, wie wir irgend eine Fingerfertigkeit erlernen. Und ebenso geht es mit allen derartigen Einprägungen. Je mehr sich die mechanische Verbindung der Wortlaute festigt, um so mehr werden alle übrigen Vorstellungen, welche sich ursprünglich noch mit den einzelnen Bezeichnungen verknüpfen, in den Hintergrund gedrängt. Anstelle reichgegliederter, weitumfassender Sachbilder tritt das leichtbewegliche, aber inhaltlose Sprachsymbol. Auf die Weise sind wir zwar imstande, mit geringem Kraftaufwande weite Strecken menschlichen Wis-

sens zu durchreisen, aber wir halten überall nur auf dem Bahnhofe und sehen die eigenartigen Gestalten höchstens in flüchtigen Umrissen rasch an uns vorüberziehen. Daß ein ausgezeichnetes Erinnerungsvermögen durchaus keine höhere geistige Befähigung ankündigt, zeigen die erstaunlichen Gedächtnisleistungen gewisser Idioten ¹⁾.

Gehen wir jetzt zu der genaueren Durchsicht der einzelnen Lehrfächer über, welche das Programm der Mittelschule bilden sollen. Fremde Sprachen müssen obligatorisch in das Programm der mittleren Bildung aufgenommen werden. Von jedem, der Anspruch auf ernsthafte Bildung macht, muß man nicht nur die Kenntnis einer fremden Sprache, sondern auch Eindringen in ihren Geist verlangen. Man kann seine Muttersprache nicht vollkommen beherrschen, man kann die Bedeutung der Worte seiner Muttersprache nicht vollkommen verstehen und schätzen, wenn man nicht die Worte einer fremden Sprache mit ihnen vergleicht. Die fremde Sprache gibt die Möglichkeit in einen geistigen Bau einzudringen, der von dem, in dem wir leben, gänzlich verschieden ist, und so können wir gewissermaßen von der Seite das beurteilen und abschätzen, was den Hauptinhalt unseres psychischen Baus bildet.

Aber wenn die Erlernung einer fremden Sprache ein notwendiges Element der mittleren Bildung ist, so muß man doch mit aller Kraft gegen die Vielsprachigkeit, die Geißel der gegenwärtigen Mittelschule, ankämpfen. Auf dem Philologenkongreß dieses Jahres (1911) wies Herr Januschewsky darauf hin, daß das Programm der klassischen Schule fünf Sprachen enthält, was in pädagogischer Beziehung zweifellos ein Unsinn sei. Schüler von mittlerer Begabung könnten unmöglich soviel Sprachen bewältigen, und deshalb müsse unsere klassische Schule seiner Ansicht nach als nicht zugänglich für eine Menge von Schülern bezeichnet werden. Wenn wir aber ein klassisches Gymnasium in einer fremdstämmigen Bevölkerung haben, dabei noch mit 2 alten Sprachen, wie z. B. in Jurjew (Dorpat), so hat hier der Schüler in der Mittelschule 6 Sprachen zu lernen (außer seiner estnischen Muttersprache Russisch, Deutsch, Französisch, Lateinisch und Grie-

1) Kraepelin. I. c. S. 26.

chisch). Und in dieser Lage befinden sich alle, deren Muttersprache nicht die russische ist, und die gezwungen sind das Gymnasium mit 2 alten Sprachen zu besuchen. Von diesen 6 Sprachen darf der Schüler nur eine aufgeben. Es ist vollkommen verständlich, daß schon allein dieser Überfluß an verschiedenen Sprachen in den Lehrprogrammen die ungenügenden Resultate des Erlernens fremder Sprachen in der Mittelschule erklärt.

Wie traurig diese Resultate sind, ist ersichtlich aus dem auf demselben Kongreß gehaltenen Vortrage des Professors Shebelew: „Die Mittelschule und die historisch-philologische Fakultät“. Als zur Kontrolle der Kenntnisse bei der Universität Kontrollprüfungen in den alten Sprachen angestellt wurden, verwandelten sich, nach den Worten des Berichterstatters, diese Examina in eine Art bethlehemitischen Kindermords. Die Examinatoren bekommen schreckliche Antworten zu hören, die von voller Unkenntnis der alten Sprachen seitens der Studenten zeugen. Ebenso traurige Resultate würden, denke ich, auch Kontrollprüfungen in den neuen Sprachen ergeben. Ich wenigstens habe alljährlich die Erfahrung gemacht, daß die Mehrzahl der Studenten des fünften Kursus durchaus nicht imstande ist, auch nur irgendeine Auskunft aus einem in einer fremden Sprache geschriebenen Werke sich für die Krankengeschichte zu holen, die sie schreiben. Jedes Jahr sehe ich mich genötigt, meinen Zuhörern feierlich zu erklären, daß man einen Menschen, der zwar ein Diplom erhalten habe, aber keine einzige fremde Sprache verstehe, nicht für einen Arzt halten könne, daß man schon im Prinzip unter einem Menschen mit höherer Bildung eine Person verstehe, die nicht nur verschiedene Kenntnisse erlangt hat, sondern auch wenigstens eine fremde Sprache beherrscht. Ich muß alljährlich wiederholen, daß ein Arzt, welcher nicht imstande ist, ein Werk in einer fremden Sprache zu lesen, kein Arzt, sondern ein Feldscher ist, und daß sein Diplom, mag es auch mit Beobachtung aller Formalitäten ausgestellt sein, eine Fälschung ist.

Unwissenheit in dieser Beziehung ist ein Ding, mit dem man sich nicht aussöhnen kann. Professor Shebelew von seinem Standpunkt als Vertreter der historisch-philologischen Fakultät gedenkt dagegen zu kämpfen, erstens durch Ver-

größerung der Anzahl von Gymnasien mit 2 alten Sprachen, zweitens durch mehr elementaren Unterricht dieser Sprachen. Aber diese Mittel sind seinerzeit ja schon versucht worden und haben sich unwirksam erwiesen. Als der einzige Ausweg aus der gegenwärtigen Lage erscheint mir die Einführung nur einer einzigen fremden Sprache als obligatorischer in den Kursus der Mittelschule. Bei nur einer obligatorischen Sprache kann man Kenntnis dieser Sprache erreichen und kann diese Kenntnis fordern. Wenn aber auf einmal drei, vier und mehr fremde Sprachen als obligatorische Fächer gelehrt werden, und wenn man, wie gewöhnlich geschieht, mit dem Unterricht einiger dieser Sprachen gleichzeitig beginnt, so ist es ganz natürlich und kann unter normalen Verhältnissen auch nicht anders sein, daß die Schüler keine einzige fremde Sprache verstehen.

Wir sind zu der Frage nach der Bedeutung der klassischen Sprachen in der Mittelschule gekommen. Obgleich ich Arzt und ein begeisterter Anhänger der Naturwissenschaft bin, muß ich doch die große Bedeutung der antiken Kultur als eines bildenden Elements in den Mittelschulen anerkennen. Als Laie kann ich die Frage nicht berühren, in wieweit die lateinische und griechische Sprache als grammatisches Material hinsichtlich des Unterrichts höher stehen, als die neuen Sprachen. Aber zweifellos nehmen die alten Sprachen als Ausdruck einer der höchsten Kulturen, die die Menschheit erreicht hat, in bildender Hinsicht die erste Stelle ein. Jedes Mal, wenn die Menschheit in enge Berührung mit dieser Kultur kam, entwickelte sich die Aufklärung mit prachtvollem Glanze (das Zeitalter der Renaissance, das Zeitalter Schillers und Goethes) und umgekehrt, je mehr eine Periode in kultureller Hinsicht glänzt, um desto größeres Interesse für die antike Welt zeigt sich. Vor kurzem stieß ich auf eine mir neue Bestätigung der Wichtigkeit des Studiums der klassischen Literatur. Ein hervorragender Pädagoge, der Lehrer der russischen Literatur W. P. Ostrogorsky, mein Lehrer, war durchaus kein Anhänger des Klassizismus. Er mußte in der finstersten Zeit des Tolstoischen Gymnasiums arbeiten, und obgleich er keine Gelegenheit zur ästhetischen und literarischen Entwicklung seiner Schüler vorübergehen ließ, erwähnte er, soviel ich mich erinnere, niemals die Vorzüge

des Klassizismus auch nur mit einer Silbe. Der Grund dazu ist verständlich; der verunstaltete Klassizismus erdrückte damals alles Lebendige um sich herum. Aber als ich vor kurzem seine Biographie im *Westnik Wospitanija* (Erziehungsbote) las, stieß ich auf das Verzeichnis der Schriftsteller, auf die seiner Ansicht nach der Lehrer der russischen Literatur in seinen Stunden sich beziehen sollte. Es waren — Homer, Aeschylus, Sophokles, Theokrit, Euripides, Horaz, Vergil, Dante, Cervantes, Shakespeare, Molière, Lessing, Schiller, Goethe, Byron, Walter Scott und Dickens¹⁾. Wenn man berücksichtigt, daß die Bedeutung von Walter Scott und Dickens für die Weltliteratur zweifelhaft ist, obgleich sie ein gutes Material für die Lektüre bieten, so gehören von den übrigen 15 großen Schriftstellern 7 der antiken Welt an. Aber die bildende Bedeutung der alten Schriftsteller besteht nicht nur in ihren unmittelbaren Vorzügen. Sie führen den, der sich mit ihnen beschäftigt, in eine von uns weit entfernte, auf ganz anderen Grundlagen aufgebaute Welt. Das beste Mittel zur Erkenntnis der Relativität unserer Ansicht über unsere Umgebung, der Relativität unseres Urteils über sie ist das Eindringen in den geistigen Aufbau einer andern Epoche, und noch dazu einer so bemerkenswert großen Epoche.

Welchen Platz soll nun der Klassizismus in der von uns geplanten Mittelschule einnehmen? Wie bereits gesagt, soll in dieser nur eine fremde Sprache obligatorisch sein, aber im Gymnasium soll der ganze Komplex der gewöhnlich gelehrt Sprachen (Lateinisch, Griechisch, Französisch, Deutsch und Englisch) gelehrt werden, und dem Schüler oder seinen Eltern soll es freistehen, eine beliebige dieser Sprachen zu wählen. Ich bin der Ansicht, daß es zu allgemeinbildenden Zwecken am besten wäre, eine der alten Sprachen zu wählen, namentlich die griechische. Während des Verweilens in der Mittelschule kann eine Sprache samt der entsprechenden Literatur vortrefflich erlernt werden; der Schüler wird nicht nur imstande sein, die Werke ohne Hilfsmittel zu lesen, sondern wird sich auch vortrefflich mit der Literatur bekannt machen und in den Geist der entsprechenden Kultur ein-

1) D. T.: Viktor Petrowitsch Ostrogorsky. *Westnik Wospitanija*, 1894. № 5, S. 33.

dringen, d. h. seine Aufmerksamkeit wird nicht durch die Erlernung von 3—5 Sprachen zerstreut werden, wie jetzt.

Von zwei Gesichtspunkten aus kann man diesen Plan bekämpfen. Erstens kann man sagen: wie wird ein junger Mensch, der auf diese Weise eine der alten Sprachen gründlich erlernt hat, auf der Universität sich mit den Naturwissenschaften oder der Geschichte beschäftigen können, ohne eine der neuen Sprachen zu verstehen. Darauf kann man erwidern, daß ein Mensch, der eine der alten Sprachen, besonders die lateinische, gründlich erlernt hat, ohne besondere Anstrengung eine oder einige neue Sprachen bewältigen wird. Man muß nur unterscheiden zwischen der ernsthaften und tiefeindringenden Erlernung einer Sprache zu allgemeinbildenden Zwecken und der Erlernung einer Sprache zu praktischen Zwecken. Eine Sprache gründlich zu erlernen erfordert Jahre, aber eine Sprache nur zu dem Zwecke erlernen, daß man ein Buch in dieser zu lesen oder ein leichtes Gespräch zu führen imstande sei, kann man ohne großen Zeitaufwand.

Vom anderen Gesichtspunkt wird der Verteidiger des Klassizismus sagen „Wenn ihr die Wahl einer Sprache freistellt, so wird die Mehrzahl unserer jetzigen Eltern und Schüler zu praktischen Zwecken die neuen Sprachen (Französisch, Englisch und Deutsch) wählen, und faktisch wird der Klassizismus aus der Mittelschule verschwinden“. Dem kann man nicht zustimmen; denn, wenn das Studium der alten Kultur so segensreich ist, und davon bin ich überzeugt, so wird die Erlernung der alten Sprachen nicht zurückgehen, sondern sich immer mehr und mehr verbreiten. Inbezug darauf kann man anführen, was inbezug auf die Kirche und die weltliche Gewalt gesagt worden ist: Wenn die Tore der Hölle die Kirche nicht überwinden können, wozu bedarf sie dann des Schutzes der Polizei? Wenn man noch daran zweifeln könnte, ob die Kirche Pobjedonoszew's ohne Unterstützung der Polizei den Kampf ums Dasein bestehen werde, so ist es, wenigstens für mich, zweifellos, daß das Studium der antiken Kultur einen solchen eigenen Wert hat, daß es zu seiner Belebung keines äußeren Zwanges bedarf. Freilich wird in der ersten Zeit nach Freistellung der Wahl einer zu erlernenden Sprache die weitaus überwiegende Majorität die neuen Sprachen wählen,

und die Schuld daran trägt die gewaltsame, grobe Einführung des Pseudoklassizismus durch Katkow und Tolstoi. Aber nach einiger Zeit wird der Schaden, den diese Männer der Bildung überhaupt und der Verbreitung des Klassizismus in Rußland speziell verursacht haben, getilgt werden, und das Studium der alten Kultur wird in dem System der Mittelschule den ihm zukommenden Platz einnehmen.

Als ein notwendiger Bestandteil des Mittelschulprogramms, wie auch überhaupt der Allgemeinbildung, erscheint eine ernsthafte mathematische Vorbildung, welche mindestens im Umfang des jetzigen Gymnasialprogramms stattfinden soll. Aber im Hinblick auf die Vereinfachung und Konzentration der Beschäftigungen in den anderen Lehrfächern muß der Kursus der Mathematik dementsprechend gewinnen sowohl hinsichtlich der gründlichen Aneignung, als auch der Vertiefung des Lehrstoffs. Wir würden es für notwendig halten, den Kursus der Mathematik in der Mittelschule etwas zu erweitern, und zwar durch Hinzunahme der Anfangsgründe der höheren Mathematik, soweit sie zum allgemeinen Verständnis notwendig sind, und der Elemente der analytischen Geometrie, Differential- und Integralrechnung. Den mathematischen Kursus mit dem Newtonschen Binom abzuschließen, ist ganz unrationell, zumal da sich sofort Stimmen erheben würden mit der Forderung, auch das Newtonsche Binom aus dem Programm der Mittelschule zu entfernen. In der Mittelschule muß der Schüler unbedingt eine Vorstellung von der Lehre der funktionellen Abhängigkeit der einen Größe von der anderen erlangen. Ohne einen Begriff davon kann man nicht nur nicht mit Verständnis an das Studium der modernen Naturwissenschaft gehen, sondern es bleibt auch das eigentliche Wesen des wissenschaftlichen Denkens unverständlich.

Wir gehen jetzt zum Unterricht in der Muttersprache über. Dieser muß unzweifelhaft die erste Stelle unter den Lehrfächern einnehmen, da die Hauptaufgabe der Mittelschule darin besteht, die Muttersprache gut, fließend und tadellos sprechen und schreiben zu lehren. Das Unterrichtsprogramm dafür ist in 2 Teile zerlegt, einen für die 4 unteren Klassen und einen für die oberen. Auf die Details des Unterrichts in den unteren Klassen werde ich nicht eingehen, da es nicht zu meiner Aufgabe gehört, die spezielle Methode des Unter-

rechts in den einzelnen Fächern zu prüfen. Was die oberen Klassen anlangt, so ergibt sich, daß der Unterricht in der russischen Sprache (Muttersprache) im Zusammenhang mit der russischen Literatur und mit Beziehung auf die wichtigsten Erscheinungen der Weltliteratur erteilt werden muß. Auf diesen Teil des Kursus bezieht sich vollständig alles das, was ich bei Gelegenheit des Geschichtsunterrichts zu sagen haben werde, d. i. man muß dabei die allgemeinen Prinzipien des Mittelschulunterrichts in den Fächern anwenden, die ein großes Tatsachenmaterial enthalten; von diesen Prinzipien haben wir oben gesprochen.

Die Aufgabe des Geschichtsunterrichts in der Mittelschule darf keineswegs in der Aneignung des systematischen Kursus der Weltgeschichte durch den Schüler bestehen. Das würde in früherer Zeit noch möglich gewesen sein, als die Ansicht von der Geschichte noch einfacher war, als man sich die Geschichte noch als eine Ablösung eines bedeutenden Mannes durch einen andern vorstellte, von denen ein jeder irgendwie auf die Umgebung wirkte. Dazu schien es genügend, aus der Menge der historischen Persönlichkeiten die hervorragendsten auszusuchen und mitzuteilen, was jeder von ihnen gewirkt hatte, und welche Folgen aus seinen Unternehmungen hervorgegangen waren. In der Gegenwart aber ist die Ansicht über die historischen Prozesse viel komplizierter; die Geschichte erscheint uns, wie jeder andere in der Außenwelt vor sich gehende Prozeß, als ein komplizierter Prozeß der Wechselwirkung der mannigfaltigsten Faktoren. Die Geschichte setzt sich gegenwärtig nicht aus einer Reihe einzelner Biographien zusammen, sondern besteht in der Auseinandersetzung der komplizierten Geschichte der ökonomischen Formen und politischen Einrichtungen, und in der Gegenwart überschreitet ein solcher systematischer Kursus der Weltgeschichte auch die Kräfte der historischen Abteilung der historisch - philologischen Fakultät. Darauf zu rechnen, daß man in der Mittelschule einen solchen Kursus durchführen könne, ist eine Utopie. Man muß mit allen Kräften gegen die Einführung, wenn auch vereinfachter und schematischer Universitätskurse ankämpfen. Nach der Ansicht N. N. Strachows werden die Literaturgeschichte, die Geschichte, die Geographie und andere Fächer in der Mittelschule „gewalt-

sam“ in eine elementare Form gebracht, und natürlich gibt eine zur Bequemlichkeit des Unterrichts in der mittleren Schule in eine derartige Form gebrachte Wissenschaft ein ungenaues und falsches Bild von dem, was sie darstellen soll.

Die Aufgabe des Unterrichts der Geschichte und analoger Fächer in der Mittelschule muß darin bestehen, daß man den Knaben oder Jüngling schreiben und sprechen lehrt, daß man ihn lehrt, die Tatsachen zu verarbeiten und aus ihnen Schlüsse zu ziehen, und daß man ihm einen Vorrat von schönen und großen Musterbildern gibt. Wir können uns den Geschichtsunterricht folgendermaßen vorstellen: Die Knaben bekommen Modelle, Abgüsse und Originale von steinernen und anderen Werkzeugen des Urmenschen, Zeichnungen seiner Wohnungen, seiner Begräbnisstätten, der Tiere seiner Zeit, mit denen er gelebt hat u. d. m., und auf Grundlage dieses Materials müssen die Schüler ein Bild, eine Lebensskizze des Urmenschen entwerfen. Ferner erhalten die Schüler Chroniken, vollständig oder in Abschnitten, Literaturdenkmäler und Abbildungen der Kunstwerke einer gewissen Epoche und müssen auf dieser Grundlage ein Bild des Lebens in dieser Epoche verfassen. Nachdem die Schüler einige Biographien einiger hervorragender Männer einer oder einiger aufeinander folgender Perioden kennen gelernt haben, müssen sie die gemeinsamen Züge in ihrem Leben und ihrer Tätigkeit herausfinden. Endlich kann man ihnen anheimstellen, zusammen mit dem Lehrer die Geschichte irgendeiner Einrichtung zu bearbeiten, z. B. die Entwicklung der päpstlichen Gewalt u. d. m. Es ist bequemer und ratsam, diese Arbeit in historischer Ordnung und nach einem bestimmten System vorzunehmen, damit sich im allgemeinen von selbst ein Bild der sukzessiven Veränderungen des Geschickes der Menschheit ergebe. Aber die Aufgabe des Unterrichts besteht durchaus nicht darin, daß sich ein solches Bild im Gedächtnis fest einpräge, sondern darin, daß man die Schüler erzählen, schreiben, systematisieren und die Tatsachen verallgemeinern lehre.

Bei einem solchen Kursus der Geschichte wird der Schüler unmerklich sich eine Menge Namen, historischer Ereignisse, Bilder und schließlich geschichtlicher Komplexe aneignen, aber in dieser Beziehung muß man den Schülern volle Frei-

heit lassen. Ihr Geist wird behalten, was sie interessiert, und was sie ohne Anstrengung und Überbürdung im Gedächtnis behalten können. Der Schüler einer solchen Schule wird vielleicht die Namen kleiner Teilfürsten kennen, für die man sein Interesse zu erwecken verstanden hat. Aber wenn die Schüler aus der Schule sogar nicht die Kenntnis davon mitbrächten, wer Karl der Große gewesen ist, so könnte man sich vielleicht darüber wundern, daß eine so wichtige historische Persönlichkeit entweder gar nicht berührt ist, oder daß man über ihn nichts mitzuteilen verstanden hat, was sich dem Gedächtnis der Schüler auf immer einprägte. Aber im Grunde dürfte man auch darüber keine Klage erheben, da die Aufgabe des Geschichtsunterrichts in der Mittelschule nicht darin besteht, daß die Schüler eine Reihe von geschichtlichen Namen und Fakten im Gedächtnis bewahren, sondern darin, daß sie erzählen, schreiben und die Tatsachen verarbeiten lernen.

Dieselbe Aufgabe fällt in den oberen Klassen dem Unterricht in der russischen Sprache (Muttersprache) und in der Literaturgeschichte zu. Hier erscheint der Kursus der Literaturgeschichte, wie er gegenwärtig im Gymnasium gelehrt wird, ganz nutzlos, in dem systematisch ein Schriftsteller nach dem andern durchgenommen wird, angefangen von den ältesten Denkmälern des slavischen und kirchlichen Schrifttums. Auch hier besteht die Aufgabe darin, daß man sprechen, schreiben und das literarische Material selbständig verarbeiten lehre, ohne danach zu trachten, daß die mitgeteilten tatsächlichen Daten vollständig angeeignet würden.

So muß also der Unterricht in der russischen Sprache (der Muttersprache) beginnen mit leichten Wiedererzählungen und der schriftlichen Wiedergabe kleiner Erzählungen; dann folgen mündliche und schriftliche Bearbeitungen des Inhalts größerer Novellen, Dramen und Romane, Charakteristiken der einzelnen Helden in den Literaturwerken oder Charakteristiken ganzer Gruppen von handelnden Personen. Endlich muß der Unterricht mit ernsthaften Aufsätzen schließen, in denen der Zusammenhang des schriftstellerischen Werkes mit der Epoche, in der es geschaffen, und mit dem Milieu, in dem es entstanden ist, klargemacht wird. Schließlich soll in den Stunden der russischen Sprache die Aufmerksamkeit darauf verwandt werden, was W. P. Ostrogorskij „ausdrucksvolles Lesen“ (Deklamation) nennt.

In der Mittelschule der Gegenwart muß ohne Zweifel in der Naturkunde unterrichtet werden, aber durchaus nicht zu dem Zweck, die Schüler mit dem gegenwärtigen Stande der Naturwissenschaften, wenn auch nur in allgemeinen Zügen, bekannt zu machen, sondern um den Schüler die Außenwelt beobachten und das erhaltene Material bearbeiten zu lehren. Dabei können die Schüler viel tatsächlichen Materials in ihrem Gedächtnis behalten, aber das ist unwesentlich. Man darf nicht vergessen, daß die vereinfachten Wissenschaften, welche jetzt in der Mittelschule gelehrt werden, nur eine ganz ungenaue Vorstellung von der wirklichen Lage des Wissens auf diesem Gebiet geben können. Die Hauptaufgabe des naturwissenschaftlichen Unterrichts in der Mittelschule besteht darin, daß man die Schüler, so weit möglich, beobachten lehre. Man muß mit der einfachen Beschreibung einzelner Erscheinungen und lebender Wesen beginnen und stufenweise zu deren Vergleichung mit einander und deren Abhängigkeit von einander übergehen.

Die Aufgabe des Unterrichts besteht nicht darin, daß man den Schüler zu behalten zwingt, daß bei den Insekten das Nervensystem zwischen der Bauchfläche und dem Darmkanal liegt, oder daß bei den Knorpelfischen der Schwanz unsymmetrisch, bei den Knochenfischen symmetrisch ist. Allein es ist unzweifelhaft, daß, wenn der Unterricht in der Naturgeschichte in normaler Weise stattfindet, ein Teil der Schüler lebenslänglich einen deutlichen Eindruck davon als von etwas ungewöhnlich Bemerkenswertem und für sie Wertvollem bewahren wird – das ist aber der Charakter der Wirkung naturwissenschaftlicher Tatsachen auf Menschen, die zur Beschäftigung damit Neigung fühlen.

Die Aufgabe des Unterrichts in der Naturkunde besteht nicht darin, mit den Schülern systematische Kurse der Zoologie, Botanik und Paläontologie durchzunehmen. Es wird vollständig genügen, wenn die Schüler in den Stunden eine solche Anzahl von Fakten inbezug auf den Bau noch gegenwärtig existierender und ausgestorbener Formen und auf ihre gegenseitigen Beziehungen zu einander erhalten, daß sie auf Grundlage dieser Daten mit einiger Wahrscheinlichkeit sich die Erscheinungen der Evolution in der lebenden Welt erklären können. Etwas diesem Kursus Ähnliches findet sich in

einem alten Buche: in der zoologischen Chrestomatie des Moskauer Professors Anatolius Bogdanow. Aber dem Schüler soviel und derartiges Material zu geben, daß er selbständig zu einem solchen Resultat kommen kann, ist nur wünschenswert. Der eigentliche Zweck des Unterrichts in der Naturkunde, wiederholen wir, besteht nur darin, daß der Schüler beobachten und die Erscheinungen der Außenwelt beschreiben lerne.

Abgesehen von all dem, was wir oben auseinandergesetzt haben, soll die Mittelschule ihrem Schüler für sein ganzes Leben eine ästhetisch-idealistische Richtung geben, sie soll ihm erhabene Muster und hohe Seelenstimmung geben. Die Bedeutung des einen, wie des andern ist an und für sich verständlich. Alles das, wovon wir oben gesprochen haben, als: die Kunst des Sprechens, des Schreibens u. d. m., ist nur Technik. Die Schule soll aber ihrem Schüler die Geisteserhebung geben, die ihn durch das Leben führe und in schwierigen Augenblicken aufrecht erhalte. In meinem Werk: „Der Idealismus als lebenerhaltendes Prinzip“ (Wiesbaden, 1908) bespreche ich ausführlich, wie die idealistische Erziehung als ein wichtiger Faktor der Widerstandsfähigkeit, sogar im grob physiologischen Sinne dieses Wortes, erscheint.

Erreichen kann man dieses am leichtesten durch das Studium der großen Musterwerke der Weltliteratur. Aber hier stoßen wir auf folgendes Hindernis. Es ist längst bekannt, daß ein fortgesetztes, eingehendes Studium von Literaturwerken in der Klasse die Liebe zu ihnen nicht nur nicht entwickelt, sondern im Gegenteil den Widerwillen der Schüler gegen sie für ihr ganzes Leben hervorruft. Augenscheinlich liegt in diesem gemeinsamen Klassenstudium der Schüler viel Gekünsteltes. So erklärt man den Umstand, daß Goethe und Schiller von Erwachsenen so wenig gelesen werden, damit, daß man sie in den deutschen Schulen in der Klasse studiert. Es ist außerordentlich leicht, einen Schriftsteller einem Schüler langweilig zu machen und für das ganze Leben zu verleiden, wenn man die Schüler in der Klasse zwingt ihn zu studieren und von ihm entzückt zu sein. Damit die Seele sich den Schönheiten eines Kunstwerks öffne, ist es wahrscheinlich notwendig, daß der Schriftsteller dem Stadium der individuellen Entwicklung des Lesers entspreche; in einer Lebensperiode wird

man sich in Heine, in einer anderen in Goethe vertiefen. Und wenn ein für den betreffenden Menschen passender Schriftsteller gewählt ist, so ist doch nicht jeder Augenblick im Leben passend für sein Studium usw. Tatsache ist, daß dieses gemeinsame Eindringen in die Schönheiten großer Werke in der Klasse gewöhnlich ein schreckliches Fiasko erleidet. Unzweifelhaft bringt die Mehrzahl von uns aus der Schule Gleichgiltigkeit oder Abneigung gegen Puschkin und die Fabeln Krylows mit, weil diese Werke in der Schule in allzu ausgedehntem Maße zum Auswendiglernen, Analysieren und Diktaten benutzt werden. Wilh. Münch sagt über die Einführung der Poesie zusammen mit der Rhetorik in die Programme der deutschen Schulen, als Gegenstand der geistigen Analyse und der nachahmenden Übung: „Sie konnte niemals erhebend auf die Seele wirken; sie hat eher niedergeschlagen, als belebt. O wenn doch endlich aus unserer Mittelschule auch die letzten Überbleibsel des tötenden, ausdörrenden, jede Lust raubenden Verhältnisses zur Poesie verschwinden könnten“¹⁾.

Um dem ästhetischen Element im System der mittleren Bildung den ihm gebührenden Platz zu geben, muß man jedem Schüler freistellen, sich seinen Lieblingsschriftsteller zu wählen, den er selbständig eindringlich studieren könnte. Der Lehrer soll ihn nur unterstützen, indem er ihn auf die passenden Hilfsmittel hinweist, aus denen er sich mit der Biographie des Schriftstellers, mit seiner Epoche, mit dem Milieu, in dem er gelebt und sein Werk geschaffen hat, mit kritischen Analysen u. d. m. bekannt machen kann.

Die für diesen Zweck besten Werke würden die großen Werke der Weltliteratur sein, als: einzelne Schriften des Alten Testaments, die Evangelien, die Ilias, die Odyssee, die griechischen Tragiker, Dantes Hölle, Don Quixote, die Werke Shakespeares, Schillers, Goethes und endlich unsere Klassiker: Puschkin, Lermontow, Ostrowskij usw.

Wir wollen jetzt das Resultat dessen ziehen, was die Mittelschule unserer Ansicht nach geben soll. Sie muß die Muttersprache gut sprechen und schreiben lehren, sie muß eine gute Vorbildung in der Mathematik geben, sie muß die gründliche und tief eindringende Kenntnis einer fremden

1) Münch, die Zukunftspädagogik, S. 212 (in russ. Übersetzung).

Sprache geben, sie muß beobachten lehren, und endlich muß der Schüler aus seiner Schülerzeit die Kenntnis eines Lieblingschriftstellers mitbringen. Das ist meiner Ansicht nach genügend, um dem, der eine solche Schule durchgemacht hat, den Zutritt zu jeder beliebigen höheren Schule zu eröffnen.

Da von unserem Standpunkte aus die Literaturgeschichte, die Geschichte, die Geographie und die Naturkunde nur als Fächer unterrichtet werden, die lehren sollen mit den Tatsachen und dem tatsächlichen Material umzugehen, aber nicht den Kopf des Schülers mit einem bestimmten Vorrat von Tatsachen zu bereichern brauchen, so sind in diesen Fächern Abgangsprüfungen ganz unnötig.

Wir wollen jetzt darlegen, wie die Examina beschaffen sein sollen, die den Zutritt zu den höheren Lehranstalten eröffnen werden, und die man jetzt mit dem allen widerlichen Namen „Reifeprüfungen“ bezeichnet. Unserer Meinung nach müssen sie bestehen in einem Aufsatz in der Muttersprache über eine Frage, die man als dem zu Examinierenden bekannt voraussetzen darf, und im Examen in der Mathematik, einer fremden Sprache und einem von dem Schüler selbst gewählten Schriftsteller.

Wird nun ein solches Examen für die erfolgreiche Arbeit in den höheren Lehranstalten genügen? Wenn die Prüfung ernstlich vorgenommen ist, so ist sie vollständig genügend. Als Vertreter eines der schwierigsten Zweige in der medizinischen Fakultät, der Klinik für innere Krankheiten, bin ich der Ansicht, daß ein junger Mensch mit einer solchen Vorbildung durchaus fähig ist, in die medizinische Fakultät einzutreten. Noch erfolgreicher wird er in der naturwissenschaftlichen Fakultät arbeiten, wo der Kreis der vorgetragenen wissenschaftlichen Disziplinen nicht so umfassend und kompliziert ist. Ich wandte mich zur Entscheidung derselben Frage an einen hervorragenden Vertreter des Katheders der Geschichte des russischen Rechts, einen Akademiker, und an einen Professor der allgemeinen Geschichte, einen Mann von großer pädagogischer Erfahrung, und beide sprachen sich dahin aus, daß die Vereinfachung der Lehrprogramme und der Examina im höchsten Grade wünschenswert sei.

Der Universitätslehrer muß sich vor allem Schüler mit gesundem Geist wünschen, die zu arbeiten verstehen. Der

größere oder geringere Vorrat von faktischen Kenntnissen hat keine große Bedeutung, da der im Gymnasium mit gewaltiger Anstrengung und zum Preis ernsthafter Untergrabung der Gesundheit und starker Zerrüttung des Nervensystems erworbene Vorrat von Kenntnissen auf dem oder jenem wissenschaftlichen Spezialgebiet verschwindend klein ist im Vergleich mit dem Stoff, den der Student schon in den ersten Kursen sich aneignen muß.

Die Schule, von der wir die ganze Zeit gesprochen haben, muß den Zugang zu allen höheren Lehranstalten eröffnen. Sogar wenn der Gymnasiast im Gymnasium eine neue Sprache getrieben hat, muß er doch die Möglichkeit haben, ohne Ergänzungsprüfung in die historisch-philologische Fakultät einzutreten. Es ist die Sache der Fakultät ihm entsprechende Kurse zur Verfügung zu stellen, nach deren Beendigung man dann ein Examen vornehmen kann, bevor man ihn zu den weiteren Arbeiten zuläßt. Es muß nur eine allgemeinbildende Schule geben, und diese soll nicht den Forderungen der verschiedenen höheren Spezialanstalten nachgeben. So verlangte, wie oben erwähnt, auf dem Kongreß der Lehrer der alten Sprachen ein Professor der historisch-philologischen Fakultät die Vermehrung der Gymnasien mit 2 alten Sprachen. Weshalb sollten die Philologen nicht um Einführung des Sanskrit in den Gymnasialkursus bitten? Das würde die Arbeit in der philologischen Fakultät sicherlich sehr erleichtern. Und doch kommt die orientalische Fakultät mit ihren Programmen zurecht, ohne daß Arabisch und Chinesisch in den Gymnasialkursus eingeführt werden. Auf dem mathematischen Kongreß werden die Mathematiker eine Erweiterung des mathematischen Kursus fordern, der Vertreter der medizinischen Fakultät aber wird verlangen, daß das Gymnasium vollständige ernste Kurse der Chemie, Botanik und Zoologie einrichte, da in der medizinischen Fakultät die Zeit zu ihrem Studium mangelt. Und das wird wieder zur Einrichtung verschiedener Spezialmittelschulen führen, und wie früher werden schon die Knaben die schwierige Frage entscheiden müssen, welchen Lebensweg sie wählen sollen. Nein, es soll nur eine Mittelschule geben, und man soll lieber die Dauer des Universitätskursus fakultativ um ein oder 2 Jahre verlängern, als die Mittelschule mit Spezialfächern überhäufen. Dadurch, daß die höheren Lehran-

stalten ihre Arbeiten nicht rationell zu organisieren verstehen, darf die Mittelschule nicht leiden.

Versuchen wir auf der Grundlage des Auseinandergesetzten einen ungefähren Stundenplan in der vorausgesetzten Mittelschule aufzustellen. Als Anfang nehmen wir für die Mathematik dieselbe Stundenzahl, die jetzt in Rußland für das klassische Gymnasium mit 2 alten Sprachen angesetzt ist, also für alle 8 Klassen zusammen 30 (zur Vergleichung merken wir an, daß in den klassischen Gymnasien mit alleiniger lateinischer Sprache die Zahl dieser Stunden 32 beträgt, in der Handelsabteilung der Realschulen 28, in den Normalklassen dieser Schulen 35). Für die russische Sprache in den 3 untersten Klassen nehmen wir die jetzige Zahl der Stunden in den Gymnasien und Realschulen. Anlangend die oberen Klassen bestimmen wir für jede dieser Klassen, von der 4-ten beginnend, je 2 Stunden wöchentlich. Diese Zahl aus dem bei mir befindlichen Stundenplan der sechsten Klasse der klassischen Gymnasien zur Zeit Tolstois. In meiner persönlichen Erinnerung hat sich bis jetzt der Eindruck erhalten, daß die Stunden der russischen Literatur und der Geschichte in dieser Klasse fast ein Drittel der Gesamtzahl der Stunden eingenommen habe, während ihrer in Wirklichkeit nur je 2 in der Woche waren. Und in der Tat sind 2 Stunden in der Woche vollständig genügend, um ein großes Tatsachenmaterial zu verarbeiten, besonders wenn die Schüler Zeit zur häuslichen Lektüre und Anfertigung von Aufsätzen haben. Im Tolstoischen Gymnasium wurde jedenfalls bei einer solchen verhältnismäßig geringen Stundenzahl ein gewaltig großes Programm in der Geschichte und Literaturgeschichte durchgenommen und eingepreßt, was eigentlich, wie ich oben ausgeführt habe, meiner Ansicht nach nicht die Aufgabe des Gymnasiums ist.

Dieselbe Norm, 2 Stunden in der Woche, bestimme ich auch für die Geschichte, von der vierten Klasse beginnend, für die Philosophie (philosophische Propädeutik) in den 2 obersten Klassen, für die Physik in den 4 oberen Klassen. Für die Geographie setze ich auch je 2 Stunden wöchentlich in den 3 unteren Klassen an. Unter Geographie verstehe ich ein Zusammenfassen der elementarsten Kenntnisse von der Erde und dem Menschen, d. h. von der Form der Erdoberfläche, von ihren Veränderungen unter dem Einfluß der Sonne, der Luft

und des Wassers, von der Verteilung der Weltmeere, von den Meeresströmungen und dem Leben des Meeres, von der Verteilung der Tiere und Pflanzen, von den verschiedenen Formen des menschlichen Gesellschaftslebens, von der Lebensweise des Urmenschen, von der Nomaden-, Natural- und Tausch-wirtschaft, von den wichtigsten Stämmen und Staaten. Das alles als Stoff zum Wiedererzählen.

Die Naturkunde beginnt mit der vierten Klasse, ebenfalls mit je 2 wöchentlichen Stunden. Es ist durchaus unbegründet, Naturkunde nur in den unteren Klassen zu unterrichten, da dieses Fach sich nicht für das jüngere Alter eignet. Im Gegenteil ist es ganz naturgemäß, dieses Fach in den unteren Klassen fortfallen zu lassen, da es hier in beträchtlichem Grade durch die Geographie ersetzt wird. Obgleich es, wie wir oben gesagt haben, durchaus nicht zu den Aufgaben der Mittelschule gehört, systematische wissenschaftliche Kurse zu geben, so kann doch der Lehrer, wenn er einige Jahre hindurch 2 Stunden in der Woche hat, ein großes Tatsachenmaterial in der Naturkunde übermitteln und vollständige Elementarkurse in der Chemie, Botanik und Zoologie geben.

Für die Kalligraphie wird eine Stunde in der untersten Klasse angesetzt.

Religion wird je 2 Stunden in den 3 untersten und den beiden obersten Klassen unterrichtet. Im Verlauf der ersten 3 Jahre werden dem Schüler, wie jetzt, die wichtigsten Fakten der heiligen Geschichte, des Gebets und des Gottesdienstes mitgeteilt. In den beiden obersten Klassen aber hat der Unterricht theologisch-philosophischen Charakter.

Obgleich wir für den mathematischen Kursus die gleiche Anzahl von Stunden, wie für das jetzige achtklassige Gymnasium angesetzt haben, nehmen wir bei der Aufstellung des Lehrplans doch nur 7 Klassen an. Die fremde Sprache würden wir mit der 2-ten Klasse beginnen und 25 wöchentliche Stunden für sie ansetzen, d. i. die Anzahl der Stunden, welche bei 18 wöchentlichen Stunden in jeder Klasse für sie zur Verfügung steht. Wir lassen hier den Lehrplan folgen:

Klassen:	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Im gan- zen.
Religion	2	2	2	—	—	2	2	10
Russische Sprache .	5	5	4	2	2	2	2	22
Fremde Sprache . .	—	5	5	5	5	3	2	25
Philos. Propädeutik.	—	—	—	—	—	2	2	4
Mathematik	4	4	5	5	5	3	4	30
Physik	—	—	—	2	2	2	2	8
Geschichte	—	—	—	2	2	2	2	8
Geographie	2	2	2	—	—	—	—	6
Naturkunde	—	—	—	2	2	2	2	8
Kalligraphie	1	—	—	—	—	—	—	1
	14	18	18	18	18	18	18	122

Wenn unser Schema angenommen wird, hat der Schüler, von der 2-ten Klasse beginnend, täglich nur 3 Schulstunden. Dabei fallen auf die russische Sprache im Verlauf des ganzen Kursus 22, auf die fremde Sprache 25, auf die Mathematik 30 Stunden. Gegenwärtig kommen im Gymnasium mit einer alten Sprache auf die lateinische Sprache 30 Stunden, in dem mit 2 alten Sprachen auf die lateinische 29, auf die griechische Sprache 27 Stunden. Daher könnte die Zahl von 24 Stunden für die fremde Sprache allzu klein erscheinen. Aber mir scheint diese Stundenzahl vollständig genügend; in den oberen Klassen spielen ja bei der Erlernung der Sprache die selbständige häusliche Lektüre und die schriftlichen Arbeiten eine große Rolle, und es ist durchaus nicht notwendig, die Schüler eine größere Anzahl von Stunden in der Klasse sitzen zu lassen. Aber wenn wirklich 25 Wochenstunden sich als zu wenig für die Erlernung der fremden Sprache erweisen sollten, so könnte man auch der ersten Klasse einige Stunden in der fremden Sprache zuteilen, oder die Zahl der mathematischen Stunden verringern, und so die Zahl der Stunden in der fremden Sprache leicht auf 29 erhöhen. Aber anlangend die Stundenzahl, die nach diesem Programm auf die Mathematik oder die

fremde Sprache fällt, muß man beachten, daß auch die Produktivität der Arbeit einer Stunde viel größer wird, wenn man statt 30 wöchentlicher Stunden 18 ansetzt, da die Kinder im letzteren Falle mit klarem Kopf und ohne Ermüdung arbeiten werden.

Bei einem siebenjährigen Gymnasialkursus kann man in die unterste Klasse schon 9-jährige Kinder aufnehmen, zumal wenn man berücksichtigt, daß die erste Klasse im ganzen 14 Stunden wöchentlich hat, und so ergibt sich die Möglichkeit, das Gymnasium schon mit 16 Jahren durchzumachen. Auf diese Weise wird von neuem das Durchschnittsalter der Studierenden ein geringeres, was dringend wünschenswert ist.

Daß die vorgeschlagenen 18 Wochenstunden durchaus keine Utopie sind, ist aus dem Stundenplan der klassischen Abteilung des französischen Gymnasiums vor der Reform von 1900 ersichtlich; hier kamen auf die Woche im ganzen 20 bis $20\frac{1}{2}$ Stunden, wobei diese Stunden auf 5 Tage verteilt waren, so daß es in jeder Woche 2 schulfreie Tage gab. Leider ist durch die Reform von 1902 die Zahl der Stunden etwas vergrößert; in einer Klasse und in einer Abteilung beträgt die wöchentliche Stundenzahl sogar 28, im Mittel aber ist die Zahl der wöchentlichen Stunden für alle Abteilungen und in allen Klassen doch nicht ganz 22.

Es wäre, wie mir scheint, wünschenswert, daß neben den großen Sprachkursen (von nicht weniger als 24 Stunden in der Woche) wenigstens für solche, die es wünschen, in den 3 neuen Sprachen mehr elementare, so zu sagen technische Kurse eingerichtet würden, welche bei verhältnismäßig geringem Zeitaufwand denen, die sie durchmachen, die Möglichkeit geben, ein leichtes Gespräch zu führen und ohne Mühe leichte Bücher zu lesen.

So sind in unserem Programm nicht mehr als 3 Schulstunden täglich vorgesehen. Zu diesen Stunden fügt man sehr gern noch verschiedene Künste und das Turnen hinzu. Das muß aber mit großer Vorsicht geschehen. Man darf nicht vergessen, daß solche Fächer, wie Zeichnen und Singen, die nach der weit verbreiteten Ansicht die Kinder angeblich wenig ermüden, in Wirklichkeit sehr ernstliche Anforderungen an die Aufmerksamkeit der Schüler stellen. Bei jeder Mittelschule sollen freie Plätze sich finden, auf denen die Schüler

zu allen Jahreszeiten Ball spielen und andere Bewegungsspiele vornehmen könnten, wo man im Winter eine Schlittschuhbahn und Schneeberge machen könnte, und auch freie Plätze, auf denen in frischer Luft leichte athletische Uebungen vorgenommen werden könnten, als: Laufen, Diskuswerfen, Speerwerfen usw. Hinter diese muß das Turnen zurücktreten. Man muß das vermeiden, was die deutschen Pädagogen in den deutschen Gymnasien so verurteilen: man hält dort die Schüler eine überzählige Stunde in der Schule zurück und nötigt sie, zum zweiten Mal ins Gymnasium zu kommen und hier in einem beklommenen, staubgefüllten Saal zu turnen, und raubt ihnen so die einzige Möglichkeit, Schlittschuh zu laufen oder einfach ein Stündchen lang frische Luft einzuatmen.

Zeichnen und Modellieren werden am besten, ebenso wie die Musik, ganz aus dem Gymnasium entfernt. Diese Fächer sollen in Spezialschulen gelehrt werden, die die Kinder in ihrer freien Zeit besuchen können, wenn sie freie Zeit und Lust dazu haben sollten. Das ist auch schon aus dem Grunde geeigneter, weil das pädagogische Konseil des Gymnasiums es niemals verstehen wird, den Unterricht in diesen Fächern so gut zu organisieren, wie es die Spezialisten tun. Ebenso kann man den Unterricht in irgend einem Handwerk, wenn die Schüler Zeit und Lust dazu haben, weit besser in Spezialklassen bei den Werkstätten organisieren, als diese Arbeiten in den Gymnasien einrichten.

Drei Schulstunden täglich für die Mittelschule werden wahrscheinlich vielen als allzu wenig erscheinen. Irgend einem russischen oder deutschen Vater wird es vielleicht ganz unerträglich vorkommen, daß sein Sohn gleich nach 12 Uhr aus dem Gymnasium kommt und schon nach Belieben laufen und spielen kann. Aber eine solche Zahl von Schulstunden kann man nicht klein nennen, da man noch 2 oder 3 Stunden Präparation zu den Stunden hinzunehmen muß, was zusammen 5—6 Stunden täglicher angestrenzter geistiger Arbeit ausmacht, und diese Stundenzahl ist offenbar genügend für ein Kind oder einen Jüngling. Man wird im Gegenteil Maßregeln treffen müssen, damit die Kinder nicht trotz der geringeren Zahl von Schulstunden überbürdet werden.

Wie wir oben gesagt haben, muß den Kindern die Möglichkeit gegeben werden außer der einen obligatorischen

Sprache auch andere zu erlernen. Aber gegenwärtig hält man es für wünschenswert, daß der Schüler möglichst viel Sprachen lerne. Als pädagogisches Prinzip muß jedoch aufgestellt werden, daß die Schüler möglichst wenig fremde Sprachen zu gleicher Zeit treiben, und daß der Schüler eine zweite und dritte Sprache nur in dem Fall zu lernen anfangen solle, wenn er das ganze Arbeitsprogramm leicht bewältigt.

Bei nur 3 täglichen Schulstunden wird natürlich auch weniger häusliche Arbeit aufgegeben werden, täglich werden statt wie früher 5, jetzt nur noch 3 Lehrer häusliche Aufgaben stellen; aber auch bei diesem System kann man die Schüler leicht mit Arbeit überhäufen. Das wird stattfinden, wenn die Schüler viel Aufsätze über schwierige Themen und viel häusliche Lektüre aufbekommen. Wie aus allem Vorhergehenden zu ersehen ist, sind wir nicht Anhänger der Richtung, die die Abschaffung der häuslichen Arbeiten verlangt. Die häuslichen Arbeiten müssen unzweifelhaft beibehalten werden, da an ihnen sich die Schüler zu selbständiger, individueller Arbeit gewöhnen; nur dürfen die Schüler mit häuslichen Arbeiten nicht überbürdet werden.

So kann ungeachtet der nur 3 täglichen Schulstunden nicht die Rede davon sein, daß bei dem vorgeschlagenen System die Schüler müßiggehen. Bei den deutschen Pädagogen entsteht, sobald die Frage nach der Verminderung des Programms auftaucht, sofort die Befürchtung, daß die Kinder verzärtelt würden, daß sie die Fähigkeit zur Arbeit verlieren würden. Diese Befürchtungen sind gänzlich grundlos. Im Gegenteil müssen die Lehrer bei dem von uns vorgeschlagenen System immer auf der Hut sein, damit die Schüler sich nicht überarbeiten; denn es liegt die beständige Gefahr vor, daß man die Schüler, wenn man ihnen interessante Bücher und sie interessierende Fragen vorlegt, über ihre Kraft durch die Arbeit hingerissen werden.

Bei 5 Stunden obligatorischer Arbeit wird das Kind Zeit haben zur körperlichen Entwicklung, zur Beschäftigung mit Künsten, zu physischer Arbeit, aber auch zu häuslicher Lektüre über die Fragen, die es interessieren. Das unzweifelhaft Wichtigste in der Schulbildung ist, wie schon oben gesagt, daß die Schule dazu beitrage, bei dem Kinde möglichst früh die Neigung zu irgend einem Beruf, irgend welche speziellen

Liebhabereien zu entwickeln. Das Hauptunglück unserer jetzigen höheren Schule und überhaupt des gegenwärtigen Lebens bei uns in Rußland — das ist die Menge von Leuten, die ohne Neigung und ohne Interesse ihre Arbeit verrichten. Zur Entwicklung solcher Neigungen wird die Bildung von Kreisen unter den Schülern beitragen, die sich mit Naturkunde, Geschichte, Kunstgeschichte, Literatur, in den oberen Klassen vielleicht mit Philosophie beschäftigen. Alles das ist nur in dem Falle möglich, daß die Schüler freie Zeit haben.

Die vorausgesetzte Mittelschule wird wirklich allgemeinbildend und zu gleicher Zeit den individuellen Fähigkeiten und Neigungen angepaßt sein. Dank der vortrefflichen Kenntnis der Mathematik und der gründlichen Beherrschung einer neuen Sprache wird der junge Mann gut vorbereitet sein für die naturwissenschaftliche und medizinische Fakultät, für die technischen Hochschulen und für die Militärschulen. Bei guter Kenntnis einer neuen Sprache wird er mit gutem Erfolg Jurisprudenz studieren und im Notfall die lateinische Sprache leicht erlernen können. Wenn er auch in der Schule keine der alten Sprachen gelernt hat, so wird er sich dank seiner gründlichen Kenntnis einer neuen Sprache in der philologischen Fakultät auch in den alten Sprachen leicht zurechtfinden und wird höchstens ein Jahr mehr zur Vollendung seiner Studien brauchen, was, wie oben gesagt, kein Unglück ist.

Die Mehrzahl der Abiturienten wird die Hochschule mit bestimmten Neigungen und einer bestimmten speziellen Vorbildung beziehen, die dadurch um so wertvoller ist, daß sie durch selbständige Lektüre und selbständige Arbeit erworben worden. Nehmen wir aber den Fall an, daß ein junger Mensch taub gewesen sei gegen alle Bestrebungen, sein Interesse für irgend einen bestimmten Wissenszweig zu erwecken, und daß er, wenn er seine pflichtmäßige Arbeit getan, die ganze übrige Zeit dem Bootfahren, dem Ballspiel u. d. m. gewidmet habe. Auch in diesem Fall haben wir einen jungen Menschen, der nicht nur genügend für die Hochschule vorbereitet, sondern auch in physischer Hinsicht vortrefflich entwickelt ist. Ein solcher junger Mensch wird nicht nur für den militärischen Beruf ideal vorbereitet sein, sondern wird auch den Typus der jungen Leute darstellen, den in der Mehrzahl der Fälle die englische Mittelschule bildet.

Ein wichtiger Vorzug der projektierten Schule besteht darin, daß man sie mit 16 Jahren durchmachen, folglich die Universität mit 20 Jahren beenden kann. Sie wird die Gymnasien von den im Alter zu weit vorgeschrittenen, bärtigen Gymnasiasten befreien, die in den Mittelschulen Rußlands und Deutschlands sitzen und das Staunen der Engländer und Amerikaner erregen. Das ist besonders wichtig für Rußland, ein armes Land, mit seiner im Verhältnis zum Westen kürzeren Lebensdauer. Wie empörend grausam ist der Zwang, es unproduktiv auf der Schulbank zu verbringen! Daß man auch bei dem gegenwärtigen Stande der Wissenschaft die Universität früh beziehen und früh beenden kann, sieht man an dem hervorragenden Chemiker der Gegenwart, William Ramsay (geb. 1852), der mit 14 Jahren die Universität bezog und sie mit 18 Jahren verließ¹⁾.

Ein nicht unwichtiger Umstand ist, daß bei 3 obligatorischen Schulstunden die Zahl der jetzigen Lehranstalten mit geringen Kosten verdoppelt werden kann, da in jeder Anstalt 2 Gruppen von Schülern unterrichtet werden können, die eine von 9—12 Uhr, die andere von 12—3 Uhr. So können in bedeutendem Maße die Verweigerung der Aufnahme aus Platzmangel und die Konkurrenzexamina beseitigt werden, die jetzt in Rußland ein so betrübendes Bild darbieten.

Die gegenwärtige Gestaltung der mittleren Bildung in Rußland und Deutschland widerspricht so sehr den wissenschaftlichen Forderungen der Hygiene und Pädagogik und sogar einfach dem gesunden Menschenverstande, daß man, wenn man sieht, wie fest sich dieses System hält, ganz natürlich auf den Gedanken kommt, seine Existenz hänge mit tiefgehenden sozialen und politischen Ursachen zusammen. Bestimmt und klar wird dieser Gedanke von W. Ostwald in einem seiner letzten Werke ausgesprochen. Ostwald vergleicht dieses System mit dem chinesischen Bildungssystem: „China zeigt nämlich den merkwürdigen Tatbestand einer ultrakonservativen Beamtenschaft, deren Rekrutierung auf völlig demokratischer Grundlage erfolgt. Dort kann auch der Sohn des geringsten Tagelöhners zu den höchsten Ämtern und Würden

1) Scientific Worthies. XXXVII. Sir William Ramsay by Prof. W. Ostwald. Nature. January 11, 1912, p. 339.

aufsteigen, da diese durchaus nach den Ergebnissen der öffentlichen Bewerbungen mittelst einer sehr strengen und eingehenden Prüfung verteilt werden. Man sollte beim flüchtigen Zusehen glauben, daß eine zweckmäßigere und gerechtere Einrichtung gar nicht denkbar ist, und in der Tat scheint sich das chinesische Volk seit Jahrhunderten, vielleicht Jahrtausenden mit ihr durchaus einverstanden gefühlt zu haben. — Das Rezept, jene demokratische Grundlage derart zu benutzen, daß ein absolutes Kaisertum daneben, ja dadurch bestehen kann, liegt ausschließlich in der Wahl der Prüfungsgegenstände. Diese sind einerseits die chinesische Amtssprache (die von der Volkssprache ganz verschieden und sehr schwierig ist) und zweitens die uralten Staatshandbücher, die eine Chronik der Regierungsmaßregeln und -ereignisse enthalten. Jemand, der in diesen Gebieten die Konkurrenz seiner Mitbewerber schlägt, ist für alle Zeiten unfähig gemacht worden, an Neuerungen in Regierung und Verwaltung überhaupt nur zu denken. — Man tut den Organisatoren des chinesischen Kaisertums vielleicht zu viel Ehre an, wenn man annimmt, daß die gründliche psychologische Sachkenntnis, die aus dieser Lösung des schwierigen Problems zutage tritt, auf dem Vorhandensein einer wissenschaftlichen Psychologie beruhte. Vielmehr wird es sich wohl um eine Anpassungserscheinung von mehr unbewußter Beschaffenheit handeln, die gerade durch ihre wunderbare Angepaßtheit sich so lange erhalten hat, während zahlreiche andere Formen über kurz oder lang verschwunden sind. Jedenfalls aber haben wir hier in typischer Ausbildung die gleiche politische Wirkung vor uns, welche das humanistische Gymnasium schon lange zum Lieblingskinde der deutschen wie österreichischen Regierungen gemacht hat¹⁾.

Geben wir zu, daß diese Vergleichung viel Wahres enthält, so darf uns doch diese Erwägung nicht veranlassen, den Kampf für die Einführung rationeller Prinzipien in die Organisation der Mittelschule aufzugeben. Wenn auch ihre Formen in engem Zusammenhang mit den gegenwärtigen politischen Formen stehen, so erleiden auch die letzteren vor unseren Augen tiefgehende Veränderungen. Wenn sogar solche Einrichtungen, wie die Leibeigenschaft, die auf tiefer politischer

1) Wilhelm Ostwald. Die Forderung des Tages. 1911. S. 535.

und ökonomischer Basis sich gründete, gefallen sind, braucht man im Kampfe mit den negativen Seiten der jetzigen Mittelschule die Hoffnung nicht aufzugeben.

In der gegenwärtigen Mittelschule streiten 2 Richtungen mit einander, von denen die zweite, neuere, vielleicht noch schädlichere Folgen verursachen wird, als die ältere.

Die eine dieser Richtungen vertritt das klassische Gymnasium mit 2 alten Sprachen, die nicht erlernt werden, um in die antike Kultur einzudringen, sondern in der Hauptsache als grammatisches Material dienen sollen. Mit dieser Richtung sind wir sehr bekannt durch das Tolstoische Gymnasium traurigen Andenkens. Dessen Aufgabe war, die ganze Zeit der Lernenden durch sinnloses Treten auf einem Platz mit dem grammatischen Material der alten Autoren auszufüllen. Das Ziel dieses Gymnasiums war nicht Bekanntschaft mit der antiken Kultur und Eindringen in diese. Zu seinen Aufgaben gehörte es nicht, danach zu streben, daß die Schüler ohne Hilfsmittel die alten Schriftsteller lesen könnten, besonders aber hatte sie sich nicht das Ziel gestellt, den Schülern Liebe zu diesen Schriftstellern einzuflößen. Außerdem dienten die Grammatik und die Übersetzungen aus dem Russischen in die alten Sprachen als Mittel dazu, aus der Zahl der das Gymnasium Besuchenden nur die Minderzahl in die Universität zuzulassen. Wir alle haben im Gedächtnis, wie dieser Mechanismus arbeitete, welchen unsagbaren Schaden er verursacht hat; gegenwärtig droht man, ihn wieder in Gang zu setzen. Aber in bezug auf dieses System kann man sagen, daß dieses Werkzeug der Reaktion schon veraltet und verrostet ist, und daß man es leicht den Händen, die es zur Verdummung der Jugend gebrauchen wollen, entreißen und in entgegengesetzter Richtung verwenden kann.

Diejenigen, die dieses System einführten, fürchteten am meisten, daß die Schüler in Wirklichkeit Kenntnis der klassischen Literatur erlangten. Nachdem in den unteren Klassen die Elemente der Grammatik angeeignet waren, war deshalb die darauf folgende Beschäftigung mit den alten Sprachen nur Arbeit in einer Tretmühle; täglich wurden 15 Zeilen aus einem Schriftsteller aufgegeben und täglich in gleicher Weise analysiert. Wenn man angefangen hätte, schneller vorwärts zu gehen, und mehr zum Übersetzen aufgegeben hätte, so

würden die Schüler binnen kurzer Zeit die alten Autoren ohne Hilfsmittel gelesen haben, was den Organisatoren dieser Schule sehr unerwünscht gewesen wäre. — Bei diesem System waren die neuen Sprachen Nebenfächer, und Schüler sowohl, als auch Lehrer beschäftigten sich nur oberflächlich mit ihnen. Der Schultag setzte sich bei diesem System folgendermaßen zusammen: Von den 5 Schulstunden wurden täglich 2 oder 3 den alten Sprachen gewidmet, und da es mit diesen von Tag zu Tag und von Jahr zu Jahr nicht vorwärts ging, so verbrachten die Schüler diese Stunden im Halbschlaf oder beschäftigten sich mit Nebendingen. Ebenso wurden die Stunden der neuen Sprachen entweder mit Nichtstun oder mit Nebendingen verbracht, wirklich gearbeitet wurde nur in den Mathematikstunden und in den wenigen Stunden, die der Geschichte und Literatur gewidmet waren. Ebenso wurden auch von den häuslichen Aufgaben die Übersetzungen einiger Zeilen aus einem alten Schriftsteller nicht zu Hause präpariert, sondern in der Zwischenstunde von der Klasse gemeinsam nach einer buchstäblichen Übersetzung („Spicker“). Der achtjährige Kursus des Tolstoischen Gymnasiums ist ein achtjähriges Nichtstun im Lauf vieler täglicher Stunden. Er raubte viel Zeit, nötigte, sich lange Zeit in der unhygienischen Klasse aufzuhalten, verlangte aber keine besondere geistige Anstrengung und ließ den Schülern genügend viel freie Zeit zu häuslicher Lektüre oder beliebiger Beschäftigung.

Die andere Richtung, die in Norddeutschland immer mehr Boden gewinnt, stellt sich zur Aufgabe die Erlernung zweier fremder Sprachen außer der lateinischen und bemüht sich außerdem, die Schüler nicht nur mit der Geschichte und Literatur bekannt zu machen, sondern auch mit dem gegenwärtigen Stande der Naturwissenschaften. Die Richtung geht aus dem ganz natürlichen Streben hervor, dem Schüler eine gute Kenntnis der jetzt so notwendigen neuen Sprachen zu geben und ihn mit den Fortschritten der modernen Wissenschaft bekannt zu machen. Aber diese Aufgabe ist, wie wir uns bemüht haben nachzuweisen, wegen ihres großen Umfangs gänzlich unausführbar, und diese Schule muß im höchsten Grade die Schüler mit dem anzueignenden Stoff überbürden und die höchsten Grade der Uebermüdung verursachen.

In Rußland kommen in bezug auf diese Richtung noch folgende Erwägungen zur Geltung: Die pseudoklassische Schule hat die ganze Gesellschaft einmütig gegen sich, Anhänger kann sie vorzugsweise nur unter den Leuten finden, die den Lehrerberuf lediglich des Broterwerbs wegen gewählt haben. So wird in dieser Schule der Schüler im Kampf für seine Persönlichkeit sowohl die Eltern, als auch die ganze Gesellschaft auf seiner Seite haben, gegen sich nur seine Lehrer, die Mietlinge. Nicht ganz so verhält es sich mit der Schule der neuen Richtung. Die Aufgaben, in denen sie gänzlich aufgeht, sind scheinbar gute; daher ist es wahrscheinlicher, daß unter den Lehrern sich in großer Zahl Leute finden werden, die ihrer Sache glühend ergeben sind, und der Schüler erweist sich als gänzlich wehrlos gegen den Ansturm der Lehrer, die von den besten Absichten beseelt, aber durchaus unfähig sind, zu begreifen, daß die den Schülern aufgebürdete Arbeit selbst von einem erwachsenen Menschen nicht geleistet werden könnte.

Die gegenwärtige klassische Schule unterscheidet sich von dieser Schule jedenfalls vorteilhaft durch die Zielbewußtheit und verhältnismäßige Einfachheit des Programms. Von diesem Gesichtspunkte ist es verständlich, daß gegen die neue Richtung in Süddeutschland (Württemberg) opponiert wird. Die Mittelschule kann auf dem Studium der klassischen Kultur, oder auf dem der modernen Kultur aufgebaut sein, in jedem Fall aber muß sie Vielsprachigkeit und die Überbürdung der Schüler mit Lehrstoff vermeiden.

Aus dem russischen Leben bekommt man den Eindruck, daß die Hauptfeinde der Bildung und der Kinder die Eltern und die ihrer Sache glühend ergebenen Pädagogen sind. Sowohl die einen, als auch die anderen überhäufen mitleidslos die Kinder mit Arbeit und streben nach immer grösserer Erweiterung der Programme.

Zum Schluß wiederholen wir den Hauptsatz unserer Abhandlung: Bei der Aufstellung des Programms der Mittelschule müßte man in erster Linie von den Daten der Hygiene ausgehen und keinesfalls zulassen, daß dem Kinde eine längere Tagesarbeit aufgebürdet werde, als ein erwachsener Mensch gewöhnlich verrichtet. Aber obgleich dieser Satz offenbar durchaus richtig ist, vermag er doch gewöhnlich die Pädä-

gogen nicht einzuschränken. In der Mehrzahl der Fälle siegt die Richtung, welche zu ihrer Devise die Worte des deutschen Pädagogen Johannes Schulze (1786—1869) nimmt, der den Ausspruch tat, alle diejenigen sollten zu Grunde gehen, welche sich zum vollen Maße der ihnen bestimmten Arbeit nicht willig oder nicht fähig zeigten.

Deshalb war es die Hauptaufgabe der vorliegenden Abhandlung, nachzuweisen, daß das jetzt bemerkbare Bestreben, die Masse des Lehrstoffs unbegrenzt zu vermehren, erstens unrationell ist, da es nur zu negativen Resultaten führt, und zweitens unnötig ist, da man die Kinder vortrefflich für das Leben und die Hochschule vorbereiten kann, ohne sie übermäßig lange auf der Schulbank zurückzuhalten und ohne sie mit Arbeiten zu überbürden, denen ihre Kräfte nicht gewachsen sind.

Alexander Jarotzky

o. ö. Professor a. d. Universität Dorpat.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовыя отчеты Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**

